ISSN 1998-6785

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2024 *№ 2*

Научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" выходит в свет с 2006 года, с 2009 года издается ежеквартально.
Журнал зарегистрирован федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77–30578 от 12.12.2007 г. ISSN 1998-6785.
Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Владивостокский государственный университет". Адрес: 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Целью журнала является содействие разработке методологии междисциплинарного синтеза знаний о региональных (социально-территориальных) системах, а также планированию на ее основе регионоведческих исследований и региональной политики.
Среди основных задач нашего издания:

мониторинг и критическая оценка текущих публикаций и научной жизни регионоведческого сообщества (в первую очередь, в рамках российского Дальнего Востока);

организация дискуссии по теоретическим и методологическим проблемам регионоведения;

представление мнений и рекомендаций ученых по актуальным прикладным проблемам регионального управления;

пропаганда идей и методологии междисциплинарного синтеза;

подготовка и доведение до научной аудитории программ фундаментальных и прикладных регионоведческих исследований и освещение результатов их выполнения.

Авторами и читателями нашего журнала являются преподаватели вузов и сотрудники академических учреждений как дальневосточного, так и других регионов России, а также учёные из стран Азиатско-Тихоокеанского региона и СНГ.

Журнал включает в себя следующие основные рубрики:

- Теория и методология регионоведческих исследований
- Историческое регионоведение
- Экономика и природопользование
- Социальные и демографические структуры
- Культурные и идеологические факторы регионализации
- Политические отношения и управление регионом
- Мировая система и международные регионы
- Междисциплинарные и системные исследования региона
- Регион в документах и свидетельствах
- Науковедение
- Дискуссия
- Рецензии и обзоры
- Научная жизнь

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (по состоянию на 15.02.2023 года):

5.4.1. – Теория, методология и история социологии (социологические науки)
5.4.2. – Экономическая социология (экономические науки)
5.4.2. – Экономическая социология (социологические науки)
5.4.4. – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)
5.5.1. – История и теория политики (исторические науки)
5.5.1. – История и теория политики (политические науки)
5.5.2. – Политические институты, процессы, технологии (политические науки)
5.5.3. – Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)
5.5.4. – Международные отношения (политические науки)
5.6.1. – Отечественная история (исторические науки).

Адрес редакции: 692900, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.
Официальный сайт журнала: http://www.ojkum.ru. E-mail: ojkum@rambler.ru
Журнал печатается во множительном участке ВВГУ. Адрес: 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Вышло в свет 21.06.2024 г. Тираж 200 экз. Цена свободная.

Главный редактор

Филипова Александра Геннадьевна – доктор социологических наук, заведующий лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Ответственный редактор

Журбей Евгений Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Редакционная коллегия

Барбенко Ярослав Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Бурлаков Виктор Алексеевич – кандидат политических наук, доцент департамента коммуникации и медиа Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Винокурова Анна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Волынчук Андрей Борисович – доктор политических наук, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник отдела международных отношений Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, профессор кафедры экономики и управления Владивостокского государственного университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Григоричев Константин Вадимович – доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета *(г. Иркутск, Россия)*.

Демьяненко Александр Николаевич – доктор географических наук, независимый исследователь *(г. Хабаровск, Россия)*.

Дударёнок Светлана Михайловна – доктор исторических наук, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН *(г. Владивосток, Россия)*.

Золотухин Иван Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Караман Вадим Николаевич – кандидат исторических наук, ведущий методист Государственного объединённого музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева *(г. Владивосток, Россия)*.

Киреев Антон Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Кожевников Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Кристофферсен Гайе – Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса *(г. Нанкин, КНР)*.

Кузнецов Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Латушко Юрий Викторович – кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН *(г. Владивосток, Россия)*.

Лебедева Марина Михайловна – доктор политических наук, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России *(г. Москва, Россия)*.

Лексютина Яна Валерьевна – доктор политических наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета *(г. Санкт-Петербург, Россия)*.

Литошенко Денис Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин Морской академии Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского *(г. Владивосток, Россия)*.

Лукин Артем Леонидович – кандидат политических наук, заместитель директора по науке и инновациям Восточного института – Школы региональных и международных исследований, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Римская Татьяна Григорьевна – кандидат исторических наук *(г. Находка, Россия)*.

Рыжова Наталья Петровна – доктор экономических наук, заведующий Приморской лабораторией экономического развития и сотрудничества Института экономических исследований ДВО РАН, профессор академического департамента Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Севастьянов Сергей Витальевич – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" *(г. Санкт-Петербург, Россия)*.

Хисамутдинова Наталья Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Владивостокского государственного университета *(г. Владивосток, Россия)*

Шестак Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, начальник научного управления Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета *(г. Владивосток, Россия)*.

Шин Беом-Шик – Ph.D., профессор кафедры политических наук и международных отношений Сеульского национального университета *(г. Сеул, Республика Корея)*.

Широ Сасаки – Ph.D., профессор кафедры передовых исследований в антропологии Национального музея этнологии, директор Национального музея культуры айнов *(г. Сираой, Япония)*.

Ячин Сергей Евгеньевич – доктор философских наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток, Россия)*.

The scientific-theoretical journal "Ojkumena. Regional Researches" has been published since 2006, since 2009 it has been published quarterly.
The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Mass Communications, Communications and Protection of Cultural Heritage. Registration certificate: PI № FS77–30578, dated December 12, 2007. ISSN 1998-6785.
Founder and publisher: Federal state budgetary educational institution of the higher education "Vladivostok State University". Address: 690014, Russia, Vladivostok, Gogolya St., 41.
The main goal of the journal is to contribute to the development of a methodology for interdisciplinary synthesis of knowledge about regional (social-territorial) systems, as well as planning regional studies and regional policy based on it.
Among the main tasks of our journal:

monitoring and critique of the current publications and research in the field of the regional studies (primarily, but not exclusively, the Russian Far East);

initiating and supporting discussions on the theoretical and methodological issues of regional studies;

presentation of opinions and recommendations of scientists on topical problems of regional management;

advancement of the ideas and methodology of interdisciplinary research;

development of the programs for fundamental and applied regional studies and publication of their results.

The authors and readers of our journal are university professors and members of academic institutions in both the Far East and other regions of Russia, as well as scientists from the countries of the Asia-Pacific region and the CIS.

The journal includes the following thematic sections:

- Theory and Methodology of Regional Studies
- Historical Regional Studies
- Economy and Nature
- Social and Demographic structures
- Cultural and Ideological Factors of Regionalization
- Political Relations and Management of the Region
- World System and International Regions
- Interdisciplinary and Systemic Research of the Region
- Region in the Documents and Testimonies
- Study of Science
- Discussion
- Reviews
- Scientific Life

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific journals recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russian Federation

Scientific specialties and the corresponding branches of science, for which the publication is included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science are to be published (as of 15.02.2023):

5.4.1. – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences)
5.4.2. – Economic sociology (economic sciences)
5.4.2. – Economic sociology (sociological sciences)
5.4.4. – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences)
5.5.1. – History and theory of politics (historical sciences)
5.5.1. – History and theory of politics (political sciences)
5.5.2. – Political institutions, processes, technologies (political sciences)
5.5.3. – Public administration and sector policies (political sciences)
5.5.4. – International relations (political sciences)
5.6.1. – Domestic history (historical sciences).

Editorial address: 692900, Primorsky Territory, Nakhodka, st. Ozernaya, 2.
Official website of the journal: http://www.ojkum.ru. E-mail: ojkum@rambler.ru
The journal is printed in the copying section of VVSU. Address: 690014, Russia, Vladivostok, Gogolya St., 41.

Published 21.06.2024. Circulation 200 copies. The price is free.

Editor in Chief

Alexandra G. Filipova – Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of the Laboratory for Comprehensive Research of Childhood, Vladivostok State University *(Vladivostok, Russia)*.

Executive Editor

Evgeny V. Zhurbey – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Editorial Board

Yaroslav A. Barbenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Viktor A. Burlakov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Communication and Media, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Anna V. Vinokourova – Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Andrey B. Volynchuk – Doctor of Political Sciences, Candidate of Geographical Sciences, Leading Researcher of the Department of International Relations of the Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor, Department of Economics and Management, Vladivostok State University *(Vladivostok, Russia)*.

Konstantin V. Grigorichev – Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Research and International Activities, Irkutsk State University *(Irkutsk, Russia)*.

Alexandr N. Demyanenko – Doctor of Geographical Sciences, Independent Researcher *(Khabarovsk, Russia)*.

Svetlana M. Dudaryonok – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophy, Leading Researcher of the Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences *(Vladivostok, Russia)*.

Ivan N. Zolotukhin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of Department of International Relations, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Vadim N. Karaman – Candidate of Historical Sciences, Leading Methodologist of Vladimir K. Arseniev Museum of Far East History *(Vladivostok, Russia)*.

Anton A. Kireev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Vladimir V. Kozhevnikov – Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Gaye Christoffersen – Ph.D., Professor, John Hopkins University *(Nanjing, China)*.

Anatolij M. Kuznetsov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Yurij V. Latushko – Candidate of Historical Sciences, Head of the Center for Island and Coastal Anthropology of APR, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences *(Vladivostok, Russia)*.

Marina M. Lebedeva – Doctor of Political Sciences, Candidate of Psychology, Professor, Head of Department of World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russia)*.

Yana V. Leksyutina – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of American Studies, St. Petersburg State University *(St. Petersburg, Russia)*.

Denis A. Litoshenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Political Science and Public Law Disciplines, Maritime State University named after Admiral G.I. Nevelskoy *(Vladivostok, Russia)*.

Artyom L. Lukin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Science and Innovation of Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Department of International Relations, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Tatyana G. Rimskaya – Candidate of Historical Sciences *(Nakhodka, Russia)*.

Natalia P. Ryzhova – Doctor of Economics, Professor, Head of the Primorsky Laboratory for Economic Development and Cooperation, Institute for Economic Research, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Professor, Academic Department, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

Sergej S. Sevastyanov – Doctor of Political Science, Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics *(St. Petersburg, Russia)*.

Natalya V. Khisamutdinova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Intercultural Communication and Translation Studies, Vladivostok State University *(Vladivostok, Russia)*.

Olga I. Shestak – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Scientific Department, Far Eastern State Technical Fisheries University *(Vladivostok, Russia)*.

Beom-Shik Shin – Ph.D., Professor, Department of Political Science and International Relations, Seoul National University *(Seoul, Republic of Korea)*.

Sasaki Shiro – Ph.D., Professor, Department of Advanced Studies in Anthropology, National Museum of Ethnology, Director of the National Museum of Ainu Culture *(Shiraoi, Japan)*.

Sergej E. Yachin – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religious Studies, Far Eastern Federal University *(Vladivostok, Russia)*.

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2024 **№ 2 (69)**

научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 2006 г.

ISSN 1998-6785

Тема номера: Новая "Большая игра" в Центральной Азии

От редактора рубрики **9**

Королев А. С. Особенности гуманитарного сотрудничества РФ со странами Центральной Азии на современном этапе **12**

Лексютина Я. В. Движущие силы политики ЕС в Центральной Азии в условиях новой "Большой игры" **24**

Савкович Е. В., Данков А. Г. Старые и новые интересы Китая в Центральной Азии **33**

Хахалкина Е. В. Центральная Азия во внешнеполитических приоритетах Великобритании в 2021–2023 гг. **41**

Притчин С. А. Турецкая стратегия в отношении Центральной Азии на современном этапе: сильные стороны и ограничители **52**

Мещеряков К. Е., Хакк Ш. А. Развитие политического сотрудничества с государствами Юго-Восточной Азии как реакция центральноазиатских республик на "Новую Большую игру" (на примере политических отношений между Республикой Узбекистан и Республикой Индонезией) **63**

Историческое регионоведение

Котков К. А. "Древние" китайские наименования народов Внутренней Азии, Сибири и Дальнего Востока **78**

Яковлева К. М., Слепцова А. А., Михайлова С. М. Лекарственные средства животного происхождения в традиционной медицине якутов (XIX–XXI вв.) **84**

Бакшеева С. Е. Планы и зарисовки архитектурных деталей Кондуйского городка из Собрания "Рисунков предметов, хранившихся в Кунсткамере XVIII в." **92**

Воронцов Н. С. Вклад дальневосточных учёных в разработку планов строительства АЭС на юге Дальнего Востока СССР в 1960-е–1980-е гг. **103**

Социальные и демографические структуры

Захаров С. М. Молодежь и миграция: особенности дальневосточного кейса **114**

Галкина Е. П., Кадничанская М. И. Городская идентичность молодёжи города Ульяновска: состояние и проблемы **126**

Владивосток 2024

https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2

Леонтьева Э. О., Цыбульник Е. А. Гуаньси как базовый конструкт идентичности китайских мигрантов **136**

Мировая система и международные регионы

Забровская Л. В. Сотрудничество КНДР и КНР в реализации задач проекта "Туманган" **147**

Рецензии и обзоры

Ерохина Е. А. Монголия на перекрёстке глобализации: миграционные стратегии и практики адаптации трудовых мигрантов из Монголии в Центрально-Азиатском и Азиатско-Тихоокеанском регионах **154**

Научная жизнь

Дударёнок С. М. Ведущие ученые Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института (СВКНИИ) имени Н.А. Шило ДВО РАН. Часть 1 ..... **158**

Винокурова А. В. "Преобразование городской среды: новые тенденции и старые проблемы": о всероссийской научной конференции в Калуге **168**

Адрес редакции: 692900, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: http://www.ojkum.ru

Электронная почта редакции: ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В. Н. Караман

Графическое оформление: Я. А. Барбенко, В. Н. Караман, В. В. Постников.

Корректор: О. А. Золотухина

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Подписка на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" принимается во всех почтовых отделениях.
Подписной индекс журнала – 79089.

Информация о статьях, опубликованных в журнале (с 2009 г.), размещается в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

OJKUMENA

Regional researches

2024 **№ 2 (69)**

scientific-theoretical journal

Issued 4 times a year

Founded in 2006

ISSN 1998-6785

The Theme: The New "Great Game" in Central Asia

From the editor of the heading **9**

Korolev A. S. Features of humanitarian cooperation of the Russian Federation with the Central Asian countries at the present stage **12**

Leksyutina Ya. V. The drivers of the EU's Central Asia policy in the context of the New Great Game **24**

Savkovich E. V., Dankov A. G. Old and new interests of China in Central Asia **33**

Khakhalkina E. V. Central Asia in UK foreign policy priorities in 2021–2023 ..... **41**

Pritchin S. A. Turkish strategy towards Central Asia at the present stage: strengths and constraints **52**

Meshcheryakov K. E., Haqq S. A. Promoting political cooperation with the states of Southeast Asia as a reaction of the Stans to the "New Great Game" in Central Asia: Focus on Uzbekistan-Indonesia political interaction **63**

Historical Regional Studies

Kotkoff K. A. The "ancient" Chinese ethnonyms of the peoples of the Inner Asia, Siberia and the Far East **78**

Yakovleva K. M., Sleptsova A. A., Mihailova S. M. Medicinal products of animal origin in the ideas and practices of the Yakuts (XIX–XXI centuries) **84**

Baksheeva S. E. Schemes and sketches of architectural details of the Konduy town from the Collection of "Drawings of objects stored in the Kunstkamera of XVIII century" **92**

Vorontsov N. S. The contribution of Far Eastern scientists to the development of plans for the construction of nuclear power plants in the south of the Soviet Far East in the 1960s–1980s **103**

Social and Demographic Structures

Zakharov S. M. Youth and migration: features of the Far Eastern case **114**

Galkina E. P., Kadnichanskaya M. I. Urban identity of the youth of the city of Ulyanovsk: status and problems **126**

Leonteva E. O., Tcybulnik E. A. Guanxi as the basic costruction of chinese migrants' identity **136**

World System and International Regions

Zabrovskaya L. V. Cooperation between the DPRK and the PRC in Implementing the Tasks of the Tumangan Project **147**

Vladivostok 2024

https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2

Reviews

Erokhina E. A. Mongolia at the Crossroads of Globalization: Migration Strategies and Practices of Adaptation of Labor Migrants from Mongolia in the Central Asian and Asia-Pacific Regions **154**

Scientific Life

Dudarenok S. M. Leading scientists of the North-Eastern Complex Research Institute (SVKNII) named after N.A. Shilo of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Part 1 ..... **158**

Vinokurova A. V. "Transformation of the urban environment: new trends and old problems": about the All-Russian scientific conference in Kaluga **168**

Editorial address: 692900, Primorsky Territory, Nakhodka, st. Ozernaya, 2.

Official website of the journal: http://www.ojkum.ru

E-mail: ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V. N. Karaman

Graphic registration: Ya. A. Barbenko, V. N. Karaman, V. V. Postnikov.

Corrector O. A. Zolotukhina

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Subscription to the journal "Ojkumena. Regional Researches" is accepted in all post offices.
The journal's subscription index is 79089.

Information about articles published in the journal (since 2009) is placed in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI) on the website of the Scientific Electronic Library (elibrary.ru).

От редактора рубрики[1]

Развивающиеся ныне в Центральной Азии геополитические тренды заставили многих экспертов говорить и писать о новой "Большой игре" в этом регионе. Во-первых, предпосылки для нового витка "Большой игры" великих держав и превращения Центральной Азии в арену геополитического противоборства между США/ЕС и Россией создала нарастающая с 2022 г. конфронтация между Западом и Россией. Во-вторых, стремительно ширящееся присутствие Китая в регионе и высокий динамизм в продвижении там китайской модели инфраструктурного развития и связанности посредством реализации инициативы "Пояс и путь", вызвали неприятие и глубокую озабоченность со стороны ЕС и США, заставив их провести переоценку ценности Центральной Азии в иерархии внешнеполитических приоритетов и инициировать меры по противодействию распространению китайского влияния в регионе. В последние годы достаточно отчетливо стало прослеживаться усиление роли геополитических факторов в процессе выработки и реализации внешней политики России, ЕС, США и Китая в отношении Центральной Азии. По существу, с 2022 г. начался новый раунд геополитической корректировки в Центральной Азии, заключающийся в стратегической конфронтации между США/ЕС и Россией, стратегической конкуренции между США/ЕС и Китаем, а также растущей активности средних держав в регионе.

В странах Центральной Азии возникшие после начала Россией СВО на Украине новые геополитические реалии были восприняты как расширяющие пространство для их дипломатического маневрирования, усиливающие их возможности по укреплению международного авторитета, развитию многовекторности внешней политики, привлечению новых источников финансирования для региональных инфраструктурных проектов и не только. Возросшая активность стран Центральной Азии в самостоятельном решении стоящих перед регионом вызовов и в развитии многовекторных и разнонаправленных внешних связей была интерпретирована властными и экспертными кругами ряда зарубежных государств как признак движения стран региона к "стратегической автономии", запрос на снижение их зависимости от России и Китая. В этой связи, в частности, заговорили о комплексном ослаблении позиций России в Центральной Азии, а также о том, что СВО на Украине неизбежно отвлечет внимание и ресурсы Москвы с этого региона, создав вакуум силы и "окно возможностей" для других внерегиональных акторов.

На текущий момент прогнозы относительно снижения внимания Москвы к Центральной Азии ввиду геополитических потрясений не только не оправдались, напротив, центральноазиатское направление приобрело для России еще большую значимость. Но региональная среда для реализации российских интересов стала, действительно, высоко конкурентной. Инерционный путь развития отношений со странами Центральной Азии, который был характерен для предшествующего периода взаимодействия Москвы с регионом, больше не возможен. Он неизбежно приведет к стремительной утрате Россией своих традиционно сильных позиций в регионе. Так, в статье А.С. Королева, открывающей тематическую рубрику, оцениваются масштабы и интенсивность влияния России на государства Центральной Азии в гуманитарной сфере и делаются алармистские выводы. Для характеристики российского гуманитарного присутствия в странах региона в статье предлагается авторская методология оценки по трем критериям: определение степени дружественности стран региона по отношению к России, оценка активности в регионе пророссийских институтов гражданского общества (НКО, НПО, культурных центров, пр.) и работы российских ВУЗов в странах региона. В статье делается вывод о дружественности населения региона по отношению к России в целом, но отмечается и то, что это скорее отражение сохраняющейся после распада Советского Союза инерции, нежели результат планомерной работы России в рамках реализации гуманитарной политики. Отмечаются высокие оценки качества российского образования со стороны населения региона, но

[1] Выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-00249, https://rscf.ru/project/24-28-00249/

фиксируется и падение его неформального престижа. Качество работы пророссийских институтов гражданского общества в регионе оценены как неудовлетворительные. Как представляется редактору тематической рубрики, на фоне разворачивающейся в Центральной Азии "Большой игры" усиление гуманитарного вектора политики России в регионе приобретает особую значимость.

Достаточно серьезным игроком в новой "Большой игре" может стать ЕС. Во второй статье тематической рубрики Я.В. Лексютина реконструирует эволюцию подхода ЕС к Центральной Азии в контексте изменений глобальной стратегии и приоритетов развития этого объединения. На современном этапе нормативная повестка как традиционно превалировавшая во взаимодействия ЕС с регионом динамично расширяется и дополняется повесткой развития "эффективной и устойчивой связанности", повесткой "зеленой" и цифровой трансформации. Из нормативного актора Брюссель превращается в прагматичного и в то же время геополитически мотивированного игрока. Автор приходит к выводу о том, что главными движущими силами современной политики ЕС в Центральной Азии выступают фактор конфронтации с Россией и фактор связанных с Китаем опасений. Первый из них обуславливает интенсификацию политических контактов с правительствами стран региона, поиск новых источников углеводородов и транспортных коридоров в условиях отказа от сотрудничества с Россией. Второй – побуждает ЕС продвигать европейскую модель связанности в регионе как противовесу китайской и укреплять сотрудничество со странами региона в вопросах добычи и импорта критически важного сырья с целью снижения зависимости от китайских поставок.

Китайскому региональному присутствию, а точнее, выявлению "старых" и "новых" интересов Пекина в регионе, посвящена статья Е.В. Савковича и А.Г. Данкова. Авторы справедливо отмечают один из факторов наблюдающейся с 2022 г. резкой активизации Китая в регионе – расширение присутствия "внешних" для региона государств и в особенности США. В Пекине, действительно, широко распространены опасения относительного того, что России, сосредоточенной на проведении СВО и преодолении санкций, может не хватить сил и ресурсов на Центральную Азию, что создаст вакуум силы, который поспешат заполнить США и их союзники. Присутствуют в Китае и опасения в связи с тем, что Вашингтон может попытаться использовать Центральную Азию для сдерживания Китая[2].

Новаторский характер носит и статья Е.В. Хахалкиной о внешнеполитических приоритетах в Центральной Азии близкого союзника США – Великобритании. Тогда как о политике России, Китая, США и ЕС в Центральной Азии российскими специалистами подготовлено немало научных работ, современная политика Великобритании в этом регионе остается по большей части terra incognita. Анализируя внешнеполитические документы Великобритании, автор демонстрирует то, что изменение мирового геополитического ландшафта после начала СВО в феврале 2022 г. вынуждает британское руководство брать курс на укрепление своего присутствие в странах Центральной Азии. Британия поставила цель увеличить свое присутствие в регионе, одновременно ослабив позиции других игроков – России и Китая. Однако, как подчеркивает Е.В. Хахалкина, для действительно качественных изменений в расширении регионального влияния Великобритании требуется длительный период с системными усилиями, ресурсами и стратегией, основанной не на конъюнктуре сегодняшнего дня, а учитывающей глубинные процессы и потребности стран Центральной Азии.

Между тем, важно отметить, что особенность нынешнего раунда геополитической корректировки в Центральной Азии заключается не только в усилении геополитических факторов в формировании политики конкурирующих между собой великих держав в отношении этого региона, но и во всплеске региональной активности держав средней величины и даже стран, имеющих еще меньший вес в мировой политике. Возросшую активность в Центральной Азии проявляют, в особенности, Турция, Иран, Пакистан, Индия, государства

[2] Leksyutina Ya.V. Chinese Policy in Central Asia in the Estimation of Chinese Experts // Russia in Global Affairs. 2024. Vol. 22. No. 2 (85). P. 150–151. https://doi.org/10.31278/1810-6374-2024-22-2-141-154.

Персидского залива, Япония, Южная Корея. Характеризуя современные геополитические процессы в Центральной Азии уместно говорить не только о ведущейся там "Большой игре" великих держав за региональное влияние и присутствие, но и о "Малой игре" менее крупных держав и стран, также артикулировавших собственные интересы в регионе и стремящихся расширить свое участие в делах и развитии Центральной Азии.

Так, в статье С. Притчина раскрывается региональная стратегия Турции, сумевшей за предшествующие два десятилетия превратиться в крупного игрока в Центральной Азии. Автор называет Турцию одним из наиболее эффективных внешних акторов в сфере "мягкой силы" в регионе. Отсутствие сравнимых с конкурентами за региональное присутствие политических и экономических ресурсов Турция, по мнению С. Притчина, с успехом компенсирует гибким, проактивным подходом с опорой на культурную, ментальную, языковую общность с центральноазиатскими народами, а также авторитетом президента республики Р. Эрдогана. В условиях украинского кризиса и возрастания конфронтации между Россией и Западом привлекательность Турции для стран Центральной Азии как относительно нейтрального партнера в политической сфере, альтернативного направления для развития транспортной и энергетической инфраструктуры, по мнению автора статьи, многократно возрастает.

И, наконец, завершает тематическую рубрику статья, посвященная раскрытию совсем неизученного в российской научной литературе сюжета, – эволюции узбекистано-индонезийского сотрудничества как ключевого элемента в системе отношений между странами Центральной и Юго-Восточной Азии. К.Е. Мещеряков и Шауки Аринал Хакк предлагают авторскую периодизацию и дают историческую ретроспективу развития узбекистано-индонезийского сотрудничества с 1950-х гг. по наше время.

В завершении предисловия к тематической рубрике следует подчеркнуть, что замысел редактора состоял не в систематизации интересов, сильных и слабых сторон стратегий, реализуемых основными игроками новой "Большой игры" в Центральной Азии, не в комплексной характеристике разворачивающегося в регионе геополитического противоборства, а в точечном анализе, сфокусированном на отдельных, наименее изученных в российской экспертной литературе сюжетах, раскрывающих те или иные грани новой "Большой игры".

Я.В. Лексютина

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 12–23.
Oikumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 12–23.

Научная статья
УДК 327.83
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/12-23

Особенности гуманитарного сотрудничества РФ со странами Центральной Азии на современном этапе

Александр Сергеевич Королев
Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики",
Москва, Россия, askorolev@hse.ru

Аннотация. На основе формулирования трех критериев автор выявляет особенности гуманитарного сотрудничества России со странами Центральной Азии и проводит оценку гуманитарного влияния РФ в регионе. Автор выявляет степень дружественности стран ЦА в отношении России на основе социологических опросов, оценивает реальную активность/влияние пророссийских или аффилированных с РФ институтов гражданского общества (НПО, культурные центры) в ЦА, а также активность российских или аффилированных с РФ ВУЗов в целевых странах.
Ключевые слова: *гуманитарная политика РФ, Центральная Азия, оценка дружественности, институты гражданского общества, образование*

Выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-00249, https://rscf.ru/project/24-28-00249/

Для цитирования: Королев А. С. Особенности гуманитарного сотрудничества РФ со странами Центральной Азии на современном этапе // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 12–23. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/12-23

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/12-23

Features of humanitarian cooperation of the Russian Federation with the Central Asian countries at the present stage

Alexander S. Korolev
National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia, askorolev@hse.ru

Abstract. Based on the formulation of three criteria, the author identifies the features of humanitarian cooperation between Russia and the Central Asian countries and assesses the humanitarian influence of the Russian Federation in the region. The author identifies the degree of friendliness of Central Asian republics towards Russia on the basis of sociological surveys, assesses the real activity/influence of pro-Russian or Russian-affiliated civil society institutions (NGOs, cultural centers) in Central Asia, as well as the activity of Russian or Russian-affiliated universities in target states.
Key words: *humanitarian policy of the Russian Federation, Central Asia, assessment of friendliness, civil society institutions, education*

The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00249, https://rscf.ru/project/24-28-00249/

For citation: Korolev A. S. Features of humanitarian cooperation of the Russian Federation with the Central Asian countries at the present stage // Oikumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 12–23. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/12-23

Введение

Гуманитарная политика за рубежом является неотъемлемой частью внешней политики Российской Федерации. Цели и задачи гуманитарного вектора обозначены в ряде концептуальных документов, базовый из которых – Концепция внешней политики РФ 2023 года (далее – Концепция). Именно согласно Концепции, наиболее важными для безопасности, стабильности, территориальной целостности и социально-экономического развития России становятся отношения с государствами – участниками Содружества Независимых Государств (СНГ) и сопредельными странами **[7].**

Центральная Азия (ЦА), как часть пространства Ближнего Зарубежья, выступает одним из ключевых приоритетов внешней политики Российской Федерации **[7].** Однако в отличие от Европейского союза (ЕС), Соединенных Штатов Америки (США) РФ не имеет отдельной публичной стратегии по целям и задачам взаимодействия с регионом ЦА.

В рамках текущего исследования на основе декларируемых целей и принципов гуманитарной политики были выделены основные значимые критерии оценки гуманитарного присутствия России в государствах ЦА. Анализ

© Королев А. С., 2024

Табл. 1. Критерии оценки российского гуманитарного влияния в странах Центральной Азии
Table 1. Criteria for assessing Russian humanitarian influence in Central Asian countries

№	Название критерия	Способ оценки
1	Общественная оценка дружественности России	Анализ результатов социологических исследований, проведенных российскими и зарубежными компаниями
2	Наличие и реальная активность/влияние пророссийских или аффилированных с РФ институтов гражданского общества (НКО, НПО, культурные центры)	Анализ данных из открытых источников, качественные оценки
3	Наличие и активность российских или аффилированных с РФ ВУЗов на территории страны	Оценка данных из открытых источников (порталов вузов); качественные оценки

Источник: составлено автором на основе **[13]**.
Source: compiled by the author based on **[13]**.

критериев позволяет оценить эффективность гуманитарной политики России в каждой отдельной стране ЦА и регионе в целом, определить эффективные инструменты и практики, а также наиболее уязвимые направления реализации гуманитарной политики РФ в регионе (*таблица 1*).

Методология исследования

Одним из основных критериев анализа российского гуманитарного влияния в ЦА является общественная оценка дружественности страны не ниже 60% – параметры оценки "дружественности" с собственной интерпретацией (критерий 1). При выявлении общественной оценки дружественности стран использовались материалы социологического исследования, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2022 г. и Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций (НИИРК) в 2021 и 2022 годах **[13; 12].** Помимо этого, при характеристике уровня дружественности стран в отдельных случаях привлекались национальные источники, прежде всего опросы общественного мнения населения стран регионов. Оценка уровня дружественности стран региона дает возможность определить стартовые позиции для усиления российского виляния в странах региона.

Оценка актуального состояния российской гуманитарной политики в регионе не могла быть полной без рассмотрения наличия и реальной активности/влияния пророссийских институтов гражданского общества (НКО, НПО, культурные центры) (критерий 2). Именно организации третьего сектора формируют институциональную основу для трансляции культурно-гуманитарной повестки непосредственно в целевой стране.

В рамках оценки сотрудничества между РФ и странами региона по образовательному треку был использован критерий наличия и активности российских или аффилированных с РФ ВУЗов на территории целевых государств (критерий 3). Анализ производился на основе качественных оценок экспертов, а также публичных национальных рейтингов ВУЗов, демонстрирующих место российских вузов в национальной системе образования.

Таким образом, для оценки гуманитарного влияния России в целевых странах была сформирована система из 3 качественных и количественных критериев. Они позволяют определить эффективность работы каналов для продвижения позитивной повестки, функционирования образовательных организаций, институтов публичной дипломатии и некоммерческого сектора и в целом гуманитарного влияния РФ в целевых странах.

Общественная оценка дружественности России

Казахстан. Показатель дружественности России в Казахстане достигает высоких значений (*таблица 2*), и должен рассматриваться в контексте социально-культурной близости двух стран и фактора общей истории – преобла-

Табл. 2. Динамика изменения восприятия России в Казахстане в 2014–2017 и 2022 годах (доля респондентов, %)

Table 2. Dynamics of changes in the perception of Russia in Kazakhstan in 2014–2017 and 2022 (share of respondents, %)

Год	2014	2015	2016	2017	2022
Дружественное восприятие	85	84	81	81	58
Нейтральное восприятие	–	–	–	–	31
Недружественное восприятие	4	–	–	–	9
Затрудняюсь ответить	–	–	–	–	2

Источник: составлено автором на основе **[6, с. 20; 13]**.

Source: compiled by the author based on **[6, с. 20; 13]**.

дания системы отношений центр-провинция во время нахождения в составе одного государства. Подобные характеристики двусторонних отношений предопределяют изначальное положительное отношение казахстанцев к России, что отражается в том числе и на восприятии дружественности РФ (*таблица 2*).

Однако ряд событий последних лет – воссоединение с Крымом, военная операция ВС РФ в Сирии, начало СВО на Украине – способны вызывать опасения у казахстанцев относительно активной внешней политики РФ. Хотя подобные действия Москвы не оказывают непосредственное воздействие на базовое положительное восприятие РФ, популярность образа России как дружественного государства может снижаться под их воздействием.

Согласно совместному исследованию ВЦИОМ и Евразийского Монитора, 58% респондентов назвали Россию дружественной страной, 31% заявили о нейтральном восприятии **[13].** В 2014–2017 гг. эти показатели были выше (на уроне 80–85%) **[6, с. 20]**, однако постановка вопроса не предполагала варианта "нейтральная страна", что создает объективные методологические сложности для сопоставления показателей. В социологических исследованиях, проведенных отечественными исследователями, варианты ответов разнятся – например, в работе Савельевой М.А. и Утековой З.Д. 50% респондентов охарактеризовали Россию как друга, а как партнера и союзника – уже 80% респондентов **[16, с. 61].** Таким образом, если суммировать актуальные на текущий момент сведения о дружественном восприятии РФ в Казахстане, то общественная оценка будет приблизительно соответствовать целевому показателю.

Киргизия. В рейтинге дружественности коммуникационных режимов соседних стран, составленном в 2022 г. Национальным Исследовательским Институтом Развития Коммуникации, Киргизия получила 60,4 балла из 100 возможных, расположившись на втором месте среди всех постсоветских государств и на первом среди стран Центральной Азии **[12].** По данным ВЦИОМ и Евразийского монитора, 80% жителей Киргизии положительно относятся к России (четвертое место среди постсоветских стран, второе по Центральной Азии) **[13].** Отношения Киргизии с Россией положительно оценивают 92% жителей страны, из них 40% выбрали характеристику "очень хорошие" **[14].**

Положительным сигналом можно назвать отсутствие резких изменений в оценке дружественности после начала спецоперации. Только 14% опрошенных в Киргизии считают Россию главным актором, несущим ответственность за ситуацию на Украине **[21, с. 12].** Государство успешно принимает российские нарративы о вине западных стран и необходимости многополярности – например, тезис об ответственности Германии и Франции за невыполнение Минских соглашений появился в выступлениях президента С.Н. Жапарова уже в первые месяцы после начала СВО **[19].**

Проблемой для оценки отношения Киргизии к России остается слабое понимание конкретных действий и мер, которые влияют на эти отношения.

Вышеупомянутый рейтинг НИИРК демонстрирует большой разброс в оценках успеха различных коммуникаций **[12].** Так, например, отдельные элементы двусторонних связей получили низкие оценки, например, свобода передвижения (1,9 балла), коммуникация по линии НКО (2,4 балла), научная коммуникация на русском языке (4,8 балла) **[12].** Для сравнения, культурная коммуникация получила 12,3 балла **[12].** Помимо этого, в опросе ВЦИОМ, несмотря на позитивное отношение к РФ в целом, респонденты из Киргизии оценивали отдельные аспекты российской гуманитарной политики ниже, чем их соседи по Центральной Азии **[13].** Из этого можно сделать вывод, что высокая дружественность к России – это скорее не эффект конкретных мер, а инерционный результат культурной близости.

Таджикистан. Общая дружественность Республики по отношению к Российской Федерации может быть оценена исключительно как положительная. Этот факт подтверждают качественные и количественные социологические исследования. Дружественность Таджикистана по отношению к России, согласно исследованию, проведенному ВЦИОМ и "Евразийским монитором" в 2022 г., составляет 96% **[13].** Такая высокая оценка связана с общим позитивным восприятием России у населения страны, продиктованным следующими факторами: отсутствие критических негативных событий в двусторонних отношениях, сильная ностальгия по советскому прошлому, высокая экономическая зависимость, помощь России в урегулировании наиболее тяжелого для Республики конфликта после распада СССР – Гражданской войны в 1990-е годы.

Туркмения. Закрытость Туркмении делает затруднительными любые количественные оценки восприятия образа России. Согласно данным одного из немногих доступных соцопросов, в 2022 г. 43% респондентов-туркмен определили свое отношение к РФ как положительное, в то время как 53% не были готовы ответить на вопрос **[9].** Такой результат может быть связан с тем, что туркменское общество представляет собой высококонтекстную культуру, и его представители не привыкли к прямому выражению собственного мнения.

Узбекистан. Для Узбекистана характерно в целом дружественное восприятие РФ. Согласно проведенному в 2022 г. опросу ВЦИОМ **[13]**, 67% опрошенных воспринимают Россию как дружественную страну, на чью поддержку можно опереться в сложной ситуации. Хотя в свободном доступе отсутствуют иные метрики, фиксирующие непосредственно распространенность образа России как дружественного государства, о популярности подобного образа свидетельствуют и иные показатели. Так, согласно опросам Центральноазиатского барометра за 2021 г., 53,9% респондентов из Узбекистана были уверены, что РФ в большей степени, чем любое другое государство, способна помочь Республике решить проблемы в экономической и иных сферах **[23].** Общее положительное отношение к России также остается преобладающим в Республике (74%) **[23].** Статус значимого партнера РФ до сих пор сохраняет в Узбекистане крепкие позиции, что связано с усилением культурных связей и интенсификацией диалога на высшем уровне, а также подписанного в 2022 г. договора о Всеобъемлющем стратегическом партнерстве двух стран. Среди конкретных аспектов сотрудничества также выделяется экономический аспект, что продиктовано высокой ролью миграционного фактора в двусторонних отношениях.

Наличие и реальная активность/влияние пророссийских или аффилированных с РФ институтов гражданского общества

Казахстан. В Казахстане действует широкая сеть НПО, так или иначе аффилированных с Россией. В настоящее время на территории Республики активны 38 общественных объединений **[15]** (с учетом филиалов превышает 100), которые представляют интересы различных этнических групп РФ. Их основная часть приходится на казаческие, русские, славянские и православные организации: Общественное объединение "Славянский культурный центр", региональное общественное объединение "Союз казаков степного края". Наряду с этим в Казахстане существуют этнокультурные объединения татар и башкир (Ассоциация татарских и татаро-башкирских общественных культурных центров "Идел"), чеченцев и ингушей (Чечено-ингушское этнокультурное объединение "Вайнах") и других коренных народов России, которые в от-

дельных случаях проводят активную работу с соотечественниками, организуя спортивные секции и обучение национальным языкам.

Основным объединением организаций соотечественников на территории Казахстана является Координационный совет организаций российских соотечественников (КСОРС), который выполняет роль консолидирующего института, который объединяет свыше 90% соответствующих организаций в РК. Его деятельность в основном сосредоточена на освещении мероприятий культурного характера, проводимых Россотрудничеством и отдельными НПО из числа её членов. Однако такие масштабные и значимые задачи, как консолидация русскоязычных граждан и полноформатная защита их интересов, организацией не осуществляются. Например, в официальных ресурсах КСОРС ни разу не упоминалась проблема языковых патрулей в РК как существенный вызов для использования русского языка в Казахстане.

В целом гражданское общество является важной частью современного Казахстана и перспективной областью для усиления российского влияния в Республике. Концептуально работа с гражданским обществом помогает не только улучшать имидж государства-филантропа, но и выполнять ещё несколько важных функций: сбор информации (за счет работы с населением на локальном уровне и спонсирование исследовательских проектов) и формирование исследовательской повестки. Это обуславливает высокий приоритет работы с третьим сектором в РК.

Киргизия. Основной сферой активности связанных с Россией институтов гражданского общества является поддержка русского языка. Наиболее активно работают в этой сфере фонд "Русский мир", который проводит бесплатные языковые курсы, обеспечивают доступность литературы и организуют круглые столы для учителей. Похожую деятельность осуществляет "Русская гуманитарная миссия", проводящая конкурсы и мастер-классы для учителей русского языка **[11, с. 69].** Приоритетность русского языка в направлении работы фондов объясняется высоким запросом на его изучение как среди школьников и студентов, так и среди представителей госуправления Киргизии. Однако зачастую меры различных НКО накладываются друг на друга, а отсутствие единой структуры и регулирования мешает следить за реальными результатами их действий.

Вместе с тем значительная часть российских НКО в Киргизии направлена на работу исключительно с соотечественниками, поэтому их деятельность не имеет серьезного эффекта на уровень дружественности страны к России. Однако в условиях меняющейся социальной политики Киргизии поддержка подобных организаций, особенно в южных регионах страны, является необходимой **[1, с. 67].**

Работу российских НКО в Киргизии можно назвать успешной в сфере продвижения русского языка и работы с соотечественниками. Однако отсутствие четкой структуры и объединяющих форматов, недостаток прозрачности и узкая направленность российских организаций делает их менее привлекательными, особенно на фоне набирающих силу фондов США, ЕС, Великобритании и Турции.

Таджикистан. Влияние по этому пункту можно оценить, как неудовлетворительное. В Таджикистане нет необходимого для активной работы и продвижения российского влияния количества пророссийских институтов гражданского общества. В Республике отсутствуют представительства российских организаций, а также ведется недостаточно активная работа с местным сообществом (исключение составляют организации соотечественников, традиционно сотрудничающих с представительством Россотрудничества). На данный момент в Республике зарегистрировано около 3 тыс. НКО, в то же время затруднительно определить, сколько из них действительно функционируют и активны. На фоне активности других иностранных доноров, прежде всего структур ООН, США, ЕС и различных европейских фондов, это составляет реальную угрозу российскому влиянию в регионе.

Туркмения. Публичное пространство в Туркмении, сильно ограниченное государством, тем не менее может быть использовано в качестве инструмента для расширения влияния в стране. В отличии от остальных государств региона в Туркмении нет специального закона, регулирующего деятельность общественного сектора, что не отменяет факт активности зарубежных НКО в

Республике. Среди доноров на интернет-ресурсе общественных организаций Туркмении указаны такие, как представительство ООН в Туркмении, турецкая TIKA, Центр ОБСЕ в Ашхабаде, американский USAID и другие в основном западные организации. Российские НКО в стране почти не представлены, что затрудняет деятельность РФ в продвижении гуманитарной политики. Наиболее известной российской организацией, которая осуществляет свою деятельность в Туркмении, является Координационный совет организаций российских соотечественников. Однако в силу отсутствия официальных информационных ресурсов оценить её деятельность затруднительно.

Таким образом, российские НПО, несмотря на закрытый характер туркменского публичного пространства, обладают определенным потенциалом для взаимодействия с местным сообществом, что возможно осуществить через грантовые механизмы.

Узбекистан. В настоящее время оценить общее число НПО, действующих на территории Узбекистана, сложно. Если опираться на актуальные данные Государственного реестра ННО (негосударственных некоммерческих организаций), то по состоянию на 2023 г. в Республике официально действовали только четыре российских неправительственные организации:

- Русский культурный центр Узбекистана;
- Общественное объединение выпускников Российских вузов;
- Международный благотворительный общественный фонд "Благовест" Ташкентской и Узбекистанской епархии Среднеазиатского митрополичьего округа Русской Православной Церкви";
- Общество дружбы Узбекистан-Россия.

Одной из самых активных НПО в Республике является созданный в 1994 г. Русский культурный центр (РКЦ), в составе которого функционируют 23 подразделения, распределенные по территории Республики. Деятельность РЦК сосредоточена на культурном профиле и включает в себя распространение духовных ценностей русской культуры, языка, традиций и обычаев. В рамках РКЦ проводятся Дни славянской письменности и культуры, вечера памяти связанных с регионом русских путешественников и деятелей искусства, республиканские научно-практические конференции и семинары по вопросам взаимодействия культур обеих стран.

Данный спектр деятельности покрывает практически все каналы проецирования культурного влияния, и, исходя из официального ресурса Центра, он активно сотрудничает с другими российскими НПО в Узбекистане (особенно с Ташкентской епархией) и проводит благотворительные акции по линии православный волонтерской группы "Твори добро".

Общество выпускников российских вузов, исходя из доступных официальных ресурсов, не является активным, и его деятельность во многом связана с инициативами организации более высокого порядка – Россотрудничеством. Практически все его мероприятия, освященные публично, так или иначе были инициированы органами данного института российской публичной дипломатии. Вместе с тем однозначно судить о деятельности невозможно, так как основная задача подобного формата взаимодействия – поддержка и развитие межличностных связей – может осуществляться и на непубличном уровне.

Общество дружбы Узбекистан-Россия является одной из многих организаций подобного формата в Республике. В отсутствие собственных медиаресурсов, а также редких упоминаниях организации в СМИ делать выводы относительно активности организации сложно. Но, опираясь на имеющуюся информацию за 2017 г., Общество фокусировало свою деятельность исключительно на культурном треке взаимодействия, причем с акцентом на продвижении узбекистанских нарративов в РФ. Так, одной из уставных целей общества является "содействие формированию в России всестороннего и объективного представления об Узбекистане как суверенном, демократическом государстве", но не наоборот. На это указывает и перечень мероприятий, указанных в уставе, в число которых входят "проведение национальных праздников Узбекистана и России, организация концертов классической музыки в исполнении узбекских музыкантов; установление связей с соотечественниками [узбекистанскими] в России" и т. д.

В 2005 г. в Ташкенте был открыт Российский центр науки и культуры (РЦНК). Его деятельность сосредоточена на организации подготовительных курсов для прошедших конкурсный отбор узбекистанских абитуриентов, стремящихся поступить в российские вузы, и во многом ей же и ограничивается.

Резюмируя современное состояние российских и пророссийских институтов гражданского общества, можно оценить как слабое, что обусловлено в первую очередь жесткой политикой политического руководства Узбекистана к гражданскому обществу в целом и иностранным НПО **[10, с. 125].**

Наличие и активность российских или аффилированных с РФ ВУЗов на территории страны

Казахстан. ССогласно информации, представленной на официальных ресурсах посольства РФ в Казахстане, на территории Республики официально действуют 6 филиалов российских вузов, в которых суммарно обучается 4,5 тыс. студентов **[5].** Однако официальные информационные ресурсы с актуальными данными представлены только для четырех университетов:

- Казахстанский филиал МГУ (г. Астана);
- Костанайский филиал ЧелГУ;
- Алматинский филиал Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов;
- Филиал МАИ "Восход" в Байконуре.

Многие образовательные программы филиалов предусматривают обучение в том числе на базе российских кампусов университетов (как правило, на старших курсах), что способствует интеграции студентов в российскую интеллектуальную и идейную среду. Данные университеты активно позиционируют себя в информационном и научном пространстве, проводя разнообразные конференции и участвуя в олимпиадах. К числу иных конкурентных преимуществ российских университетов в Казахстане относится наличие бюджетных мест.

В качестве положительного аспекта деятельности российских университетов также выделяется его актуальность в контексте последних трендов в казахстанском образовании. На фоне возрастающей потребности Республики в кадрах с техническим образованием продолжается расширение присутствия российских вузов именно в технологических областях. Так, в течение 2022 г. в РК открылись российские университеты с научно-учебными профилями в сферах атомной энергетики (Филиал МИФИ на базе КазНУ в г. Алма-Ата) и нефтегазового дела (Филиал РГУ нефти и газа в г. Атырау). В дальнейшем планируется открытие и новых отделений российских вузов, о чем сообщалось на высшем уровне.

Таким образом, активность филиалов российских вузов можно оценить как высокую. Сеть отделений отечественных университетов демонстрирует тенденцию к количественному расширению, охватывая новые области знания. Однако для повышения их конкурентоспособности на фоне появления новых конкурентов (например, филиала Аризонского университета) на рынке казахстанского образования необходимо разрабатывать новые форматы образовательных мероприятий, способствующих включению местной молодежи в российскую интеллектуальную и языковую среду.

Киргизия. Студенты из Киргизии имеют несколько возможностей получить диплом российского образца в своей стране. Наиболее популярным вариантом является Кыргызско-Российский Славянский университет, в котором обучаются более 7 тысяч студентов **[4].** Многие выпускники позже используют дипломы для трудоустройства в РФ, а преподаватели отмечают, что именно российский диплом является основной мотивацией для студентов при поступлении. Возможность побывать в России открывается для студентов уже во время обучения: КРСУ имеет ряд договоров с российскими вузами по программам академической мобильности **[17].** Кроме того, именно специалисты КРСУ обеспечивают постоянный рост числа русскоязычных публикаций в научной среде Киргизии.

Среди других участников сотрудничества можно выделить Кыргызский Государственный Технический Университет, который имеет совместную программу с МИФИ, однако ее набор ограничивается несколькими абитуриентами в год **[8].** Филиалы российских вузов открыты в Оше (РГСУ) и Канте

(КНИТУ). Действует также Российско-Кыргызский консорциум технических университетов из 40 российских и 15 киргизских вузов, позволяющий студентам проходить программы обучения в двух государствах. Подобный формат может стать фундаментом для более тесных межвузовских отношений, а также применятся в образовательном диалоге в целом.

Значительный упор в продвигаемой России медиаповестке делается на привлечении абитуриентов к поступлению в российские вузы. Наиболее крупным проектом в этой сфере является ежегодная выставка "Образование в России", к которой в прошлом году присоединились 33 вуза **[3].** Тем не менее в связи с масштабностью кампании по привлечению киргизских студентов к обучению в России, присутствует риск уменьшения интереса студентов к образованию в пророссийских структурах внутри Киргизии. Зачастую качество приглашенных преподавателей и работы со студентами на территории Киргизии в стране гораздо ниже, чем в соседних государствах Центральной Азии.

Кроме того, из-за акцента на предоставление образования желающим переехать в Россию страна теряет потенциально талантливых студентов, предпочитающих остаться в Киргизии и выбирающих вузы, связанные с другими государствами. Так, Кыргызско-Российский Славянский университет занимает третье место в рейтинге университетов Киргизии Webometrics Ranking Web of Universities **[22]** и не вошел в ежегодный рейтинг QS Asia University Rankings в отличие от базирующегося в Бишкеке American University of Central Asia и Кыргызско-Турецкого университета "Манас" **[20].**

Таджикистан. Российское образование имеет значительное влияние в Республике Таджикистан. В настоящее время в Российской Федерации обучается около 30 тыс. студентов из РТ **[18].** При этом динамика по количеству монотонно положительная – квоты в российских ВУЗах постоянно увеличиваются. В стране открыто три филиала российских вузов, функционирует совместный Российско-Таджикский славянский университет (РТСУ), осуществляется множество программ мобильности и приема граждан Таджикистана на обучение в России.

В целом российское образование является престижным и востребованным в РТ. Бюджетные линии, предоставляемые студентам из Таджикистана, становятся реальными социальными лифтами для молодежи. Существенным заделом остается функционирование колледжей и техникумов, дающих прикладные профессии для менее талантливой прослойки молодежи. Поскольку в дальнейшем значительное количество таджиков едут в Россию, функционирование подобных заведений позволило бы повысить и качество миграции.

Однако вызовом по данному направлению остается неспособность существующих филиалов российских вузов удовлетворить спрос граждан на обучение в них. Растущее число населения в Республике Таджикистан требует усиления образовательного сектора. К этому направлению относится не столько работа по открытию филиалов российских вузов, сколько усиление работы по подготовке кадров в целом.

Туркмения. У российской образовательной политики есть, хотя и не вполне успешный, опыт работы в Туркмении, который позволяет оценить работу российских ВУЗов в Республике. Так, с 2008 по 2012 гг. до своего закрытия по инициативе туркменской стороны в стране действовал филиал РГУ нефти и газа имени И. М. Губкина. В начале своей работы ВУЗ осуществлял подготовку студентов по направлению нефтегазового дела, которые являлись особенно востребованными в силу доминирования газового сектора в экономике Туркмении. В этом свете внезапное закрытие филиала могло быть связано с получением представления туркменской стороной о специфике преподавания нефтегазовых дисциплин. После основания собственного университета с аналогичным профилем российский вуз потерял свою ценность для руководства Республики, и по этой причине мог вынуждено прекратить свою работу. Так или иначе, после 2012 г. на территории страны нет ни одного аффилированного с Россией ВУЗа, соответственно, влияние оценивается как "неудовлетворительное". Таким образом, в силу объективных факторов возможностей для проведения российской образовательной политики на территории Туркмении нет.

Узбекистан. В настоящее время образовательный трек российской политики в Узбекистане можно охарактеризовать как один из наиболее успеш-

ных. Российские университеты активно расширяют свое присутствие в Республике посредством открытия филиалов, создавая условия для формирования пророссийской интеллектуальной среды на территории страны. В последние годы в Узбекистане резко увеличилось количество филиалов российских вузов. Так, если до 2018 г. в стране функционировали филиалы трех отечественных университетов, то по состоянию на 2023 г. их число увеличилось до 14, причем в будущем ожидается увеличение их числа до 21 **[2].** По мере расширения присутствия российских университетов стали выделяться несколько положительных тенденций.

Во-первых, начал расширяться географический охват присутствия отечественных вузов. Например, филиал Российского университета физкультуры, спорта, туризма и молодежи был открыт в Самарканде, а филиал Астраханского ГТУ – в Ташкентской области.

Во-вторых, произошла диверсификация направлений подготовки, по которым осуществляют подготовку российские вузы. В частности, помимо распространения в Республике традиционно сильной отечественной высшей технической школы в Узбекистане так же активны и вузы, готовящие кадры с социально-гуманитарным профилем, что создает предпосылки для формирования пророссийских кругов в национальном бизнес-сообществе и правительственных кругах.

Функционирование филиала российского университета можно проследить, основываясь на опыте Ташкентского филиала МГИМО. Регулярно значительная часть выпускников университета трудоустраивается в органах государственной власти и национальных корпорациях, в то время как учебная программа формируется непосредственно головным отделением МГИМО. Сочетание двух данных характеристик способствует формированию кругов в политической элите Республики с пророссийскими ориентацией и интеллектуальной базой. Кроме того, связь с Россией укрепляется благодаря обязательному периоду обучения в московском отделении МГИМО – практике, которая распространена и в других филиалах российских вузов.

Заключение

Результаты проведенного анализа позволяют прийти к выводу, что по-прежнему Россия играет значимую роль в гуманиатарной сфере стран Центральной Азии. Вместе с тем нельзя не отметить, что в последние годы наблюдается тенденция на снижение общего гуманитарного присутствия и влияния РФ в регионе, что связано с внутренними и внешними факторами. К первой группе можно отнести ограниченный инструментарий и недостаточный уровень системности в реализации российской гуманитарной политики и, как результат, инертность процессов. Этим во многом обуславливается и сохраняющаяся высокая дружественность населения республик ЦА к РФ. Ко второй группе ограничений или вызовов для расширения российского гуманитарного влияния в Центральной Азии следует отнести масштабирование усилий внешних акторов в регионе (США, ЕС, Турции, Великобритании и других), что формирует "новую Большую игру" в ЦА и вынуждает Россию адаптировать свою политику.

Российское образование продолжает цениться в государствах ЦА. Для центральноазиатских республик возможность поступления по квотам, предоставляемыми Россотрудничеством или через прямой набор, продолжает пользоваться значительным спросом. Однако неформальный престиж российского образования падает. Со стороны талантливой молодежи государств ЦА предпочтение российским вузам зачастую отдается по остаточному принципу – в условиях дефицита финансовых возможностей для обучения в западных странах, а также Южной Корее, Японии, Турции и Китае. На общественном уровне критике подвергается работа филиалов российских вузов в целевых странах. Представительства российских университетов занимают низкие места в общенациональных формальных и неформальных рейтингах, уступая не только национальным (Узбекистан, Казахстан, Таджикистан), но и филиалам университетам других иностранных государств (Киргизия).

Проблемы российского гуманитарного присутствия во многом имеют обобщённый характер, однако есть ряд специфичных аспектов. Вызов российскому гуманитарному влиянию в Казахстане напрямую представляет граж-

данское сообщество и средства массовой информации. Работа с гражданским сообществом в РК ведётся на двух уровнях: со стороны государственных институтов, ориентированных на построение национального государства, и со стороны западных доноров, которые публично ставят задачу "борьбы с российской пропагандой".

Киргизия является одной из немногих стран ЦА, где существуют и активны пророссийские НКО, а пророссийские информационные ресурсы имеют вес. Тем не менее качество работы НКО можно оценить как неудовлетворительное. Реализуемые проекты носят разовый, а не системный характер и в основном сосредоточены только в столице Киргизии – г. Бишкек.

В Таджикистане гуманитарное влияние РФ наиболее существенно. Российское образование, русский язык выступают для таджикистанцев реальными социальными лифтами и повышают качество жизни в Республике. Риски и вызовы присутствия России в Таджикистане, как и в других странах ЦА, кроются в слабой представленности НКО; игнорировании важных современных областей применения гуманитарной политики (неформальное образование, поддержка молодых лидеров и др.).

Гуманитарная политика России в Туркмении сталкивается с бОльшим количеством системных ограничений, чем в других странах региона. Однако наличие существенных барьеров не делают страну бесперспективной с точки зрения усиления российского влияния. Закрытость государства для партнерства с другими государствами создает менее конкурентную среду для продвижения российских инструментов и практик.

Результаты гуманитарной политики России в Узбекистане носят двойственный характер. Значительные успехи в продвижении образования сочетаются с пассивностью пророссийских НПО, что ограничивает возможности усиления гуманитарного присутствия РФ в целевой стране.

Литература

1. Бреславский Е. Русский язык на юге Киргизии: вопросы культурной идентификации и защита прав российских соотечественников // Этнодиалоги. 2013. №. 1 (42). С. 65–69.

2. В Узбекистане откроют семь новых филиалов российских вузов // Российская газета, 2023. URL: https://rg.ru/2023/06/09/v-uzbekistane-otkroiut-sem-novyh-filialov-rossijskih-vuzov.html (дата обращения: 16.02.2024).

3. Выставка российских вузов пройдет в КР. Участвуют ведущие университеты – список // Sputnik Кыргызстан, 2022. URL: https://ru.sputnik.kg/20220331/vuz-rossiya-kyrgyzstan-postuplenie-vystavka-1063286498.html (дата обращения: 21.05.2023).

4. Гид по вузам Бишкека: Кыргызско-Российский Славянский университет (КРСУ) // Kaktus Media, 2023. URL: https://kaktus.media/doc/375060_gid_po_vyzam_bishkeka:_kyrgyzsko_rossiyskiy_slavianskiy_yniversitet_krsy.html (дата обращения: 21.05.2023).

5. "За" и "против" российского образования для казахстанцев в условиях санкций // InBusiness.kz, 2022. URL: https://inbusiness.kz/ru/news/za-i-protiv-rossijskogo-obrazovaniya-dlya-kazahstancev-v-usloviyah-sankcij (дата обращения: 24.05.2023).

6. Интеграционный барометр ЕАБР – 2017. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. 108 с.

7. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 10.02.2024).

8. Международное сотрудничество // Кыргызский Государственный Технический Университет им. И. Раззакова. URL: https://kstu.kg/fakultet-informacionnykh-tekhnologii/programmnoe-obespechenie-kompjuternykh-sistem/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo (дата обращения: 21.05.2023).

9. Мнение респондентов из Туркмении о России и Китае // Central Asia Barometer, 2022. URL: https://ca-barometer.org/ru/news/turkmenistani-respondents-opinion-on-russia-and-china (дата обращения 28.05.2023).

10. Мураталиева З. Т. "Soft power" России в Центральной Азии: ключевые аспекты и пробелы в реализации // Дискурс-Пи. 2017. Т. 14. №. 3-4 (28-29). С. 121–128.

11. Муратшина К.Г., Мамин Н.В. Институты гуманитарного сотрудничества России и Киргизии // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2022. Т. 6. №. 1. С. 65–80.

12. Национальный Исследовательский Институт Развития Коммуникаций // Рейтинг дружественности коммуникационных режимов соседних стран. URL: https://nicrus.ru (дата обращения: 10.04.2023).

13. Общественное мнение населения стран региона СНГ о российской гуманитарной помощи и вкладе в содействие международному развитию // ВЦИОМ, 2022. URL: https://eurasiamonitor.org/uploads/s/g/f/f/gffzlsnrpxne/file/6Wmw2pIK.pdf?preview=1 (дата обращения 24.05.2023).

14. Опрос жителей Кыргызстана 6 – 16 июля 2021 г. // International Republican Institute, 2021. URL: https://www.iri.org/wp-content/uploads/2021/08/iri_poll_presentation-kyrgyzstan_july_2021-public_rus_final.pdf (дата обращения: 21.05.2023).

15. Организации российских соотечественников // Посольство Российской Федерации в Республике Казахстан, 2023. URL: http://www.rfembassy.kz/details/ndownload.php?fn=33&lang=rus (дата обращения 24.05.2023).

16. Савельева М. А., Утекова З. Д. Особенности взаимного восприятия России и Казахстана // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. №. 2 (67). С. 58-63.

17. Сотрудничество РФ с Киргизией: межвузовское взаимодействие, Кыргызско-Российский Славянский университет, исследования высокогорного Тянь-Шаня // Миноборнауки, 2021. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/46952/ (дата обращения: 21.05.2023).

18. Число таджикских студентов в российских вузах за год выросло на 22%. // ТАСС, 2023. URL: https://tass.ru/obschestvo/17800323 (дата обращения: 24.05.2023).

19. Эксклюзивное интервью президента Садыра Жапарова КНИА "Кабар" // Kabar, 2022. URL: https://kabar.kg/news/ekskliuzivnoe-interv-iu-prezidenta-sadyra-zhaparova-knia-kabar/ (дата обращения: 21.05.2023).

20. QS Asia University Rankings 2023: Central Asia // QS World University Rankings, 2023. URL: https://www.topuniversities.com/university-rankings/asia-university-rankings/central-asia/2023 (дата обращения: 21.05.2023).

21. Russia-Ukraine War: Public Opinion in Central Asia // Central Asia Barometer, 2022. URL: https://ca-barometer.org/assets/files/froala/f67ac6f34d17e7e3b51e3be30aedb9ffe60d9ae9.pdf (дата обращения: 21.05.2023).

22. Webometrics Ranking of World Universities. URL: https://www.webometrics.info/en (дата обращения: 21.05.2023).

23. Woods E., Baker T. A More Integrated Future – Mapping Central Asian Optimism // Central Asian Barometer, 2022. URL: https://ca-barometer.org/ru/publications/a-more-integrated-future-mapping-central-asian-optimism (дата обращения: 01.06.2023).

References

1. Breslavsky E. Russian language in the south of Kyrgyzstan: issues of cultural identification and protection of the rights of Russian compatriots // Ethnodialogues. 2013. Vol. 42. No. 1. P. 65–69. (In Russ.).

2. Seven new branches of Russian universities will be opened in Uzbekistan // Rossiyskaya Gazeta, 2023. URL: https://rg.ru/2023/06/09/v-uzbekistane-otkroiut-sem-novyh-filialov-rossijskih-vuzov.html (accessed 05.02.2024). (In Russ.).

3. An exhibition of Russian universities will be held in the Kyrgyz Republic. Leading universities participating – list // Sputnik Kyrgyzstan, 2022. URL: https://ru.sputnik.kg/20220331/vuz-rossiya-kyrgyzstan-postuplenie-vystavka-1063286498.html (accessed 05.02.2024). (In Russ.).

4. Guide to Bishkek universities: Kyrgyz-Russian Slavic University (KRSU) // Kaktus Media, 2023. URL: https://kaktus.media/doc/375060_gid_po_vyzam_bishkeka:_kyrgyzsko_rossiyskiy_slavianskiy_yniversitet_krsy.html (accessed 05.02.2024). (In Russ.).

5. "Pros" and "cons" of Russian education for Kazakhstanis under sanctions // InBusiness.kz, 2022. URL: https://inbusiness.kz/ru/news/za-i-protiv-rossijskogo-obrazovaniya-dlya- kazahstancev-v-usloviyah-sankcij (accessed 05.02.2024). (In Russ.).

6. EDB Integration Barometer. 2017. St. Petersburg: EDB Integration Barometer, 2017. 108 p. (In Russ.).

7. The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023) // The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (accessed 02.03.2024). (In Russ.).

8. International cooperation // Kyrgyz State Technical University named after. I. Razzakova. URL: https://kstu.kg/fakultet-informacionnykh-tekhnologii/programmnoe-obespechenie-kompjuternykh-sistem/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo (accessed 05.02.2024). (In Russ.).

9. Opinion of respondents from Turkmenistan about Russia and China // Central Asia Barometer, 2022. URL: https://ca-barometer.org/ru/news/turkmenistani-respondents-opinion-on-russia-and-china (accessed 28.01.2024). (In Russ.).

10. Muratalieva Z. T. Russian soft power in Central Asia: key aspects and omissions in implementation // Discourse-Pi. 2017. Vol. 14. No. 3-4 (28-29). P. 121–128. (In Russ.).

11. Muratshina K.G., Mamin N.V. Institutional Structure of Russian-Kyrgyz Humanitarian Cooperation // Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political science. International relationships. Vol.6. No. 1. P. 65–80. (In Russ.).
12. National Research Institute for Communications Development // Rating of Amicable Attitude of the Countries Communicative Regimes. URL: https://nicrus.ru (accessed 05.03.2024). (In Russ.).
13. Public opinion of the population of the countries of the CIS region about Russian humanitarian aid and contribution to promoting international development // VCIOM, 2022. URL: https://eurasiamonitor.org/uploads/s/g/f/f/gffzlsnrpxne/file/6Wmw2pIK. pdf?preview=1 (accessed 05.03.2024). (In Russ.).
14. Survey of residents of Kyrgyzstan July 6 – 16, 2021 // International Republican Institute, 2021. URL: https://www.iri.org/wp-content/uploads/2021/08/iri_poll_presentation-kyrgyzstan_july_2021-public_rus_final.pdf (accessed 05.03.2024). (In Russ.).
15. Organizations of Russian compatriots // Embassy of the Russian Federation in the Republic of Kazakhstan, 2023. URL: http://www.rfembassy.kz/details/ndownload.php?fn=33&lang=rus (accessed 05.02.2024). (In Russ.).
16. Savelyeva M.A., Utekova Z.D. Features of mutual perception of Russia and Kazakhstan // Caspian region: politics, economics, culture. 2021. Vol. 67. No. 2. P. 58–63. (In Russ.).
17. Cooperation of the Russian Federation with Kyrgyzstan: inter-university interaction, Kyrgyz-Russian Slavic University, studies of the high-mountainous Tien Shan // Ministry of Education and Science, 2021. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/46952/ (accessed 05.02.2024). (In Russ.).
18. The number of Tajik students in Russian universities increased by 22% over the year // TASS. 2023.URL: https://tass.ru/obschestvo/17800323 (accessed 05.02.2024). (In Russ.).
19. Exclusive interview with President Sadyr Japarov of KNIA "Kabar" // Kabar, 2022. URL: https://kabar.kg/news/ekskliuzivnoe-interv-iu-prezidenta-sadyra-zhaparova-knia-kabar/ (accessed 12.02.2024). (In Russ.).
20. QS Asia University Rankings 2023: Central Asia // QS World University Rankings, 2023. URL: https://www.topuniversities.com/university-rankings/asia-university-rankings/central-asia/2023 (accessed 05.02.2024).
21. Russia-Ukraine War: Public Opinion in Central Asia // Central Asia Barometer, 2022. URL: https://ca-barometer.org/assets/files/froala/f67ac6f34d17e7e3b51e3be30aedb9ffe60d9ae9.pdf (accessed 05.03.2024).
22. Webometrics Ranking of World Universities. URL: https://www.webometrics.info/en (accessed 05.02.2024).
23. Woods E., Baker T. A More Integrated Future – Mapping Central Asian Optimism // Central Asian Barometer, 2022. URL: https://ca-barometer.org/ru/publications/a-more-integrated-future-mapping-central-asian-optimism (accessed 05.02.2024).

◆

Информация об авторе

Александр Сергеевич Королев, канд. полит. наук, доцент департамента международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики", Москва, Россия, e-mail: askorolev@hse.ru

Information about the author

Alexander S. Korolev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, School of International Affairs, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, e-mail: askorolev@hse.ru

Поступила в редакцию 01.04.2024 Одобрена после рецензирования 09.05.2024 Принята к публикации 27.05.2024

Received 01.04.2024 Approved 09.05.2024 Accepted 27.05.2024

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 24–32.
Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 24–32.

Научная статья
УДК 327
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/24-32

Движущие силы политики ЕС в Центральной Азии в условиях новой "Большой игры"

Яна Валерьевна Лексютина
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, lexyana@ya.ru

Аннотация. В статье реконструируется эволюция подхода ЕС к Центральной Азии в контексте изменений глобальной стратегии и приоритетов развития ЕС. В фокусе внимания статьи – нормативная повестка, повестка "эффективной и устойчивой связанности", повестка "зелёной" и цифровой трансформации во взаимодействии ЕС с Центральной Азией. Автор делает вывод о том, что главными движущими силами политики ЕС в Центральной Азии на современном этапе выступают фактор конфронтации с Россией и фактор связанных с Китаем опасений. Первый из них обуславливает интенсификацию политических контактов с правительствами стран региона, поиск альтернативных источников углеводородов и транспортных коридоров в обход России. Второй – побуждает ЕС продвигать европейскую модель связанности в регионе как противовес китайской и укреплять сотрудничество со странами региона в вопросах добычи и импорта критически важного сырья с целью снижения зависимости от китайских поставок.
Ключевые слова: *ЕС, Центральная Азия, "Большая игра", связанность, "зелёная" трансформация, Китай, Россия*

Статья выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00249, https://rscf.ru/project/24-28-00249/

Для цитирования: Лексютина Я. В. Движущие силы политики ЕС в Центральной Азии в условиях новой "Большой игры" // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 24–32. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/24-32

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/24-32

The drivers of the EU's Central Asia policy in the context of the New Great Game

Yana V. Leksyutina
Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, lexyana@ya.ru

Abstract. The article traces the evolution of the EU's approach to Central Asia in the context of changes in global strategy and EU development priorities. The article focuses on the normative agenda, the agenda of "efficient and sustainable connectivity", the agenda of "green" and digital transformation in the EU's interaction with Central Asia. The author concludes that the main driving forces of the contemporary EU's Central Asia policy are the factor of confrontation with Russia and the factor of "China threat" theory. The first one determines the intensification of political contacts with the governments of Central Asian countries, the search for alternative sources of hydrocarbons and transport corridors bypassing Russia. The second is encouraging the EU to promote the European model of connectivity in the region as a counterbalance to the Chinese one and strengthen cooperation with countries in the region in matters of production and import of critical raw materials in order to reduce dependence on Chinese supplies.
Key words: *EU, Central Asia, Great Game, connectivity, green transformation, China, Russia*

The article is supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00249, https://rscf.ru/project/24-28-00249/

For citation: Leksyutina Ya. V. The drivers of the EU's Central Asia policy in the context of the New Great Game // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 41–32. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/24-32

Геополитическая ситуация, сложившаяся после начала Россией специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г., во многом способствовала всплеску интереса к Центральной Азии со стороны целого спектра государств – как больших и великих, так и малых. Во многих странах руководящие круги расценили получившие развитие тренды как демонстрирующие стремление стран региона усилить многовекторность внешней политики и диверсифицировать внешнеэкономических партнеров, как ведущие к снижению роли России в регионе и, соответственно, открывающие "окно возможностей" для наращивания этими странами своего регионального присутствия. Безусловно, рост интереса к Центральной Азии был обусловлен множеством иных факторов, включая происходящие в странах региона трансформации (в т.ч. расширение внешнеэкономической открытости, улучшение инвестиционного климата и пр.) и процессы регионализации, открывающие возможности для развития многосторонних форм взаимодействия (так называемые форматы 5+1) и продвижения крупных региональных проектов с участием нескольких стран региона (например, проекты транспортной и иной связанности) и пр.

Внешним актором, динамично приступившим к расширению своего присутствия в Центральной Азии, что нашло отражение в резкой интенсифи-

© Лексютина Я. В., 2024

кации дипломатических контактов, создании новых диалоговых механизмов высокого уровня и политической риторике, стал ЕС. С одной стороны, это было связано с целенаправленной работой Брюсселя по привлечению стран Центральной Азии к сотрудничеству в вопросах пресечения обхода Россией введённых против неё масштабных европейских санкций. И с этой целью регион стали посещать многочисленные европейские делегации, а также спецпредставитель ЕС по санкциям. Санкционная повестка стал неотъемлемой частью любых встреч высокопоставленных европейских представителей с их коллегами из Центральной Азии. Брюссель инициировал регулярный обмен мнениями со странами региона по санкциям, а Европарламент даже выдвинул в начале 2024 г. инициативу применять в отношении стран Центральной Азии дифференцированный подход, учитывающий уровень их сотрудничества с ЕС по санкционной политике в отношении России **[9]**. С другой стороны, активизация ЕС в Центральной Азии отражала повышение значимости региона в реализации геополитических и геоэкономических интересов, в обеспечении экономической и энергетической безопасности Брюсселя ввиду конфронтации с Россией после февраля 2022 г. и связанных с Китаем углубляющихся опасений.

От нормативного подхода к "рациональному прагматизму"

Ранее подход ЕС в отношении Центральной Азии нередко описывался экспертами, как "доброжелательное безразличие" (цитата по: **[7, p. 648]**). ЕС характеризовался как принимавший свою второстепенную роль в регионе (относительно России и Китая), как движимый прагматическими интересами "честный брокер" в регионе **[16, p. 1347]**, не ставивший перед собой цель превратиться в ключевого регионального геополитического игрока. Анализируя последнюю из двух принятых стратегий ЕС по развитию отношений с Центральной Азией (первая была принята в 2007 г., вторая и ныне действующая – в 2019 г.), Э. Джураев и Н. Муратлиева обращают внимание на содержащийся в ней тезис о том, что ЕС готов сотрудничать с третьими странами, региональными организациями и международными финансовыми институтами для реализации общих интересов ЕС и ЦА. Такой инклюзивный подход, как они отмечают, выгодно отличал ЕС от других крупных игроков в регионе: ЕС не стремился стать геополитическим игроком в регионе, не рассматривал сотрудничество с Центральной Азией как игру с нулевой суммой или поле для соревнования, что создавало комфортную среду для стран региона, позволяя им развивать сотрудничество с ЕС без ущерба для отношений с другими крупными партнерами **[1, с. 12]**.

С такой характеристикой подхода Брюсселя можно согласиться только частично. Действительно, ЕС не ставил перед собой цель стать крупным геополитическим игроком в регионе. Такая цель была бы нереалистичной в тот период времени, принимая во внимание протекавшие в Центральной Азии тогда процессы и традиционно сильные позиции в регионе России и усиливающиеся – географически соседского Китая. У ЕС не было сильного интереса к Центральной Азии, регион был второстепенным по важности по сравнению, например, с Юго-Восточной Европой, Балканами, Украиной и другими более близкими соседями ЕС. Всегда находились более важные глобальные вопросы и неотложные события в ближайшем окружении ЕС.

Но даже тогда – и это расходится с заявленным инклюзивным подходом Брюсселя – геополитические соображения спорадически прорывались в повестке взаимодействия Брюсселя с регионом. В 1993 г. ЕС инициировал межрегиональную программу технического содействия "ТРАСЕКА", нацеленную на создание транспортного коридора Европа–Кавказ–Азия, призванного подключить страны Закавказья и Центральной Азии через трансъевропейские магистрали к ЕС и уменьшить их транспортную зависимость от России. В 2002 г. в ЕС появилась идея строительства газопровода "Набукко" (позднее – "Набукко Вест"), по которому бы осуществлялись поставки азербайджанского и туркменского газа (рассматривалось также и участие Казахстана) в Европу. После аннуляции этого проекта в 2013 г. в качестве самостоятельного проекта стал рассматриваться проект строительства Транскаспийского газопровода, также до сих пор не реализованного.

В целом за прошедшие с момента установления официальных контактов между ЕС и странами Центральной Азии десятилетия, подход Брюсселя в отношении региона несколько раз менялся. Первоначально, следуя в русле общей идеологии Брюсселя и его представлений об универсальной применимости нормативной модели ЕС, в основе стратегии Брюсселя в отношении Центральной Азии лежал *нормативный подход* – курс на продвижение европейских ценностей и норм, продвижение правозащитной повестки и содействие демократизации стран, а также становления системы должного управления. После образования новых независимых государств на постсоветском пространстве в Брюсселе сформировались завышенные ожидания и вера в то, что при поддержке ЕС страны Центральной Азии смогут провести глубокое экономическое реформирование, создать представительные, демократические институты и в перспективе стать частью общеевропейских процессов. Акцент на проецировании нормативной силы был, в частности, прописан в Стратегии европейской безопасности 2003 г. Ключевым принципом при развитии сотрудничества со странами Центральной Азии выступала политическая обусловленность. Брюссель настаивал на необходимости развития в странах региона демократических институтов и продвижении процессов экономического реформирования.

В 2016 г. ЕС принимает новую глобальную стратегию в области внешней политики и безопасности "Общее видение, общие действия: более сильная Европа", пришедшую на смену Стратегии безопасности 2003 г. В новой версии фиксируется принцип "принципиального прагматизма", который должен сочетать "реалистичную оценку стратегической обстановки" и "идеалистическое стремление построить лучший мир" **[4, p. 16]**. Происходит смещение акцента с проецирования нормативной силы на реализацию экономических интересов и интересов безопасности ЕС **[16, p. 1350]**. Брюссель больше концентрируется на реализации собственных интересов, нежели на проецировании европейских норм и ценностей, что, однако, не означает отказа в принципе от использования нормативной силы. Применительно к Центральной Азии нормативный подход также сменяется подходом, в основе которого лежит "*принципиальный прагматизм*". Это находит свое отражение в частности в принятии новой Стратегии ЕС в отношении региона в 2019 г. Такие приоритеты, как продвижение демократии, прав человека и верховенства закона, не исчезают полностью с повестки дня, но они становятся подчиненными более широкому приоритету ЕС в регионе – содействию "устойчивости" (resilience), которая помимо указанных нормативных составляющих включает еще активизацию сотрудничества по выполнению Парижских климатических обязательств, решению трансрегиональных экологических проблем, вопросов миграции и пр. При этом применявшийся в Стратегии 2007 г. термин "демократизация" при описании ключевых направлений деятельности ЕС в Центральной Азии в новой версии стратегии (2019 г.) был заменен на "продвижение демократии", что отражает меньшие амбиции и ожидания Брюсселя от своего взаимодействия с регионом **[16, p. 1352]**. В Стратегии 2019 г. отмечено намерение ЕС концентрировать "усилия на тех областях, где это может способствовать изменениям". Как отмечают А. Герритс и Х. Клин, из положений Стратегии неясно, относятся ли к этим областям демократия, права человека и верховенство закона, поскольку в отличие от предыдущих документов, они больше не представлены как условия или основные цели сотрудничества ЕС с регионом, а скорее как повестка, которую следует продвигать **[10, p. 6]**.

Европейская повестка "эффективной и устойчивой связанности" для Центральной Азии

На практике фокус деятельности ЕС в Центральной Азии сместился в несколько другую плоскость и стал концентрироваться на другом аспекте – на *продвижении европейской модели связанности*, негласно противопоставляемой китайской инициативе "Пояс и путь". По мере динамичного развития выдвинутой в 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином инициативы "Пояс и путь" в Брюсселе стала усиливаться обеспокоенность. Опасения вызывали распространяемые Китаем правила и стандарты в области инфраструктурного развития и связанности, включая вопросы прозрачности тендерных процедур по контрактам под эгидой "Пояса и пути", роста "долгового бремени"

стран-реципиентов, воздействия на окружающую среду и местные сообщества и пр.

В 2018 г. ЕС принимает стратегию "Соединяя Европу и Азию – строительные блоки для стратегии ЕС", в которой упор делается на создании "эффективной и устойчивой связанности" и формулируются конкретные предложения и инициативы по улучшению связей между Европой и Азией, в том числе посредством совместимых транспортных, энергетических и цифровых сетей. Как и в случае с использованием нормативной силы и продвижением европейских ценностей Брюссель в продвижении своей модели связанности исходит из убеждённости в её универсальной применимости и том, что "внутренний рынок ЕС [имеется в виду связанность внутри ЕС – *автор*.] … может стать источником вдохновения во всем мире" **[6, p. 2]**. Европейский подход к связанности базируется на трёх принципах: 1) устойчивость – связанность должна быть экономически, финансово, экологически и социально устойчивой в долгосрочной перспективе; это подразумевает высокие стандарты, основанные на оценках воздействия на окружающую среду, высокие стандарты прозрачности и надлежащего управления, учёт интересов местного населения, затронутого проектами, и пр.; 2) всеобъемлемость, предполагающая синергию транспортной, энергетической и цифровой связанности и включающая человеческое измерение, где интересы и права людей лежат в основе политики; 3) основанность на международных правилах, т.е. согласованность связанности с международными практиками, правилами, конвенциями и техническими стандартами **[6, p. 2–3]**.

В декабре 2021 г. Брюссель принимает уже комплексную стратегию "Глобальные ворота" (Global Gateway), предусматривающую финансовую поддержку инфраструктурного развития и связанности развивающихся стран по всему миру с их интеграцией в систему управления ЕС с точки зрения стандартов, правовых аспектов, технологий, а также оказанием содействия этим странам в их "зелёной" трансформации. Стратегия выделала пять приоритетных сфер: цифровые технологии, климат и энергетика, транспорт, здравоохранение, образование и научные исследования. И базировалась на шести ключевых принципах: поощрение демократических ценностей и высоких стандартов, экологичная инфраструктура, надлежащее управление и прозрачность, равноправные партнерства, ориентация на обеспечение безопасности, стимулирование инвестиций частного сектора. Основополагающим принципом – и это отличает её от китайской государственной инициативы "Пояс и путь" – является упор на привлечение частного сектора к финансированию проектов. ЕС планировал в период с 2021 по 2027 гг. мобилизовать до 300 млрд евро для поддержки финансирования "устойчивой и качественной инфраструктуры", отвечающей социальным и экологическим нормам. Акцент делается на обеспечении высокого уровня экологических и трудовых стандартов, надлежащем финансовом управлении, прозрачных правилах и правовой определенности, учёте потребностей соответствующих стран и интересов местных сообществ. Имиджевый подход ЕС весьма точно был раскрыт в характеристике инициативы "Глобальные ворота", данной Председателем Европейской Комиссии Урсулой фон дер Ляйен: "Инициатива "Глобальные ворота" – это стратегия Европы по обеспечению лучшей взаимосвязанности мира. Мы будем поддерживать разумные, устойчивые инвестиции в качественную инфраструктуру в соответствии с ценностями и стандартами ЕС. Будем поощрять равные партнерские отношения и формировать новые альянсы, не создавая взаимозависимости" **[2]**.

Во взаимодействии с Центральной Азией ЕС стал активно продвигать свою модель связанности. При этом Брюссель был нацелен не только на расширение межрегиональных связей, поддержке усилий стран региона интегрироваться в мировые транспортные коридоры, но и на обеспечение того, чтобы нормы и стандарты ЕС принимались во внимание и, главное, внедрялись. Во многом продвижение повестки "устойчивой связанности" было мотивировано опасениями Брюсселя в связи с продвижением китайских стандартов и практик посредством инициативы "Пояс и путь".

Сильный импульс сотрудничеству ЕС с Центральной Азией в вопросах связанности придало драматическое изменение геополитической ситуации после февраля 2022 г. Перед Брюсселем, в силу его конфронтационного

курса в отношении России и движения к полной "расстыковке" с ней, встала необходимость поиска альтернативных транспортных коридоров, связывающих Европу с азиатскими экономиками и в первую очередь с Китаем – одним из крупнейших торговых партнеров ЕС. Более того, необходимость развития новых сухопутных транспортных коридоров между Европой и Азией/Китаем была обусловлена проявившейся в последние годы нестабильностью морских перевозок – а на морские перевозки ныне приходится до 80–85% товарооборота между ЕС и Китаем. Достаточно вспомнить ситуацию с морскими перевозками в период пандемии COVID-19, инцидент с контейнеровозом "Evergreen" в марте 2021 г. или приостановку движения судов по Красному морю после нападений хуситов на торговые суда в декабре 2023 г.

На данный момент сухопутные перевозки между Европой и Азией осуществляются по трём основным коридорам при доминировании Северного коридора: *Северному коридору* (он идёт из Китая через Казахстан, Россию и Беларусь, а затем попадает в ЕС через Польшу, поезда также следуют через Монголию или напрямую через Россию по Транссибу); мультимодальному Транскаспийскому международному транспортному маршруту или *Среднему коридору* (соединяет Азию и Европу через Казахстан и Каспийское море; товары попадают на Кавказ через порт Баку и продолжают путь в Грузию, откуда перед въездом в ЕС через Болгарию или Румынию есть два альтернативных маршрута: наземный маршрут через Турцию или морской путь через Чёрное море); *Южному коридору* (пересекает Киргизию или Таджикистан, Узбекистан, Туркмению, Иран и Турцию, а затем попадает в Европу через Болгарию или Грецию; его предпочитают автомобильные перевозчики, поскольку он позволяет избежать пересечения Каспийского моря и связанных с ним проблем, включая неэффективность портов, ограниченное и непредсказуемое время паромной переправы и пр.) **[13, p. 11]**.

Политическая установка ЕС – полностью отказаться от Северного коридора и дать шанс Среднему. Брюссель обозначил свою готовность подключиться к реализации проектов развития региональной транспортной инфраструктуры в ЦА в русле стратегии "Глобальные ворота" и поручил Европейскому банку реконструкции и развития изучить вопросы, связанные с созданием Среднего коридора. Согласно проведённой Европейским банком реконструкции и развития оценке, разница в пропускной способности между Северным и Средним коридорами очень велика: в 2021 г. по Северному было перевезено 1,5 млн TEU (двадцатифутовых контейнера), а расчетная пропускная способность Среднего коридора оказалась на уровне всего лишь 80 тыс. TEU в 2022 г. **[11]** Перенаправление транзитных грузов, превышающих 10% тоннажа Северного коридора, потребует инвестиций примерно в 3,5 млрд евро для немедленной модернизации инфраструктуры **[11]**. Исследование оценило ключевые потребности в финансировании инфраструктуры для значительного улучшения связанности во всех пяти странах Центральной Азии на общую сумму в 18,5 млрд евро **[13, p. 11]**. Такие объемы финансирования необходимы на восстановление и модернизацию сети железных и автомобильных дорог, расширение подвижного состава, увеличение пропускной способности портов, модернизацию пунктов пересечения границы, а также создание мультимодальных логистических центров и вспомогательных сетевых соединений во всех пяти странах Центральной Азии.

В январе 2024 г. был проведён Глобальный форум инвесторов по транспортному сообщению Европы и Центральной Азии, на котором было объявлено о готовности европейских и международных финансовых институтов выделить 10 млрд евро на поддержку и инвестиции в устойчивое транспортное сообщение в Центральной Азии. Заинтересованность стран региона в реализации своего транзитного потенциала и встраивании в мировые транспортные коридоры на современном этапе велика. Страны региона со своей стороны предпринимают меры по улучшению трансграничного перемещения грузов посредством внедрения автоматизированных платёжных систем, продвижению безбумажной документации через электронные логистические платформы в рамках цифровой стратегии ЦАРЭС до 2030 г. (Программа Центрально-Азиатского Регионального Экономического Сотрудничества), стимулированию торговли и инвестиций между ЕС и Центральной Азии. Если обещанное финансирование в размере 10 млрд евро действительно поступит,

есть все шансы, что в отличие от более ранних попыток ЕС по созданию связанности с Центральной Азией (таких, как "ТРАСЕКА", "Набукко", Транскаспийский газопровод) Средний коридор начнет обретать реальные очертания, а европейские стандарты частично внедряться в практику стран Центральной Азии.

Повестка "зелёной" и цифровой трансформации как фактор взаимодействия ЕС с Центральной Азией

Значительное место в деятельности ЕС занимает повестка "зелёной" и цифровой трансформации, и во взаимодействии с Центральной Азией она на современном этапе является одной из центральных. Еще в декабре 2019 г. ЕС принял документ "Зелёная сделка" (European Green Deal), в котором была обозначена "дорожная карта" движения ЕС к достижению углеродной нейтральности к 2050 году. С тех пор "зелёный" курс ЕС подвергался пересмотру, но решимость обеспечить устойчивое развитие, энергетический переход и декарбонизацию до 2050 года осталась неизменной **[15]**. На этом фоне перед Брюсселем встали вопросы обеспеченности так называемым критически важным сырьем (Critical Raw Materials) ввиду обнаруженной сильной зависимости от их поставок из Китая и в условиях общего развития концепции "китайской угрозы" в ЕС. В Брюсселе усилилась обеспокоенность осуществляемой Пекином в отношении европейских стран практикой "экономического принуждения", под которым Брюссель понимает "вмешательство в законный суверенный выбор Союза или государства-члена путём стремления предотвратить или добиться прекращения, изменения или принятия определённого акта Союзом или государством-членом путем применения или угрозы применения мер, влияющих на торговлю или инвестиции" **[14, p. 2]**. Брюссель обнаружил сильную зависимость от Китая в сырье, которое играет принципиальную роль в "зелёном" и цифровом переходе: на Китай приходится 98% импорта критически важных для ЕС редкоземельных материалов, 93% – магния и 97% – лития **[12]**. В Европе свежи воспоминания о том, как в 2010 г. в ответ на действия японской стороны в Восточно-Китайском море Пекин ввёл ограничения на экспорт редкоземельных металлов в Японию.

Возрастающая обеспокоенность Брюсселя проявилась в заявлении Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Борреля о том, что зависимость Европы от Китая в стратегии "зелёной" трансформации даже выше, чем зависимость Европы от ископаемого топлива из России **[8]**. ЕС стал разрабатывать меры, направленные на усиление устойчивости к экономическому принуждению. Так, в частности, в 2020 г. ЕС определил список сырья, имеющего критическое значение для европейской экономики, и стал прикладывать усилия по диверсификации цепочек снабжения посредством налаживания сотрудничества с партнерами, в отношении которых у ЕС нет опасений.

Большим потенциалом в этом ракурсе обладает Центральная Азия, богатая природными ресурсами, в ряде случаев даже еще не разрабатываемыми. Так, в частности, до сих пор не ведётся или ограничена по своим масштабам добыча редкоземельных металлов в регионе, меди – в Узбекистане, урана – в Таджикистане и Киргизии **[3]**. Уже в 2021 г. на Экономическом форуме ЕС – Центральная Азия Брюссель выразил интерес к укреплению сотрудничества с регионом в области поставок критически важного сырья. В ноябре 2022 г. ЕС и Казахстан подписали меморандум о взаимопонимании о стратегическом партнерстве в области сырья, батарей и возобновляемого водорода. ЕС также в рамках стратегии "Глобальные ворота" выдвинул инициативу по критически важному сырью в Центральной Азии. В соответствии с ней, ЕС намерен оказывать региону техническую помощь в классификации и картировании ресурсов, модернизации добычи и переработки, проведении разведки и добычи критического сырья в соответствие с мировыми стандартами, а также вкладывать инвестиции в разведку критически важного сырья.

Помимо фактора Китая, большую роль в повышении роли Центральной Азии в контексте стратегических планов ЕС по "зелёному" переходу стал играть фактор России. В стратегии перехода к углеродной нейтральности природному газу как наиболее чистому ископаемому топливу (по сравнению с углём или нефтью) отводится роль "переходного топлива" в процессе дви-

жения к углеродно-нейтральной экономике. С началом нового витка украинского кризиса в феврале 2022 г. ЕС столкнулся с проблемами в обеспечении энергетической безопасности, которые усугубились ввиду принятого им решения постепенно прекратить импорт углеводородов из России. Перед ЕС встала серьёзная проблема поиска и обеспечения стабильных поставок природного газа из других источников. ЕС сильно полагался на импорт природного газа и на поставки из России: так, в 2020 г. ЕС импортировал около 85% природного газа, при этом крупнейшим поставщиком была Россия. Как указывают эксперты, есть противоречивые мнения о том, сможет ли ЕС получать природный газ и нефть из США в долгосрочной перспективе и как это повлияет на конкурентоспособность ЕС, геополитическая напряженность значительно затрудняет налаживание поставок из Саудовской Аравии и других стран Персидского залива, а нестабильная внутренняя ситуация, беспорядки и конфликты продолжаются в Венесуэле и Ливии десятилетиями, что делает невозможным снабжение ЕС из этих стран **[15]**. На этом фоне Центральная Азия как богатый углеводородами регион, в целом стабильный, находящийся вне зон прямых конфликтов, приобретает особое значение для ЕС **[15]**. При этом наиболее важными для ЕС энергетическими ресурсами в контексте развития отношений с Центральной Азией становятся природный газ и уран.

Еще с 1990-х гг. углеводороды Центральной Азии привлекали внимание ЕС. Однако предпринимавшиеся Брюсселем на протяжении трёх десятилетий попытки по налаживанию поставок природного газа и нефти из региона в ЕС имели ограниченный успех. На Казахстан, например, сейчас приходится только около 8% общего импорта нефти ЕС, а поставки природного газа так до сих пор не налажены. В нынешней геополитической ситуации привлекательным вариантом для Брюсселя может быть наращивание добычи и импорта казахстанской нефти, что, однако, осложняется проблемой ее транспортировки: около 80% экспорта нефти из Казахстана в Европу идет по проходящему через территорию России нефтепроводу Каспийского трубопроводного консорциума. Удастся ли ЕС в современных условиях вдохнуть новую жизнь в продолжающуюся не одно десятилетие историю со строительством Транскаспийского газопровода (ранее – "Набукко") из Туркмении – вопрос открытый. Среди центробежных сил следует отметить, в частности, фактор США, которые по большому счёту заинтересованы в продолжении поставок своего СПГ в Европу по завышенным ценам.

Заключение

На протяжении чуть более трех десятилетий, последовавших после образования новых независимых государств на постсоветском пространстве, подход ЕС к Центральной Азии несколько раз корректировался. Акцент на нормативной повестке был в 2016–2019 гг. смещен в сторону "принципиального прагматизма", фокус с "демократизации" был перенесен на менее амбициозную цель взаимодействия ЕС с регионом – "продвижение демократии" в странах Центральной Азии, упор с продвижения европейских ценностей перенесен на распространение европейской модели связанности и, наконец, на современном этапе определяющую роль в политике Брюсселя в отношении региона стали играть геополитические расчёты. В 2022 г. в отношении Центральной Азии полностью оформляется геополитический подход – целью политики Брюсселя выступает сдерживание влияния России и Китая в Центральной Азии. Более того, эта цель не скрывается и не ретушируется Брюсселем, а открыто заявляется на официальном уровне. Главными движущими силами политики ЕС в Центральной Азии выступают фактор конфронтации с Россией и фактор связанных с Китаем опасений. Первый из них обуславливает интенсификацию политических контактов с правительствами стран Центральной Азии (в т.ч. с целью недопущения содействия ими России в обходе санкций), поиск альтернативных источников углеводородов и транспортных коридоров в обход России. Второй – побуждает Брюссель продвигать европейскую модель связанности в регионе как противовес китайской и укреплять сотрудничество со странами региона в вопросах добычи и импорта критически важного сырья с целью снижения зависимости от китайских поставок. Факторы России и Китая стали решающими в повышении роли Центральной Азии в стратегических планах ЕС – из региона второстепенного значения для Брюс-

селя Центральная Азия превратилась, по признанию Ж. Борреля, "в центр событий, как в геостратегическом, так и геоэкономическом плане" **[5]**. Факторы России и Китая являются драйверами роста интереса ЕС к Центральной Азии в контексте как нормативной повестки ЕС ("присутствие демократического ЕС в регионе как альтернатива автократическим акторам" **[9]**), повестки устойчивой связанности, так и повестки "зелёной" и цифровой трансформации.

Литература

1. Джураев Э., Мураталиева Н. Стратегия ЕС в Центральной Азии: к успешной реализации новой стратегии. Бишкек: Фонд им. Фридриха Эберта, 2020. 16 с. URL: https://ru.readkong.com/page/strategiya-es-v-centralnoy-azii-k-uspeshnoy-realizacii-3797128?p=2 (дата обращения: 15.02.2024).

2. Инициатива Global Gateway – стратегия ЕС по развитию устойчивых связей во всем мире // Представительство ЕС в РФ. 6.12.2021. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/russia_ru?s=177 (дата обращения: 14.02.2024).

3. Лексютина Я. Регион нереализованного потенциала: значение Центральной Азии для России растёт // Деловой Петербург. 12.06.2023. URL: https://www.dp.ru/api/amp/a/2023/06/12/region-nerealizovannogo-potenciala (дата обращения: 10.02.2024).

4. A global strategy for the European Union's foreign and security policy. Shared vision, common action: a stronger Europe. 2016. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0_0.pdf (дата обращения: 14.02.2024).

5. Borrell J. Central Asia's growing importance globally and for the EU // EU External Action. 20.11.2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/central-asia%E2%80%99s-growing-importance-globally-and-eu_en (дата обращения: 13.02.2024).

6. Connecting Europe and Asia – Building blocks for an EU Strategy. 2018. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_connecting_europe_and_asia_-_building_blocks_for_an_eu_strategy_2018-09-19.pdf (дата обращения: 13.02.2024).

7. Dzhuraev Sh. The EU's Central Asia policy: no chance for change? // Central Asian Survey. 2022. Vol. 41. Iss. 4. P. 639–653. https://doi.org/10.1080/02634937.2022.2054951

8. EU compares dependency on Russia and China // Obela. 7.11.2022. URL: http://www.obela.org/nota/eu_compares_dependency_on_russia_and_china (дата обращения: 14.02.2024).

9. European Parliament resolution of 17 January 2024 on the EU strategy on Central Asia (2023/2106(INI)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0027_EN.pdf (дата обращения: 14.02.2024).

10. Gerrits A., Klijn H. Central Asia under Brussels' and Moscow's eyes // Security & Human Rights. 2022. Vol. 32. Iss. 1–4. P. 1–16. https://doi.org/10.1163/18750230-bja10014.

11. Matveeva A. A new opening for EU–Central Asia relations? // Carnegie Europe. 13.04.2023. URL: https://carnegieeurope.eu/2023/04/13/new-opening-for-eu-central-asia-relations-pub-89454 (дата обращения: 11.02.2024).

12. Speech by President von der Leyen on EU–China relations to the Mercator Institute for China Studies and the European Policy Centre // European Commission. 30.03.2023. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/%20en/speech_23_2063 (дата обращения: 11.02.2024).

13. Sustainable transport connections between Europe and Central Asia // EBRD. 16.06.2023. URL: https://transport.ec.europa.eu/system/files/2023-06/Sustainable_transport_connections_between_Europe_and_Central_Asia.pdf (дата обращения: 14.02.2024).

14. Szczepański M. China's economic coercion Evolution, characteristics and countermeasures. European Parliament briefing. 2022. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/738219/EPRS_BRI(2022)738219_EN.pdf (дата обращения: 15.02.2024).

15. Vasić B., Pekić I., Šimić G. Energy security of the European Union and corruption in Central Asia as the main challenges for the European sustainable energy future // Energy, Sustainability and Society. 2023. Vol. 13. No. 31. https://doi.org/10.1186/s13705-023-00406-3.

16. Winn N., Gänzle St. Recalibrating EU foreign policy vis-à-vis Central Asia: towards principled pragmatism and resilience // Geopolitics. 2023. Vol. 28. Iss. 3. P. 1342–1361. https://doi.org/10.1080/14650045.2022.2042260.

References

1. Dzhuraev E., Muratalieva N. EU strategy in Central Asia: towards the successful implementation of a new strategy. Bishkek: Friedrich Ebert Foundation, 2020. 16 p. URL: https://ru.readkong.com/page/strategiya-es-v-centralnoy-azii-k-uspeshnoy-realizacii-3797128?p=2 (accessed 15.02.2024). (In Russ.).

2. Global Gateway Initiative – EU strategy for developing sustainable connections around the world // EU Delegation to the Russian Federation. 6.12.2021. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/russia_ru?s=177 (accessed 14.02.2024). (In Russ.).

3. Leksyutina Ya. Region of unrealized potential: the importance of Central Asia for Russia is growing // St. Petersburg Business. 12.06.2023. URL: https://www.dp.ru/api/amp/a/2023/06/12/region-nerealizovannogo-potenciala (accessed 10.02.2024). (In Russ.).

4. A global strategy for the European Union's foreign and security policy. Shared vision, common action: a stronger Europe. 2016. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0_0.pdf (accessed 14.02.2024).

5. Borrel J. Central Asia's growing importance globally and for the EU // EU External Action. 20.11.2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/central-asia%E2%80%99s-growing-importance-globally-and-eu_en (accessed 13.02.2024).

6. Connecting Europe and Asia – Building blocks for an EU Strategy. 2018. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_connecting_europe_and_asia_-_building_blocks_for_an_eu_strategy_2018-09-19.pdf (accessed 13.02.2024).

7. Dzhuraev Sh. The EU's Central Asia policy: no chance for change? // Central Asian Survey. 2022. Vol. 41. Iss. 4. P. 639–653. https://doi.org/10.1080/02634937.2022.2054951

8. EU compares dependency on Russia and China // Obela. 7.11.2022. URL: http://www.obela.org/nota/eu_compares_dependency_on_russia_and_china (accessed 14.02.2024).

9. European Parliament resolution of 17 January 2024 on the EU strategy on Central Asia (2023/2106(INI)). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0027_EN.pdf (accessed 14.02.2024).

10. Gerrits A., Klijn H. Central Asia under Brussels' and Moscow's eyes // Security & Human Rights. 2022. Vol. 32. Iss. 1-4. P. 1–16. https://doi.org/10.1163/18750230-bja10014.

11. Matveeva A. A new opening for EU–Central Asia relations? // Carnegie Europe. 13.04.2023. URL: https://carnegieeurope.eu/2023/04/13/new-opening-for-eu-central-asia-relations-pub-89454 (accessed 11.02.2024).

12. Speech by President von der Leyen on EU-China relations to the Mercator Institute for China Studies and the European Policy Centre // European Commission. 30.03.2023. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/%20en/speech_23_2063 (accessed 11.02.2024).

13. Sustainable transport connections between Europe and Central Asia // EBRD. 16.06.2023. URL: https://transport.ec.europa.eu/system/files/2023-06/Sustainable_transport_connections_between_Europe_and_Central_Asia.pdf (accessed 14.02.2024).

14. Szczepański M. China's economic coercion. Evolution, characteristics and countermeasures. European Parliament briefing. 2022. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/738219/EPRS_BRI(2022)738219_EN.pdf (accessed 15.02.2024).

15. Vasić B., Pekić I., Šimić G. Energy security of the European Union and corruption in Central Asia as the main challenges for the European sustainable energy future // Energy, Sustainability and Society. 2023. Vol. 13. Iss. 31. https://doi.org/10.1186/s13705-023-00406-3.

16. Winn N., Gänzle St. Recalibrating EU foreign policy vis-à-vis Central Asia: towards principled pragmatism and resilience // Geopolitics. 2023. Vol. 28. Iss. 3. P. 1342–1361. https://doi.org/10.1080/14650045.2022.2042260.

◆

Информация об авторе

Яна Валерьевна Лексютина, д-р полит. наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: lexyana@ya.ru

Information about the author

Yana V. Leksyutina, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of American Studies, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: lexyana@ya.ru

Поступила в редакцию 16.02.2024 Одобрена после рецензирования 13.05.2024 Принята к публикации 27.05.2024

Received 16.02.2024 Approved 13.05.2024 Accepted 27.05.2024

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 33–40.
Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 33–40.

Научная статья
УДК 94
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/33-40

Старые и новые интересы Китая в Центральной Азии

Евгений Владимирович Савкович
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия;
Новосибирский Государственный Университет Экономики и Управления,
Новосибирск, Россия, savkovichy@yandex.ru
Артём Георгиевич Данков
Московский государственный институт (университет) международных отношений, Москва, Россия;
Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, artem.dankov.83@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена обсуждению и анализу ключевых китайских национальных интересов в Центральной Азии, которые являются важными элементами анализа в западной и отечественной практике. Это вызвано как экономическим и политическим ростом самого Китая, так и попытками понять, что на самом деле является его геополитическими интересами и как они изменяются. В работе представлен анализ основных принципов китайской политики в Центральной Азии, форм её реализации на практике.
Ключевые слова: *Китай, Центральная Азия, внешняя политика, "мягкая сила, национальные интересы*
Для цитирования: Савкович Е. В., Данков А. Г. Старые и новые интересы Китая в Центральной Азии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 33–40. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/33-40

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/33-40

Old and new interests of China in Central Asia

Evgeniy V. Savkovich
National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia;
Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, savkovichy@yandex.ru
Artyom G. Dankov
Moscow State Institute (University) of International Relations, Moscow, Russia;
National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, e-mail: artem.dankov.83@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the discussion and analysis of key Chinese national interests in Central Asia, which are important elements of analysis in Western and domestic practice. This is driven both by the economic and political growth of China itself, and by attempts to understand what its geopolitical interests actually are and how they are changing. The paper presents an analysis of the basic principles of Chinese policy in Central Asia and the forms of its implementation in practice.
Key words: *China, Central Asia, foreign policy, soft power, national interests*
For citation: Savkovich E. V., Dankov A. G. Old and new interests of China in Central Asia // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 33–40. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/33-40

Важнейшими элементами внешней политики государства остаются сформулированные в различных формах национальные интересы (стратегии, концепции, теории, инициативы, планы и т.д.). С помощью опубликованных документов мы можем оценить намерения государств, а реальные внешнеполитические шаги таким же образом могут быть оценены по конкретным двусторонним соглашениям, однако не сводимы только к ним. С одной стороны, государство определяет их самостоятельно, с другой – их пытаются обозначить и выявить внешние участники, в том числе на государственном уровне, в рамках независимых аналитических центров, экспертного сообщества, научных и академических учреждений, частных лиц и т.д.

Основная проблема данного исследования заключается в рассмотрении преемственности китайской внешней политики в регионе Центральной Азии на протяжении ее формирования (1990 – н.в.), а также сравнительно "новых" ее элементов через призму национальных интересов.

В качестве исследовательских задач в представленной работе можно выделить следующие:

- разграничить и в общем виде представить условно "старые" и "новые" интересы КНР в регионе Центральной Азии;
- выделить отдельные компоненты национальных интересов в различных формах, представленными в китайских внешнеполитических концепциях;
- описать предложенные Китаем принципы сотрудничества;
- представить новые модели "вовлечения" государств в сотрудничество;

© Савкович Е. В., Данков А. Г., 2024

• охарактеризовать "новые" интересы КНР в регионе с учетом появившихся внутри- и внешнеполитических проблем.

Обсуждение китайских национальных интересов является важным элементом анализа в западной и китайской теории и практике международных отношений. Это вызвано как ростом самого Китая, так и попытками понять, что на самом деле является его геополитическими интересами и как они изменяются. В целом на этом этапе можно выделить следующие уровни: стратегирования, формирования и формулирования национальных интересов.

"Ключевые национальные интересы" Китая в качестве термина, а также некой модели можно встретить, например, у М. Суэйна **[20]**. В данном случае показан выход за пределы "базовых" или "ключевых" интересов (*хэсинь лии*), к которым можно отнести:

- сохранение существующей государственной системы;
- национальную безопасность;
- защиту национального суверенитета и территориальной целостности;
- продолжение практики модернизации;
- стабильное развитие экономики и общества; и т.д. **[13]**.

Попытки формулирования национальных интересов предпринимались и китайскими авторами, которые выбирали в качестве методологии исследований неореализм **[13]**. Здесь в дополнение к уже имеющимся примерам в качестве национального интереса, например, Е Сяоди приводит "сохранение статуса "великой державы" на длительный период времени" **[22]**.

В рамках данного исследования условно "старые" интересы – сформулированные еще на первом этапе взаимодействия (1990-е – начало 2000-х гг.), а "новые" появляются сравнительно недавно и связаны в том числе с развитием китайской инициативы "Пояса и пути" (2013 – н.в.). Постараемся рассмотреть эти блоки более подробно.

С точки зрения регионального контекста КНР начинает формулировать интересы в Центральной Азии уже в первый период после установления дипломатических связей. Однако и до этого момента в Китае уже активно изучали пограничные территории позднего СССР, анализировали хозяйственную деятельность советских республик вплоть до создания каталогов отдельных хозяйствующих субъектов, получивших новые права и преференции в торговле.

Попытки наложить понятие "национальный интерес" на внешнюю политику Китая в качестве исследовательской проблематики можно обнаружить в работах конца 1990-х гг.**[10]**. Характерной чертой данного периода была повышенная дипломатическая активность Китая и различного рода "принципы", "цели", "задачи", которые озвучивали китайские государственные деятели на разных уровнях и различных площадках. Часть такого рода внешнеполитической риторики была адресована государствам-соседям КНР.

В качестве базовых норм внешней политики, которую проводил Китай как в регионе Центральной Азии в целом, так и в рамках двусторонних отношений, являются "пять принципов мирного сосуществования", которые лежат в основе дипломатии современного Китая. Так, КНР стремится развивать отношения со всеми странами мира на основе:

- взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности;
- взаимного ненападения;
- невмешательства во внутренние дела друг друга;
- равенства и взаимной выгоды;
- мирного сосуществования **[2]**.

Данные принципы были положены в основу типовых "Совместных заявлений" Китая и стран Центральной Азии, которые были подписаны одновременно с установлением дипломатических отношений в январе 1992 года. Встречаются они и в более поздних документах.

Продолжая данную практику, в июле 1994 года заместитель премьера Госсовета КНР и министр иностранных дел Цянь Цичэнь на форуме АСЕАН озвучил базовые принципы сотрудничества Китая со странами Азиатско-Тихоокеанского региона **[5]** (которые можно было распространить и на Центральную Азию):

• установление отношений взаимного доверия и уважения интересов друг друга;

- сохранение добрососедских отношений с новыми государствами на основе Устава ООН и пяти принципов мирного сосуществования;
- установление взаимовыгодных экономических связей для стимулирования общего экономического развития;
- разрешение конфликтных ситуаций или споров между странами региона на основе равных консультаций;
- совместная работа над сокращением факторов нестабильности;
- руководство целями мира и безопасности для данного региона, не проведение гонки вооружений, не использование угрозы применения ядерного оружия против неядерных держав;
- стимулирование всех форм регионального двустороннего и многостороннего диалога по проблемам безопасности **[5]**.

По сути, это заявление можно трактовать как расширенную версию "пяти принципов мирного сосуществования" с определенными форматами для развития двух- и многостороннего сотрудничества.

Параллельно с формулированием теоретических принципов и норм сотрудничества, развиваются и отношения с пограничными или периферийными (*чжоубянь*) государствами. Постепенно формируется несколько направлений практической реализации, а именно:

- создание четких базовых принципов двусторонних отношений;
- подчеркивание "особых связей" КНР со странами региона;
- формирование дружественного, "невраждебного" диалога;
- "сотрудничество через вовлечение";
- признание "базовых интересов" другой стороны.

Большинство данных пунктов продолжило развиваться в различных вариантах, что было институционализировано сначала в так называемую "Шанхайскую пятерку", а затем – Шанхайскую организацию сотрудничества. Важнейшим компонентом данного процесса являлось обеспечение безопасности, а Китай и Россия формировали региональную подсистему, оторванную от европейской системы безопасности.

Формулирование и акцентуация интересов в регионе Центральной Азии происходила и позднее. Так, авторы Чи Дунхай и Чжао Цзянь в работе 2010 года "Центральная Азия и Китай: геополитика и безопасность" предлагали следующие трактовки: "у всех государств существует примерно один и тот же круг проблем... базовых интересов... это касается обеспечения независимости и суверенитета, территориальной целостности, религиозных и национальных проблем, использования ресурсов, безопасности в целом" **[8, с. 23]**. Китайская сторона занималась как изучением региона в целом, так и отдельных государств Центральной Азии, а планирование взаимодействия начиналось как раз с этого компонента. Особенно детально рассматривались "базовые" или "коренные" интересы (*хэсинь лии*) **[7, с. 90]**. В дальнейшем Китай оказывал содействие в решении "коренных" проблем – во всех документах КНР поддерживает усилия стран в рамках развития экономики, защиты национальной независимости, суверенитета, территориальной целостности **[4, с. 20]**, что, собственно, можно отнести к "базовым" или "коренным" интересам. С другой стороны, в качестве задачи для развития собственного Запада (СУАР, Тибет, провинции Ганьсу, Цинхай) важным компонентом стало развитие всех видов трансграничных контактов с государствами Центральной Азии, а Синьцзян-уйгурский автономный район становится своеобразными "воротами" в регион. В данном случае политические интересы (безопасность, стабильная граница) были тесным образом увязаны с интересами экономическими (развитие собственных провинций и автономных районов).

Политика и практика реализации построения "гармоничного общества" (*хэсе шэхуэй*) в Китае при Председателе Ху Цзиньтао из внутриполитической стала внешнеполитической, получив название "гармоничного мира" (*хэсе шицзе*) и, по сути, став развитием идей Дэн Сяопина "о мире и развитии" **[16]**. При этом в период нахождения у власти Ху Цзиньтао государства региона сталкиваются с существенными внешними вызовами, известными как "цветные революции", а "вторая кыргызская революция" становится моментом, когда "принципы могли столкнуться с реальностью". Однако и на этот раз Китай не отказался от принципов мирного сосуществования, даже когда под угрозой оказалась государственность соседней республики.

В 2013 году начинается провозглашение новых инициатив, в частности, провозглашается инициатива "Один пояс, один путь". В первую очередь, это связано с личностью нового Председателя КНР Си Цзиньпина. Одной из задач инициативы стало расширение так называемой "периферийной дипломатии" за пределы существующих национальных границ. Китай в данном случае становился из региональной державы глобальной, "стабилизируя" ситуацию за счет присутствия в регионе и формирования стабильной и безопасной "среды". Казахстан как место, где инициатива была озвучена, становится важнейшим государством Центральной Азии в "периферийной дипломатии" Китая. В качестве принципов развития "Одного пояса, одного пути" были обозначены следующие:

- политическое согласование (общий курс);
- строительство общей дорожной сети (перевозки и транзит);
- укрепление торговых связей, валютных потоков и контактов между людьми **[18, p. 1]**.

Расширяя программы сотрудничества, Китай в данном случае продолжал предыдущую практику "сотрудничества через вовлечение". В итоге к инициативе подключились более 60 государств, появляется разделение на "граничащие" (*яньсянь*) и "относящиеся" (*сянгуань*) к "Одному поясу, одному пути" **[11, p. 3]**. Фактически речь шла о развитии всей Евразии (континентальная или сухопутная часть "Одного пояса, одного пути"). В то же время Китай, стремясь учесть интересы России, заявляет о готовности сопрягать проекты ОПОП с интересами и деятельностью ЕАЭС в Евразии.

Соответствующим образом развивается стратегирование. В октябре 2013 года в Пекине Си Цзиньпин озвучивает "две цели столетия", а именно: построение среднезажиточного общества (*сяокан*) к 2021 году и превращение КНР в сильное, процветающее государство. Доклад на 18-м Всекитайском съезде КПК стал ключевым по целеполаганию [3]. В дальнейшем можно выделить три инициативы Си Цзиньпина – "Инициатива по глобальному развитию", "Инициатива по глобальной безопасности" и "Инициатива глобальной цивилизации". Собственно, все три инициативы, с одной стороны, были предложением для рассмотрения мировому сообществу, с другой – частью долгосрочной стратегии Китая по встраиванию в глобальное пространство и увеличению роли в глобальном управлении. Что касается региональных механизмов, то здесь можно отметить проекцию собственных государственных (национальных) интересов КНР через определенные механизмы (инструменты) на регион Центральной Азии. Частью механизмов стали экономические, частью – культурные и социальные (практика использования "мягкой силы"). Частичная приостановка механизмов "мягкой силы" и переформатирование деятельности Институтов Конфуция и Ханьбань было связано с некоторым изменением самих принципов использования "мягкой силы", а также пандемией COVID-19.

Однако существенные вызовы появились уже в 2020-х гг. Так, 2020-е годы уже отмечены большим количеством различных событий. После начала глобальной пандемии COVID-19 изменились и подходы к двух- и многосторонним отношениям. Во внешнеполитической практике появляются новые инструменты. Так, можно отметить появление "зум-дипломатии" (zoom-diplomacy) **[9]**, что в случае с Китаем называлось "вув-дипломатия" (voov-diplomacy по наименованию основного для китайской части интернета видеомессенджера). Для Китая, как и для других государств мира, были закрыты границы, отменены ключевые мероприятия за рубежом. В данном случае существенную негативную роль сыграли разнообразные внешнеполитические императивы и COVID-19, который с подачи президента США Д. Трампа начал называться "китайский вирус", "уханьский вирус" по его происхождению, что серьезно ударило по китайскому имиджу за рубежом.

По данной проблематике начали появляться и разнообразные научные статьи, некоторые из них уже в названии фиксировали негатив по отношению к КНР, например, китайскую внешнеполитическую практику называли "пандемийной дипломатией" **[17]**, увеличилось количество антикитайских выступлений, социальных и бытовых конфликтов, связанных с пандемией. Собственно, поэтому Китай уделил большое внимание так называемой "ковидной дипломатии", которая может быть разделена на два компонента: "ди-

пломатию масок" и "дипломатию вакцин" **[15]** по ключевым компонентам такого рода взаимодействия с другими государствами. Для Китая подобного рода дипломатическая работа оказывалась очень важна, так как помогала снизить негативные последствия COVID-19 и положительным образом "работала" на китайский имидж. Так, только в рамках международного сотрудничества Китай передал при участии Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) более 180 млн. доз вакцин Синофарм (Sinopharm) и Синовак (Sinovac) другим государствам **[19]**.

В августе 2021 года китайская сторона принимала международный форум по COVID-19, выступая на котором Председатель Си Цзиньпин сказал: "Китай готов работать с международными организациями по продолжению сотрудничества в области разработки и внедрения вакцин для защиты международного сообщества и общего будущего" **[15, p. 4]**. Что касается государств Центральной Азии, то здесь как раз доминировали вакцины, созданные в России и Китае, правительство Республики Казахстан выступило за разработку собственной, а Кыргызстан закупил вакцину Турковак (Turcovac) в Турции **[14]**.

Продолжается сотрудничество в достаточно чувствительных для всех государств сферах, которые выходят за рамки непосредственно науки и техники, медицины, а на более высоком уровне государства Центральной Азии и Китая вновь обсуждают проблематику безопасности и ее составляющие.

Пандемия нарушила традиционные механизмы функционирования экономики, в частности, сильно пострадала приграничная торговля, в том числе с Китаем. В данном случае также оказывалась существенная роль СУАР в региональной политике Китая, который долгое время был транзитным регионом, но за 2000–2010-е гг. стал одной из производственных баз КНР на Западе, а роль транзитного региона стал выполнять Казахстан.

Вновь возникли проблемы с безопасностью, особенно это касается двух сюжетов, относящихся также к 2020-м гг.: пограничному конфликту между Кыргызстаном и Таджикистаном, а также "январским событиям" 2022 года в Казахстане. Фактически оказывается, что долгосрочная политика Китая в регионе была поставлена под вопрос, а "местная низовая исламизация" в ряде сопредельных регионов также существенно повлияла на уровень синофобии в этих обществах.

К сближению и сотрудничеству КНР со странами региона подталкивает и расширение присутствия "внешних" для региона государств, в частности – США. Так, в 2020 году появляется внешнеполитический документ, который ставит задачи в регионе вплоть до 2025 года **[21]**. Причем в страновой составляющей (Республика Казахстан) документов США отмечают следующее: "Россия и Китая поддерживают значительные связи и влияние в Казахстане и Центральной Азии, продвигая цели и ценности, которые зачастую противоречат американским" **[12]**.

К настоящему моменту оказалось, что политика и практика обеспечения безопасности Китай уже не устраивает, именно поэтому КНР создает новую концепцию безопасности, которая становится элементом внешней политики и предлагается в качестве основы для взаимодействия с государствами-соседями. Полностью она называется "Концепция глобальной безопасности", была разработана и представлена 21 февраля 2023 года **[6]**. Что касается государств Центральной Азии, то в тексте также для них нашлось место, в частности, был упомянут механизм "С1+5", который отразил желание Китая развивать сотрудничество на новом многостороннем уровне **[6]**. Также переход к новому формату частично можно отнести к "торможению" старых форматов сотрудничества. Так, после принятия в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) Индии и Пакистана в 2018 году стал более трудно достижимым региональный баланс. В ранних работах А. Д. Воскресенский называет это "многофакторным равновесием", который первоначально формировался на базе сотрудничества РФ и КНР [1]. Тем не менее для укрепления единства и решения других стоящих перед ШОС задач Китай опирается на ее важнейший принцип – "Шанхайский дух" (*Шанхай цзиншэнь*). При этом в практическом плане, помимо ШОС, Пекин рассматривает этот принцип в качестве модели для развития сотрудничества с другими регионами мира.

В качестве итога можно отметить следующее. В целом период после 2013 года можно назвать "новые форматы и механизмы при сохранении старых". То же самое относится и к долгосрочным интересам. Китайская дипломатия развивается по своеобразной "спирали" – идет последовательное развитие внешнеполитических концепций, от старых не отказываются, но дорабатывают и добавляют новые элементы. Если концепция не работает совсем или вызывает внешнюю критику, только тогда от нее отказываются, как произошло с концепцией "мирного возвышения Китая".

Региональные инициативы Китая проходили определенную обкатку – Центральная Азия рассматривалась не только как субъект, но и как объект международных отношений и дипломатии Китая, для чего требовалась разработка собственного инструментария, а также его практическое применение.

Появление новых интересов с китайской стороны также связано с экономической сферой, которая, однако, перекликается со сферой безопасности – это сохранение и развитие системы, формирование и работа в новых структурах и региональных механизмах, энергетика (уран) и т.д.

Что касается интересов, они также могут быть представлены еще в одной классификации:

- собственные государственные (национальные) интересы;
- общие интересы;
- надгосударственные интересы, в том числе связанные с идеологией;
- разработка концепции государственных (национальных) интересов.

На всех уровнях можно отметить активность и практику продвижения интересов через уже созданные и создаваемые вновь механизмы.

Литература

1. Воскресенский А.Д. Многофакторное равновесие в международных отношениях // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность. М., 2000. С. 413–440.

2. "Жэньминь жибао" публикует передовую статью, посвященную 50-й годовщине со дня выдвижения пяти принципов мирного сосуществования // Жэньминь жибао онлайн. URL: http://russian.people.com.cn/31521/2602534.html (дата обращения: 30.03.2024).

3. Си Цзиньпин тань "цюаньмянь цзяньчэн сяокан шэхуэй" = Си Цзиньпин обсудил построение всеобъемлющего среднезажиточного общества // Чжунго гунчандан синьвэнь ван (Новостная сеть КПК), 04.03.2015. URL: http://cpc.people.com.cn/xuexi/n/2015/0303/c385476-26629388.html (дата обращения: 30.03.2024).

4. Совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой (Алматы, 3 января 1992 г.) // Сыроежкин К.Л. Казахстан-Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству. Книга 3. Сборник документов. Алматы, 2010. С. 20.

5. Справка: отношения дружбы и сотрудничества между КНР и АСЕАН // Жэньминь жибао онлайн. 2004. 30 ноября. URL: http://russian.people.com.cn/31521/3021303.html (дата обращения: 30.03.2024).

6. Цюаньцю аньцюань чанъи гайнянь вэньцзянь. Цюаньвэнь = Концепция глобальной безопасности. Полный текст. 21.02.2023 // Чжунхуа жэньминь гунхэго Чжунъян жэньминь чжэнфу = Правительство Китайской Народной Республики. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2023-02/21/content_5742481.htm (дата обращения: 30.03.2024).

7. Чжунго юй Чжунъя гоцзя хэцзо силунь = Анализ сотрудничества КНР с государствами Центральной Азии / Под ред. Чжао Чанцина. Пекин, 2012.

8. Чи Дунхай, Чжао Цзянь. ЧжунъЯ юй Чжунго диюань чжэнчжи аньцзюань = Центральная Азия и Китай: геополитика и безопасность // Шичан чжоукань. 2010. № 6. С. 23.

9. Crawford Ch. Diplomacy In The Age of Zoom // Diplomat Magazine, July 7, 2021. URL: https://diplomatmagazine.com/diplomacy-in-the-age-of-zoom/ (дата обращения: 30.03.2024).

10. Deng Yong. The Chinese Conception of National Interests in International Relations // The China Quarterly. No.154 (June 1998). P. 308–329.

11. Ghiasy R., Zhou Jiayi. The Silk Road Economic Belt. Considering security implications and EU-China cooperation prospects. Stockholm: Stockholm International Peace Research Institute, 2017. P. 3.

12. Integrated Country Strategy. Kazakhstan // U. S. Department of State, May 25, 2022. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/07/ICS_SCA_Kazakhstan_Public.pdf (дата обращения: 30.03.2024).

13. Kelly T.K., Dobbins J., Shlapak D.A., Gompert D.C., Heginbotham E., Chalk P., Thrall L. The U.S. Army in Asia, 2030-2040. RAND Corporation, 2014. P. 11–46.

14. Lehmann D. The State of the COVID-19 Pandemic in Central Asia // Caspian Policy Center, July 12, 2021. URL: https://www.caspianpolicy.com/research/energy-and-economy-program-eep/the-state-of-the-covid-19-pandemic-in-central-asia (дата обращения: 30.03.2024).
15. Liu Liantao, Huang Yongli, Jin Jiyong. China's Vaccine Diplomacy and Its Implications for Global Health Governance // Healthcare, 2022. July, 10, 1276. 10 p.
16. Mariani B. China's Role and Interests in Central Asia. London: Saferworld, 2013. 21 p.
17. Searight A. Pandemic Politics: China Sharpens Its Power // Countering China's Influence Activities. Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2020. P. 24–30.
18. Silk Road Economic Belt: Prospects and Policy Recommendations. Working Papers. Center for China in the World Economy, Tsinghua University China Economic Net. May 20. 2014. 13 p.
19. Sinopharm, Sinovac important part of COVAX vaccine initiative: WHO // Xinhua, 07.01.2022. URL: https://english.news.cn/20220107/7c21e412dd624b6a80dbbf5226e2a1a1/c.html (дата обращения: 30.03.2024).
20. Swaine M.D. China's Assertive Behavior, Part One: On Core Interests // China Leadership Monitor, 2011. No. 34. P. 1–25.
21. United States Strategy for Central Asia 2019-2025: Advanced Sovereignty and Economic Prosperity // U. S. Department of State, February, 2020. URL: https://www. state. gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity/ (дата обращения: 30.03.2024).
22. Ye Xiaodi. Rediscovering the Transition in China's National Interest: A Neoclassical Realost Approach // Journal of Current Affairs. 2019. Vol.48(1). P. 76–105.

References

1. Voskresensky A.D. Multifactor equilibrium in international relations // Political science in Russia: intellectual search and reality. M., 2000. P. 413–440. (In Russ.).
2. "People's Daily" publishes an editorial dedicated to the 50th anniversary of the five principles of peaceful coexistence. // People's Daily online. URL: http://russian.people.com.cn/31521/2602534.html (accessed 30.032024). (In Russ.).
3. Xi Jinping discussed building an inclusive, moderately prosperous society. // Zhongguo gongchandan xinwen wang (CPC News Network), 03/04/2015. URL: http//cpc.people.com.cn/xuexi/n/2015/0303/c385476-26629388.html (accessed 30.03.2024). (In Chin.).
4. Joint communiqué on the establishment of diplomatic relations between the Republic of Kazakhstan and the People's Republic of China (Almaty, January 3, 1992) // Syroezhkin K. L. Kazakhstan-China: from cross-border trade to strategic partnership. Book 3. Collection of documents. Almaty, 2010. P. 20. (In Russ.).
5. Reference: relations of friendship and cooperation between the PRC and ASEAN // People's Daily online. 2004. November 30. URL: http://russian.people.com.cn/31521/3021303.html (accessed 30.032024). (In Russ.).
6. The concept of global security. Full text. 02/21/2023 // Government of the People's Republic of China. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2023-02/21/content_5742481.htm (accessed 30.03.2024). (In Chin.).
7. Analysis of cooperation between the PRC and the states of Central Asia / Ed. Zhao Changqing. Beijing, 2012. (In Chin.).
8. Chi Donghai, Zhao Jian. Central Asia and China: geopolitics and security // Shichang Zhoukan. 2010. No. 6. (In Chin.).
9. Crawford Ch. Diplomacy In The Age of Zoom // Diplomat Magazine, July 7, 2021. URL: https://diplomatmagazine.com/diplomacy-in-the-age-of-zoom/ (accessed 30.03.2024).
10. Deng Yong. The Chinese Conception of National Interests in International Relations // The China Quarterly. No.154 (June 1998). P. 308–329.
11. Ghiasy R., Zhou Jiayi. The Silk Road Economic Belt. Considering security implications and EU-China cooperation prospects. Stockholm: Stockholm International Peace Research Institute, 2017. P. 3.
12. Integrated Country Strategy. Kazakhstan// U. S. Department of State, May 25, 2022. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/07/ICS_SCA_Kazakhstan_Public.pdf (accessed 30.03.2024).
13. Kelly T.K., Dobbins J., Shlapak D.A., Gompert D.C., Heginbotham E., Chalk P., Thrall L. The U.S. Army in Asia, 2030–2040. RAND Corporation, 2014. P.11–46.
14. Lehmann D. The State of the COVID-19 Pandemic in Central Asia // Caspian Policy Center, July 12, 2021. URL: https://www.caspianpolicy.com/research/energy-and-economy-program-eep/the-state-of-the-covid-19-pandemic-in-central-asia (accessed 30.032024).
15. Liu Liantao, Huang Yongli, Jin Jiyong. China's Vaccine Diplomacy and Its Implications for Global Health Governance // Healthcare, 2022. July, 10, 1276. 10 p.
16. Mariani B. China's Role and Interests in Central Asia. London: Saferworld, 2013. 21 p.

17. Searight A. Pandemic Politics: China Sharpens Its Power/ In: Countering China's Influence Activities. Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2020. P. 24–30.

18. Silk Road Economic Belt: Prospects and Policy Recommendations. Working Papers. Center for China in the World Economy, Tsinghua University China Economic Net. May 20. 2014. 13 p.

19. Sinopharm, Sinovac important part of COVAX vaccine initiative: WHO // Xinhua, 07.01.2022. URL: https://english.news.cn/20220107/7c21e412dd624b6a80dbbf5226e2a1a1/c.html (accessed 30.03.2024).

20. Swaine M.D. China's Assertive Behavior, Part One: On Core Interests // China Leadership Monitor, 2011. No. 34. P. 1–25.

21. United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advanced Sovereignty and Economic Prosperity // U. S. Department of State, February, 2020. URL: https://www. state. gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity/ (accessed 30.03.2024).

22. Ye Xiaodi. Rediscovering the Transition in China's National Interest: A Neoclassical Realost Approach // Journal of Current Affairs. 2019. Vol.48(1). P. 76–105.

◆

Информация об авторах

Евгений Владимирович Савкович, д-р ист. наук, профессор кафедры востоковедения Национального исследовательского Томского государственного университета, Томск. Россия; профессор кафедры мировой экономики, международных отношений и права Новосибирского Государственного Университета Экономики и Управления, Новосибирск, Россия, e-mail: savkovichy@yandex.ru

Артём Георгиевич Данков, канд. ист. наук, научный сотрудник Института международных исследований Московского государственного института (университета) международных отношений, Москва, Россия; доцент кафедры мировой политики Национального исследовательского Томского государственного университета, Томск. Россия, e-mail: artem.dankov.83@mail.ru

Information about the authors

Evgeniy V. Savkovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia; Professor, Department of World Economy, International Relations and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, e-mail: savkovichy@yandex.ru

Artyom G. Dankov, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of International Studies, Moscow State Institute (University) of International Relations, Moscow, Russia; Associate Professor, Department of World Politics, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, e-mail: artem.dankov.83@mail.ru

Поступила в редакцию 03.04.2024 Одобрена после рецензирования 07.05.2024 Принята к публикации 27.05.2024

Received 03.04.2024 Approved 07.05.2024 Accepted 27.05.2024

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 41–51.
Oikumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 41–51.

Научная статья
УДК 327.8
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/41-51

Центральная Азия во внешнеполитических приоритетах Великобритании в 2021–2023 гг.

Елена Владимировна Хахалкина
Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, ekhakhalkina@mail.ru

Аннотация. В статье на примере внешнеполитических документов Великобритании анализируется изменение роли и места Центральной Азии в приоритетах страны. Показано, что регион занимал периферийное место в стратегиях "Глобальная Британия" (в версиях 2021 и 2023 гг.), однако изменение геополитического ландшафта в мире после начала Специальной военной операции в феврале 2022 г. вынуждает британское руководство брать курс на укрепление своего присутствия в странах Центральной Азии. На основе анализа отчета парламентского комитета по внешней политике (ноябрь 2023 г.) и правительственного ответа на него (январь 2024 г.) делаются выводы о том, что Британия поставила цель увеличить свое присутствие в регионе, одновременно ослабив других игроков, прежде всего РФ и Китай.
Ключевые слова: *Центральная Азия, Британия, Россия, "Большая игра"*
Для цитирования: Хахалкина Е. В. Центральная Азия во внешнеполитических приоритетах Великобритании в 2021–2023 гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 41–51. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/41-51

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/41-51

Central Asia in UK foreign policy priorities in 2021–2023

Elena V. Khakhalkina
National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russia, ekhakhalkina@mail.ru

Abstract. The article analyzes the changing role and position of Central Asia in the priorities of the United Kingdom, using the example of its foreign policy documents. It is shown that the region occupied a peripheral place in the strategies of "Global Britain" (in versions for 2021 and 2023), however, the change in the geopolitical landscape in the world after the start of the Special Military Operation in February 2022 forces the British leadership to take a course on strengthening its presence in the countries of Central Asia. Based on the analysis of the report of the parliamentary committee on foreign policy (November 2023) and the government's response to it (January 2024), conclusions are drawn that Britain has set a goal to increase its presence in the region, while weakening other players, primarily Russia and China.
Key words: *Central Asia, Britain, Russia, "Great Game"*
For citation: Khakhalkina E. V. Central Asia in UK foreign policy priorities in 2021–2023 // Oikumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 41–51. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/41-51

Введение

Регион Центральной Азии, в который входят Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан, в современных геополитических реалиях привлекает повышенное внимание разных игроков. С одной стороны, это Россия и Британия как противники "со стажем" со времен "Большой игры" XIX в., с другой стороны, это новые участники, такие как Индия, США, Китай и другие страны.

Целью статьи выступает выявление динамики отношения к указанному региону в британских политических кругах и руководстве в 2021–2024 гг. Хронологический отрезок объясняется публикацией в марте 2021 г. внешнеполитической стратегии "Глобальная Британия", обозначившей приоритеты страны на международной арене после выхода из Евросоюза или так называемого Брекзита. Верхняя граница связана с реакцией правительства Р. Сунака на экспертные оценки и рекомендации по интенсификации связей с регионом и большим акцентом на собственном позиционировании в этой части мира.

Методологически текст выстроен с опорой на дискурс-анализ (работа с политическими и медиа-нарративами), интент-анализ, историко-генетический и прогностический методы. Следует отметить, что, несмотря на значительный пласт работ в мировой науке по таким сюжетам, как "Большая игра" и колониальное соперничество XIX – начала XX вв., современная историография по политике именно Великобритании в регионе заметно скромнее **[2; 8; 10; 19; 28]**, что косвенным образом свидетельствует об изменившихся приоритетах для страны. В последние годы произошла симптоматичная реактуали-

© Хахалкина Е. В., 2024

зация на научном и общественно-политическом уровнях термина "Большая игра" и появление неологизмов "Большая игра 2.0" и "Новая Большая игра" применительно к текущим реалиям в Центральной Азии **[3; 4; 6; 16]**. Среди других важных новаций в исследовательском анализе внешних связей центральноазиатских республик можно отметить выделение фактора Монголии, Южного Кавказа, Индии и других стран в делах региона **[3; 5; 14; 17]**. Таким образом, имеющиеся лакуны, прежде всего в российской науке, по сюжетам, связанным с политикой Великобритании в регионе, придают дополнительную значимость заявленному замыслу данной статьи.

Центральная Азия в приоритетах "Глобальной Британии"

В марте 2021 г. была опубликована внешнеполитическая стратегия Соединенного Королевства "Глобальная Британия в эпоху конкуренции: комплексный обзор безопасности, обороны, развития и внешней политики" **[26]**. Накануне в сентябре 2020 г. произошло слияние Министерства международного развития с Министерством иностранных дел и по делам Содружества в единую структуру Министерство иностранных дел, Содружества наций и развития Великобритании, что отразило нацеленность Лондона на более тесную увязку вопросов внешней политики и развития. Целью провозглашалось объединение бюджета помощи и политики в области развития с глобальной дипломатической сетью Великобритания для обеспечения более комплексного подхода и повышения его воздействия на осуществляемый курс **[29].**

Доктрина "Глобальная Британия" состояла из пяти разделов: предисловия премьер-министра, общей вводной части, обзора состояния национальной безопасности и международной среды до 2030 г., стратегической программы действий и рекомендаций по осуществлению намеченных целей. Великобритания позиционируется в тексте как "европейская страна с глобальными интересами, открытой экономикой и морской торговой державой" **[26]**. Центральная Азия в документе занимает периферийное положение; будущее процветание страны увязано с углублением "экономических связей с динамично развивающимися регионами мира, такими как Индо-Тихоокеанский регион (ИТР), Африка и Персидский залив, а также за счет торговли с Европой" **[26].**

Приоритетность Индо-Тихоокеанского региона для Великобритании авторы документа объясняют его "решающим значением" для экономики, безопасности и глобальных амбиций Великобритании по поддержке открытых обществ **[26]**. В целом фокус мировой политики в последнее десятилетие действительно сместился на Восток, актуализировав дихотомию "Глобального Севера" и "Глобального Юга". Индо-Пацифика "находится в центре обостряющейся геополитической конкуренции с множеством потенциальных горячих точек: от нерешенных территориальных споров; до распространения ядерного оружия и просчетов в расчетах; до изменения климата и негосударственных угроз со стороны терроризма" **[26]**. Правительство ставило цель в ближайшее десятилетие углубить "свое участие в ИТР, устанавливая большее и более устойчивое присутствие, чем любая другая европейская страна" **[26]**. Среди других факторов, которые обуславливают значимость региона, называется зависимость "большей части торговли Великобритании в Азии от судоходства, которое проходит через ряд узких мест в Индо-Тихоокеанском регионе" **[26].**

Россия и Китай, наряду с Ираном и Северной Кореей, фигурируют в документе в качестве угроз, противостоять которым призвана стратегия "Глобальной Британии". Провозглашались цели "укреплять глобальную архитектуру противодействия распространению вопреки растущему давлению, формируя ее будущее в наших интересах. Поступая таким образом, мы поможем укрепить стабильность и улучшить социально-экономические условия в нестабильных регионах, тем самым решая проблемы, которые стимулируют нелегальную миграцию в регионе" **[26].**

В целом суть новой внешнеполитической установки на "Глобальную Британию" состояла в поиске новых возможностей для упрочения Лондоном своих позиций в мире после выхода из Евросоюза. Примечательно, что тезис "Глобальной Британии" (Global Britain) на уровне идеи (дать ответ на новые вызовы времени и ослабление позиций страны) созвучен концепту конца XIX – начала XX вв. "Большой Британии" (Greater Britain). Этот термин стал ответом на возрастающее беспокойство британских правящих кругов относитель-

но будущего страны и судьбы ее колониальной империи. Возрастание мощи США, Германии и Италии в последней трети XIX в., а также соперничество с Российской империей вынуждало Лондон искать способы защиты своего международного положения **[18, с. 160–184].**

Британская доктрина "Глобальная Британия" стала не только ответом на выход Соединенного Королевства из Евросоюза, но и на глубинные процессы изменения современного миропорядка. В настоящее время наблюдается переконфигурация сил на международной арене и попытки отдельных игроков установить новые правила игры и баланс сил в свою пользу в условиях повышенной геополитической напряженности.

В обновленной внешнеполитической стратегии Соединенного Королевства, принятой два года спустя в марте 2023 г., региону Центральной Азии вновь отводилось второстепенное значение. Великобритания подтверждала свою приверженность ИТР как имеющему решающее значение для экономики Великобритании, ее безопасности и интересам "в открытом и стабильном международном порядке" **[27]**. В документе вновь прогнозировалось, что события в этой части света "окажут непропорционально большое влияние на мировую экономику, цепочки поставок, стратегическую стабильность и нормы поведения государств. Выполнив первоначальную амбицию международных отношений по "наклону", мы поставим наш подход к Индо-Тихоокеанскому региону на долгосрочную стратегическую основу, сделав этот регион постоянной опорой международной политики Великобритании" **[27].** В стратегии постулировался тезис о высокой конкуренции за этот регион, "в котором … баланс сил должен гарантировать, что ни одна из держав не доминирует, и где богатая совокупность институтов и партнерств формирует стабильный, но адаптируемый региональный порядок" **[27].** При этом авторы как будто забывают, что соперничество между державами в целом возросло за разные регионы мира, включая Центральную Азию.

Закономерно большое внимание в обеих стратегиях 2021 и 2023 гг. уделено взаимодействию с ЕС (в обновленном отчете на этом сделан больший, чем прежде, упор), в том числе в оборонной сфере, что связано с реакцией на начало 24 февраля 2022 г. Специальной военной операции (СВО). В качестве основы британского "глобального" могущества фигурируют такие ключевые международные площадки, как ООН, "Группа семи", "Группа двадцати", Содружество, военные альянсы и другие **[27].**

Если Британия не проявила в это время большого интереса к Центральной Азии, то другие страны, наоборот, усилили свое внимание к ней. После начала СВО и углубления санкционного режима против России европейские государства оказались перед необходимостью замещения российских энергоресурсов. Регион способен сыграть такую замещающую роль благодаря своим богатым природным ресурсам и коммуникациям. В ноябре 2023 г. президент Франции Э. Макрон посетил с государственным визитом – первым за последние 30 лет – Казахстан и Узбекистан с целью достижения договоренностей в области энергетики. В состав делегации входили представители крупных национальных энергетических компаний **[6].**

США также проявляют повышенный интерес к Центральной Азии, увеличив количество визитов своих политиков и дипломатов в страны региона в последние годы. Стороны обсуждают сотрудничество в сферах экономики, экологии, энергетики и безопасности. В рамках 78-й сессии Генассамблеи ООН, например, состоялись встречи с президентом США Дж. Байденом в формате "ЦА5+1" **[12].** Кроме заинтересованности в ослаблении российских позиций в регионе США пытаются приостановить интеграционные проекты РФ в Центральной Азии, подорвать двусторонние отношения Москвы и государств региона **[3, с. 5].**

Эти задачи стали особенно актуальны после превращения центральноазиатских республик в важнейшие транзитные пункты для перевозки грузов в Россию. Для Москвы значимость региона "как надежного тыла, источника ресурсов и рынка сбыта" резко возросла наряду с важностью проведения странами Центральной Азии предсказуемой, лояльной России внешней политики. Эксперты отмечают, что "подобная тенденция характерна и для центральноазиатской политики Пекина. Элементы конкуренции России и Китая

за влияние в регионе сохранились, но преобладание совпадающих интересов стало более выраженным" **[7, с. 4].**

Через Казахстан, Узбекистан и Киргизию в РФ поступают товары из Евросоюза, Китая, США, Южной Кореи и других стран **[13].** Объем торговли между РФ и государствами Центральной Азии в 2022 г. увеличился на 15% и превысил 42 млрд долл. Страны региона Азии являются лидерами в сотрудничестве с Россией в сфере технологического суверенитета. Активно развиваются торговые отношения между членами Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), группы БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС), сообщил министр **[17].**

Согласно статистическим данным, в 2023 г. Китай обогнал Россию в качестве главного торгового партнера во всех пяти государствах Центральной Азии **[9]**. Казахстан стал последней страной региона, в которой Пекин обогнал Москву по годовому торговому обороту. Согласно данным Национального статистического бюро Казахстана, за первые девять месяцев 2023 г. на долю Китая пришлось 21,3 % (21,7 млрд долл.) от общего объема внешней торговли Казахстана. Доля российского товарооборота составила чуть меньше – 18,6 % (18,9 млрд долл.). Сырье и природные ресурсы составляли основную часть казахстанского экспорта в Китай, тогда как торговля КНР состояла в основном из готовой продукции, включая товары для дома, одежду и автомобили **[30].**

Изменение отношения Великобритании к региону Центральной Азии: причины, выражение и последствия

Усиление Москвы и Пекина в Центральной Азии вызвало обеспокоенность в Лондоне. В ноябре 2023 г. появился специализированный, посвященный региону экспертный документ. Комитет Палаты Общин Великобритании по иностранным делам представил отчет "Страны на перепутье: участие Великобритании в Центральной Азии" с рекомендациями правительству. В нем было зафиксировано, что еще в феврале 2023 г. Комитет по иностранным делам запустил исследование, посвященное роли Великобритании в регионе **[22].**

Авторы отчета в качестве цели называли установление характера текущего взаимодействия правительства, а также определение возможностей для расширения и углубления взаимодействия, стремясь ответить на следующие вопросы:

a) Каковы ключевые проблемы у региона и его населения в предстоящее десятилетие, и какие последствия они имеют для внешней политики Великобритании?

b) Каковы возможности и риски укрепления Великобританией своих партнерских отношений с государствами Центральной Азии в областях, представляющих взаимный интерес?

c) Каковы отношения между государствами Центральной Азии и соседними странами, включая Китайскую Народную Республику и Российскую Федерацию, и где они создают проблемы для внешней политики Великобритании, а где они открывают возможности?

d) Что делает правительство, чтобы максимизировать влияние "мягкой силы" Великобритании в государствах Центральной Азии?

e) Какие возможности существуют у Великобритании для более тесного сотрудничества с государствами Центральной Азии в рамках многосторонних институтов и содействия уважению международного порядка, основанного на правилах **[22]**?

В отчете признавалось, что страны Центральной Азии имеют важные культурные, политические, языковые и исторические различия, и их не следует рассматривать как чисто однородную группу (хотя у них много общего, обращали внимание авторы документа), когда дело доходит до реализации политики или сосредоточения дипломатического внимания.

Материал для анализа и итогового отчета был получен на основании 27 письменных свидетельств от частных лиц и организаций, мнений 13 экспертов, которые участвовали в трех сессиях по проблематике, и на основе заслушанных в частном общении точек зрения от представителей Центральной Азии, живущих и обучающихся в Великобритании. Также в качестве базы послужили материалы частных встреч с послами каждой из стран Центральной.

Авторы отчета совершили пятидневный визит в Астану, Бишкек и Ташкент, встречаясь с различными визави и официальными лицами Великобритании **[22].**

В разделе "Геополитический контекст и региональное сотрудничество" авторы ставят вопросы о неприемлемости в современных условиях использования таких понятий по отношению к странам региона, как "задний двор Китая и России", "постсоветские государства" и "Новая Большая игра". Такие упрощенные оценки сопряжены, согласно отчету, с риском недооценки самостоятельности стран и недооценкой их потенциала. Два существенных фактора, как акцентируют внимание авторы отчета, в настоящее время формируют внешнюю политику стран Центральной Азии:

a) Правительства стран Центральной Азии проводят "многовекторную внешнюю политику", стремясь диверсифицировать торговлю, инвестиции и дипломатию вдали от России. Однако тесные экономические и культурные связи с Россией в настоящее время ограничивают возможности и стимулы для отделения.

b) Возобновившееся незаконное вторжение России в Украину подорвало доверие к России как гаранту безопасности в регионе, но также усилило зависимость России от стран Центральной Азии в плане международной поддержки и обхода санкций **[22].**

Авторы доклада считают, что "черно-белый подход России, рассматривающей страны либо как друзей, либо как врагов", создает значительные трудности для государств Центральной Азии, поскольку они пытаются сделать "всех своих международных партнеров счастливыми" **[22].** Признается, что Россия как никогда заинтересована в сотрудничестве со странами региона, однако за постсоветский период многое изменилось. Например, молодое поколение, родившееся после 1985 г., более склонно изучать английский как второй язык и использовать родной язык как первый. Они с большей вероятностью поглощают нероссийские СМИ, не имеют лояльности к РФ и зачастую склоняются к поддержке Запада **[22]**. Соответственно, рекомендуют авторы отчета, такая "меняющаяся динамика в сочетании с геополитическими последствиями открывает значительные возможности для правительства и бизнеса Великобритании" **[22]**. В отчете анализируются действия других игроков и лакуны для британского проникновения в регион, учитывая желание центральноазиатских республик диверсифицировать свое международное партнерство, особенно в сфере торговли и инвестиций. Хотя при этом признается, что первоочередной целью лидеров государств Центральной Азии является сохранение власти, что создает почву для коррупции и других незаконных финансовых операций, нарушений прав человека и роста угроз внутренней и внешней безопасности **[22].**

В целом оценки парламентского комитета в отношении текущей политики британского правительства носят взвешенный характер, справедливо указывая на недостаточность присутствия страны в этом районе мира в современных геополитических условиях.

11 января 2024 г. был опубликован ответ правительства Р. Сунака на отчет Комитета по иностранным делам. В документе сформулирована позиция кабинета ("полностью или частично согласны" с пояснениями) по 28 рекомендациям комитета о действиях Лондона в Центральной Азии **[23].**

В начале документа правительство Великобритании выражает благодарность Комитету по иностранным делам за его работу и отмечает своевременность отчета. "Министерство иностранных дел по делам Содружества и развития вместе с другими правительственными ведомствами активно расширяет свое взаимодействие со странами Центральной Азии, в том числе в ответ на незаконное вторжение России в Украину. За последние два года мы расширили участие в поддержке приоритетов Великобритании в Центральной Азии, включая климат, развитие, образование, торговлю, безопасность и оборону" **[23].**

В правительственном ответе акцентируется, что "возобновленное взаимодействие Великобритании основывается на фундаменте, созданном более чем за 30 лет после обретения независимости странами Центральной Азии" **[23].** Зафиксировано, что Британия остается одной из немногих стран, имеющих послов и посольства во всех пяти центральноазиатских республиках. К

этому также следует добавить, что Лондон располагает такими инструментами влияния, как Британский совет (финансирует программы Creative Spark и Creative Central Asia) и другие фонды **[23].**

Следует отметить излишнюю политизированность правительственного ответа на отчет парламентского Комитета. "Красной нитью" через документ проходит антироссийская риторика: практически каждое из положений ответа правительства включает обоснование к необходимости снижения российского присутствия в регионе. Например, речь идет о создании информационной инфраструктуры для борьбы с дезинформацией и "понимания российских и других информационных операций" **[23]**. Предполагается расширение участия Министерства обороны Великобритании в регионе для "содействия и поощрения более широкого сотрудничества в области региональной безопасности, а также мер по миростроительству и смягчению последствий конфликтов. Министерство обороны Великобритании в Центральной Азии уже планирует продолжить серию курсов/симпозиумов для региональных военнослужащих по праву вооруженных конфликтов и этическим аспектам операций" **[23].**

Как противовес действиям Москвы в регионе Лондон планирует усилить координацию своих действий с "международными партнерами-единомышленниками в Центральной Азии, в частности с США, ЕС, Японией и Республикой Корея. Недавние коммюнике "Группы Семи" подчеркнули важность расширения взаимодействия с использованием таких инструментов, как Партнерство в интересах глобальной инфраструктуры и инвестиций (PGII) для поддержки развития инфраструктуры, необходимой для расширения связей в Центральной Азии и преодоления уязвимых точек в области логистики" **[23].** С Турцией британское правительство договорилось о "тесном сотрудничестве по региональным вопросам, включая энергетическую безопасность и Транскаспийский транспортный коридор" **[23].**

В целом такая риторика Великобритании соответствует общему курсу США и стран Евросоюза "на эскалацию конфронтации с Россией, включающей нанесение ей военного поражения, ее экономическое истощение и социально-политическую дестабилизацию. Важным элементом этого курса является усиление давления на союзников России, ее политических и экономических партнеров за рубежом" **[7, с. 3]**.

Объективно же РФ не является ключевым соперником Великобритании в регионе, однако о других, более серьезных конкурентах (например, Китае) в документе говорится вскользь. Для Лондона, который избрал антироссийскую карту в качестве одной из основ своей внешнеполитической линии, важен скорее сиюминутный информационный эффект, чем продуманный на длительную перспективу курс. Пятилетний период, заложенный в документе, вряд ли можно рассматривать как достаточный для долгосрочного планирования и качественного перезапуска отношений со странами Центральной Азии. Политика, как видно, пока перевешивает экономику.

Авторы документа признают, что "изменения в любой политической сфере в Центральной Азии вряд ли произойдут быстро, и влияние Великобритании, скорее всего, будет успешным, если оно будет основано на стабильных отношениях взаимного уважения, доверия и понимания. Относительно недорогие программы (например, в сфере образования, английского языка и творческих отраслей) могут иметь большое значение с точки зрения создания доброй воли среди населения и правительств в странах Центральной Азии. Мы рекомендуем, чтобы стратегия правительства Великобритании, регулирующая взаимодействие со странами региона, характеризовалась четкими долгосрочными целями и соответствующими, полностью финансируемыми, краткосрочными и среднесрочными действиями" **[23].** Также в правительственных рассуждениях признается, что регион "подвержен высокому уровню нестабильности, будь то в результате суровых погодных условий, последствий конфликтов в других частях региона или внутренних политических потрясений". Действительно, для стран региона характерна нестабильность партийно-политических систем, наличие сильных тенденций в сторону авторитарного управления, уязвимость перед внешними рисками и иностранным влиянием. За пятилетний период действия прошлой стратегии в отношении Центральной Азии, подчеркивают авторы ответа, "произошли огромные глобальные потрясения, такие как пандемия COVID-19 (и связанные с ней эко-

номические последствия как для Великобритании, так и для стран региона), а также конфликты, которые имели серьезные последствия для региона, будь то незаконное вторжение России в Украину или события в Афганистане" **[23]**.

Правительство Великобритании и парламентские эксперты признают, что страны Центральной Азии "полностью понимают, что существует международная конкуренция за сотрудничество с ними", поэтому считают нужным поддерживать "региональную стратегию высокого уровня" **[23]**. В реальности же для реализации такой громкой декларации у Лондона пока нет достаточных ресурсов. Следует учитывать и силу инерционного движения – Британия потратила немало ресурсов для разворота на Индо-Тихоокеанский регион после Брекзита. Соответственно, в настоящее время даже при резкой смене курса переориентировать весь комплекс усилий в другое направление не представляется возможным. Впрочем, и достаточных причин и мотивации для переориентации на страны Центральной Азии у Британии не наблюдается.

В конце правительственного ответа представлен график поездок и встреч британских дипломатов и политиков в 2022–2023 гг., видимо, для подтверждения серьезности намерений в регионе. В качестве существенного дополнения к этим визитам и обновления своей политики в регионе Великобритания запланировала в текущем 2024 г. большую встречу "Центральная Азия+Великобритания" (формат "5+1") для обсуждения проблем возобновляемых источников энергии и выработки новых механизмов регионального сотрудничества.

Большие планы на регион у Евросоюза. В 2019 г. ЕС принял новую стратегию в отношении Центральной Азии, в которой в качестве ключевых основ фигурирует повышение устойчивости, региональное сотрудничество и процветание. Позднее этот документ был дополнен стратегией "Глобальные ворота" и "Европейским зеленым курсом", которые имеют отношение к связям ЕС с регионом. Брюссель пытается таким образом решать задачи, связанные с углублением торгового сотрудничества со странами региона и предотвращением обхода санкций ЕС против России **[25].**

Евросоюз остается и одним из основных торговых партнеров Центральной Азии. На долю торговли с Евросоюзом приходится около трети общей внешней торговли стран региона (23,6% в 2021 г.), хотя общий оборот торговли сторон остается низким. ЕС также является крупнейшим иностранным инвестором в Центральной Азии: более 40% совокупных инвестиций в регионе приходится на этот блок. Экспорт пяти стран в ЕС в основном сосредоточен на нескольких сырьевых товарах, преимущественно это нефть, газ, металлы и хлопковое волокно. В экспорте ЕС преобладают машины, транспортное оборудование и другие промышленные товары (более половины экспорта ЕС в регион) **[20].**

В октябре 2023 г. глава внешнеполитического ведомства ЕС Ж. Боррель объявил, что в первой половине 2024 г. Европейский союз и страны Центральной Азии проведут саммит, посвященный расширению сотрудничества в области торговли, транспорта, энергетики и цифровых технологий **[24].** Однако в целом результативность предпринимаемых Евросоюзом шагов в центрально-азиатском направлении невысока. Элиты стран региона не склонны доверять Вашингтону и Брюсселю **[3, с. 7].** Принятая в октябре 2023 г. Дорожная карта по углублению связей между ЕС и Центральной Азией носит декларативный характер, делая акцент на поддержке Евросоюзом "углубления внутрирегионального политического диалога и сотрудничества" и развития Транскаспийского транспортного коридора **[7, с. 7].** Как следствие, позиции Евросоюза, США и тем более Великобритании в регионе остаются слабыми и требуют как значительных финансовых вливаний, так и продуманной долгосрочной стратегии.

Заключение

Для Великобритании большое значение в регионе Центральной Азии продолжают иметь такие факторы, как доступ к ресурсам и коммуникациям, возможности для инвестирования, осуществления финансовых операций через Лондонский Сити и укрепление своего внешнеполитического престижа после выхода из Европейского союза. В XIX в. "Большая игра" России и Британии в Центральной Азии сопровождалась острой конкуренцией сторон за

ресурсы, взаимным недоверием, враждебностью и ростом территориальных амбиций друг друга. В настоящее время страны Центральной Азии хотя и не являются объектом колониальных устремлений великих держав, по сути сталкиваются с давлением, которое можно обозначить как неоколониальный нажим. За ресурсы региона и влияние на его страны вновь развернулось упорное соперничество, которое усиливает геополитический контекст и общее возрастание конфликтности в мире.

Для Великобритании регион становится районом повышенного внимания из-за усиления Китая и России, возрастания интереса со стороны Евросоюза и США, роста влияния соседних государств. Страна нуждается в новых заметных инициативах после принятия доктрины "Глобальная Британия" и ее обновленной версии. Встреча на высшем уровне, которую Великобритания запланировала в первой половине 2024 года, возможно, станет началом перезапуска ее политики в регионе, однако вряд ли от нее можно ожидать значительных и скорых результатов. Скорее речь может идти о кратковременном информационном эффекте, чем о глубоких сдвигах. Для действительно качественных изменений требуется более длительный период с системными усилиями, ресурсами и стратегией, основанной не на конъюнктуре сегодняшнего дня, а учитывающей глубинные процессы и потребности стран Центральной Азии.

Литература

1. Алешин А.А. Великобритания–Евросоюз–НАТО: Реорганизация "трансатлантического пространства безопасности". М.: Издательство "Аспект Пресс", 2023. 320 с.

2. Ахмедов Ф. А. "Большая игра" XXI века или геополитические игры мировых держав в Центральной Азии // Известия Института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан. 2018. № 4. С. 201–210.

3. Банержи И. Индия и новая "большая игра" в ЦА // Большая игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии. 2007. № 2(2). С. 28–35.

4. Борисов Д. А. "Большая игра 2.0" на пространстве центральной Азии (начало: 1990-2000) // Актуальные вопросы региональных и международных исследований: сборник научных трудов. Новосибирск, 2016. С. 121–136.

5. Буцикова Е. А. Россия и Китай как ключевые игроки новой "Большой игры" в Центральной Азии // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2019. № 22. С. 6–9.

6. Винье Т. Французский энергетический сектор в Центральной Азии: текущее состояние и перспективы развития. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/frantsuzskiy-energeticheskiy-sektor-v-tsentralnoy-azii-tekushchee-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya/?sphrase_id=132779790 (дата обращения: 27.02.2024).

7. Данков А.Г., Погорельская А.М., Троицкий Е.Ф., Юн С.М., Ядыкин Д.А. Россия – Центральная Азия: тенденции и перспективы взаимодействия, 2022–2024 гг. Аналитический доклад № 2.

8. Елишев С. О. "Большая Игра": противостояние Русского и Англосаксонского мира // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29, № 4. С. 33–64. https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-4-33-64.

9. Когут В. Г. "Новая Большая игра" в Казахстане // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2022. № 1(37). С. 29-38. https://doi.org/10.37468/2307-1400-2022-1-29-38.

10. Козьменко С.Ю. Современный гамбит в евразийской версии "Большой игры". // ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: экономика, право, политика. 2022. № 4. С. 121–129. https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-121-129

11. Кузьмина Е. Новый виток Большой игры? // Россия и мусульманский мир. 2011. № 7. С. 86–96.

12. Логинова К. Под контролем: Британия решила усилиться в Центральной Азии. URL: https://iz.ru/1622833/kseniia-loginova/pod-kontrolem-britaniia-reshila-usilitsia-v-tcentralnoi-azii (дата обращения: 27.02.2024).

13. Михайлов Г. Центральная Азия: конкуренция или сотрудничество? URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tsentralnaya-aziya-konkurentsiya-ili-sotrudnichestvo/?sphrase_id=713308 (дата обращения: 27.02.2024).

14. Михалев А. В. "Новая Большая игра" в Центральной Азии: фактор Монголии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. Т. 9. № 2(191). С. 35–41.

15. Панфилова В. Великобритания разработала свою стратегию для Центральной Азии. URL: https://www.ng.ru/cis/2023-12-13/5_8901_asia.html (дата обращения: 27.02.2024).

16. Рудаков Н. А. "Большая игра" и "Новая Большая игра": общее и особенное // Лебедевские чтения: Сб. ст. Пенза, 18 апреля 2023 года / Под редакцией О.А. Суховой. Пенза, 2023. С. 219–224.

17. Рябчикова А. А. Южный Кавказ как часть Новой Большой игры // Актуальные вопросы современной науки и образования: сб. ст., Пенза, 15 ноября 2023 года. Пенза, 2023. С. 324–328.

18. Хахалкина Е. В. От "Большой" к "Глобальной Британии": новое и старое во внешнеполитических установках Соединенного Королевства // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 3. С. 160–184. https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-3-160-184.

19. Aubakir A. Global actors in Central Asia: Great game or Great Gain? // Public Administration and Civil Service. 2020. No. 3(74). P. 68-76. https://doi.org/10.52123/1994-2370-2020-74-3-67-75.

20. Central Asia. EU trade relations with Central Asia. Facts, figures and latest developments. URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/central-asia_en#:~:text=The%20EU%20is%20the%20region's,also%20grew%20(by%2077%25) (дата обращения: 27.02.2024).

21. China eclipses Russia as Central Asia's top trade partner in 2023. URL: https://eurasianet.org/china-eclipses-russia-as-central-asias-top-trade-partner-in-2023 (дата обращения: 27.02.2024).

22. Countries at crossroads: UK engagement in Central Asia. URL: https://publications.parliament.uk/pa/cm5803/cmselect/cmfaff/1158/report.html (дата обращения: 27.02.2024).

23. Countries at crossroads: UK engagement in Central Asia: Government Response to the Committee's Tenth Report of Session 2022–23. URL: https://committees.parliament.uk/publications/43019/documents/213977/default/ (дата обращения: 27.02.2024).

24. EU, Central Asian countries to hold summit in 2024. URL: https://thenortheastaffairs.com/eu-central-asian-countries-to-hold-summit-in-2024/ (дата обращения: 27.02.2024).

25. EU builds a strong and modern partnership with Central Asia. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/factsheet_centralasia_2019.pdf (дата обращения: 27.02.2024).

26. Global Britain in a Competitive Age: The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. Presented to Parliament by the Prime Minister by Command of Her Majesty, March 2021. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/969402/The_Integrated_Review_of_Security__Defence__Development_and_Foreign_Policy.pdf (дата обращения: 15.10.2023).

27. Integrated Review Refresh 2023: Responding to a More Contested Volatile World // GOV.UK. 16.05.2023. URL: https://www.gov.uk/government/publications/integrated-review-refresh-2023-responding-to-a-more-contested-and-volatile-world/integrated-review-refresh-2023-responding-to-a-more-contested-and-volatile-world (дата обращения: 27.02.2024).

28. Kustova I. Russia, Eurasia and the New Geopolitics of Energy. Confrontation and Consolidation // Europe-Asia Studies. 2016. № 68. P. 1091–1092.

29. Progress with the FDCO merger. URL: https://www.nao.org.uk/work-in-progress/progress-with-the-fcdo-merger/ (дата обращения: 27.02.2024).

30. Trade between Russia and Central Asia rises in 2022. URL: https://tvbrics.com/en/news/trade-between-russia-and-central-asia-rises-in-2022/ (дата обращения: 27.02.2024).

References

1. Aleshin A.A. Great Britain–European Union–NATO: Reorganization of the "Transatlantic Security Space". Moscow: Publishing house "Aspect Press". 2023. (In Russ.).

2. Akhmedov F. A. "Great Game" of the XXI century or the geopolitical games of the world powers in Central Asia // Izvestia of the A. Bakhovaddinov Institute of Philosophy, Political Science and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan. 2018. No. 4. P. 201–210. (In Russ.).

3. Banerjee I. India and the new "Great Game" in Central Asia // Great Game: politics, business, security in Central Asia. 2007. № 2(2). P. 28–35. (In Russ.).

4. Borisov D. A. "Great Game 2.0" in the space of Central Asia (beginning: 1990–2000) // Topical issues of regional and international studies: a collection of scientific papers. Novosibirsk, 2016. P. 121–136. (In Russ.).

5. Butsikova E. A. Russia and China as key players of the new "Great Game" in Central Asia // Russia and China: problems of strategic cooperation: collection of the Eastern Center. 2019. No. 22. P. 6–9. (In Russ.).

6. Vigne T. French energy sector in Central Asia: current status and development prospects. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/frantsuzskiy-energeticheskiy-sektor-v-tsentralnoy-azii-tekushchee-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya/?sphrase_id=132779790 (accessed 13.03.2024). (In Russ.).

7. Dankov A.G., Pogorelskaya A.M., Troitsky E.F., Yun S.M., Yadykin D.A. Russia – Central Asia: trends and prospects for interaction, 2022 – 2024. Analytical report №. 2. (accessed 22.02.2024). (In Russ.).

8. Elishev S. O. "Great Game": the confrontation of the Russian and Anglo-Saxon world // Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2023. Vol. 29. No. 4. P. 33–64. https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-4-33-64.

9. Kogut V. G. "Great Game" in Kazakhstan // National security and strategic planning. 2022. No. 1(37). P. 29–38. https://doi.org/10.37468/2307-1400-2022-1-29-38. (In Russ.).

10. Kozmenko S.Yu. Modern gambit in the Eurasian version of the "Great Game". // EURASIAN INTEGRATION: economics, law, politics. 2022. No.4. P. 121–129. https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-121-129 (In Russ.).

11. Kuzmina E. A new round of the Great Game? // Russia and the Muslim World. 2011. No. 7. P. 86–96. (In Russ.).

12. Loginova K. Under control: Britain decided to strengthen itself in Central Asia. URL: https://iz.ru/1622833/kseniia-loginova/pod-kontrolem-britaniia-reshila-usilitsia-v-tcentralnoi-azii (accessed 23.02.2024). (In Russ.).

13. Mikhailov G. Central Asia: competition or cooperation? https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tsentralnaya-aziya-konkurentsiya-ili-sotrudnichestvo/?sphrase_id=713308 (accessed 11.02.2024). (In Russ.).

14. Mikhalev A.V. "The New Great Game" in Central Asia: the factor of Mongolia // National interests: priorities and security. 2013. Vol. 9. No. 2(191). P. 35–41. (In Russ.).

15. Panfilova V. Great Britain has developed its strategy for Central Asia. URL: https://www.ng.ru/cis/2023-12-13/5_8901_asia.html (accessed 31.01.2024). (In Russ.).

16. Rudakov N. A. "Great Game" and "The New Great Game": general and special // Lebedev readings: Collection of Penza art., April 18, 2023 / Ed. by O.A. Sukhova. Penza, 2023. P. 219–224. (In Russ.).

17. Ryabchikova A. A. South Caucasus as part of a New Big game // Topical issues of modern science and education: collection of articles, Penza, November 15, 2023. Penza, 2023. P. 324–328. (In Russ.).

18. Khakhalkina E. V. From "Greater" to "Global Britain": new and old in the foreign policy guidelines of the United Kingdom // Bulletin of Moscow University. Episode 25: International relations and world politics. 2023. Vol. 15. №. 3. P. 160–184. https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-3-160-184. (In Russ.).

19. Aubakir A. Global actors in Central Asia: Great game or Great Gain? // Public Administration and Civil Service. 2020. No. 3(74). P. 68–76. https://doi.org/10.52123/1994-2370-2020-74-3-67-75.

20. Central Asia. EU trade relations with Central Asia. Facts, figures and latest developments. URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/central-asia_en#:~:text=The%20EU%20is%20the%20region's,also%20grew%20(by%2077%25) (accessed 27.02.2024).

21. China eclipses Russia as Central Asia's top trade partner in 2023. URL: https://eurasianet.org/china-eclipses-russia-as-central-asias-top-trade-partner-in-2023 (accessed 27.02.2024).

22. Countries at crossroads: UK engagement in Central Asia. URL: https://publications.parliament.uk/pa/cm5803/cmselect/cmfaff/1158/report.html (accessed 27.02.2024).

23. Countries at crossroads: UK engagement in Central Asia: Government Response to the Committee's Tenth Report of Session 2022–23. URL: https://committees.parliament.uk/publications/43019/documents/213977/default/ (accessed 27.02.2024).

24. EU, Central Asian countries to hold summit in 2024. https://thenortheastaffairs.com/eu-central-asian-countries-to-hold-summit-in-2024/ (accessed 27.02.2024).

25. EU builds a strong and modern partnership with Central Asia. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/factsheet_centralasia_2019.pdf (accessed 27.02.2024).

26. Global Britain in a Competitive Age: The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. Presented to Parliament by the Prime Minister by Command of Her Majesty, March 2021. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/969402/The_Integrated_Review_of_Security__Defence__Development_and_Foreign_Policy.pdf (accessed 15.10.2023).

27. Integrated Review Refresh 2023: Responding to a More Contested Volatile World // GOV.UK. 16.05.2023. URL: https://www.gov.uk/government/publications/integrated-review-refresh-2023-responding-to-a-more-contested-and-volatile-world/integrated-review-refresh-2023-responding-to-a-more-contested-and-volatile-world (accessed 27.02.2024).

28. Kustova I. Russia, Eurasia and the New Geopolitics of Energy. Confrontation and Consolidation // Europe-Asia Studies. 2016. № 68. P. 1091–1092.

29. Progress with the FDCO merger. URL: https://www.nao.org.uk/work-in-progress/progress-with-the-fcdo-merger/ (accessed 27.02.2024).

30. Trade between Russia and Central Asia rises in 2022. URL: https://tvbrics.com/en/news/trade-between-russia-and-central-asia-rises-in-2022/ (accessed 27.02.2024).

◆

Информация об авторе

Елена Владимировна Хахалкина, д-р ист. наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Национального исследовательского Томского государственного университета, Томск, Россия, e-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Information about the author

Elena V. Khakhalkina, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Modern, Contemporary History and International Relations, Faculty of Historical and Political Sciences, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, e-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Поступила в редакцию 18.03.2024 Одобрена после рецензирования 05.05.2024 Принята к публикации 27.05.2024

Received 18.03.2024 Approved 05.05.2024 Accepted 27.05.2024

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 52–62.
Oikumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 52–62.

Интервью
УДК 327
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/52-62

Турецкая стратегия в отношении Центральной Азии на современном этапе: сильные стороны и ограничители

Станислав Александрович Притчин
Институт международных отношений и мировой экономики РАН, Москва, Россия;
Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва,Россия, Pritchin.stanislav@yandex.ru

Аннотация. Турция за второе десятилетие XXI века системно нарастила свою активность и присутствие на постсоветском пространстве в целом и в регионе Центральная Азия в частности, превратившись в заметного конкурента "большой тройке" традиционных крупных внешних игроков для региона: России, КНР и Западу. При этом основу успеха турецкой внешней политики составляет гибкий, проактивный подход с опорой на культурную, ментальную, языковую общность с центральноазиатскими народами, а также авторитету президента республики Реджепа Эрдогана, благодаря которым Анкаре удается компенсировать отсутствие сравнимых с конкурентами политических и экономических ресурсов. В свою очередь, активность Турции в качестве "братского" внешнего игрока позволяет странам Центральной Азии более комфортно и эффективно выстраивать свою многовекторную политику и усиливать свои переговорные позиции с другими крупными игроками.
Ключевые слова: *Центральная Азия, Турция, Большая игра, геополитическая конкуренция, пантюркизм*
Для цитирования: Притчин С. А. Турецкая стратегия в отношении Центральной Азии на современном этапе: сильные стороны и ограничители // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 52–62. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/52-62

Interview
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/52-62

Turkish strategy towards Central Asia at the present stage: strengths and constraints

Stanislav A. Pritchin
Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
Pritchin.stanislav@yandex.ru

Abstract. Over the second decade of the XXI century, Turkey has systematically increased its activity and presence in the post-Soviet space and in the Central Asia region, in particular, becoming a significant competitor to the "big three" traditional major external players for the region, Russia, China and the West. At the same time, the success of Turkish foreign policy is based on a flexible, proactive approach based on cultural, mental, and linguistic commonality with the Central Asian peoples, as well as the authority of the President of the Republic Recep Erdogan, thanks to which Ankara manages to compensate for the lack of political and economic resources comparable to competitors. In turn, Turkey's activity as a "fraternal" external player allows the Central Asian countries to build their multi-vector policy more comfortably and effectively and strengthen their negotiating positions with other major players.
Key words: *Central Asia, Turkey, Great Game, geopolitical competition, pan-Turkism*
For citation: Pritchin S. A. Turkish strategy towards Central Asia at the present stage: strengths and constraints // Oikumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 52–62. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/52-62

Введение

После распада СССР Турция одной из первых признала независимость бывших республик и активно включилась в процесс выстраивания отношений с новыми независимыми государствами. Основной упор во внешнеполитической стратегии Анкары делался на тюркские государства постсоветского пространства (Азербайджан, Туркменистан, Казахстан, Кыргызстан). Через создание блока тюркоязычных государств со своим лидерством Турция рассчитывала использовать исторический шанс по трансформации в крупного, трансрегионального игрока с глобальными амбициями и инструментами влияния на международной арене. Естественно, на первом этапе Анкара рассматривала себя в качестве безоговорочного "старшего брата" для новых стран. Несмотря на многообещающее начало и завышенные ожидания турецких властей, государству не удалось стать полноценным экономическим и политическим лидером тюркского мира и объединить под своим крылом все близкие этнически республики в единый блок. Во многом это произошло из-за переоценки Турцией своих экономических возможностей, а также неготовности новых независимых государств, только что получивших независимость, встраиваться в патронажную систему нового крупного игрока.

Относительно скромные результаты на первом этапе заставили турецкие власти несколько пересмотреть свои подходы и стратегию. Турция сделала ставку на более гибкий и проактивный подход с созданием институтов взаимодействия с тюркскими странами, комплексным развитием сети учреждений среднего и высшего образования в регионе, продвижения интересов

© Притчин С. А., 2024

турецкого строительного и сервисного бизнеса через общественные и торгово-промышленные объединения.

Российскими тюркологами выделяются три основных периода турецкой политики в отношении постсоветского пространства:

1) 1991–2002 – "эпоха надежд": активная работа по созданию интеграционных платформ для объединения усилий во всех сферах;

2) 2002–2014 – "эпоха поэтапности": планомерная интеграция и воздействие на местную политическую элиту;

3) 2014 – н.в. – "эпоха туркоцентричной интеграции": время, когда Анкара становится "хабом" (центром притяжения) и пытается заменить тюркское турецким, использовать ресурсы накопленного влияния.

Как результат в последние годы Турция благодаря накопившемуся опыту, перестройке и адаптации своей политики к третьему периоду стремительно ворвалась в число важнейших крупных игроков для стран постсоветского пространства в целом и в Центральной Азии в частности **[3]**.

Основная цель статьи заключается в анализе эволюции турецкой внешней политики в отношении Центральной Азии, классификации долгосрочных целей Турции в регионе, выявлении основных инструментов влияния, разборе сильных сторон подходов Анкары, а также выявлении сдерживающих факторов и ограничителей для достижения стратегических целей.

Хронологические рамки исследования включают себя весь период независимости бывших республик СССР с особым фокусом на современные подходы Турции.

Теоретико-методологической основой исследования является системный (комплексный) подход, рассматривающий эволюцию политики Турции в отношении стран Центральной Азии и предполагающий изучение объекта исследования как системы, обладающей сложной структурой, со свойственными ей законами. Также был использован метод историзма.

Первая турецкая стратегия в отношении тюркского мира: провал идеалистических планов

Осознание Турцией себя особой частью тюркского мира базируется на исторических и культурно-языковых связях со странами Южного Кавказа и Центральной Азии и допущении, что несмотря на долгий период разобщения и даже внутренних конфликтов, культурная, языковая и ментальная общность делает это общее пространство гомогенным, способным для политической, экономической и культурной интеграции.

Турецкая официальная историческая наука постулирует, что турецкая нация происходит от исторических тюркских народов, государств и империй, которые доминировали на территории Центральной Евразии в Средние века и раннее Новое время. Со временем турецкий народ мигрировал из Центральной Азии на запад, а племена, собравшиеся вокруг Анатолии, смогли основать успешные государства и защитить и поддерживать свою национальную самобытность. Напротив, тюркские племена, оставшиеся в Центральной Азии, испытали множество проблем, лишений, ограничений, войн и порабощений. Главной из которых стала "оккупация" Россией Азербайджана в первой половине XIX века и Центральной Азии во второй половине XX века "без оглядки на международное право". По оценкам турецких ученых, сначала власти Российской империи, а затем советское правительство приложили огромные усилия для "колонизации тюркских государств, нанесли огромный духовный и материальный вред путем "русификации" и "советизации" тюркских территорий на протяжении более полутора столетий. Это имело крайне негативные последствия, которые ослабили национальную идентичность большинства турок в регионе **[12]**.

В таких условиях распад СССР и получение независимости тюркскими республиками рассматривался Анкарой как исторический шанс к воссоединению с тюркскими странами, находившимися долгое время под прямым контролем России, главного турецкого геополитического конкурента в регионе Евразии. Основной целью Анкары было формирования блока как минимум шести суверенных тюркских государств и превращение Турции во влиятельного регионального игрока. В рамках реализации этой стратегии президент Турции Тургут Озал провозгласил XXI век "веком турок" и обозначил амби-

ции по формированию "тюркского мира от Адриатики до Великой Китайской стены" **[11]**.

В практическом плане в 1992 году был проведен саммит лидеров тюркоязычных государств в Анкаре. За ним последовало целая серия встреч, но результат переговоров, как правило, ограничивался подписанием деклараций с набором необязательных к исполнению положений.

Относительный прорыв произошел только в 2009 году, спустя почти 20 лет после начала активного периода турецкой внешней политики на тюркском направлении, когда в рамках Девятого саммита президентов тюркоязычных государств Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан и Турция подписали Нахчыванское соглашение о создании Совета сотрудничества тюркоязычных государств, постоянно действующей структуры для тюркского сотрудничества (об этом речь пойдет в следующем разделе, так как достижение было достигнуто уже при правительстве Реджепа Эрдогана, чья Партия Справедливости и Развития пришла к власти в 2002 году – *авт.*) **[11]**.

Очень скромные результаты первого этапа внешней политики Турции в отношении новых независимых тюркских государств особенно очевидны на фоне излишне оптимистических стартовых ожиданий турецких властей в отношении стремительной интеграции с тюркскими государствами. Причин этому было несколько.

Во-первых, Турция к началу 90-х годов прошлого века была достаточно крупной, но все же ограниченной по своему экономическому и политическому потенциалу страной, а в условиях серьёзной потребности новых независимых государств в инвестициях, экономической помощи ее ресурсов было явно не достаточно, чтобы стать главным экономическим двигателем для их стабилизации и развития.

Во-вторых, даже в кризисном состоянии Россия оставалась важнейшим политическим и экономическим партнером для тюркских государств постсоветского пространства, и несмотря на все попытки Анкара не могла стать полноценным конкурентом Москве за влияние в регионе.

В-третьих, даже турецкие эксперты признают, что на первом этапе Анкара просто не готова была даже для видимости выстраивать отношения с новыми независимыми государствами на равных. Турция изначально рассматривала себя старшим братом для своих партнеров, а культурную, языковую и историческую близость с ними рассчитывала использовать лишь как инструмент для политической экспансии и расширения влияния в регионе. Естественно, такой подход с самого начала вызвал настроженную реакцию лидеров тюркских республик постсоветского пространства, для которых получение независимости и автономии от центра сразу же приобрело высочайшую ценность. В таких условиях новые государства не готовы были ради языковой и культурной близости жертвовать своим суверенитетом, освободившись из под опеки одного патрона, сразу же бросаться в объятия другого **[14]**.

Опасения турецких властей прямой конфронтации с Россией из-за военной поддержки Азербайджана в его конфликте с Арменией, которая, в свою очередь, имела политическую и военную помощь со стороны Москвы, также показало ограниченные возможности Анкары по самостоятельным решительным действиям в новом для нее регионе, что также сказалось на ее привлекательности как важном партнере.

Несмотря на высокую политическую заинтересованность и выгодное географическое положение, Турция не смогла самостоятельно стать даже для ближайшего своего партнера на постсоветском пространстве, Азербайджана, важнейшим партнером в энергетической сфере. Попытки самостоятельно сформировать архитектуру трубопроводов из Каспийского региона в обход России и Ирана во многом провалились. Подписанное в 1993 году соглашение о строительстве нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан не было реализовано в том формате, который был предложен Анкарой из-за недостаточного политического и экономического влияния Турции. Только спустя несколько лет, когда данный проект был выбран в качестве приоритетного консорциумом западных компаний по освоению ключевого нефтяного проекта в Азербайджане "Азери-Чираг-Гюнешли", а к его реализации подключились ключевые нефтяные мейджоры, началось его строительство. Конечно, Турция в итоге стала одним из бенефициаров и участников проекта, так как нефть шла через

территорию республики и финальной его точной был глубоководный турецкий порт в Средиземном море – Джейхан.

Также провалились попытки Турции организовать экспорт казахстанской нефти на мировые рынки через турецкие проекты. Так, на стадии выбора маршрута прокладки нефтепроводов из Казахстана Анкара лоббировала подключение республики к азербайджанским проектам для дальнейшей их транспортировки через турецкую территорию. В 1995 году была подписана Декларация о дальнейшем развитии и углублении сотрудничества между Казахстаном и Турцией. Но в результате в качестве магистрального направления для экспорта нефти из Казахстана был выбран российский проект с конечной точкой в черноморском порту Новороссийск **[8]**.

Партия справедливости и развития и перестройка турецких подходов к тюркскому миру и странам Центральной Азии

Пересмотр первоначального, достаточного идеалистичного по своему характеру подхода Турции в отношении тюркских государств произошел после серьезной внутренней трансформации в стране. После прихода к власти Партии справедливости и развития Турции (ПСР) в 2002 году и формирования нового правительства Анкара на первом этапе в целом в технологическом плане продолжала преемственность прежнего курса во внешней политике, но в силу своей идеологической основы в виде исламских ценностей позволила более эффективно использовать мягкую силу, а также религиозную близость с тюркскими государствами в качестве сближающего фактора.

Вместе с тем, как отмечают турецкие эксперты, на первом этапе выстраивания внешней политики при правительстве ПСР приоритетом было продолжение европейской интеграции, а не превращение Турции в региональную державу, субъекта с приоритетом на развитие тесных отношений с тюркскими государствами. При этом ориентированная на запад внешняя политика позволяла Анкаре в отношениях со своими восточными партнерами, особенно на постсоветском пространстве, позиционировать себя в качестве моста и проводника в отношениях с ЕС и США. Отсутствие реальных результатов по интеграции в ЕС и становления признанного участника европейской семьи подтолкнуло турецкое руководства к пересмотру своих приоритетов на международной арене и поиску своего особого места в системе международных отношений **[12]**.

Одним из приоритетных направлений во внешнеполитической стратегии Турции стали тюркские государства постсоветского пространства. В отличие от предшественников правительству ПСР удалось сделать реальные первые шаги для создания объединения с тюркскими государствами. 3 октября 2009 года была создан Совет сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ или Тюркский совет – *авт.*), который стал головной для ряда нишевых организаций, таких как Парламентская ассамблея тюркоязычных стран (ТЮРКПА), Международная организация турецкой культуры (ТЮРКСОЙ) и Турецкая академия. Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан и Турция стали членами-учредителями. Туркменистан и Узбекистан по разным причинам отказались от вхождения в Совет.

Основным руководящим органом Тюркского совета стал Совет глав государств, Совет министров иностранных дел, Совет старейшин и Комитет старших должностных лиц. Штаб-квартира ССТГ была размещена в Стамбуле. За координацию экономического сотрудничества отвечал Тюркский деловой совет, за культурное сотрудничество Фонд сохранения тюркской культуры с офисом в Баку **[7]**.

Были у турецкого правительства ПСР и серьезные просчеты в отношении тюркских государств, которые в целом негативно повлияли на ход формирования общего блока. Так, например, так называемая "футбольная дипломатия" с Арменией и подписание Цюрихских протоколов ("дорожная карта" по нормализации отношений между Анкарой и Ереваном – *авт.*) в апреле 2009 году привело к серьезному кризису азербайджано-турецких отношениях. Баку воспринял шаги Анкары как предательство их общего подхода к проблемам Нагорного Карабаха, что в итоге заставило Турцию отказаться от планов по восстановлению отношений с Арменией **[7]**.

В свою очередь, солидарность с критичным западным подходом в отношении жесткой реакции властей Узбекистана в случае с протестами в городе Андижан на юге республики в мае 2005 года привело к резкому ухудшению узбекско-турецких отношений на несколько лет и отказу Ташкента присоединиться к турецким интеграционным инициативам, по крайней мере, на первом этапе **[15]**.

Таким образом, в рамках второго обозначенного российскими тюркологами периода Турция, благодаря более прагматичному подходу при лидерстве Р.Эрдогана и его партии ПСР, сумела достигнуть заметного прогресса в выстраивании успешной сети сотрудничества с тюркскими государствами постсоветского пространства, но ряд просчетов, ограниченность ресурсов, а также отвлеченность на более глобальные вопросы международных отношений не позволили Анкаре добиться всеобъемлющего прорыва.

Организация тюркоязычных государств как основной институциональный инструмент внешней политики Турции в регионе

Третий период в отношениях Турции и ее партнёров по тюркскому миру, по классификации российских ученых, начался с 2014 года с фокусированием на близких лингвистически и культурно стран в качестве фундамента для поддержания статуса Турции как глобального игрока. Была с более высокой интенсивностью продолжена работа по всем ключевым установленным ранее направлениям сотрудничества в политической, культурной, образовательной экономической сферах. Безусловным прорывом турецкой политики в отношении тюркских стран постсоветского пространства стало создание Организации тюркских государств. В рамках 8 саммита тюркоязычных государств в ноябре 2021 года Совет сотрудничества тюркоязычных государств (Тюркский Совет) был трансформирован в Организацию тюркоязычных государств (ОТГ).

Турецкое руководство сделало выводы из прошлых ошибок и на уровне ключевых принципов существования организации обозначили "равенство" и "суверенность" каждого из участников союза. Так, генеральный секретарь-основатель Тюркского совета Халил Акынджи в своем программном выступлении обозначил следующее: "Тюркский совет был основан на принципе суверенного равенства и принципе признания и приятия идентичностей. Если киргиз не знает о своей кыргызской идентичности, а казах не знает своей казахской идентичности, или азербайджанец не знает своей азербайджанской идентичности, тогда он/она не сможет осознать тюркскость как свою общую идентичность. Следовательно, наша цель – укрепить нашу общую идентичность, основанную на принципе суверенного равенства" **[15]**.

Функционирование ОТГ предполагает регулярные встречи глав МИД стран-участниц, создание Комитета старших должностных лиц, координации работы официальных правительственных аналитических центров, а венцом этой работы должны стать ежегодные саммиты на высшем уровне.

Как отмечают турецкие эксперты, культурное сотрудничество, основанное на общем языке, культуре и истории, является наиболее эффективным инструментом по сближению и созданию базы для интеграции, многостороннего сотрудничества между государствами-членами. В этом отношении ОТГ успешно установила нормы и ценности среди своих членов на культурной арене. Более того, Турция использует ОТГ для распространения в странах-партнерах своих норм и правил **[16, с. 15]**.

Организация создает условия для активизации экономического сотрудничества за счет координации усилий, реализации совместных проектов в области транспорта, таможни, информационных технологий, энергетики и туризма. По задумке инициаторов, связка Тюркской торгово-промышленная палаты (ТТПП), которая занимается разработкой совместных проектов, с Тюркским инвестиционным фондом развития, отвечающим за финансирование совместных проектов, позволяет создать оптимальные условия для активизации экономических связей в рамках ОТГ.

В сфере политического сотрудничества ОТГ создала коллективную идентичность по многим признакам, а взаимодействие между государствами-членами укрепило сотрудничество по политическим вопросам. Так, государства-члены уже начали выступать единым фронтом по ряду вопросов международной повестки дня, например, в рамках голосований на Генеральной

Ассамблее Организации Объединенных Нации. Используя нарратив о коллективной идентичности, Турция стремиться сближать позиции партнеров по ОТГ со своими стратегическими целями. Так, в рамках двух последних саммитов организации в ноябре 2022 года в Самарканде и в Астане в 2023 году Турция попыталась добиться от партнеров включения Турецкой Республики Северного Кипра в состав наблюдателей организации, тем самым запустив процесс ее признания странами-участницами ОТГ **[6]**.

В отличие от ССТГ в рамках ОТГ Турция сделала попытку по выработке совместных подходов вопросам безопасности, правда, пока лишь в виде консультации в случае кризисов. При этом, пользуясь наличием организации с "обязательствами" внутри нее, турецкая дипломатия от имени ОТС попыталась продвинуть свои инициативы по нормализации ситуации в Казахстане в ходе массовых протестов в январе 2022 года, а также для урегулирования киргизско-таджикского пограничного конфликта **[16, с. 20]**.

Важно заметить, что ни первом, ни во втором случае, Анкаре не удалось получить статус реального модератора кризисов или стабилизатора, так как, с одной стороны, для этого у Анкары и ее партнеров в отличие от Москвы нет международно-правовой базы, а с другой – ни сама Турция, ни ее союзники в реальности не готовы к тому, чтобы, например, турецкие военные появились в регионе Центральной Азии в виде миротворцев. Вместе с тем совсем безрезультативной активность турецкой дипломатии по двум этим кризисам не стала. Миротворческие заявления по киргизско-таджикскому конфликту, а затем последовавшая поездка в регион представителей министерства обороны позволили в итоге продвинуть на киргизский рынок турецкие БПЛА **[5]**.

Таким образом, можно констатировать, что через активизацию сфокусированной работы, а также последующую трансформацию ССТГ в ОТГ Турция сделала ставку на институциализацию своих взаимоотношений с тюркскими странами постсовесткого пространства с целью создания долгосрочной и устойчивой, в том числе международно-правовой, базы для расширения своего влияния и глубину взаимодействия со странами региона, что позволило ей войти в число наиболее важных внешних игроков для Центральной Азии, конкурируя по ряду направлений с Россией, Китаем и Западом.

Инструменты влияния Турции в Центральной Азии и ограничители

В рамках данного раздела мы рассмотрим основные инструменты влияния, сильные и слабые стороны турецкой стратегии и практической политики в отношении тюркских государств постсоветского пространства. Очевидно, что Организация тюркоязычных государств, о которой речь шла в прошлом разделе, в комплексе как зонтичная организация с единым центром управления и формирования идеологии является наиболее эффективным политическим и институциональным инструментом турецкой внешней политики в регионе. Необходимо признать, что уровень интеграции, разработанности юридической и международно-правовой базы, обязательств и гарантий для стран участниц ОТГ несравним с другими региональными организациями, особенно с российским лидерством, таких как ОДКБ с фокусом на безопасность и ЕАЭС с акцентом на экономическую интеграцию. Но на уровне политической "солидаризации", в условиях запроса на четвертого альтернативного игрока в многовекторной внешней политике стран Центральной Азии Турция со своим "братским" проектом и флагманской организацией ОТГ делает серьезную заявку на свое видение регионального лидерства.

Фактор личности в стратегии Турции

С учетом высокого уровня персонификации внутренней и внешней политики стран Центральной Азии от межличностных отношений между главами государств зависит заметная часть успехов в продвижении тех или иных геополитических инициатив. В случае с Турцией, которая в своей стратегии апеллирует к "братским" отношениям народов, культурной, языковой близости, этот фактор имеет колоссальное значение. В этой связи можно утверждать, что личность турецкого президента Реджепа Эрдогана, выступая главным лоббистом и вдохновителем сближения тюркских государств, обеспечивает очень заметную часть внешнеполитических успехов Анкары.

Отмечается, что одной из причин такой эффективной лидерской линии Эрдогана является его особый популизм. Он "является примером опытного политика и, более того, прекрасного оратора, владеющего искусством вербальной борьбы и умеющего словом расставить все необходимые акценты. Президент Турции грамотно доносит смысловые посылы практически до всех слоев населения внутри страны и четко обозначает свои приоритеты на внешнеполитическом пространстве" **[3]**.

Понятно, что этот инструмент турецкого лидерства в лице президента Реджепа Эрдогана максимально эффективен в политическом ключе, но при этом с точки зрения своего временного разреза имеет серьезные ограничения. Так, после его ухода с политической арены Турции будет сложно найти достойную замену харизматичному и амбициозному действующему лидеру страны, а значит Анкаре в постэрдогановский период с более молодым и менее опытным лидером будет гораздо сложнее так эффективно продвигать тюркскую интеграцию.

Образование и сети лояльности

В странах Центральной Азии Турция системно подходит к формированию культурных, образовательных сетей для подготовки и продвижения сторонников общетюркской интеграции с сближения с Турцией. Среди них: Турецкое агентство по международному сотрудничеству и развитию (TİKA), Международная организация тюркской культуры (TÜRKSOY) , фонды им. Юнуса Эмре, школы Ф. Гюлена, которые после опалы проповедника были либо закрыты и заменены на лояльные Анкаре организации, либо взяты под контроль, и пр.

Среди политико-экономических сетей выделяются: Союз муниципалитетов тюркского мира (Türk Dünyası Belediyeler Birliği, TDBB), Парламентская ассамблея тюркоязычных стран (Türk Dili Konuşan Ülkeler Parlamenter Asamblesi, TÜRKPA), Совет сотрудничества тюркских государств (Türk Dili Konuşan Ülkeler İşbirliği Konsyi), Фонд сотрудничества, братства и дружбы тюркских государств и сообществ (Türk Devlet ve Toplulukları Dostluk, Kardeşlik ve İşbirliği Vakfı, TÜDEV) **[3]**.

ОТГ рассматривает образование, дипломатию, молодежь, транспорт и туризм как отдельные области сотрудничества и оказывает им особую поддержку на политическом уровне. Так, Союз тюркских университетов инициировал программу обмена Орхун, спортивные игры и студенческий совет. К настоящему времени 17160 студентов и преподавателей уже воспользовались программой обмена Орхун. Более того, 138 дипломатов из стран Центральной Азии приняли участие в программе подготовки младших дипломатов и более 1500 молодых людей приняли участие в международных молодежных лагерях ОТГ **[16, с. 5]**.

Школы, финансируемые турецким правительством в бывших советских республиках, стали популярным выбором, в то время как турецкие НПО с явно исламистскими симпатиями начали оказывать значительное влияние на международные отношения Турции. Под ПСР они получили гораздо более широкое признание и даже моральную поддержку. Среди неправительственных организаций движение Феттуллаха Гюлена потеряло свою политическую поддержку и властями Турции была определена как террористическая организация из-за серьезных политических разногласий с официальной Анкарой в 2014 году и ее роли в неудавшейся попытке государственного переворота 15 июля 2016 года. В настоящий момент многие турецкие школы, основанные ранее Гюленом и его организацией, переподчинены Министерству национального образования. Турция также осуществляет программу "Стипендии Турции" для студентов и управляет двумя университетами в Центральной Азии.

Также Турцией запущена академическая программа "Мевляна", которая направлена на укрепление взаимодействия между турецкими вузами и вузами других стран путем студенческого и профессионального обмена. Программа подразумевает возможность студентов и аспирантов в течении одного-двух семестров обучаться за границей, а преподавателям читать лекции от одной недели до трех месяцев . Результат — не только получение опыта взаимного обучения. "Мевляна" довольно привлекательна с точки зрения

стипендий. Если студенты обучаются на бюджетном отделении в каком-либо турецком университете, то их стипендия составляет от 750 турецких лир в месяц (70%), а оставшиеся 30% они получают в конце семестра по результатам их успешного или неуспешного обучения. Другими словами, за один семестр студент получает от 4 тыс. турецких лир — около 750 долларов США **[10]**.

Экономика, транспорт, энергетика.

Экономический инструмент можно назвать самым слабым для Турции. Причин для этого несколько. Турция по сравнению со своими геополитическими конкурентами, в первую очередь Россией и Китаем, не располагает ресурсами для формирования полноценного экономического блока с центральноазиатскими странами. Так, Турция не имеет таких значимых показателей торговли со странами региона и накопленных инвестиций. Несмотря на активизацию в последние годы, турецкие инвестиции в регионе пока носят точечный характер. При этом характерной особенностью турецкой экономической активности в регионе является широкое присутствие в менее капиталоёмком сегменте услуг и сервисов, что с точки зрения визуального присутствия позволяет Турции иметь имидж наиболее важного инвестора в страны региона. Это выражается в присутствии в сфере общественного питания, сферы развлечений, строительства и др., но при этом турецкие компании за редким исключением не выступают инвесторами для крупных, инфраструктурных проектов, их предприятия, как правило, не создают такое количество рабочих мест, что могло бы оказывать позитивное влияние на внутреннюю занятость. Так, накопленные вложения в Казахстане за все время независимости составляют порядка 4 млрд долларов. К слову, это является крупнейшим показателем Турции в регионе. При этом в Таджикистане и Киргизии Турция, согласно статистике, является вторым после Китая инвестором в последние годы. Отмечается поступательный рост торговли между странами Центральной Азии и Турцией, но пока республике не удается стать ключевым торговым партнером для региональных игроков. Наибольший товарооборот у Анкары в 2022 году сложился с Казахстаном – 4,7 млрд долларов, но это несравнимо с уровнем России 27 млрд долларов и Китаем 24 млрд долларов **[1]**.

Для Узбекистана по итогам 2023 года Турция стала четвертым по величине торговым партнером после Китая (13,7 млрд долларов), России (9,8 млрд долларов) и Казахстана (4,4 млрд долларов), наторговав на 3.1 млрд долларов **[9]**. Важным, но не ключевым партнером Турция является для Туркменистана.

Таким образом, по уровню своего экономического влияния и значимости для развития стран Центральной Азии Турция заметно проигрывает своим конкурентам – России и Китаю.

Турция формально вовлечена в реализацию сразу нескольких транспортных инфраструктурных проектов, среди них Срединный (Middle Corridor) и Лазуритовый коридоры, но, несмотря на высокий политический интерес, Анкара так и не стала серьезным инвестором для этих проектов, а рассчитывает лишь на то, чтобы в конечном итоге стать транзитером грузов для товаров из региона. Вокруг этого в основном и строится публичная риторика участия Турции в транспортных проектах.

Схожая стратегия наблюдается у Анкары в энергетической сфере. Несмотря на то, что Турцию отличает высокая степень зависимости энергобаланса страны от импорта энергоресурсов, турецкие компании являются достаточно пассивными в работе в добывающих проектах за рубежом (есть несколько исключений в виде портфельных инвестиций в крупных проектах без активного технического участия в добыче), а также достаточно пассивный подход к выстраиванию трубопроводных проектов за пределами Турции. При этом благодаря выгодному географическому положению, а также тесной союзнической связи с Азербайджаном даже такая пассивная стратегия позволяет Анкаре не только обеспечивать себя энергоресурсами из разных источников (Россия, Иран, Азербайджан, Иран + СПГ), но и претендовать на статус "газового хаба" Евразии **[8, с. 34]**.

В таких условиях, будучи на перекрестке энергетических потоков, Турция позиционирует себя как важный потенциальный партнер для экспорте-

ров из Центральной Азии, в первую очередь для Казахстана и Туркменистана, в вопросе транзита энергоресурсов в ЕС и другие важные рынки.

Таким образом, турецкую экономическую модель в отношении Центральной Азии можно обозначить как стратегию продвижения турецких товаров на новые рынки сбыта, обеспечение контрактами сервисных компаний в странах региона, а также обеспечение своей энергетической безопасности за счет поставок энергоресурсов из региона.

Выводы

Анализируя подходы Турции к странам Центральной Азии, мы можем констатировать, что Анкаре к текущему моменту, после более чем 30 лет проб и ошибок, удалось, наконец, трансформировать свою культурную, языковую и историческую близость со странами региона в политическое влияние. Для этого была проделана большая работа, не всегда настолько успешная, как ожидали турецкие стратеги. Сегодня Анкара – важный политический партнер для стран Центральной Азии, один из наиболее эффективный игроков в сфере "мягкой силы", благодаря которой Турция становиться участником и бенефициаров внутриполитических процессов в странах региона. Турция также – важный партнер для центральноазиатских стран в вопросе образования, формирования общей культурной, исторической повестки.

Определенному прорыву в турецком подходе к региону способствует напряженная геополитическая ситуация в мире. В условиях украинского кризиса и возрастания конфронтации между РФ и Западом для стран Центральной Азии и Южного Кавказа привлекательность Турции как альтернативного, относительно нейтрального партнера в политической сфере, а также альтернативного направления для транспортной и энергетической сфер многократно возрастает.

Наличие платформы ОТГ позволяет иметь серьезную политическую платформу для системного диалога, базы для координации усилий на международной арене, солидаризации среди тюркских государств. Все это в целом дает основание Турции выглядеть неформальным лидером тюркского мира. Но при этом время от времени возникают кризисные и конфликтные точки, когда Реджеп Эрдоган, используя свой моральный авторитет, пытается продвинуть выгодные Турции инициативы часто без учета интереса стран Центральной Азии, например, отмечались многократные попытки в рамках саммитов ОТГ продавить предоставление статуса наблюдателя Турецкой Республики Северного Кипра в организации.

Вместе с тем, несмотря на наличие ОТГ, Турция имеет слабую институциональную и нормативно-правовую базу для содействия региональной безопасности, кроме того, у Турции нет опыта самостоятельных международных миротворческих миссий, что снижает ее привлекательность в качестве потенциального гаранта безопасности. При этом Турция, несмотря на всю декларируемую готовность помощи в кризисах, так и не предпринимала практических шагов по вопросам безопасности, что также негативно сказалось на восприятии ее как партнера в сфере безопасности.

В таких условиях мы можем ожидать, что в ближайшей перспективе под лидерством Эрдогана Турция продолжит попытки усиления своего влияния в регионе, в том числе будет продолжать искать возможности продвинуть себя как потенциального гаранта безопасности для стран Центральной Азии. Вместе с тем в более отдаленной перспективе, с уходом Эрдогана из политики, вероятно определенное снижение важности Турции и ее возможностей для поддержания статуса важного внешнего игрока для региона.

Литература

1. 3,9 миллиарда долларов составил с начала года товарооборот Казахстана и Турции // Total.kz. URL: https://total.kz/ru/news/biznes/39_milliarda_dollarov_sostavil_s_nachala_goda_tovarooborot_kazahstana_i_turtsii_date_2023_11_03_18_07_21 (дата обращения: 10.02.2024).

2. Аватков В.А. Популизм во внешней политике турецкой республики // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. № 3. С. 543–554.

3. Аватков В.А. Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. № 5. С. 162–176.

4. Кажибаева Р.Ж. Тюркский Совет: новый формат сотрудничества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 8. С. 81–83.
5. Киргизия первой из стран ОДКБ получила от Турции ударные дроны Bayraktar // Интерфакс. 18.12.21 URL: https://www.interfax.ru/world/810205 (дата обращения: 01.02.2024).
6. Кривошеев К., Константинов А. Кто о чем, а эти о турках // Коммерсант. 17.11.22. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5669854 (дата обращения: 01.02.2024).
7. Маркедонов С.М. Процесс нормализации армяно-турецких отношений: проблемы, вызовы, перспективы // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2012. №7 (87). С. 245–256.
8. Притчин С.А., Место Центральной Азии и Каспийского региона в энергетической и транспортной стратегии Турции // Геоэкономика энергетики. 2022. № 3 (19). С. 21–36.
9. Узбекистан в 2023 году увеличил торговлю с Китаем и Россией и снизил её с соседями URL: https://www.gazeta.uz/ru/2024/02/09/trade-partners/ (дата обращения: 11.02.2024).
10. About Mevlana Exchange Programm // Ankara University. URL: http://mevlana.en.ankara.edu.tr/?page_ id=47 (дата обращения: 18.01.2024).
11. Bayaliyev A. The Turkish Council: Will the Turks Finally Unite? // Central Asia – Caucasus Analyst. 2014. 02. 19, URL: https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/12916-theturkic-council-will-the-turks-finally-unite, (дата обращения: 26.01.2024).
12. Eminoğlu D., Aslantürk A. 1990 sonrası türkiye'nin türk cumhuriyetlerine yönelik dış politikasının gelişimi // Trakya Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. 2018. № 20(2). P. 388.
13. Oniş Z. Turkey and Post-Soviet States: Potential And Limits Of Regional Power Influence // Middle East Review of International Affairs. 2001. Vol. V, No. 2. P. 66–74.
14. Satke R., Michel C., Korkmaz S. Turkey in Central Asia: Turkish Togetherness? // The Diplomat. 28.11.14. URL: http://thediplomat.com/2014/11/turkey-in-central-asia-Turkish-togetherness/, (дата обращения: 26.01.2024).
15. Turkic Council and Cooperation in Eurasia in the Light of Developments Across the Region // Center for Eurasian Studies. 2015. No. 14. P. 27–30.
16. Yesevi, Çağla Gül, Examining the Organization of Turkic States: A Teacher and Norm-Creator // Perceptions. 2022. Vol. 27, № 1. P. 2–25.

References

1. 3.9 billion dollars of trade turnover between Kazakhstan and Turkey since the beginning of the year // Total.kz. URL: https://total.kz/ru/news/biznes/39_milliarda_dollarov_sostavil_s_nachala_goda_tovarooborot_kazahstana_i_turtsii_date_2023_11_03_18_07_21 (accessed 10.02.2024) (In Russ.).
2. Avatkov V.A. Populism in the Foreign Policy of the Turkish Republic // RUDN Bulletin. Series: International Relations. 2021. No. 3. P. 543–554. (In Russ.).
3. Avatkov V.A. Post-Soviet Space and Turkey: Results of 30 Years // Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2021. No. 5. P. 162–176. (In Russ.).
4. Kazhybayeva R.Zh. The Turkic Council: A New Format of Cooperation // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. 2015. No. 8. P. 81–83. (In Russ.).
5. Kyrgyzstan was the first CSTO country to receive Bayraktar attack drones from Turkey // Interfax. 18.12.21 URL: https://www.interfax.ru/world/810205 (accessed 01.02.2024) (In Russ.).
6. Krivosheev K., Konstantinov A. Who talks about what, and these talk about the Turks // Kommersant. 17.11.22. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5669854 (accessed 01.02.2024) (In Russ.).
7. Markedonov S.M. The Process of Normalizing Armenian-Turkish Relations: Problems, Challenges, Prospects // RGGU Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations. 2012. No. 7 (87). P. 245–256. (In Russ.).
8. Pritchin S.A., The Place of Central Asia and the Caspian Region in Turkey's Energy and Transport Strategy // Geo-economics of Energy. 2022. No. 3 (19). P. 21–36. (In Russ.).
9. Uzbekistan increased trade with China and Russia and decreased trade with neighbors in 2023 URL: https://www.gazeta.uz/ru/2024/02/09/trade-partners/ (accessed 11.02.2024) (In Russ.).
10. About Mevlana Exchange Program // Ankara University. URL: http://mevlana.en.ankara.edu.tr/?page_id=47 (accessed 18.01.2024).
11. Bayaliyev A. The Turkish Council: Will the Turks Finally Unite? // Central Asia – Caucasus Analyst. 2014. 02. 19, URL: https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/12916-the-turkic-council-will-the-turks-finally-unite, (accessed 26.01.2024).
12. Eminoğlu D., Aslantürk A. Development of Turkey's Foreign Policy towards the Turkic Republics after 1990 // Trakya University Journal of Social Sciences. 2018. No. 20(2). P. 388. (In Turk.).
13. Oniş Z. Turkey and Post-Soviet States: Potential and Limits of Regional Power Influence // Middle East Review of International Affairs. 2001. Vol. V, No. 2. P. 66–74.
14. Satke R., Michel C., Korkmaz S. Turkey in Central Asia: Turkish Togetherness? // The Diplomat. 28.11.14. URL: http://thediplomat.com/2014/11/turkey-in-central-asia-turkish-togetherness/, (accessed 26.01.2024).

15. Turkic Council and Cooperation in Eurasia in the Light of Developments Across the Region // Center for Eurasian Studies. 2015. No. 14. P. 27–30.

16. Yesevi, Çağla Gül, Examining the Organization of Turkic States: A Teacher and Norm-Creator // Perceptions. 2022. Vol. 27, No. 1. P. 2–25. (In Turk.).

◆

Информация об авторе

Станислав Александрович Притчин, канд. ист. наук, заведующий сектором Центральной Азии Института международных отношений и мировой экономики РАН, Москва, Россия; доцент Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия, e-mail: Pritchin.stanislav@yandex.ru

Information about the author

Stanislav A. Pritchin, Candidate of Historical Sciences, Head of the Central Asia Sector, National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, e-mail: Pritchin.stanislav@yandex.ru

Поступила в редакцию 16.02.2024 Одобрена после рецензирования 08.05.2024 Принята к публикации 27.05.2024

Received 16.02.2024 Approved 08.05.2024 Accepted 27.05.2024

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 63–77.
Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 63–77.

Научная статья
УДК 623.1/3(571.6)
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/63-77

Развитие политического сотрудничества с государствами Юго-Восточной Азии как реакция центральноазиатских республик на "Новую Большую игру" (на примере политических отношений между Республикой Узбекистан и Республикой Индонезией)

Константин Евгеньевич Мещеряков
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, k.mesheryakov@spbu.ru
Шауки Аринал Хакк
Индонезийское молодежное отделение Организации исламского сотрудничества,
Джакарта, Индонезия, syauqyhaqq@gmail.com

Аннотация. В статье выдвигается тезис о том, что продвижение политического диалога с государствами Юго-Восточной Азии стало естественной реакцией центральноазиатских республик на возникновение в их домашнем регионе "Новой Большой игры". Авторами устанавливаются черты сходства в историческом развитии народов указанных регионов. Определяется, что главным ориентиром для стран Центральной Азии в Юго-Восточной Азии традиционно являлась Республика Индонезия, приоритетным партнером которой в Центральной Азии изначально выступала Республика Узбекистан. В сжатой форме воссоздается картина эволюции узбекистано-индонезийского сотрудничества, являющегося ключевым элементом в системе отношений между странами Центральной и Юго-Восточной Азии.
Ключевые слова: *Центральная Азия, Юго-Восточная Азия, "Новая Большая игра", внешняя политика Узбекистана, внешняя политика Индонезии*
Для цитирования: Мещеряков К. Е., Хакк Ш. А. Развитие политического сотрудничества с государствами Юго-Восточной Азии как реакция центральноазиатских республик на "Новую Большую игру" (на примере политических отношений между Республикой Узбекистан и Республикой Индонезией) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 63–77. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/63-77

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/63-77

Promoting political cooperation with the states of Southeast Asia as a reaction of the Stans to the "New Great Game" in Central Asia: Focus on Uzbekistan-Indonesia political interaction

Konstantin E. Meshcheryakov
St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, k.mesheryakov@spbu.ru
Syauqy Arinal Haqq
Organization of Islamic Cooperation Youth Indonesia, Jakarta, Indonesia, syauqyhaqq@gmail.com

Abstract. The article argues that the development of political interaction between the states of Central and Southeast Asia is the Stans' natural reaction to the emergence of the "New Great Game" in their home region. It finds the similarities in the development of the peoples and states of the two regions. It claims that the Stans see Indonesia as a major power in Southeast Asia, while Jakarta has always regarded Tashkent as its priority partner in Central Asia. It also describes the evolution of Uzbekistan-Indonesia political interaction, which can be considered as the key element in the system of cooperation between the states of Central and Southeast Asia
Key words: *Central Asia, Southeast Asia, "New Great Game", Uzbekistan's foreign policy, Indonesia's foreign policy*
For citation: Meshcheryakov K. E., Haqq S. A. Promoting political cooperation with the states of Southeast Asia as a reaction of the Stans to the "New Great Game" in Central Asia: Focus on Uzbekistan-Indonesia political interaction // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 63–77. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/63-77

Введение

Распад СССР стал грандиозным историческим событием, вызвавшим титанические сдвиги во всех сферах жизни образовавшихся на его обломках государств. Не менее масштабные изменения произошли и в системе международных отношений, утратившей ранее присущую ей биполярную природу и вышедшей на совершенно новую траекторию развития. В качестве одной из характерных особенностей нового миропорядка стало стремление ведущих мировых и региональных держав к получению своей доли "советского наследства", в силу чего повышенное внимание к постсоветскому пространству стали проявлять США, европейские государства, Китай, Турция, Иран, Япония, Южная Корея, Индия, Пакистан. Несмотря на существовавшие между ними глобальные различия, всех их объединяло стремление потеснить позиции России в той части Евразии, которая прежде входила в состав Союза ССР. Соответствующие дипломатические усилия, предпринимаемые вышеназванными странами в отношении республик Средней Азии и Казахстана (в начале 1993 г. провозгласившими себя "Центральной Азией"), а также действия

© Мещеряков К. Е., Хакк Ш. А., 2024

Москвы, призванные сохранить ее влияние в указанном регионе, собственно, и получили наименование "Новой Большой игры", различные аспекты и эволюция которой были подробно описаны в множестве изданных за последние три десятилетия научных работ.

В данной связи несомненный интерес вызывает то, каким образом подобная политика воспринималась новыми независимыми государствами Центральной Азии. В целом в позиции последних выделялись следующие тенденции: проведение многовекторной внешней политики с целью укрепления своих позиций на мировой арене и недопущения попадания в зависимость от одной из "великих" или "региональных держав"; игра на противоречиях внешних акторов ради получения соответствующих политических и экономических дивидендов; нежелание видеть кого-либо из государств-партнеров в качестве своего нового "старшего брата"; проведение курса на постепенное дистанцирование от России при намерении сохранить с ней довольно тесные связи по отдельным направлениям межгосударственного сотрудничества; расширение взаимодействия с географически удаленными от Центральной Азии странами, относящимися к числу "средних держав" и "малых государств".

Последнее из вышеперечисленных направлений дипломатии стран Центральной Азии представляется весьма своеобразным и резко выделяется на фоне остальных ее особенностей. Речь идет о том, что, в отличие от непосредственных участников "Новой Большой игры", "средние и малые государства" Азии, Африки и Латинской Америки не имели сколько-нибудь значимых интересов в центральноазиатском регионе, а также возможностей развивать активное взаимодействие с расположенными здесь республиками. Следовательно, масштабы их партнерства оставались весьма ограниченными, и их сотрудничество представляло главным образом политическую ценность.

В качестве типичных отношений подобного рода следует рассматривать сотрудничество стран Центральной Азии с государствами Юго-Восточной Азии, крупнейшим из которых по всем социально-экономическим показателям является Республика Индонезия, уже давно превратившаяся в ведущего актора в своем домашнем регионе. В силу значительной географической удаленности от своих центральноазиатских партнеров и традиционного отсутствия стабильных контактов с ними, она, как и иные государства Юго-Восточной Азии, не стремилась к развитию взаимодействия с ними по всему спектру направлений, сосредоточившись, главным образом, на расширении политических связей. При этом индонезийско-центральноазиатские отношения в экономической и гуманитарной сферах на протяжении последних трех десятилетий находились в зачаточном состоянии, а в отдельные периоды и вовсе оставались за рамками внимания сторон.

Цель данной статьи состоит в выявлении особенностей узбекистано-индонезийских политических отношений, которые следует рассматривать как ключевой элемент в системе взаимодействия между государствами Центральной и Юго-Восточной Азии в условиях продолжающейся в центральноазиатском регионе "Новой Большой игры".

Исходя из цели, перед работой были поставлены следующие задачи: установить факторы, способствующие сближению стран Центральной и Юго-Восточной Азии, выявить их точки соприкосновения; определить основные параметры, позволяющие считать Индонезию приоритетным партнером государств Центральной Азии в Юго-Восточной Азии; проанализировать интересы Республики Индонезии в центральноазиатском регионе; представить Республику Узбекистан в качестве главного ориентира индонезийской дипломатии в Центральной Азии; воссоздать картину эволюции узбекистано-индонезийского межгосударственного сотрудничества, сосредоточившись на политическом аспекте двусторонних отношений; разработать периодизацию узбекистано-индонезийских межгосударственных отношений.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1956 по 2023 гг. Нижняя дата соответствует установлению официальных контактов между политическим руководством Республики Индонезии и Узбекской ССР, последовавшим в ходе визита в Советский Союз первого президента независимой Индонезии А. Сукарно. Верхняя дата фиксирует выход двусторонних отношений из состояния "паузы", возникшей в них в связи с пандемией COVID-2019.

Теоретико-методологическую основу настоящей работы составила совокупность представлений о внешней политике Республики Узбекистан, сформулированных ее первыми лицами – президентами И.А. Каримовым и Ш.М. Мирзиёевым. (Подобный подход определяется тем обстоятельством, что, согласно различным редакциям конституции страны, вся полнота полномочий по формированию и реализации внешней политики Узбекистана сосредоточена в руках главы государства – президента республики **[38, с. 109]**).

Еще в июле 1992 г. первый президент Узбекистана И.А. Каримов заявил, что главной целью внешнеполитической деятельности республики является обеспечение ее национальной безопасности, свободы и независимости, а также достоинства и благосостояния ее граждан. В данной связи Узбекистану следовало укреплять свой международный авторитет, выстраивать дружественные отношения с максимально широким кругом государств и международных организаций, сохраняя при этом полную самостоятельность **[12, с. 7]**. В расширенном виде соответствующие тезисы прозвучали в феврале–марте 1995 г. в ходе выступлений И.А. Каримова на сессии Олий Мажлиса Республики Узбекистан **[9, с. 38–49]** и его встречи с представителями дипломатического корпуса и международных организаций, аккредитованными в Ташкенте **[13]**. О принципе многовекторности как незыблемой основе внешней политики Узбекистана и залоге обеспечения его безопасности И.А. Каримов подробно рассуждал в книге "Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса", опубликованной в 1997 г. **[14, с. 11–14]**. Там же им был проведен комплексный анализ угрозы, которую для новых независимых государств, возникших после распада СССР, представлял великодержавный шовинизм **[14, с. 48–66]**. О необходимости дальнейшей диверсификации внешней политики Республики Узбекистан И.А. Каримов неоднократно повторял в начале XXI века **[7, с. 335–337]**, особенно после беспорядков, произошедших в мае 2005 г. в г. Андижане и его окрестностях **[10; 11]**. (Именно тогда он впервые открыто заявил, что развитие контактов со странами Юго-Восточной Азии стало ответом Узбекистана на давление, постоянно оказываемое на него западными партнерами **[8, с. 236]**).

Что касается ныне действующего президента Узбекистана Ш.М. Мирзиёева, то в своих выступлениях он делает акцент главным образом на вопросах диверсификации внешней политики республики, а также на придании ей большей активности, открытости и прагматизма. Так, в январе 2018 г. на совещании, посвященном анализу деятельности МИД Узбекистана в зарубежных странах, он подчеркнул, что руководством республики был придан существенный стимул дальнейшему развитию ее взаимовыгодного сотрудничества с ведущими мировыми державами, с государствами Европы и Азии, а также с крупнейшими международными организациями **[40]**. Аналогичные заявления были сделаны им в декабре 2020 г. **[41]** и в августе 2021 г. **[34]**. И хотя с 2008 г. представителями узбекского руководства более не упоминалось о том, что развитие республикой отношений с "малыми и средними государствами" Евразии стало ее ответом на активизацию "великими державами" "Новой Большой игры" в Центральной Азии, идеологический фундамент внешней политики Ташкента не подвергся существенным изменениям.

Всё вышеизложенное позволяет заключить, что углубление взаимодействия между Ташкентом и Джакартой, действительно, до определенной степени было вызвано возникновением в Центральной Азии "Новой Большой игры".

Центральная и Юго-Восточная Азия: существуют ли точки соприкосновения?

На первый взгляд, между государствами Центральной и Юго-Восточной Азии существует крайне мало точек соприкосновения. В географическом плане данные регионы расположены на большом расстоянии друг от друга и не имеют общих границ. Численность населения и масштабы экономик большинства стран Юго-Восточной Азии существенно превосходят демографический и экономический потенциал центральноазиатских государств. Исторически между народами двух регионов практически не поддерживалось регулярных контактов, а сами эти народы с культурной, религиозной, лингвистической

точек зрения относятся к совершенно разным этническим и цивилизационным общностям.

В то же время между указанными государствами все же присутствуют определенные черты сходства, создающие благоприятные возможности для развития их взаимодействия.

С исторической точки зрения народы обоих регионов проходили одинаковые этапы в процессе своего общественно-политического и социально-экономического развития. Так, на протяжении многих столетий они входили в состав различных государственных образований, не имевших под собой этнических основ. Сами эти народы находились, скорее, на начальных этапах этногенеза и представляли собой не единые нации, а конгломераты разнородных этнических общностей более низких уровней. Для соответствующих обществ были характерны традиционализм, низкие темпы экономического развития, технологическая отсталость, что в итоге привело к их порабощению колониальными державами (в случае с народами Средней Азии – Российской империей, в случае с народами Юго-Восточной Азии – Португалией, а позднее – Великобританией, Францией и Нидерландами). В середине – второй половине XX в. разрушение колониальных империй европейских держав, а также распад СССР привели к обретению народами Юго-Восточной, а затем и Центральной Азии независимости и становлению их национальной государственности, однако экономически и технологически они по-прежнему оставались в числе стран "догоняющего развития", сохранивших высокую степень зависимости от своих бывших метрополий.

В этническом плане и центральноазиатские общества, и страны Юго-Восточной Азии представляют собой многонациональные государства с преобладанием титульной нации. Как следствие, многие из них сталкиваются с проблемами внутренней нестабильности и сепаратизма, сдерживаемыми здесь весьма жесткими методами.

Народы обоих регионов отличаются высокой религиозностью, при этом именно конфессиональная принадлежность является для ряда из них едва ли не главным объединяющим фактором (речь идет об исламе, являющемся преобладающей религией в Центральной Азии, Индонезии, Малайзии и Брунее).

С политической точки зрения родственными чертами государств Центральной и Юго-Восточной Азии является их недемократический путь развития. В большинстве из них были сформированы авторитарные режимы персоналистского типа, весьма далекие от идеалов демократии, и любые попытки их реформирования путем ослабления центральной власти, как правило, имели плачевные последствия.

Обретя национальную независимость, страны Центральной и Юго-Восточной Азии начали проведение масштабных экономических реформ. При этом их объединяли сравнительно низкий стартовый уровень развития народного хозяйства, технологическая отсталость, невысокий уровень жизни населения, а также стремление к постепенной модернизации и активное участие государства в экономической жизни местных обществ, что вело к формированию здесь экономических систем, весьма далеких от модели "свободного рынка". В ряде государств и вовсе сформировались нерыночные экономические системы (речь идет, например, о социалистических Вьетнаме и Лаосе и глубоко традиционалистском Туркменистане). На этом фоне государства, расположенные в Юго-Восточной Азии, стремились в скорейшем порядке избавиться от негативных последствий своего пребывания в составе тех или иных колониальных империй, а страны Центральной Азии – в составе СССР. В частности, ими был взят курс на изменение отраслевой структуры своих народнохозяйственных комплексов с целью диверсификации национальных экономик и максимально полного удовлетворения потребностей своего населения.

При этом следует подчеркнуть, что государства Юго-Восточной Азии обрели независимость и встали на путь масштабных политических и экономических преобразований существенно раньше их центральноазиатских партнеров, благодаря чему последние изначально воспринимали их как некий "пример для подражания". Особенно четко это проявлялось в случае с государствами, добившимися в своем развитии наилучших результатов (Индонезией, Малайзией, Таиландом).

Наконец, в области внешней политики молодые центральноазиатские республики стремились заимствовать у стран Юго-Восточной Азии опыт реализации многовекторной дипломатии, развивая отношения с максимально широким кругом партнеров и в то же время держась от них на некотором удалении, дабы не впасть в излишнюю зависимость от последних.

Таким образом, народы Юго-Восточной Азии продемонстрировали своим центральноазиатским собратьям весьма успешную модель государственного строительства незападного типа, при которой глубоко депрессивные колониальные и полузависимые территории в ничтожно малые по историческим меркам сроки превратились в новые центры мирового политики и экономики, именуемые "азиатскими тиграми второй волны", "азиатскими тигрятами" и "новыми индустриальными странами второй волны".

Индонезия как главный ориентир центральноазиатских республик в Юго-Восточной Азии

Среди всех государств Юго-Восточной Азии особый интерес для молодых центральноазиатских республик изначально представляла Индонезия. Последнее было обусловлено следующими обстоятельствами.

Во-первых, это религиозная близость народов Индонезии и стран Центральной Азии. По состоянию на начало 2022 г., численность мусульман в Индонезии превышала 227 млн чел., и по данному показателю она занимала первое место в мире **[22]**. В условиях "национального возрождения", начавшегося в республиках Средней Азии и Казахстане еще в годы Перестройки, данный фактор представлялся исключительно важным и учитывался руководством всех без исключения стран региона.

Во-вторых, Индонезия, подобно Казахстану, Узбекистану и Туркменистану, является крупным производителем углеводородов; следовательно, в мировой экономике все указанные государства имеют во многом схожие интересы и зачастую переживают одинаковые трудности. В то же время Индонезия добилась внушительных результатов в переходе к постиндустриальной модели развития и создании "экономики знаний", что является ориентиром для Казахстана и большинства его южных соседей.

В-третьих, Индонезия и большинство государств Центральной Азии (Узбекистан, Киргизия, Таджикистан) характеризуются высокими темпами роста численности населения, в связи с чем центральноазиатским республикам представляется весьма полезным индонезийский опыт решения соответствующих проблем на рынке труда.

В-четвертых, из всех крупных государств Юго-Восточной Азии наибольших успехов в своем развитии достигли Индонезия и Малайзия. На сегодняшний день Индонезию вполне возможно рассматривать как ведущего игрока в данном регионе. Все сказанное также представляется исключительно важным для стран Центральной Азии, с момента обретения независимости видевших в указанном государстве несомненный "пример для подражания".

Интересы Республики Индонезии в Центральной Азии. С момента обретения Республикой Индонезией государственной независимости ее внешняя политика отличалась особым прагматизмом и была направлена как на решение внутриполитических и социально-экономических задач страны, так и на повышение ее роли на мировой арене.

Стоя на позициях антиколониализма и антиимпериализма, руководство Индонезии предоставило свою территорию для проведения в апреле 1955 г. Бандунгской конференции, в которой приняли участие 29 государств Азии и Африки. Конференция имела огромное политико-дипломатическое значение, обозначив формирование единого фронта народов, прежде лишенных права самостоятельно определять свою судьбу и участвовать в развитии системы международных отношений. Важнейшим юридическим итогом работы Бандунгской конференции стало принятие странами-участницами Декларации о содействии всеобщему миру и сотрудничеству, в которой впервые в истории были перечислены универсальные принципы международного права **[5]**, содержавшие формулировки, альтернативные соответствующим положениям, десятилетием ранее закрепленным в Уставе ООН **[25, ст. 1, 2]**. Тем самым народы Азии и Африки продемонстрировали, что они не будут слепо копировать западные стандарты даже в столь важной сфере, как международное право.

Вместе с тем позицию Индонезии по отношению к странам Запада нельзя было квалифицировать как явно конфронтационную. Хотя первый президент республики А. Сукарно придерживался левых взглядов и демонстрировал симпатию к Коммунистической партии Индонезии, в 1961 г. республика стала одним из основателей Движения неприсоединения, состоявшего из государств, не желавших участвовать в противостоянии СССР и США и поддерживать одну из сверхдержав. С октября 1965 г., после провала попытки государственного переворота, организованной прокоммунистическим "Движением 30 сентября", в стране начались массовые репрессии, жертвами которых стали более 1 млн сторонников Компартии; одновременно Джакарта, прежде ориентированная на развитие сотрудничества с КНР, разорвала с ней дипломатические отношения и совершила резкий разворот в сторону США. В марте 1966 г., после фактического перехода президентских полномочий к генералу М. Сухарто, антикоммунизм стал одной из опор новой государственной политики, но даже в подобных обстоятельствах Индонезия, прекратившая всяческие контакты со странами "социалистического лагеря" (СССР, Социалистической Республикой Вьетнам, КНДР), предпочла официально провозгласить в качестве основного принципа своей дипломатии постоянный нейтралитет **[33]**. Последнее позволило ей сравнительно безболезненно восстановить диалог с Советским Союзом и Китаем в 1989–1990 гг. в условиях прекращения конфронтации между Москвой и Вашингтоном и деидеологизации внешней политики Пекина.

Распад СССР и связанный с ним крах биполярной системы международных отношений обернулись для Индонезии, как и для иных стран Юго-Восточной Азии, весьма серьезными геополитическими последствиями. Если раньше ситуация в регионе во многом определялась состоянием советско-американских отношений, а Китай играл здесь весьма заметную, но все же не главную роль, то теперь он получил реальные возможности резко усилить свое влияние в Юго-Восточной Азии. Последнее вызвало у Джакарты серьезные опасения по поводу того, что у государств данного региона, рассматриваемых ею в качестве своих основных партнеров, может появиться новый "старший брат", а учитывая исторические претензии китайской дипломатии, и настоящий "опекун", "забота" которого может постепенно распространиться и на саму Индонезию.

Кроме того, на горизонте замаячили реальные перспективы столкновения стратегических интересов Китая и США в Юго-Восточной Азии. Учитывая, что с конца 1960-х гг. в политической, военной и образовательной сферах Джакарта ориентировалась главным образом на поддержку Вашингтона, это могло нарушить внутреннюю стабильность в Индонезии и подорвать основы государственной системы, созданной президентом М. Сухарто.

Таким образом, в начале 1990-х гг. перед республикой встала сложнейшая задача: не допустив нового ухудшения своих отношений с Китаем и по мере возможности развивая с ним столь важное для нее экономическое сотрудничество, сохранить полную независимость от последнего, не утратив при этом высокого уровня взаимодействия с США. Очевидно, что едва ли не единственным методом достижения указанной цели могло стать возвращение индонезийской дипломатии к своим истокам, а именно к доктрине, сформулированной еще в 1948 г. первым вице-президентом Индонезии, премьер-министром республики, одним из архитекторов индонезийской государственности М. Хаттой. Соответствующая система внешнеполитических взглядов получила название "Доктрины активной независимости", предполагавшей, что Индонезия должна самостоятельно, не испытывая внешнего давления, определять собственную позицию по отношению к любым мировым проблемам и участвовать в усилиях, направленных на укрепление ее дружественных отношений со всеми государствами мира **[15, с. 92]**.

Тесно связанным с "Доктриной активной независимости" представляется еще один фундаментальный принцип индонезийской дипломатии – проведение многовекторной внешней политики с целью расширения круга партнеров республики на мировой арене. Очевидно, что при выборе потенциальных контрагентов Индонезией учитывался целый ряд обстоятельств, при этом одним из главных моментов являлась ее религиозная близость к тому или иному государству. В данной связи становится ясным, что после распада

СССР Джакарта выразила особую заинтересованность в налаживании взаимодействия с пятью молодыми независимыми республиками Центральной Азии, на территории которых в то время проживало не менее 35 млн мусульман и располагались древнейшие центры исламской культуры.

С экономической точки зрения Индонезия как крупный потребитель энергоресурсов была заинтересована в получении доступа к находившимся в Центральной Азии месторождениям нефти и природного газа, а также в налаживании стабильного импорта соответствующей продукции с целью уменьшения своей зависимости от иных поставщиков углеводородов (главным образом Саудовской Аравии и Нигерии). Последнее полностью соответствовало устремлениям государств Центральной Азии, одной из главных стратегических задач которых было обеспечение выхода своих энергоресурсов на внешние рынки.

Таким образом, страны Центральной Азии и Индонезия выразили обоюдную заинтересованность в развитии межгосударственного сотрудничества. При этом важно, что их взаимодействие начало выстраиваться с чистого листа и не было обременено негативными событиями прошлого, отягощавшими отношения Джакарты со многими иными внешнеполитическими партнерами, например, с Россией, Китаем, рядом европейских государств, Японией или Малайзией.

Независимость всех центральноазиатских республик была официально признана Индонезией 28 декабря 1991 г. – через неделю после подписания Алма-Атинских соглашений об образовании СНГ и через два дня после принятия Советом Республик Верховного Совета СССР Декларации о прекращении существования Союза ССР. С этого момента сотрудничество между странами Центральной Азии и Республикой Индонезией впервые в истории вышло на межгосударственный уровень.

Учитывая масштабы настоящего исследования, исключающие возможность подробного изучения проблематики сотрудничества каждой из центральноазиатских республик со всеми странами Юго-Восточной Азии, далее нами будут проанализированы особенности взаимодействия ведущего государства региона – Республики Индонезии – с ее главным партнером в Центральной Азии – Республикой Узбекистан.

Узбекистан как ключевой партнер Индонезии в Центральной Азии. Эволюция межгосударственных отношений

Вопреки логике целесообразности первым государством Центральной Азии, с которым начала выстраивать свое взаимодействие Республика Индонезия, стал не промышленно развитый и обладающий гигантскими запасами нефти Казахстан, а существенно отстающий от него по большинству экономических параметров Узбекистан. Подобная ситуация была обусловлена историческим фактором: с начала 1960-х гг. до заката Перестройки Узбекистан играл роль "дипломатической витрины" СССР, призванной демонстрировать молодым государствам Азии и Африки преимущества советского пути развития обществ неевропейского типа. Именно в Узбекистане побывали первый президент Индонезии А. Сукарно (в 1956 **[18; 19; 20; 21]** и 1961 **[3]** гг.) и второй президент М. Сухарто, посетивший республику в 1989 г. **[16]**, во время своего официального визита, призванного восстановить отношения между Джакартой и Москвой.

23 июня 1992 г. Узбекистан стал первой республикой Центральной Азии, с которой Индонезия установила дипломатические отношения; подписание соответствующего коммюнике **[32, с. 29]** состоялось в ходе государственного визита в Индонезию президента Республики Узбекистан И.А. Каримова **[6]**, что свидетельствовало об особом значении, придаваемом данному событию официальным Ташкентом. Вероятно, последнее было связано с тем, что в рассматриваемый период руководство Узбекистана находилось в активном поиске модели государственного строительства, которую ему предстояло реализовать на собственной почве. При этом путь развития, избранный М. Сухарто, предполагавший сочетание высоких темпов экономического роста, авторитарных методов управления государством и опоры правящего режима на силовые структуры, представлялся И.А. Каримову, изначально не плани-

ровавшему вести свою республику по дороге демократических преобразований, одним из наиболее привлекательных.

В апреле 1995 г. с ответным официальным визитом Узбекистан посетил президент М. Сухарто **[23]**. По итогам состоявшихся переговоров сторонами были подписаны документы, призванные наполнить узбекистано-индонезийские отношения конкретным содержанием (Соглашение о воздушном сообщении **[36]** и Меморандум о сотрудничестве двух стран в области туризма **[37]**). Главами двух государств был принят политически значимый документ – Совместная декларация о принципах отношений и сотрудничества между Республикой Узбекистан и Республикой Индонезией **[30]**.

В мае 1994 г. было открыто Посольство Республики Индонезии в Ташкенте, в течение последующих 16 лет остававшееся единственным дипломатическим представительством этой страны в Центральной Азии **[31]**. В декабре 1996 г. собственное посольство в Джакарте открыла Республика Узбекистан **[24; 29]**.

Стабильное развитие узбекистано-индонезийских отношений было прервано в 1997 г. в связи с началом Азиатского финансового кризиса. В мае 1998 г. в Индонезии начались массовые беспорядки, приведшие к отставке М. Сухарто и разрушению созданной им государственной системы. В августе 1998 г. последствия кризиса добрались до постсоветского пространства, поразив экономику России, а затем и экономики иных стран СНГ. Существенных трудностей не удалось избежать и Узбекистану, прежде снискавшему репутацию республики, с наименьшими потерями переживавшей трансформацию, связанную с распадом СССР.

С мая 1998 г. по октябрь 1999 г. президентом Индонезии являлся Б.Ю. Хабиби, при М. Сухарто занимавший пост вице-президента и видевший своими основными задачами сдерживание негативных последствий экономического кризиса и стабилизацию политической обстановки в стране. В октябре 1999 г. новым главой государства был избран лидер исламской оппозиции А. Вахид, которому также не удалось переломить ситуацию в республике в лучшую сторону. В июле 2001 г. он был отправлен в отставку, после чего республику возглавила дочь первого президента страны, М. Сукарнопутри. В период руководства Мегавати в Индонезии еще более обострилась внутренняя нестабильность; в провинции Бали произошел ряд терактов, нанесших репутации этого курортного центра непоправимый ущерб; в провинции Ачех активизировали свою деятельность представители местного сепаратистского движения, выступавшего за создание на севере острова Суматра отдельного государства. Неспособность М. Сукарнопутри справиться с накрывшей республику лавиной проблем привела к ее закономерной отставке, и в сентябре 2004 г. новым президентом Индонезии был избран генерал С.Б. Юдойоно.

Вполне очевидно, что в подобных обстоятельствах внешняя политика Джакарты утратила былую активность, и ее взаимодействие с государствами Центральной Азии было практически остановлено.

Возобновление узбекистано-индонезийского сотрудничества произошло по инициативе Джакарты лишь в декабре 2005 г., когда министерствами иностранных дел двух государств в Ташкенте был подписан Меморандум о взаимопонимании относительно создания Двустороннего консультативного комитета **[30]**. Однако необходимо учитывать, что с 1997 г. во внутренней и внешней политике Узбекистана произошли существенные перемены, и его заинтересованность в развитии отношений с Индонезией несколько снизилась. Прежде всего, молодая центральноазиатская республика так и не дождалась от своего партнера сколько-нибудь значимых инвестиций, столь необходимых ей в 1990-е гг. в условиях осуществления экономического транзита. Разочарование Ташкента было связано и с революционными потрясениями в Индонезии, в частности, с неспособностью генерала М. Сухарто сохранить созданный им режим. Следовательно, в глазах узбекского руководства индонезийская модель государственного строительства утратила свою прежнюю привлекательность, и Ташкент более не связывал с Джакартой каких-либо серьезных надежд. На повестке дня оставалось лишь стремление Узбекистана проводить многовекторную внешнюю политику, причем в условиях резкого ухудшения его отношений со странами Запада, произошедшего в мае 2005 г. в контексте массовых беспорядков в Андижане, возможности для этого заметно сузились.

На фоне угрозы военного вторжения со стороны США и блока НАТО, Ташкент был вынужден заключить союзнический договор с Москвой, а также пойти на сближение с Пекином. В подобных обстоятельствах возобновление диалога с Джакартой означало для него хоть какую-то альтернативу попаданию в полную зависимость от соседних великих держав. При этом обе стороны осознавали, что масштабы их сотрудничества останутся весьма незначительными, и оно будет ограничиваться двумя основными моментами: оказанием взаимной поддержки на мировой арене (в рамках различных международных структур) и взаимодействием в культурно-гуманитарной сфере.

С декабря 2007 г. в узбекистано-индонезийских отношениях возникло новое, прежде не свойственное им явление. Речь идет о заметной активизации сотрудничества на уровне парламентов, министерств, ведомств, регионов, предприятий и учреждений двух стран, которое осуществлялось в форме обмена визитами официальных делегаций, ответственных за подписание соответствующих двусторонних соглашений. При этом уровень соответствующих делегаций представлялся сравнительно невысоким **[27; 28]**, а заключаемые ими договоренности, как правило, имели технический характер и были нацелены на решение конкретных, довольно узких, практических задач **[30]**. (Пожалуй, единственное исключение составило узбекистано-индонезийское торговое соглашение, ставшее одним из рамочных договоров, лежащих в основе системы двустороннего сотрудничества **[35]**).

В октябре 2014 г. новым президентом Индонезии стал Дж. Видодо, еще активнее продвигавший повестку взаимодействия республики со странами Центральной Азии. Уже в начале 2015 г. Ташкент и Джакарта приступили к развитию сотрудничества в одной из наиболее важных и в то же время закрытых сфер – в области безопасности. В феврале 2015 г. в Ташкент прибыла делегация Национального контртеррористического агентства Республики Индонезия, выступившая с инициативой заключения соглашения о совместной борьбе с терроризмом со Службой национальной безопасности Республики Узбекистан. Основные параметры данного документа были согласованы сторонами в ходе ответного визита делегации Службы национальной безопасности Республики Узбекистан в Джакарту, состоявшегося в августе 2015 г. В сентябре 2016 г. в Ташкенте сторонами был подписан Меморандум о взаимопонимании в области сотрудничества в борьбе с терроризмом **[36; 37]**. (Примечательно, что подписание данного документа состоялось всего через четыре дня после смерти первого Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова и перехода полномочий главы государства к Ш.М. Мирзиёеву).

С приходом к власти Ш.М. Мирзиёева, узбекская дипломатия, прежде отличавшаяся некоторой замкнутостью, вышла на новый уровень развития. Внешняя политика Ташкента заметно активизировалась, круг его партнеров существенно расширился, при этом новое руководство страны взяло курс на углубление и диверсификацию своего международного сотрудничества.

В случае с узбекистано-индонезийскими отношениями, все сказанное проявлялось в повышении уровня официальных делегаций, посещавших территорию государства-партнера. (Так, Республику Узбекистан несколько раз посетили министры иностранных дел, председатель Конституционного суда, глава Национальной комиссии по правам человека Республики Индонезии **[36]**, а Индонезию – председатель Государственного комитета по развитию туризма Республики Узбекистан **[37]**). Стороны существенно расширили внимание, уделяемое гуманитарному измерению межгосударственных отношений (в частности, сотрудничеству в области образования, продвижению в Узбекистане индонезийского языка и культуры, взаимодействию в области туризма и спорта, здравоохранения и фармацевтики **[39]**).

С начала 2020 г., по мере распространения в мире новой короновирусной инфекции COVID-2019, отношения Ташкента и Джакарты были поставлены на паузу. В течение некоторого времени по окончании пандемии, они пребывали на сравнительно низком уровне (так, стороны практически отказались от практики обмена официальными делегациями, сократили взаимодействие в политической сфере и в области безопасности, а на официальной интернет-странице посольства Узбекистана в Индонезии стала высвечиваться надпись "Domain Expired" **[17]**).

Лишь в 2023 г. в узбекистано-индонезийском сотрудничестве наметилось некоторое оживление. Выразив заинтересованность в расширении туристических обменов, стороны приняли решение о проведении в предстоящем году "Дней туризма Узбекистана" в Индонезии **[2]**. Узбекистан предоставил право индонезийским паломникам, направляющимся в Джидду, Медину и Эр-Рияд, совершать остановки в Самарканде и Бухаре для посещения местных святынь ислама **[4]**.

В июне 2023 г. с пятидневным визитом в Узбекистан прибыл вице-президент Индонезии М. Амин. Данный визит стал первой поездкой в Ташкент представителя высшего политического руководства республики за последние 28 лет. Стороны провели переговоры по всему спектру вопросов межгосударственного сотрудничества, высказавшись за налаживание более тесного взаимодействия в сфере торговли, транспорта и туризма **[26]**. В состав индонезийской делегации вошло около ста представителей министерств, ведомств, средств массовой информации, деловых кругов страны **[1]**, что свидетельствовало о сохранении Джакартой заинтересованности в расширении контактов с узбекскими партнерами.

Заключение

Вопреки широко распространенным представлениям, согласно которым Центральная и Юго-Восточная Азия являются двумя бесконечно далекими друг от друга регионами, между которыми отсутствуют точки соприкосновения, в действительности дело обстоит совершенно иначе: расположенные здесь государства имеют определенную схожесть в особенностях своего исторического развития, этноконфессиональной структуре своего населения, чертах административного и политического устройства, направлениях и проблемах развития своего хозяйства.

После обретения центральноазиатскими республиками национальной независимости, страны Юго-Восточной Азии во многом являлись для них примером того, как следует осуществлять государственное строительство в постколониальных обществах, отличающихся значительной гетерогенностью и сталкивающихся с необходимостью решения разнообразных и сложных задач.

Одной из основных причин развития контактов между странами, расположенными в указанных регионах, стало их настойчивое стремление противодействовать давлению, оказываемому на них более крупными державами. В случае с государствами Юго-Восточной Азии речь шла в первую очередь о Китае; центральноазиатские республики помимо своей воли оказались непосредственными участницами геополитического противостояния сразу нескольких внерегиональных акторов, известного как "Новая Большая игра". Таким образом, мы можем прийти к выводу, что расширение взаимодействия между двумя группами государств явилось следствием проведения ими многовекторной внешней политики, которая, в свою очередь, стала их непосредственным ответом на осуществляемую Россией, США, Китаем, Турцией, Ираном и некоторыми иными внерегиональными игроками "Новую Большую игру" в Центральной Азии.

Среди всех государств Юго-Восточной Азии, наибольший интерес для их центральноазиатских партнеров представляла крупнейшая по территории, численности населения, масштабам экономики страна региона – Республика Индонезия. В свою очередь, последняя имела определенный опыт взаимодействия с Узбекистаном, который и стал ее главным партнером в Центральной Азии. Соответственно, в системе отношений между странами Центральной и Юго-Восточной Азии наиболее важным элементом изначально являлось взаимодействие между Узбекистаном и Индонезией.

В процессе эволюции узбекистано-индонезийского сотрудничества возможно выделить несколько этапов.

Первый этап следует охарактеризовать как период закладывания основ будущего двустороннего сотрудничества. Хронологически он относится к тому времени, когда Узбекистан еще не был суверенным государством и в качестве одной из союзных республик входил в состав СССР. Он продолжался с 1956 по 1991 гг. и был отмечен тремя визитами в республику первого президента Индонезии А. Сукарно и его преемника на посту главы государства М. Сухарто. Именно тогда в сознании индонезийского руководства был сформирован

положительный образ Узбекистана, после распада СССР ставший главным ориентиром Джакарты при определении приоритетов ее внешней политики в Центральной Азии.

Второй этап, продолжавшийся с конца 1991 по 1997 гг., ознаменовался выходом узбекистано-индонезийских отношений на межгосударственный уровень. В это время Индонезия признала Узбекистан независимым государством; стороны установили дипломатические отношения, обменялись дипломатическими представительствами на уровне посольств, подписали основополагающие международные соглашения, заложившие правовой фундамент их сотрудничества в политической, экономической и гуманитарной сферах.

На третьем этапе, продолжавшемся с 1997 по 2005 гг., узбекистано-индонезийское сотрудничество оказалось практически замороженным. Последнее было обусловлено Азиатским финансовым кризисом и вызванным им падением режима генерала М. Сухарто, после чего Индонезия погрузилась в глубокий экономический и политический кризис, на фоне которого уже не могла проводить активную внешнюю политику.

Четвертый этап, охватывающий период с 2005 по 2014 гг., связан с постепенной стабилизацией обстановки в Индонезии и активизацией ее внешней политики, в т. ч. на ее центральноазиатском направлении. По инициативе президента С.Б. Юдойоно узбекистано-индонезийское сотрудничество стало наполняться конкретным содержанием: стороны установили практику регулярного обмена визитами на уровне официальных делегаций; заключили ряд соглашений, призванных регулировать конкретные направления их взаимодействия; стали уделять особое внимание "человеческому измерению" межгосударственного сотрудничества. В результате двусторонние отношения, обогатившиеся новыми направлениями и формами партнерства, обрели более насыщенный и предсказуемый характер.

Пятый этап, продолжавшийся с 2015 по 2019 гг., можно назвать периодом наивысшего развития узбекистано-индонезийского сотрудничества. После избрания президентом Индонезии Дж. Видодо, Джакарта стала уделять еще большее внимание развитию диалога с географически удаленными от нее партнерами. Существенную заинтересованность в расширении связей со странами Юго-Восточной Азии стало проявлять и новое руководство Узбекистана, пришедшее к власти в 2016 г. Ташкент и Джакарта впервые в истории приступили к развитию сотрудничества в сфере безопасности – в частности, в области борьбы с терроризмом. Основными направлениями своего взаимодействия в гуманитарной сфере они обозначили образование и туризм. Еще более интенсифицировалось двустороннее политическое сотрудничество, при этом было отмечено повышение уровня официальных делегаций, отправляющихся на территорию государства-партнера.

Шестой этап в развитии узбекистано-индонезийских отношений, пришедшийся на 2020–2022 гг., был связан с пандемией COVID-2019. В это время взаимодействие сторон было практически парализовано – точнее, оно перешло в виртуальное пространство, и его возвращение к обычной форме потребовало у Ташкента и Джакарты немалых усилий и наличия соответствующей политической воли.

С 2023 г. взаимодействие сторон вновь начало активизироваться. Стремясь продемонстрировать узбекским коллегам свою исключительную заинтересованность в скорейшем восстановлении всех форм партнерства, руководство Индонезии направило в Ташкент весьма представительную официальную делегацию, возглавляемую вице-президентом республики М. Амином. Данная поездка стала первым визитом в Узбекистан индонезийского руководителя столь высокого ранга с 1995 г., при этом заявления, сделанные им по итогам проведенных переговоров, свидетельствовали о твердом намерении Ташкента и Джакарты возобновить систематическую работу по расширению и углублению их сотрудничества.

Все вышесказанное позволяет прийти к заключению, что в последние три десятилетия узбекистано-индонезийские отношения демонстрировали довольно позитивную динамику развития. Вероятно, подобный характер межгосударственного сотрудничества сохранится и в обозримой перспективе, поскольку в условиях продолжающейся "Новой Большой игры" в Центральной Азии это в полной мере отвечает долгосрочным интересам обеих сторон.

Литература

1. Вице-президент Индонезии прибыл в Узбекистан. URL: https://kun.uz/ru/news/2023/06/13/vitse-prezident-indonezii-pribyl-v-uzbekistan (дата обращения: 15.02.2024).
2. Встреча министров туризма Узбекистана и Индонезии – что обсудили. URL: https://uz.sputniknews.ru/20230608/ministr-ozodbek-nazarbekov-kultura-uzbekistan-indoneziya-vstrecha-sotrudnichestvo-plany-35802975.html (дата обращения: 15.02.2024).
3. Горский А. Когда в гости приезжает большой друг // Правда Востока. 1961. 10 июня.
4. Жонизоков Т. Индонезийцы будут летать в хадж через Узбекистан. URL: https://uz.kursiv.media/2023-06-09/indonezijczy-budut-letat-v-hadzh-cherez-uzbekistan/ (дата обращения: 15.02.2024).
5. Заключительное коммюнике конференции стран Азии и Африки (Бандунг, 24 апреля 1955 г.) // Правда. 1955. 26 апр.
6. И.А. Каримов в Индонезии // Народное слово. 1992. 24 июня.
7. Каримов И.А. Наша высшая цель – независимость и процветание родины, свобода и благополучие народа. Доклад на первой сессии Олий Мажлиса Республики Узбекистан второго созыва, 22 января 2000 г. // Каримов И.А. Собр. соч.: В 23 т. Т. 8. Наша высшая цель – независимость и процветание родины, свобода и благополучие народа. Ташкент: Ўзбекистон, 2000. С. 322–340.
8. Каримов И.А. Наша главная цель – демократизация и обновление общества, реформирование и модернизация страны. Узбекский народ никогда и ни от кого не будет зависеть. Интервью для средств массовой информации, данное в Ташкентском аэропорту 25 мая 2005 г. // Каримов И.А. Собр. соч.: В 23 т. Т. 13. Узбекский народ никогда и ни от кого не будет зависеть. Ташкент: Ўзбекистон, 2005. С. 229–238.
9. Каримов И.А. Основные принципы общественно-политического и экономического развития Узбекистана. Доклад на первой сессии Олий Мажлиса Республики Узбекистан, 23 февраля 1995 г. // Каримов И.А. Собр. соч.: В 23 т. Т. 3. Родина священна для каждого. Ташкент: Ўзбекистон, 1995. С. 3–48.
10. Каримов И.А. По пути безопасности и стабильности в регионе. Выступление на саммите Шанхайской организации сотрудничества, 5 июля 2005 г. // Каримов И.А. Собр. соч.: В 23 т. Т. 13. Узбекский народ никогда и ни от кого не будет зависеть. Ташкент: Ўзбекистон, 2005. С. 256–260.
11. Каримов И.А. По пути укрепления мира и взаимодействия в Азии. Выступление на саммите глав государств – участников Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, 17 июня 2006 г. // Каримов И.А. Собр. соч.: В 23 т. Т. 14. Человек, его права и свободы – высшая ценность. Ташкент: Ўзбекистон, 2006. С. 207–212.
12. Каримов И.А. Путь к независимости: проблемы и планы. Выступление на X сессии Верховного Совета Республики Узбекистан двенадцатого созыва, 2 и 3 июля 1992 г. // Каримов И.А. Собр. соч.: В 23 т. Т. 1. Узбекистан: национальная независимость, экономика, политика, идеология. Ташкент: Ўзбекистон, 1996. С. 3–35.
13. Каримов И.А. Путь Узбекистана – интеграция в мировое сообщество // Каримов И.А. Собр. соч.: В 23 т. Т. 3. Родина священна для каждого. Ташкент: Ўзбекистон, 1995. С. 54–64.
14. Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. М.: Дрофа, 1997. 319 с.
15. Куклин Н.С. Исламский вектор во внешней и внутренней политике Индонезии: историческая ретроспектива. (Статья первая) // Россия и мусульманский мир. 2021. № 3. С. 88–102.
16. На земле Узбекистана // Правда Востока. 1989. 8 сент.
17. Посольство Республики Узбекистан в Республике Индонезия: Официальный сайт. URL: http://uzembassy.or.id/ (дата обращения: 15.02.2024).
18. Пребывание в Узбекистане Президента Индонезии Сукарно // Правда Востока. 1956. 6 сент.
19. Президент Индонезии Сукарно в Самарканде // Правда Востока. 1956. 7 сент.
20. Президент Сукарно в Ташкенте // Правда Востока. 1956. 5 сент.
21. Прием у Председателя Президиума Верховного Совета Узбекской ССР Ш.Р. Рашидова в честь Президента Индонезии Сукарно // Правда Востока. 1956. 7 сент.
22. Салаев Э. Мусульманское население по странам. URL: https://az.sputniknews.ru/20220404/musulmanskoe-naselenie-po-stranam-440701302.html (дата обращения: 15.02.2024).
23. Сегодня начинается официальный визит в Узбекистан Президента Республики Индонезия господина Сухарто // Народное слово. 1995. 8 апр.
24. Узбекско-индонезийские отношения. URL: https://mfa.uz/ru/pages/with-asia-pacific (дата обращения: 15.02.2024).
25. Устав Организации Объединенных Наций (26 июня 1945 г.). URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения: 15.02.2024).
26. Amin M. Keterangan Pers Wakil Presiden Usai Bertemu PM Uzbekistan. URL: https://www.youtube.com/watch?v=cgzRKvXuASk (дата обращения: 15.02.2024).
27. Highlights hubungan bilateral Indonesia – Uzbekistan. Kunjungan pejabat Indonesia ke Uzbekistan. URL: https://kemlu.go.id/tashkent/id/pages/republik_uzbekistan/1521/etc-menu (дата обращения: 15.02.2024).

28. Highlights hubungan bilateral Indonesia – Uzbekistan. Kunjungan pejabat Uzbekistan ke Indonesia. URL: https://kemlu.go.id/tashkent/id/pages/republik_uzbekistan/1521/etc-menu (дата обращения: 15.02.2024).
29. Highlights hubungan bilateral Indonesia – Uzbekistan. Pendidikan, Sosial dan Budaya. URL: https://kemlu.go.id/tashkent/id/pages/republik_uzbekistan/1521/etc-menu (дата обращения: 15.02.2024).
30. Highlights hubungan bilateral Indonesia – Uzbekistan. Perjanjian yang sudah ditandatangani. URL: https://kemlu.go.id/tashkent/id/pages/republik_uzbekistan/1521/etc-menu (дата обращения: 15.02.2024).
31. Highlights hubungan bilateral Indonesia – Uzbekistan. Umum. URL: https://kemlu.go.id/tashkent/id/pages/republik_uzbekistan/1521/etc-menu (дата обращения: 15.02.2024).
32. Iswanto P. Diplomasi Tiga Zaman: pengalaman 36 tahun dalam diplomasi bilateral dan multilateral. Malang: Penerbit Universitas Muhammadiyah Malang, 2023. xxii + 184 hlm.
33. McDonald H. Puppetmaster's ambition knew no end // The Sydney Morning Herald. 2008. 28 Jan.
34. Mirziyoyev Sh. Yangi O'zbekiston demokratik o'zgarishlar, keng imkoniyatlar va amaliy ishlar mamlakatiga aylanmoqda. URL: https://president.uz/oz/lists/view/4547 (дата обращения: 09.04.2024).
35. O'zbekiston Respublikasi Hukumati bilan Indoneziya Respublikasi Hukumati o'rtasida Savdo bitimi (2008-yil 13-may). URL: https://lex.uz/docs/-2059178 (дата обращения: 15.02.2024).
36. O'zbekiston Respublikasi Hukumati va Indoneziya Respublikasi Hukumati o'rtasida bitim havo transporti to'g'risida (1995-yil 8-aprel). URL: https://lex.uz/docs/-2571804 (дата обращения: 15.02.2024).
37. O'zbekiston Respublikasi Hukumati va Indoneziya Respublikasi Hukumati o'rtasida hamjihatlik memorandumi turizm sohasida hamkorlik to'g'risida (1995-yil 8-aprel). URL: https://lex.uz/docs/-2484298 (дата обращения: 15.02.2024).
38. O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasi (2023-yil 30-apreldagi tahririda). URL: https://lex.uz/ru/docs/-6445145 (дата обращения: 15.02.2024).
39. O'zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasining qarori Indoneziya Respublikasida O'zbekiston Respublikasining Elchixonasini ochish to'g'risida (1997-yil 25-iyun). URL: https://lex.uz/ru/docs/-1186982 (дата обращения: 15.02.2024).
40. Samarali tashqi siyosat – islohotlar va yangilanishlarni amalga oshirishning muhim sharti. URL: https://president.uz/oz/lists/view/1422 (дата обращения: 09.04.2024).
41. Shavkat Mirziyoyev: Murakkab pandemiya sharoiti biz bir-birimizga qanchalik bog'liq va kerak ekanimizni yana bir bor yaqqol namoyon etdi. URL: https://president.uz/oz/lists/view/4055 (дата обращения: 09.04.2024).

References

1. Vice President of Indonesia arrives in Uzbekistan. URL: https://kun.uz/ru/news/2023/06/13/vit-se-prezident-indonezii-pribyl-v-uzbekistan (accessed 15.02.2024). (In Russ.).
2. Meeting of Uzbekistan and Indonesia's Ministers of Tourism. URL: https://uz.sputniknews.ru/20230608/ministr-ozodbek-nazarbekov-kultura-uzbekistan-indoneziya-vstrecha-sotrudnichestvo-plany-35802975.html (accessed 15.02.2024). (In Russ.).
3. Gorsky A. A great friend to come // Pravda Vostoka. 1961. 10 Jun. (In Russ.).
4. Jonizokov T. Indonesians to fly to Hajj via Uzbekistan. URL: https://uz.kursiv.media/2023-06-09/indonezijczy-budut-letat-v-hadzh-cherez-uzbekistan/ (accessed 15.02.2024). (In Russ.).
5. Final Communiqué of the Asian-African conference of Bandung (24 April 1955) // Pravda. 1955. 26 Apr. (In Russ.).
6. Islam Karimov visits Indonesia // Narodnoe slovo. 1992. 24 Jun. (In Russ.).
7. Karimov I.A. Our highest goal is the independence and prosperity of our motherland, freedom and well-being of the nation. Report at the first session of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan, January 22, 2000 // Karimov I.A. Collected works in 23 volumes. Vol. 8. Our highest goal is the independence and prosperity of our motherland, freedom and well-being of the nation. Tashkent: O'zbekiston, 2000. P. 322–340 (In Russ.).
8. Karimov I.A. Our main objective is democratization and renewal of society, reform and modernization of the state. The Uzbek nation will never be dependent. Interview for the media at Tashkent airport on May 25, 2005 // Karimov I.A. Collected works in 23 volumes. Vol. 13. The Uzbek nation will never be dependent. Tashkent: O'zbekiston, 2005. P. 229–238 (In Russ.).
9. Karimov I.A. Basic principles of socio-political and economic development of Uzbekistan. Report at the first session of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan, February 23, 1995 // Karimov I.A. Collected works in 23 volumes. Vol. 3. The homeland is sacred for everyone. Tashkent: O'zbekiston, 1995. P. 3–48 (In Russ.).
10. Karimov I.A. Following the path of security and stability in the region. Speech at the Shanghai Cooperation Organization Summit, July 5, 2005 // Karimov I.A. Collected works in 23 volumes. Vol. 13. The Uzbek nation will never be dependent. Tashkent: O'zbekiston, 2005. P. 256–260 (In Russ.).

11. Karimov I.A. Towards strengthening peace and interaction in Asia. Speech at the Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia Heads of state Summit, June 17, 2006 // Karimov I.A. Collected works in 23 volumes. Vol. 14. Human rights and freedoms are the highest value. Tashkent: O'zbekiston, 2006. P. 207–212 (In Russ.).

12. Karimov I.A. The path to independence: problems and plans. Speech at the X session of the Supreme Council of the Republic of Uzbekistan, July 2 and 3, 1992 // Karimov I.A. Collected works in 23 volumes. Vol. 1. Uzbekistan: national independence, economics, politics, ideology. Tashkent: O'zbekiston, 1996. P. 3–35 (In Russ.).

13. Karimov I.A. The path of Uzbekistan is integration into the world community // Karimov I.A. Collected works in 23 volumes. Vol. 3. The homeland is sacred for everyone. Tashkent: O'zbekiston, 1995. P. 54–64 (In Russ.).

14. Karimov I.A. Uzbekistan is on the verge of the 21st century: security threats, conditions and guarantees for progress. M.: Drofa, 1997. 319 p. (In Russ.).

15. Kuklin N.S. Islamic vector in Indonesia's foreign and domestic policy: historical retrospective // Russia and the Moslem World. 2021. No. 3. P. 88–102 (In Russ.).

16. On Uzbekistan's soil // Pravda Vostoka. 1989. 8 Sept. (In Russ.).

17. Embassy of the Republic of Uzbekistan in the Republic of Indonesia. URL: http://uzembassy.or.id/ (accessed 15.02.2024). (In Russ.).

18. President Sukarno of Indonesia arrives in Uzbekistan // Pravda Vostoka. 1956. 6 Sept. (In Russ.).

19. President Sukarno of Indonesia arrives at Samarqand // Pravda Vostoka. 1956. 7 Sept. (In Russ.).

20. President Sukarno of Indonesia visits Tashkent // Pravda Vostoka. 1956. 5 Sept. (In Russ.).

21. The Chairman of the Presidium of the Uzbek SSR Supreme Council Sharaf Rashidov gives a reception in honor of the President Sukarno of Indonesia // Pravda Vostoka. 1956. 7 Sept. (In Russ.).

22. Salayev E. Muslim population by country. URL: https://az.sputniknews.ru/20220404/musulmanskoe-naselenie-po-stranam-440701302.html (accessed 15.02.2024). (In Russ.).

23. The President Suharto of Indonesia begins his official visit to Uzbekistan // Narodnoe slovo. 1995. 8 Apr. (In Russ.).

24. Uzbekistan-Indonesia relarions. URL: https://mfa.uz/ru/pages/with-asia-pacific (accessed 15.02.2024). (In Russ.).

25. United Nations Charter (26 June 1945 r.). URL: https://www.un.org/en/about-us/un-charter/full-text (accessed 15.02.2024).

26. Amin M. Vice President's press statement after meeting the PM of Uzbekistan. URL: https://www.youtube.com/watch?v=cgzRKvXuASk (accessed 15.02.2024) (In Indones.).

27. Highlights of Indonesia-Uzbekistan bilateral relations. Visits of Indonesian officials to Uzbekistan. URL: https://kemlu.go.id/tashkent/id/pages/republik_uzbekistan/1521/etc-menu (accessed 15.02.2024) (In Indones.).

28. Highlights of Indonesia-Uzbekistan bilateral relations. Visits of Uzbek officials to Indonesia. URL: https://kemlu.go.id/tashkent/id/pages/republik_uzbekistan/1521/etc-menu (accessed 15.02.2024) (In Indones.).

29. Highlights of Indonesia-Uzbekistan bilateral relations. Education, society and culture. URL: https://kemlu.go.id/tashkent/id/pages/republik_uzbekistan/1521/etc-menu (accessed 15.02.2024) (In Indones.).

30. Highlights of Indonesia-Uzbekistan bilateral relations. The signed agreements. URL: https://kemlu.go.id/tashkent/id/pages/republik_uzbekistan/1521/etc-menu (accessed 15.02.2024) (In Indones.).

31. Highlights of Indonesia-Uzbekistan bilateral relations. General information. URL: https://kemlu.go.id/tashkent/id/pages/republik_uzbekistan/1521/etc-menu (accessed 15.02.2024) (In Indones.).

32. Iswanto P. Three age diplomacy: 36 years of experience in bilateral and multilateral diplomacy. Malang: Muhammadiyah Malang University Publishing, 2023. xxii + 184 p. (In Indones.).

33. McDonald H. Puppetmaster's ambition knew no end // The Sydney Morning Herald. 2008. 28 Jan.

34. Mirziyoyev S. A New Uzbekistan becoming a country of democratic changes, broad opportunities and practical work. URL: https://president.uz/oz/lists/view/4547 (accessed 15.02.2024). (In Uzbek).

35. Trade agreement between the Government of the Republic of Uzbekistan and the Government of the Republic of Indonesia (13 May 2008). URL: https://lex.uz/docs/-2059178 (accessed 15.02.2024) (In Uzbek).

36. Agreement between the Government of the Republic of Uzbekistan and the Government of the Republic of Indonesia on air transport (8 April 1995). URL: https://lex.uz/docs/-2571804 (accessed 15.02.2024) (In Uzbek).

37. Memorandum of understanding between the Government of the Republic of Uzbekistan and the Government of the Republic of Indonesia on cooperation in the field of tourism (8 April 1995). URL: https://lex.uz/docs/-2484298 (accessed 15.02.2024) (In Uzbek).

38. Constitution of the Republic of Uzbekistan (as amended on April 30, 2023). URL: https://lex.uz/ru/docs/-6445145 (accessed 15.02.2024) (In Uzbek).

39. The Republic of Uzbekistan's Cabinet of Ministers decision on opening the Embassy of the Republic of Uzbekistan in the Republic of Indonesia (25 June 1997). URL: https://lex.uz/ru/docs/-1186982 (accessed 15.02.2024) (In Uzbek).

40. An effective foreign policy is an important condition for the implementation of reforms. URL: https://president.uz/oz/lists/view/1422 (accessed 09.04.2024) (In Uzbek).

41. Shavkat Mirziyoyev: Pandemic conditions demonstrated once again how interdependent we are. URL: https://president.uz/oz/lists/view/4055 (accessed 09.04.2024) (In Uzbek).

◆

Информация об авторах

Константин Евгеньевич Мещеряков, д-р ист. наук, профессор кафедры международных отношений на постсоветском пространстве Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: k.mesheryakov@spbu.ru

Шауки Аринал Хакк, магистр международных отношений, член Индонезийского молодежного отделения Организации исламского сотрудничества, Джакарта, Индонезия, e-mail: syauqyhaqq@gmail.com

Information about the authors

Konstantin E. Meshcheryakov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations in the Post-Soviet Area, Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, e-mail: k.mesheryakov@spbu.ru

Syauqy Arinal Haqq, Master of International Relations, Member of the Organization of Islamic Cooperation Youth Indonesia, Jakarta, Indonesia, e-mail: syauqyhaqq@gmail.com

Поступила в редакцию 18.02.2023 Одобрена после рецензирования 17.05.2024 Принята к публикации 27.05.2024

Received 18.02.2023 Approved 17.05.2024 Accepted 27.05.2024

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 78–83.
Oikumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 78–83.

Научная статья
УДК 81.13
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/78-83

"Древние" китайские наименования народов Внутренней Азии, Сибири и Дальнего Востока

Кирилл Анатольевич Котков
Центр изучения стран Дальнего Востока, Санкт-Петербург, Россия, kkotkoff@yandex.ru

Аннотация. В данной статье приводится анализ и расшифровка этнонимов народов Внутренней Азии и Сибири по древнекитайским историческим источникам. Главными инструментами лингвистического анализа стало применение сравнительно-языкового метода, основанного на свободном владении автором китайским, кантонским, вьетнамским и турецким языками, а также критический подход к датировке древнекитайских источников. Исследование показало, что многие древнекитайские этнонимы народов и племён, населявших территории к северу от Великой Стены, по данным лингвистического анализа, приведённого в данной статье, являются средневековыми и современными.
Ключевые слова: *этнонимы, Китай, Внутренняя Азия, Сибирь, лингвистический анализ*
Для цитирования: Котков К. А. "Древние" китайские наименования народов Внутренней Азии, Сибири и Дальнего Востока // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 78–83. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/78-83

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/78-83

The "ancient" Chinese ethnonyms of the peoples of the Inner Asia, Siberia and the Far East

Kirill A. Kotkoff
Center for the Study of the Far East, Saint-Petersburg, Russia, tkkotkoff@yandex.ru

Abstract. This article provides an analysis and decoding of the ethnonyms of the peoples of Inner Asia and Siberia according to ancient Chinese historical sources. The main tools of linguistic analysis were the use of the comparative linguistics method, based on the author's fluency in Chinese, Cantonese, Vietnamese and Turkish, as well as a critical approach to dating ancient Chinese sources. The study showed that many ancient Chinese ethnonyms of the peoples and tribes that inhabited the territories north of the Great Wall, according to the linguistic analysis presented in this article, are medieval and modern.
Key words: *ethnonyms, China, the Inner Asia, Siberia, a linguistic analysis*
For citation: Kotkoff K A. The "ancient" Chinese ethnonyms of the peoples of the Inner Asia, Siberia and the Far East // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 78–83. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/78-83

Хорошо известно, что история народов Внутренней Азии и Сибири известна почти исключительно по внешним источникам. Иными словами, местные народы узнали свою историю от иностранцев. Считается, что история многих народов Внутренней Азии известна исключительно по китайским источникам. Как считают многие учёные, на протяжении двух с половиной тысяч лет китайцы аккуратно записывали всё, что происходило к северу от Великой Стены. Соответственно, надо полагать, что в Китае на протяжении всего этого периода существовали и до сих пор сохранились такие музеи и библиотеки, с которыми не идут ни в какое сравнение соответствующие хранилища России, Европы и Америки.

Между тем история первых библиотек в Китае не уходит далее второй половины XVIII в., и то это были библиотеки, предназначенные для нужд императорской семьи и высшего круга представителей власти династии Цин (1644–1912 гг.). Ещё в конце XIX в. в стране не было ни одной общедоступной библиотеки и ни одного музея. Последние появились в стране только в середине XX в. По сути, вся история Китая дошла до нас, за редким исключением, в печатных изданиях последних двух с половиной веков. А где, спрашивается, рукописные оригиналы древнейших летописей!? Их нет! Соответственно, всё, что связано как с историей Китая до XVI–XVII вв., так и с историей сопредельных народов, повисает в воздухе, поскольку проверить информацию, содержащуюся в столь поздних источниках, не представляется возможным!

Известно, что написание современной версии китайской истории в XVIII в. происходило при активном участии европейских миссионеров-иезуи-

© Котков К. А., 2024

тов. Лингвистический анализ имён народов Внутренней Азии и Сибири, приведённый ниже, полностью это подтверждает.

Вследствие сильной ограниченности сочетаемости звуков китайский язык не способен адекватно передавать звучание слов и названий в иностранных языках. Если заранее не знать, что по-китайски Шэнбидэбао (кит. 聖彼得堡) – это Санкт-Петербург, Майданлао (кит. 麥當勞) – это Мак-Дональдс, Маньгу (кит. 曼谷) – это Бангкок, а Ло Сыфу (кит. 羅斯福) – это Рузвельт, Вы никогда не догадаетесь, о чём и о ком вообще идёт речь. Как читались иероглифы в Древнем Китае – никто не знает. Конечно, учёные активно реконструируют звучание иероглифов, видимо, полагая, что в древнекитайском языке существовала некая единая норма произношения. На всякий случай хотелось бы отметить, что и в современном китайском языке нормы произношения были окончательно регламентированы только в 1950-е гг. Многочисленные реконструкции древнего произношения никак не подкреплены самым главным, а именно этимологией соответствующих слов, что сводит на нет любые мудрствования на эту тему.

Но так или иначе названия "северных варваров", передаваемые иероглифами, заслуживают внимания хотя бы потому, что большинство из них средневековые или вполне современные.

Самыми знаменитыми северными соседями "Древнего" Китая были хунну, или сюнну (кит. 匈奴). Китайское название данной народности очень похоже на европейское название венгров. До сих европейское название Венгрии – Hungary (англ.), Hongrie (фр.), Ungern (немецк.), Угорщина (слав.), буквально означает "Страна Гуннов". Одновременно данная транскрипция похожа на название квазигосударственного образования енисейских кыргызов XVI–XVII вв. – Хонгорай, существовавшего в Минусинской котловине и называвшегося русскими "Киргизской землицей". Основал державу хунну, т.е. Хонгорай, правитель по имени Моду (кит. 冒頓), чьё имя похоже на тувинское слово "маадыр" (богатырь), или на самоназвание венгров – "мадьяр".

Считается, что ещё в I тыс. до н.э. и в первые века нашей эры у северо-восточных пределов Китая кочевала народность ухуань (кит. 烏桓). Некоторые учёные считают, что это авары из византийских хроник якобы VI–VIII вв. н.э. Между тем и сегодня в юго-восточной части Внутренней Монголии, в бассейне р. Шара-Мурэн обитает монгольское племя уухан. Скорее всего, ухуань и уухан – это одно и то же.

Согласно древнекитайским хроникам, ближайшими родственниками ухуань были уже упоминавшиеся сяньбэй, или сяньби (кит. 鮮卑). Они обитали где-то в Восточной Монголии и в Южной Сибири в первые века нашей эры. Данное слово отдалённо напоминает название "Сибирь" (от русского слова – "суровый/суворый")! Скорее всего, загадочные сяньби – это просто сибиряки.

К западу от ухуань и сяньбэй обитали племена сяньюнь (кит. 獫允/玁狁) или сюньюй, хуньюй (кит. 薰育/獯鬻), которые считаются предками хуннов. Если прочитать первое название по-кантонски, то получится "химван" (кант. him wan), что очень похоже на европейское наименование кочевников южной части средневековой Руси – куманы. Если прочитать второе название по-кантонски, то получится "фанйок", что напоминает венгерское "hunok", т.е. "гунны". Звуки "ф" и "х" часто переходят друг в друга.

К западу от хуннов обитала народность усунь (кит. 烏孫). Историки обычно относят их, впрочем, безо всяких доказательств, к ираноязычным народам. Однако племя уйсун и сегодня проживает в Казахстане, главным образом на территории Семиречья, являясь составной частью Старшего Жуза казахов.

Соседями хунну и усуней были юэчжи (кит. 月氏). Если прочитать эти иероглифы по-вьетнамски, в котором сохранилось более древнее произношение иероглифов, то получится nguyệt thi. Первый компонент в данном слове поразительно похоже на корень "кит-, кут-, скит-", присутствующий во многих языках Евразии, т.е. "поселение" (ср. русск. кут). Второй компонент по-китайски означает "род, семья". Современные учёные совершенно справедливо связывают народ юэчжи со скифами.

На рубеже нашей эры в Южной Сибири обитал народ сяцзясы (кит. 黠戛斯). Русский китаист XIX в. Н.Я. Бичурин (Иакинф) считал, что данное сло-

во является транскрипцией этнонима "хягас". После установления Советской власти 14 ноября 1930 г. в Минусинской котловине была образована Хакасская Автономная область, а всё местное тюркоязычное население – племена бельтирцев, качинцев, койбальцев, кызыльцев, сагайцев – не спрашивая их мнения, записали в новую народность – хакасы. На самом деле, слово "сяцзясы", скорее всего, является транскрипцией с монгольского слова "хяргас/хиргис", что значит "киргиз/кыргыз". Последний образован от слова "кыр", т.е. "равнина", и корня "гез-", т.е. "перемещаться". Иными словами, слово "кыргыз" означает "степняк". Народность, называвшая себя соответствующим словом, действительно обитала в Минусинской котловине вплоть до начала XVIII в., после чего откочевала в Джунгарию и Западную Монголию.

Согласно "древнекитайской" хронике "Троецарствие" (кит. 三國志 Саньгочжи) где-то в Сибири существовало "государство" Бэй-Уибего (кит. 北烏伊別國, букв. "Северное Уибе государство"). Некоторые исследователи почему-то предполагают, что речь идёт об обских уграх – хантах и манси. Однако если прочитать китайское название данного "государства" по-кантонски, то получится соответственно "Пак-Уипат кок". Река Уйбат является левым притоком Енисея в Минусинской котловине, а вовсе не в Западной Сибири. Скорее всего, речь опять же идёт о вышеупоминавшемся Хонгорае.

К северу от монгольских степей в лесах Сибири якобы в X–XII вв. обитал некий народ шивэй (кит. 室韋/失韋), образом жизни напоминавший тунгусов или русских сибирских охотников. Однако данное слово опять же напоминает название "Сибирь".

В Западной Монголии, Джунгарии и на Алтае якобы в VII–VIII вв. н.э. обитал кочевой народ гаочэ (кит. 高車), название которого переводится как "высокие повозки". Считается, что гаочэ были тюркским племенем. Скорее всего, перед нами редкая для китайского языка относительно удачная транскрипция тюркского слова "коч-/геч-" (проходить, передвигаться), т.е. просто "кочевники".

Якобы в те же века в районе Саян обитал некий народ сеяньто, или сюэяньто (кит. 薛延陀). Народность "сойоты" до сих пор обитает именно там же. И в этом случае мы видим редкую для китайского языка удачную транскрипцию названия данной народности.

По данным китайских источников, в Южной Сибири в VII–X вв. н.э. обитал тюркский народ курыкан (кит. 骨利干 гулигань). Данное имя встречается в тюркских рунических надписях на территории Западной Монголии. Современные учёные считают, что это были предки якутов, хотя у последних не сохранилось никаких, хотя бы самых глухих воспоминаний об этом наименовании. На самом деле курыканы не являются предками якутов, и главное, они никуда не исчезли, а живут там же, где о них упоминают рунические надписи! В бассейне р. Кобдо (Ховд) в западной части Монголии до сих пор кочует род хорхон. Сегодня все хорхоны говорят на западно-монгольском наречии, но помнят о своём тюркском происхождении, считая себя родичами тюркского народа урянхайцев (тувинцев).

Самоназвание "курыкан", скорее всего, происходит от тюркского слова "курган". Последнее означает "возвышенность, укрепление, крепость". Данный этноним вполне совпадает с географией места обитания хорхонов – восточные склоны хребта Мунку-Хайрхан (монг. Мөнх-Хайрхан, высотой до 4362 м) в Монгольском Алтае.

Согласно китайским хроникам, с IV в. н.э. по середину VI в. н.э. к северу от Китая существовало некое государство или племенное объединение Жоужань. В отечественном востоковедении, с лёгкой руки Л.Н. Гумилёва, установилось неправильное написание их имени – жужань (кит. 柔然). В художественной литературе их имя известно читателям по роману Чингиза Айтматова "Буранный полустанок" ("И дольше века длится день"). По китайским сведениям, жоужани представляли собой нечто вроде казачьей вольницы. "Жужани сложились из тех людей, которые избегали изнурительного труда… жужани слились в орду, чтобы с помощью военной мощи жить за счёт соседей **[6, с. 116.]**". Основателем этого государства был некий Юйцзюйлюй Мугулюй (кит. 郁久閭木骨閭). На основании того, что имя Мугулюй явно похоже на "монгол", учёные считают жоужаней предками современных монголов. На

самом деле, если прочитать данное имя по-кантонски (кант. Йоккаулой Моккуатлой), получится очень похоже на турецкое "Юкары Могол/Yukarı Moğol", что означает "Высший/Верховный Могол".

По сведениям китайских хроник, третий правитель жоужаней Юйцзюйлюй Датань (кит. 郁久閭大檀) принял титул кагана. Данное имя на самом деле означает "Юкары Татар/Yukarı Tatar" – "Высокий/Верховный Татар", иными словами, то же, что и "Великая Тартария", как в Средние века и вплоть до конца XVIII в., а в некоторых западноевропейских источниках и в XIX в. называли Сибирь и Дальний Восток.

В династийной "Истории династии Вэй" (кит. 魏書 Вэй шу) жоужани называются ещё одним именем – таньтань (кит. 檀檀), т.е. та(р)тары. Таким образом, в них прямо говорится, что оба народа суть одно и то же. Описания жоужаней как некоей вольницы соответствуют образу жизни русских казаков, сыгравших огромную роль в освоении Сибири. Совершенно справедливы и китайские сведения относительно того, что жоужани включали в себя разные племена – в казаки могли записываться представители самых разных народностей, а та(р)тарами первоначально называли все народы Русского Севера, Приуралья, Урала, Сибири и Дальнего Востока без различия национальности.

Жоужани, они же та(р)тары, оказались отнесены в IV–VI вв. н.э. в результате каббалистических и нумерологических манипуляций с хронологией в XVI–XVII вв., когда именно с помощью соответствующих методов создавалась современная версия Всемирной истории. Поэтому неудивительно, что в истории термин "та(р)тары", внезапно появляясь в середине I тыс. н.э., вдруг пропадает почти на 800 лет и снова всплывает в XII–XIII вв. Дело исключительно в неверной хронологии. Важно заметить, что в ходе археологических исследований никаких подтверждений существования "Жужаньского каганата" в степях Монголии так и не нашли.

Считается, что название государства киданей – Ляо (кит. 遼, якобы 907–1125 гг., другое название – Цидань/Кидань 契丹) переводится как "железное". Однако этому нет никаких доказательств, поскольку информации о языке киданей известно немного, а киданьская письменность полностью не расшифрована, кроме отдельных знаков. Указанное выше слово "ляо" 遼 переводится с китайского как "далёкий" и не имеет никакого значения, связанного с железом.

В китайских исторических источниках, например, в династийной "Истории династии Цзинь" (кит. 金史 Цзинь Ши), составленной якобы в XIV в., государство Ляо иносказательно именуется железным по следующей причине: правящей династией киданей был род Елюй (кит. 耶律). Если прочитать данные иероглифы по-кантонски, чтение которого близко к т.н. среднекитайскому языку, то они будут звучать как "Йелёт". Данное прочтение очень близко к монгольскому слову "илд", что значит "меч". Таким образом, Елюй/Йелёт означает "меч". При этом известно, что язык киданей был близок к монгольскому. Именно поэтому империя Ляо и именуется "железной", поскольку во многих языках слова "железо" и "меч, оружие" являются синонимами (напр., по-венгерски словосочетание "огнём и мечом" – tüzzel vassal, дословно переводится как "огнём и железом").

Что же касается наименования "Ляо", то оно, скорее всего, является китайской транскрипцией с даурского, монгольского и тюркского слова "айл/аил", что значит "место, поселение". Современные дауры – монголоязычный народ, обитающий главным образом в бассейне р. Нонни в северной Маньчжурии и в бассейне р. Хайлар на северо-востоке Внутренней Монголии, предположительно являются потомками киданей. Таким образом, слово "Ляо" по сути является вариантом слова "кидань", ср. с даурским "котун" – "поселение, город", "кот" – "двор".

Согласно китайским источникам, в XI в. н.э. на территории современной Монголии существовали некие племена цзубу (кит. 阻卜). Данное слово, скорее всего, является транскрипцией монгольского слова "цаб/цав", или "чаб/чав", что означает "каменистая бесплодная местность". Топонимы, заканчивающиеся на "цаб/чаб" довольно типичны для Монголии, например, г. Уланчаб или местность Ногоон-цав.

Все учёные-востоковеды признают, что под именами дадань (кит. 韃靼), дада (кит. 韃韃), дацзы (кит. 韃子), иногда таньтань (кит. 檀檀) китайцы подразумевали татар. Однако вплоть до XX в. азиатского народа с таким самоназванием не существовало. Сначала древние греки и римляне, а затем и европейцы Средних веков называли так всех жителей Внутренней Азии, Сибири и Дальнего Востока независимо от национальности. Само слово "та(р)тар" звукоподражательного происхождения и по смыслу соответствует слову "барбар/варвар". Тартар являлся самой загадочной частью света для древних греков и римлян, отсюда и соответствующее звукоподражательное название. Сами "татары" (в современном смысле этого слова) не называли себя этим именем вплоть до XX в. Соответственно, данное название могло перейти в китайские хроники только из Европы, и не ранее начала XVII в., т.е. с момента появления иезуитской миссии в Китае.

Согласно древнекитайским хроникам, к северу от Китая в первые века до н.э. существовал некий народ "бома" (кит. 駁馬), название которого переводят как "пегие кони". В русских источниках конца XVI в. упоминается некая "Пегая Орда". Современные учёные считают, что речь идёт о селькупах – кочевом народе, населяющем восточные районы Западной Сибири. Сегодня численность этого народа не превышает 4 тыс. чел. Вряд ли в XVII в. их было больше! Скорее всего, Пегая Орда, или пегие колмаки русских источников конца XVI в., внезапно пропадающие из поля зрения русских к 1610-м гг., – это маньчжуры, основой организации которых было войско, состоявшее из восьми разноцветных знамён – красного, жёлтого, белого и синего, и соответствующих знамён с каймой. Именно разноцветные знамёна придавали маньчжурам "пегий" характер.

По-китайски название маньчжуров записывается иероглифом 滿мань (кит. 滿族 маньцзу). Существует разнопись этого иероглифа , которая представляет собой ограду, внутри которой в левом верхнем углу изображён иероглиф "белый" 白, под ним знаки "полумесяц" 夕 и "полотно" 巾, а справа три черты, напоминающие воинское построение. Получается что-то вроде схематического изображения военного лагеря. Считается, что этот иероглиф очень древний, однако сам словарь "Цзыхуэйбу" (кит. 字彙補), в котором указан данный иероглиф, впервые был составлен только в XVII в., поэтому, скорее всего, и сам письменный знак появился не ранее возникновения маньчжурского государства.

В глубокую древность бома попали исключительно на бумаге, исходя из старинного китайского принципа "чем знание древнее, тем оно ценнее".

Таким образом, значительная часть китайских названий "древних" народов Внутренней Азии и Сибири на самом деле передаёт вполне современные наименования и этнонимы. Всё это лишний раз свидетельствует о том, что древнекитайские хроники созданы достаточно поздно, не ранее XVII–XVIII вв.

Литература

1. Аюудайн Очир. Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и состава монгольских народов. Перевод с монг. яз. Норовсамбуу Хишигт. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 286 с.

2. Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи (в двух частях). М.: Восточный дом, 2000. 463 с.

3. Гумилёв Л.Н. Хунны в Китае. СПб: Абрис, 1994. 272 с.

4. Монгольско-русский словарь (22000 слов). Под ред. А. Лувсандэндэва. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957. 715 с.

5. Тумурдэй Г., Цыбенов Б.Д. Краткий дагурско-русский словарь (5900 слов). Улан-Удэ: изд. БНЦ СО РАН, 2014. 236 с.

6. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Тюрко-татары. Т. 34, СПб, 1901.

7. 魏收， 魏書。 = Вэй Шоу (сост.). История династии Вэй. Св. 102–103. URL://https://zh.wikisource.org/wiki/%E9%AD%8F%E6%9B%B8/%E5%8D%B7103?variant=zh-tw (дата обращения: 14.01.2024).

8. 許力以, 徐中舒。 汉语大字典。 武汉,湖北辞书出版社,四川辞书出版社1995. = Сюй Лии, Сюй Чжуншу (ред.). Большой словарь китайских иероглифов (около 56 тыс. единиц). Ухань: Изд. словарей и справочников провинций Хубэй и Сычуань, 1995. 2430 с.

9. 陳壽,裴松。 三國志 。北京,團結出版社,1996. = Чэнь Шоу, Пэй Сун. История Трёх царств. Пекин. Изд. Единение, 1996. 905 с.

References

1. Ayuudain Ochir. Mongolian ethnonyms: questions of the origin and composition of the Mongolian peoples. Translation from Mongolian language Norovsambuu Khishigt. Elista, KIGI RAS, 2016. 286 p. (In Russ).
2. Bichurin N.Ya. Statistical description of the Chinese Empire (in two parts). M., Eastern House, 2000. 463 p. (In Russ).
3. Gumilev L.N. Huns in China. St. Petersburg, Abris, 1994. 272 p. (In Russ).
4. Mongolian-Russian dictionary (22,000 words). Ed. A. Luvsandendeva. M. State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1957. 715 p. (In Russ).
5. Tumurdey G., Tsybenov B.D. Concise Dagur-Russian dictionary (5900 words). Ulan-Ude, ed. BSC SB RAS, 2014. 236 p. (In Russ).
6. Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron. Turko-Tatars. Vol. 34, St. Petersburg, 1901. (In Russ).
7. Wei Shou (comp.). History of the Wei Dynasty. St. 102–103.URL://https://zh.wikisource.org/wiki/%E9%AD%8F%E6%9B%B8/%E5%8D%B7103?variant=zh-tw (accessed 14.01.2024). (In Chin.).
8. Xu Liyi, Xu Zhongshu (eds.). Large dictionary of Chinese characters (about 56 thousand units). Wuhan: Dictionaries and reference books of Hubei and Sichuan provinces, 1995. 2430 p. (In Chin.).
9. Chen Shou, Pei Song. History of the Three Kingdoms. Beijing: Unity, 1996. 905 p. (In Chin.).

◆

Информация об авторе

Кирилл Анатольевич Котков, руководитель Центра изучения стран Дальнего Востока, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: kkotkoff@yandex.ru

Information about the author

Kirill A. Kotkoff, Head of the Center for the Study of the Far East, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: kkotkoff@yandex.ru

Поступила в редакцию 04.04.2024 Одобрена после рецензирования 15.05.2024 Принята к публикации 27.05.2024

Received 04.04.2024 Approved 15.05.2024 Accepted 27.05.2024

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 84–91.
Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 84–91.

Научная статья
УДК 392:6 (=512.157)
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/84-91

Лекарственные средства животного происхождения в традиционной медицине якутов (XIX–XXI вв.)

Капитолина Максимовна Яковлева
Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия, kapa1985@list.ru
Айталина Алексеевна Слепцова
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Якутск, Россия, Aytalina92s@yandex.ru
Саргылана Михайловна Михайлова
Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия, s.mhlva@gmail.com

Аннотация. В статье на основе систематизации опубликованного ранее материала и новых данных из архивных источников и полевого материала авторов выделены традиционные методы лечения якутов животного происхождения. Авторы описали различные заболевания, которые были известны якутам в традиционный период, причины их появления и методы борьбы. Одним из самых распространенных заболеваний отмечен туберкулез. Также даны объяснения того, почему лекарства животного происхождения были и остаются популярными среди якутов даже в наши дни.
Ключевые слова: *традиционная медицина, этномедицина, традиционные знания, животные, болезни, лекарства, якуты, Якутия*
Для цитирования: Яковлева К. М., Слепцова А. А., Михайлова С. М. Лекарственные средства животного происхождения в традиционной медицине якутов (XIX–XXI вв.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 84–91. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/84-91

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/84-91

Medicinal products of animal origin in the ideas and practices of the Yakuts (XIX–XXI centuries)

Kapitolina M. Yakovleva
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia, kapa1985@list.ru
Aitalina A. Sleptsova
Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia, Aytalina92s@yandex.ru
Sargylana M.Mihailova
North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia, s.mhlva@gmail.com

Abstract. Based on the systematization of previously published material, new data from archive sources and field material of the authors, the traditional methods of treatment of Yakuts of animal origin are highlighted in the article. The authors described various diseases that were known to the Yakut people in the traditional period, the causes of their appearance and methods of diseases control. Tuberculosis is one of the most common diseases. Explanations are also given as to why medicines of animal origin have been and remain popular among Yakuts even today.
Key words: *traditional medicine, ethnomedicine, traditional knowledge, animals, diseases, cure, Yakut people, Yakutia*
For citation: Yakovleva K. M., Sleptsova A. A., Mihailova S. M. Medicinal products of animal origin in the ideas and practices of the Yakuts (XIX–XXI centuries) // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 84–91. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/84-91

Введение

Традиционная медицина (этномедицина) – особая база знаний этноса, основанная на жизненном опыте народа до появления официальной медицины. С постепенным развитием официальной медицины, особенно в советский период развития истории, этномедицина (народная медицина) отходит на второй план. Этому способствовала государственная политика, которая отрицательно характеризовала этномедицину, считая ее вредной и даже опасной для здоровья человека **[24, с. 34]**.

В настоящее время методологически этномедицина относится к нетрадиционной медицине, то есть к той, которая не соответствует стандартам лечения официальной медицины. Но такие методы лечения активно входят в жизнь современного человека. Особенно ярко этот процесс можно наблюдать в Республике Саха (Якутия), который шел одновременно с процессом возрождения явлений традиционализма в постсоветский период **[3, с. 25]**.

Традиционная медицина якутов, в свою очередь, богата способами и приемами лечения различных заболеваний, начиная от небольших порезов до методов лечения эпидемиологических заболеваний.

© Яковлева К. М., Слепцова А. А., Михайлова С. М., 2024

Достаточно обширный и систематизированный пласт литературы посвящен лечебным свойствам растительного происхождения **[1; 12; 13; 17; 21; 25]**. А изучение методов лечения и профилактики различных заболеваний с помощью лекарственных свойств животного происхождения якутов описаны фрагментарно и не систематизированы. Есть данные в работах А.М. Григорьевой, А.И. Гоголева, Р.И. Бравиной. В своих трудах А.М. Григорьева впервые приводит анализ объяснения дореволюционными якутами происхождения болезней, а также дает широкий спектр методов лечения с помощью средств и продуктов животного происхождения **[8; 9; 10]**. Особый вклад в исследование вносят труды А.И. Гоголева, который опираясь на архивные материалы и собственные полевые материалы изучает этномедицину народа Саха, подробно описывая роль животных в данной области **[6; 7]**. Работа Р.И. Бравиной является одной из последних по изучению препаратов животного происхождения, которые дополняют ранее известные данные **[2]**.

В данной статье авторы вводят в научный оборот материалы из фонда И.Д. Новгородова Ф. Р1413 из Национального архива Республики Саха (Якутия), которые привносят новые данные об этномедицине якутов, а также полевые материалы, собранные в Вилюйской группе улусов, Усть-Алданском улусе, г. Якутске с 2016 по 2024 гг.

Теоретико-методологической базой работы стали исследовательские подходы, разработанные в трудах Б.З. Назатова и М.М. Содномпиловой, которые, рассматривая средства животного происхождения в народно-бытовой медицине монгольских народов, выделили продукты животноводства, охоты и рыболовства, но адаптированные под культуру жизнеобеспечения якутов **[15]**. Намеченная в работе проблематика потребовала особого внимания к методологическим подходам и методике исследования. В связи с чем при разработке исследования использовались методологические принципы историзма и объективности, а также системный метод.

Продукты животноводства, охоты и рыболовства широко использовались в пище якутов, в том числе и в лечебных целях. Авторами предлагается систематизация по трем видам: молочные продукты, органы животных, экскременты.

Молочные продукты. Наиболее популярным средством при лечении большинства заболеваний, начиная от профилактического средства и заканчивая лечением туберкулеза, было кумысолечение.

Кумысолечение – это дозированное употребление кумыса в лечебных целях. Сведения об использовании данного метода упоминается также и в архивном источнике **(НА РС(Я). Ф. Р1413. Оп. 2. Д. 161. Л. 6–7)**[1]. Якуты употребляли кумыс как лечебное средство при лихорадочных легочных заболеваниях, как общеукрепляющее при истощающих хронических заболеваниях и как успокаивающее при нервно-психических заболеваниях. В частности, у якутов кумысолечение широко практиковалась при лечении туберкулеза легких – *сэллик*. Для этого использовали кумыс, приготовленный только из молока старой кобылы **[9, С. 23]**.

Для жителей Якутии, в особенности для северных районов, кумыс играл роль защитной пищи, потому что он содержит в себе высокий уровень витамина С, в следствие чего является хорошим средством для укрепления иммунитета. Поэтому кумыс пили как профилактическое средство от цинги и весеннего переутомления **[20, с. 70]**.

Широко использовалось в народной медицине масло разных видов. Например, масло из удоя 7 черных коров так же шло для лечения туберкулеза. Использовали, также, масло первородящей коровы в количестве 2 ½ фунта топили в течение недели до получения стакана топленого масла с горьковатым и пригорелым привкусом, давали по полстакана на прием. Одним из радикальных методов лечения туберкулеза было употребление масла 10-летней давности, которое давали больному небольшими кусочками **(НА РС(Я). Ф. Р1413. Оп. 2. Д. 161. Л. 6–7)**.

Также существовал метод лечения туберкулеза с помощью отпаивания парным молоком. При запорах пили топленое масло, молоко **[7 с. 84]**. Боль-

[1] НА РС(Я) – Национальный архив Республики Саха (Якутия).

ному корью давали часто, но понемногу теплое питье, отвар из ячневой крупы или чай с молоком **(НА РС(Я). Ф. И-40. Оп. 1. Д. 494. Л. 1–2)**.

При лишае мазали старым коровьим жиром, сливочным маслом **[10, с. 36]**.

Органы животных. Наиболее распространенными животными органами, которые широко применялись в практике этномедицины якутов, были легкие, желчь, жир медведя при туберкулезе:

Медвежья желчь – в слабых растворах по столовой ложке 3–4 раза в день, причем мужчинам дается желчь самки, а женщинам – самца;

Медвежье легкое – в вареном виде дается одновременно с приемом медвежьей желчи;

Медвежий жир – после двойной топки дается больным от столовой ложки до чашки по 2–3 раза в день **(НА РС(Я). Ф. Р1413. Оп. 2. Д. 161. Л. 6–7)**.

Как лекарственное средство при лечении туберкулеза использовались рога изюбра – больному давали в свежем виде небольшими кусочками. Также, как и рога изюбра, употребляется кабарговая струя. Так же существовал метод откармливания больного туберкулезом наружным и внутренним жиром рыси **(НА РС(Я). Ф. Р1413. Оп. 2. Д. 161. Л. 6–7)**.

Для того, чтобы вытирать гнойные и слезные выделения из глаз использовали белячий или заячий мех. При желтухе свежей шкурой только что забитой коровы оборачивали все тело больного, до полного остывания шкуры **[10, с. 29]**. Для лечения ангины повязывали заячью шкуру на горло. При больших кровопотерях при порезе и ранах давали пить свежую кровь скотины **[7, с. 90]**.

Якуты считали, что лягушка так же обладает лечебными свойствами, поэтому в практике этномедицины якутов сохранилось несколько способов этого метода лечения. Так, лягушку разрезали пополам по вертикали, прикладывали резанной поверхностью к пораженным железам, поверх чего накладывалась повязка, это использовалось при туберкулезном лимфадените **(НА РС(Я). Ф. Р1413. Оп. 2. Д. 161. Л. 6–7)**. При сильном кашле вскрывали осторожно капилляр на нижней части языка, выпускали кровь или живьем съедали маленькую лягушку и запивали жиром тарбагана **[7, с. 84]**. Еще ели уху из болотных лягушек как жаропонижающее средство **[10, с. 28]**.

Также А.И. Гоголевым описано то, что при лишае прикладывали кровь с собачьего уха. А лекарством от глухоты служил его костный жир **[10, с. 89.]**.

Птицы. Кроме животных в лекарственных целях использовали органы птиц и их яйца. Одним из средств лечения туберкулеза была кровь куропатки, которую пили свежей, сразу после умерщвления. Желчь куропатки использовали для лечения так же, как и медвежью. Яйцо кукушки, ронжи (кукши) отыскивали летом, и давали больному по несколько штук ежедневно. Сердце кукушки, ронжи съедались в сыром виде сразу после умерщвления. Живого дятла распаривали и прикладывали к туберкулезным железам, поверх которого накладывали повязку. Также употреблялось яйцо молодой курицы **(НА РС(Я). Ф. Р1413. Оп. 2. Д. 161. Л. 6–7)**. Все эти средства были предназначены для лечения туберкулеза.

При опоясывающем лишае также ели суп из филина **[10, с. 36]**. При ожоге использовали пепел пера ворона, смешанный с топленым маслом **[7, с. 89.]**.

Рыба. Наравне с мясом скота и конины в культуре жизнеобеспечения якутов употребляли рыбу, в том числе и в лекарственных целях.

При трахоме – наросты на внутреннем веке (*чалбах, сиикэй эт*) или при "утолщении белка" – мясных наростах на глазном белке производили операцию по удалению нароста. Для этого сначала серебряную палочку замораживают, потом дотрагиваются ею до оперируемого места, который прилипал к наросту, затем его оттягивают и подрезают. То же самое проделывают при трахоме, но уже с чешуей рыбы **[10, с. 25]**.

Для лечения трахомы в глаза каплями пускали желчь стерляди или карася, которых только что вынули из воды. При лишае прикладывали кожу налима или карасий пузырь **[7, с. 89.]**.

Насекомые. В традиционной медицине якутов активно использовали и методы лечения насекомыми. Например, одним из самых эффективных методов лечения туберкулеза считалось употребление "муравьиного масла" (*кы-*

мырда5ас хайа5а), которое добывали из муравьиного гнезда, это белое, прозрачное пенообразное вещество, которое представляет собой грибкообразную полужидкую массу. Вот эту самую массу принимали в разведенном в виде либо с чаем, либо с водой, либо с водкой. Так же использовали живого шмеля, которого после тщательного разжевывания съедался больным. Данный метод был зафиксирован в Таттинском улусе **(НА РС(Я). Ф. Р1413. Оп. 2. Д. 161. Л. 6–7)**.

Экскременты. Особыми свойствами помимо органов обладали и экскременты животных. Лекарством от глухоты служила моча собаки **[7, с. 89]**. При тяжелых послеродовых кровотечениях распространено было вкладывание во влагалище свежего конского навоза. Для остановки излишних маточных кровотечений тампонировали влагалище женщины свежим коровьим или конским навозом **[10, с. 35]**. При болях при гонорее использовали конский навоз как припарка к пенису **[10, с. 26]**. При сухом лишае мазались лошадиным потом **[10, с. 36]**.

Современный этап

Как уже отмечалось выше, с 90-х годов прошлого века начался этап "ренессанса традиционализма" **[3, с. 110]**, который сыграл особую роль в возрождении традиционной культуры якутов, а вместе с тем и поворот к традиционной культуре и к традиционной медицине. Появились многочисленные лекари – *эмчиттэр*, знахари - *ичээннэр*, травники – *отоһуттар*, массажисты и костоправы – *илбиһиттэр*, неошаманы, которые активно ведут свою деятельность в социальных сетях, проводят мастер-классы и принимают больных. В то же время население все больше стало обращаться к методам традиционной медицины, которые сохранились в их семьях. Так, по данным информанта Михайловой С.В., еще с детского возраста при боли в горле полоскают его раствором воды с сушеной желчью карася. О данном методе информант узнал от своей мамы **(ПМА, Вилюйский улус, РС(Я). 2020)**.

На сегодняшний день, болезнью, которая до конца не побеждена в Якутии, является туберкулез **[22]**. Сохранились даже некоторые методы лечения. Например, по данным А.И. Гоголева, метод лечения рогом изюбра туберкулеза популярен и в наши дни **[7, с. 91]**, как, впрочем, и лечение медвежьим жиром и желчью. Достаточно популярным также является и кумысолечение.

В последние годы в мессенджерах население Якутии распространяло видео лечения муравьиным маслом, но при этом не для лечения туберкулеза, а в целях витаминизации. Подобное видео было и с глотанием лягушки, но в целях улучшения ЖКТ.

Особые свойства приписываются кисломолочным продуктам, которые также считается, что обладают лечебными свойствами и особенно полезны в целях иммунного укрепления организма **[19]**.

Травмированному или больному человеку современные якуты дают пить сливки, бульон из дичи, уху, запрещено употреблять жирное мясо и масло.

Так же якуты топленым маслом мажут голову новорожденному ребенку, тем самым укрепляя его иммунитет и выравнивая ему череп **(ПМА, Усть-Алданский улус, РС(Я). 2016)**.

Некоторые органы домашних и диких животных употребляют до сих пор в сыром виде и даже пьют свежую кровь сразу после забоя. Считается, что сыроедение помогает при большой потери крови, малокровии и даже туберкулезе. Так, по данным информанта Семеновой Т.Н. из Верхоянского улуса: "При забое лошади, мама давала нам свежую кровь, разбавленную с молоком и солью для профилактики анемии" **(ПМА 2024: г. Якутск, Семенова Татьяна Николаевна, 1976 г.р.)**. Помимо этого, якуты употребляют замороженную сырую печень лошади, так как считается, что она излечивает ЖКТ, а также помогает улучшить состав крови, повышая гемоглобин. Якутами также активно используется рыбий жир. По воспоминаниям информанта Слепцовой С.Н., родители им в детстве мазали на хлеб тонким слоем рыбий жир. Рыбий жир якуты употребляли в качестве витаминов **(ПМА 2024: г. Якутск, Слепцова Светлана Николаевна, 1971 г.р.)**.

Одним из распространенных средств современности животного происхождения наряду с упомянутыми средствами является собачий жир, кото-

рый применяют при лечении туберкулеза и в последние годы от последствий COVID-19 **(ПМА. г. Якутск, РС(Я). 2021)**. Также есть сведения о том, что собачий жир использовали для лечения ожогов в середине XX века. По данным информанта, новорожденный ребенок получил большие ожоги от грелки в больнице, отец ребенка каждый день убивал щенят и мазал ожоги их жиром, что, по мнению семьи, помогло ребенку выжить при том уровне медицины в Усть-Алданском улусу **(ПМА, Усть-Алданский улус, РС(Я). 2016)**.

Сегодня одним из популярных средств являются панты оленя. Наиболее ценными из них были панты молодых оленей без каких-либо дефектов **[11, с. 40]**. В народной медицине монголов и бурят панты оленя в виде порошков использовали для заживления ран, повышению жизненных сил, омолаживанию организма **[15]**. Сегодня панты в Якутии широко используются для изготовления различных продуктов косметической компанией YCL (Yakut cosmetic line). Проведенные исследования показали, что панты северного оленя содержат около 80 биологически активных компонентов, необходимых для поддержания организма человека **[23]**. Помимо этого, было проведено исследование, показавшее, что электрофорез с пантовыми массами северного оленя можно использовать в качестве немедикаментозного воздействия на кислородтранспортную функцию крови для восстановления юных спортсменов Якутии **[5]**.

Лечебные свойства также приписывают пчелиному меду. Считалось, что мед продлевает жизнь, сегодня же является источником многих необходимых веществ для поддержания здоровья человека, так как при болезнях человеку необходимо нормализовать обменные процессы организма **[4]**. Многие семьи в период простудных заболеваний пьют горячий чай с медом, а также некоторые семью пьют его в качестве БАДов, так как мед обогащает кровь различными полезными микроэлементами и витаминами, ускоряет регенерацию клеток организма, а также при заболеваниях респираторной системы, стимулирует производство иммунных клеток, богат антиоксидантами и т.д. **[16]**.

На сегодняшний день, в Республике Саха (Якутия) достаточно популярны БАДы на основе активной добавки из пищевой рыбокостной муки северной рыбы сиговых пород. Данный БАД направлен на обогащение организма человека кальцием и борьбой со многими опорно-двигательными заболеваниями.

Так, например, якутскими учеными был разработан и предложен в качестве БАДа концентрат из жира молодняка якутской лошади в возрасте от 6 месяцев до 2,5 лет. Данное средство может корректировать липидный обмен, а также расширить диапазон использования сырья животного происхождения в пищевой промышленности **[18]**.

Некоторые нео целители все еще используют в своих обрядах животных или их части. В работе И.А. Меккюсяровой встречается описание одного из подобных магических лечений целителем М.Ф. Чашкиным. Целитель просит принести с собой тушку неощипанного черного дятла, которую он заговаривает и отдает обратно больному. Далее больному необходимо в строгом порядке по рекомендации целителя ощипать тушку, а выщипанные перья закапывает в специально выбранном месте. Затем тушка дятла разделывается на определенное количество частей и съедается в определенном порядке **[14]**.

Стремление людей применения и употребления немедикаментозных средств и методов объясняется тем фактом, что лекарственные препараты на основе лечебных трав и животных считаются безопасными в отличие от современных химических препаратов, а также то, что первые лучше усваиваются организмом и не вызывают побочных действий. И сегодня одной из наиболее основных проблем народной медицины является недостаточность нормативного регулирования, а также информирования и целителей, и потенциальных пациентов плюсами и минусами народной медицины, чем можно заниматься, а чем нельзя. Что требует должного закрепления на государственном уровне.

Выводы

Авторы систематизировали широкий круг опубликованного и неопубликованного материала, собрав воедино данные об использовании лекарственных средств животного происхождения в традиционной медицине якутов.

Приведенный анализ материалов позволяет сделать следующие выводы. Исследование истории изучения лекарственных средств животного происхождения свидетельствует о том, что знания якутов о народной медицине прошли длительный этап своего развития. Перечисленные методы лечения различных заболеваний методами традиционной медицины показало множество вариантов с применением лекарств животного происхождения.

Таким образом, нами выделены три основных вида продуктов животноводства, охоты и рыбалки – это молочные продукты (кумыс, масло, молоко и т.д.), органы (рога, шкура, жир, легкие и т.д.) и экскременты различных животных (урина, помет).

На сегодняшний день встречается использование препаратов с использованием таких животных, как собака (жир, мех), олень (панты), медведь (жир). Пандемия новой коронавирусной инфекции также стала одной из причин активизации традиционной медицины. Не смотря на то что официальная медицина выработала систему по борьбе с COVID-19, население Якутии обращалось к средствам этномедицины. Так, наш информант из Верхневилюйского улуса Константинова О.В. рассказала что после перенесенной коронавирусной инфекции для восстановления легких пользовалась медвежьим жиром, растирала им грудной отдел **(ПМА, Верхневилюйский улус, РС(Я). 2022)**. Интересен, тот факт, что так же поступали и при лечении туберкулеза легких в дореволюционное время **(НА РС(Я). Ф. Р1413. Оп. 2. Д. 161. Л. 6–7.)**.

Проведенный анализ собранных материалов нам говорит о том, что в народной медицине якутов уделялось большое значение лечению такого заболевания, как туберкулез. Данная болезнь так и не была полностью искоренена в Якутии, что, вероятно, послужило и сохранению традиционных знаний лечения с ней.

Основой знаний о той или иной лечебной эффективности препаратов животного происхождения является наблюдение людей за животными. Это объясняется тем, что якуты считали, что животные, употребляющие лекарственные растения в пищу, сами начинают обладать данными свойствами **[8]**.

Сформированная на опыте поколений база знаний в области этномедицины помогала якутам справляться с различного рода заболеваниями до появления профессиональной общедоступной системы здравоохранения. Сохранившиеся сведения в опубликованной литературе, архивном фонде, а также полученные в ходе полевых исследований данные о методах лечения и профилактики из медицинской практики народа свидетельствуют о действенности и эффективности традиционной медицины якутов.

Литература

1. Атлас лекарственных растений Якутии / Сост. Л.В. Кузнецова, Л.Г. Михалева, В.И. Захарова и др.; Отв. ред. Б.И. Иванов. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2003. 224 с.
2. Бравина Р.И. Народная медицина в свете ранних этнических контактов: к проблеме происхождения якутов // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. № 2 (39). С. 84–93.
3. Брагина Д.Г. Трансформация традиционной культуры якутов: (конец XX – начало XXI в.). Новосибирск, 2016. 120 с.
4. Васильева С.Р., Лыткин М.С., Кузьмина С.С. Биологическая активность якутского меда // Научное обозрение. Биологические науки. 2019 №4. С. 56–60.
5. Гаврильева К.С., Ханды М.В., Махарова Н.В, Местникова Е.Н., Кузьмина С.С, Соловьева М.И., Степанов К.М. Применение электрофореза с пантовой массой северного оленя в качестве восстановительного средства у юных спортсменов Якутии // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Медицинские науки. 2017. № 4 (9). С. 34–37.
6. Гоголев А.И. Историческая этнография якутов. Народные знания и обычное право. Якутск: Якутский государственный университет, 1983. 113 с.
7. Гоголев А.И. Народные знания якутов в XVII – начале XX вв. (календарь, метрология, медицина). Якутск: Издательский дом СВФУ, 2015. 104 с.
8. Григорьева А.М. Народная медицина Саха. Якутск: Бичик, 2012. 159 с.
9. Григорьева А.М. Народное врачевание в Якутии (XVII-XX вв.). Москва, 1996. 184 с.
10. Григорьева А.М. О народной медицине якутов. Якутск: Якутское книжное издательство, 1991. 72 с.
11. Жамбалова С.Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск: Наука, 1991. 172 с.
12. Иванов В.И. Лекарственные средства в народной медицине. М: Воениздат, 1992. 448 с.

13. Макаров А.А. Лекарственные растения Якутии. Новосибирск: Изд. СО РАН, 2002. 264 с.
14. Меккюсярова И.А. Лечебная деятельность (нео)шаманов и целителей Якутии // Вестник антропологии. 2022. № 4 С. 279–296.
15. Нанзатов Б.З., Содномпилова М.М. Народно-бытовая медицина монгольских народов: средства животного происхождения в представлениях и практиках // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Том 17. С. 126–145.
16. О мёде в рационе питания. URL: https://04.rospotrebnadzor.ru/index.php/press-center/press-reliz/15480-25102021.html (дата обращения: 15.01.2024).
17. Олейников Н.Е. Народные лечебные средства в Якутской области // Сибирский врач. 1917. № 17-18. 17 с.
18. Патент № 2538367 C2 Российская Федерация, МПК A23L 1/30, A23L 1/302, A23D 9/00. Концентрат из жира якутской лошади - сырье для пищевой добавки: № 2012121311/13: заявл. 23.05.2012: опубл. 10.01.2015 / Р. В. Иванов, К. М. Степанов, В. Т. Васильева [и др.]; заявитель Республика Саха (Якутия), от имени которой выступает уполномоченное Государственным комитетом Республики Саха (Якутия) по инновационной политике и науке лицо. Государственное бюджетное учреждение "Академия наук Республики Саха (Якутия)" (ГБУ АН РС(Я), Государственное научное учреждение Якутский научно-исследовательский институт сельского хозяйства Российской академии сельскохозяйственных наук (ГНУ ЯНИИСХ РАСХН).
19. Птицына О.С. Культура еды и питья в якутской литературе // Образование и наука в современных реалиях: сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2019. С. 184–188.
20. Саввин А.А. Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии). Якутск: Сахаполиграфиздат, 2005. 376 с.
21. Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: Московская типография №2, 1993. 736 с.
22. Социально-значимые заболевания населения России в 2018 году (Статистические материалы) / Г. А. Александрова, Н. А. Голубев, Е. М. Тюрина, Е. В. Огрызко, О. В. Залевская, Л. Н. Авдеева. М., 2019. 73 с.
23. Степанов К. Косметика из пантов оленя, разработанная ученым СВФУ, получила медаль международной выставки InterCHARM. URL: https://www.s-vfu.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=83579 (дата обращения: 14.01.2024).
24. Сухарев И.В., Сухарева Н.Н. Этническая медицина в системе жизнео // Вестник Башкирского государственного медицинского университета. 2017. №5. С. 34–39.
25. Яковлева К.М. К вопросу изучения лекарственных трав Якутии // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 12 (90). С. 68.

References

1. Atlas of medicinal plants of Yakutia / Comp. L.V. Kuznetsova, L.G. Mikhaleva, V.I. Zakharova, etc.; Ed. by B.I. Ivanov. Yakutsk: Publishing House of the Yakut Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (YANC SB RAS), 2003. 224 p. (In Russ.).
2. Bravina R.I. Traditional medicine in the light of early ethnic contacts: to the problem of the origin of the Yakuts // News of the Laboratory of Ancient Technologies. 2021. No. 2 (39). P. 84–93.
3. Bragina D.G. Transformation of the traditional culture of the Yakuts: (late XX – early XXI century). Novosibirsk, 2016. 120 c. (In Russ.).
4. Vasilyeva S.R., Lytkin M.S., Kuzmina S.S. Biological activity of Yakut honey // Scientific review. Biological Sciences. 2019 No. 4. P. 56–60. (In Russ.).
5. Gavrilyeva K.S., Khandy M.V., Makharova N.V., Mestnikova E.N., Kuzmina S.S., Solovyova M.I., Stepanov K.M. The use of electrophoresis with reindeer antler mass as a restorative agent for young athletes of Yakutia // Bulletin of the North-Eastern Federal University named after. M.K. Ammosova. Series: Medical Sciences. 2017. No. 4 (9). P. 34–37. (In Russ.).
6. Gogolev A.I. Historical ethnography of the Yakuts. Folk knowledge and customary law. Yakutsk: Yakut State University, 1983. 113 p. (In Russ.).
7. Gogolev A.I. Folk knowledge of the Yakuts in the 17th – early 20th centuries. (calendar, metrology, medicine). Yakutsk: NEFU Publishing House, 2015. 104 p. (In Russ.).
8. Grigorieva A.M. Traditional medicine of Sakha. Yakutsk: Bichik, 2012. 159 p. (In Russ.).
9. Grigorieva A.M. Folk healing in Yakutia (XVII-XX centuries). Moscow, 1996. 184 p. (In Russ.).
10. Grigorieva A.M. About folk medicine of the Yakuts. Yakutsk: Yakut book publishing house, 1991. 72 p.(In Russ.).
11. Zhambalova S.G. Traditional hunting of the Buryats. Novosibirsk: Nauka, 1991. 172 p. (In Russ.).
12. Ivanov V.I. Medicinal products in folk medicine. Moscow: Voenizdat, 1992. 448 p. (In Russ.).
13. Makarov A.A. Medicinal plants of Yakutia. Novosibirsk: Ed. SB RAS, 2002. 264 p. (In Russ.).

14. Mekkyusyarova I.A. Therapeutic activities of (neo)shamans and healers of Yakutia // Bulletin of Anthropology. 2022. No. 4 P. 279–296. (In Russ.).
15. Nanzatov B.Z., Sodnompilova M.M. Folk medicine of the Mongolian peoples: products of animal origin in ideas and practices // News of Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology. 2016. P. 126–145.(In Russ.).
16. About honey in the diet. URL: https://04.rospotrebnadzor.ru/index.php/press-center/press-reliz/15480-25102021.html (accessed 15.01.2024). (In Russ.).
17. Oleynikov N.E. Folk remedies in the Yakut region // Siberian doctor. 1917. No. 17-18. 17 p. (In Russ.).
18. Patent No. 2538367 C2 Russian Federation, IPC A23L 1/30, A23L 1/302, A23D 9/00. Concentrate from Yakut horse fat - raw material for food additive: No. 2012121311/13: application. 05/23/2012: publ. 01/10/2015 / R. V. Ivanov, K. M. Stepanov, V. T. Vasilyeva [and others]; the applicant is the Republic of Sakha (Yakutia), on whose behalf a person authorized by the State Committee of the Republic of Sakha (Yakutia) for Innovation Policy and Science acts. State budgetary institution "Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)" (GBU AN RS(Ya), State Scientific Institution Yakut Research Institute of Agriculture of the Russian Academy of Agricultural Sciences (GNU YaNIISH RAAS).(In Russ.).
19. Ptitsyna O.S. Culture of food and drink in Yakut literature // Education and science in modern realities: collection of materials of the IX International Scientific and Practical Conference. Cheboksary, 2019. C. 184–188. (In Russ.).
20. Ptitsyna O.S. Culture of food and drink in Yakut literature // Education and science in modern realities: collection. materials of the IX International. scientific-practical conf. Cheboksary, 2019. P. 184–188. (In Russ.).
21. Seroshevsky V.L. Yakuts. Experience of ethnographic research. 2nd ed. M.: Moscow printing house No. 2, 1993. 736 p. (In Russ.).
22. Socially significant diseases of the Russian population in 2018 (Statistical materials) / G. A. Alexandrova, N. A. Golubev, E. M. Tyurina, E. V. Ogryzko, O. V. Zalevskaya, L. N. Avdeeva. M., 2019. 73 p. (In Russ.).
23. Stepanov K. Cosmetics made from deer antlers, developed by a NEFU scientist, received a medal at the international exhibition InterCHARM. URL: https://www.s-vfu.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=83579 (accessed 14.01.2024). (In Russ.).
24. Sukharev I.V., Sukhareva N.N. Ethnic medicine in the life support system // Bulletin of the Bashkir State Medical University. 2017. No.5. P. 34–39. (In Russ.).
25. Yakovleva K.M. On the issue of studying medicinal herbs of Yakutia // International scientific research journal. 2019. No. 12 (90). (In Russ.).

◆

Информация об авторах

Капитолина Максимовна Яковлева, канд. ист. наук, доцент исторического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия, e-mail: kapa1985@list.ru
Айталина Алексеевна Слепцова, младший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия, e-mail: Aytalina92s@yandex.ru
Саргылана Михайловна Михайлова, студент исторического факультета Северо-Восточного федерального университета, Якутск, Россия, e-mail: s.mhlva@gmail.com

Information about the authors

Kapitolina M. Yakovleva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Faculty of History, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia, e-mail: kapa1985@list.ru

Aitalina A. Sleptsova, Junior Researcher, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia, e-mail: Aytalina92s@yandex.ru

Sargylana M. Mihailova, Student, Faculty of History, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia, e-mail: s.mhlva@gmail.com

Поступила в редакцию 16.01.2023 Одобрена после рецензирования 03.05.2024 Принята к публикации 27.05.2024

Received 16.01.2023 Approved 03.05.2024 Accepted 27.05.2024

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 92–102.
Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 92–102.

Научная статья
УДК 902/904:069.5 (571.54/.55) "653"
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/92-102

Планы и зарисовки архитектурных деталей Кондуйского городка из Собрания "Рисунков предметов, хранившихся в Кунсткамере XVIII в."

Светлана Евгеньевна Бакшеева
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, sarantceva@mail.ru

Аннотация. Исследование продолжает серию публикаций, посвящённых изучению ранних визуальных источников по истории средневековых археологических памятников Забайкалья. В сфере внимания – чертежи и зарисовки Кондуйского городка (XIII–XIV вв.), хранящиеся в настоящее время в СПбФ АРАН, переданные в архив из МАЭ АН СССР в 1934 г. Рисунки происходят из Собрания Петровской Кунсткамеры (1732–1760 гг.). Проанализировав изображения, автор статьи приходит к выводу, что они имеют очень большое сходство с рисунками из альбома "Рисунков различных Сибирских древностей" П. К. Фролова, хранящегося в РНБ, и датируются временем не ранее, чем начало XIX в. Очевидно, перед нами копии. Состояние рисунков из Кунсткамеры позволяет предположить, что это, возможно, черновики или даже первые эскизы фроловских рисунков, попавшие в собрание "Рисунков, хранившихся Кунсткамере" по недоразумению и много позже, чем даты его создания и комплектования.
Ключевые слова: *Кунсткамера, СПбФ АРАН, Кондуйский городок, Забайкалье, визуальные источники, П.К. Фролов, "Нарисованный музей", планы, Кондуйская церковь, XVIII–XIX вв.*

Автор статьи выражает слова искренней признательности зав. читальным залом СПбФ АРАН канд. ист. наук Елене Николаевне Груздевой

Для цитирования: Бакшеева С. Е. Планы и зарисовки архитектурных деталей Кондуйского городка из Собрания "Рисунков предметов, хранившихся в Кунсткамере XVIII в." // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 92–102. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/92-102

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/92-102

Schemes and sketches of architectural details of the Konduy town from the Collection of "Drawings of objects stored in the Kunstkamera of XVIII century"

Svetlana E. Baksheeva
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, sarantceva@mail.ru

Abstract: The study continues a series of publications devoted to the study of early visual sources on the history of medieval archaeological sites in Transbaikalia. In the area of attention are drawings and sketches of the Konduy town (13th–14th centuries), currently stored in the SPbB ARAS, transferred to the archive from the MAE in 1934. The drawings come from the Collection of the Kunstkamera (1732–1760). Having analyzed the images, the author of the article concludes that they are very similar to the drawings from the album "Drawings of Various Siberian Antiquities" by P.K. Frolov, stored in the National Library of Russia, and date back no earlier than the beginning of the 19th c. Obviously, we have copies in front of us. The state of the drawings from the Kunstkamera suggests that these are possibly drafts, or even the first sketches of Frolov's drawings, which ended up in the collection of "Drawings stored in the Kunstkamera" due to a misunderstanding and much later than the dates of his creation and completion.
Key words: *Kunstkamera, SPbB ARAS, Konduy town, Transbaikalia, visual sources, P.K. Frolov, "Painted Museum", schemes, Konduy church, XVIII–XIX centuries*

The author of the article expresses sincere gratitude to the Head of the reading room of the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Historical Sciences Elena Nikolaevna Gruzdeva.

For citation: Baksheeva S. E. Schemes and sketches of architectural details of the Konduy town from the Collection of "Drawings of objects stored in the Kunstkamera of XVIII century" // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 92–102. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/92-102

Кондуйский городок – средневековый дворцовый комплекс времени Монгольской империи (XIII–XIVвв.), расположен на юго-востоке Забайкальского края, в степи у одноименной реки, впадающей в р. Урулюнгуй (бассейн р. Аргунь). Площадь памятника 120 га. Он был построен в синкретичной монгольско-китайской традиции и состоит из главного здания – дворца – и окружавших его построек меньшего размера: павильонов, беседок, ворот и жилых помещений **[7, с. 167]**. При возведении зданий применялась колоннадная техника постройки на каменных базах-опорах. Для стен и пола применялись керамические строительные материалы: плиты и кирпич; крыши покрывались разноцветной глазурованной и обычной серой черепицей и были украшены выразительной кровельной скульптурой **[6, с. 342–368]**. При строительстве использовалась не сохранившаяся до настоящего времени древесина хвойных пород **[8, с. 171]**. Как показали археологические исследо-

© Бакшеева С. Е., 2024

вания, центральное дворцовое здание, построенное на двухметровой искусственной платформе, имело сложную архитектуру: крестообразную в плане форму, несколько расположенных симметрично входов в виде облицованных кирпичом пандусов, а также балюстраду, установленную по периметру стен, украшенную изваяниями каменных драконов **[6]**.

Возможно, развалины этого древнего города в 1675 г. были отмечены русским дипломатом и географом Н. Г. Спафарием (1636–1708 гг.), следовавшим проездом с посольством в Китай и описавшим обширную территорию верховьев р. Аргунь и развалины, находящиеся недалеко от оз. Далайнор, так: "*От Далая в дне пути есть город великий каменный со всяким строением и палаты в нём каменные целы; говорят, что в том городе от мору люди все пропали, и осталось имение их всё там, а иноземцы в тот город идти не смеют, а смотрят всё издали, а ныне говорят от войны запустело*" **[14, с. 143]**. Упоминания об остатках в верховье р. Урулюнгуй руин капища или кумирни, связанных с предками "известных мунгальских племён", были вкратце приведены в одном из томов "Географического словаря Российской Империи" в 1805 г. **[13, стб. 537]**. В том же году развалины древней "мунгальской" крепости, основание бывшего строения и разбросанные по округе кирпичи застал здесь путешествовавший по Даурии алтайский горный инженер А.П. Шангин (1786/1787–1812 гг.), что было изложено им в подготовленной к печати, но, к сожалению, так и неопубликованной рукописи **(Архив МОИП, Р. 74)**[1].

Первые визуальные источники по истории изучения городка происходят из альбома "Рисунков различных сибирских древностей" П. К. Фролова (1775–1839 гг.), хранящегося в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки в г. Санкт-Петербурге **(РНБ. ОР. F. IV. 184. Л. 2 (4), Л. 3 (5), Л. 12 (14))**[2]. Это планы городка и дворцового здания, а также рисунки нескольких гранитных изваяний. Изображения относятся ко времени начала постройки церкви Пресвятой Богородицы и св. Мучеников Кирика и Улиты (1806 г.) в с. Кондуй, располагающегося в 8 км от дворцового комплекса, откуда местными жителями активно вывозились строительные материалы городка для её возведения **[2]**. Вероятно, эти же и другие рисунки и планы с описаниями были приведены Г.И. Спасским в 1819 г. в одном из первых номеров издаваемого им в Санкт-Петербурге журнала "Сибирский Вестник" **[1, с. 81, рис. 3, 4]**.

В середине 70-х гг. прошлого столетия на некие изображения архитектурных деталей Кондуйского городка, хранящиеся в ЛО Архива Академии наук (в настоящее время **СПбФ АРАН**)[3] обратил внимание научный сотрудник Института археологии к.и.н. А.А. Формозов **[17, с. 4]**. Изучив материалы первого Собрания Петровской Кунсткамеры и обнаружив в числе прочих рисунков неизвестные изображения каменных драконов, в одной из своих работ, посвященных истории археологии, исследователь отметил, что "использованные в XVIII в. при постройке церкви каменные скульптуры Кондуйского городка в Забайкалье" не были учтены в уже имеющихся публикациях, очевидно, подразумевая прежде всего фундаментальный труд "Древнемонгольские города" **[3]**. Таким образом, вышеупомянутые графические источники по аналогии со всем Собранием были непроизвольно отнесены исследователем к XVIII столетию **[18, с. 8]**.

Рисунки Петровской Кунсткамеры – первый отечественный опыт визуальной каталогизации музейных предметов. Собрание состояло из акварельных рисунков, выполненных художниками Рисовальной палаты Петербургской Академии наук в первой половине XVIII в. в два этапа: 1732–1735 гг. и 1749–1752 гг. **[5, с. 96–97]**. По своему содержанию рисунки Собрания весьма разнообразны: это изображения археологических предметов, животных, насекомых, многочисленные предметы китайской коллекции, изображения костюмов разных народов, рисунки уродливых младенцев, научных приборов и инструментов и проч. И рисунки, и предметы, отображённые на них, имеют огромную культурно-историческую и музейную ценность. К сожалению, зна-

[1] МОИП – Архив Московского общества испытателей природы.

[2] РНБ – Российская Национальная библиотека (Санкт-Петербург).

[3] СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.

чительное число их было уничтожено пожаром, произошедшем в Кунсткамере в декабре 1747 г., когда сгорели два его верхних этажа и обсерватория. Музей при этом понёс значительные потери: большая часть экспонатов оказалась утрачена **[9, с. 18–20; 10, с. 188]**.

До наших дней рисунки Собрания сохранились в нескольких коробках, обтянутых кожей, в которых они и были переданы в первой половине XX в. МАЭ (Кунсткамера) в Ленинградский Архив АН. Листы с иллюстрациями снабжены порядковыми номерами, указывающими на место хранения в коробке. Общее количество рисунков Собрания составило 759 экземпляров. На некоторых из них изредка имелась подпись художника, изобразившего музейный экспонат, дата создания и конкретное место хранения предмета в музее – *Scrin*., от латинского "*scrinium*" – шкаф **[19, с. 147]**.

До недавнего времени рисунки Петровской Кунсткамеры не были представлены в научной литературе в полном объёме: в публикациях приведены лишь редкие из них **[**см., напр.: **15; 19]**. Однако в начале 2000-х годов Санкт-Петербургским филиалом Архива РАН, МАЭ РАН (Кунсткамера), Гос. Эрмитажем и Государственным Русским музеем была проведена совместная работа: подготовлено научное издание "Нарисованный музей Петербургской Академии наук" **[11; 12]**. Монография представляет собой иллюстрированную публикацию–каталог, куда вошли описания более двух тысяч зарисовок вещей, в настоящее время хранящихся в обозначенных выше научных учреждениях, в том числе и те, что некогда составляли первое Собрание Петровской Кунсткамеры.

Составителям издания удалось атрибутировать и сопоставить с реальными предметами, хранившимися в Музее, многие рисунки Собрания. Часть иллюстрированного каталога была соотнесена с конкретными коллекциями вещей, а также со сведениями, отраженными в нескольких томах первого российского печатного музейного каталога, изданного с 1741 по 1745 гг. небольшим тиражом на латыни для внутреннего использования – "Musei Imperialis Petropolitani" **[15, с. 94]**.

К сожалению, при публикации "Нарисованного музея" упомянутые А.А. Формозовым изображения Кондуйского городка оказались не учтены. Известно, что при подготовке издания несколько десятков рисунков археологических вещей были атрибутированы д.и.н. Д. Г. Савиновым **(СПбФ АРАН. Р. IX, Оп. 4, 2015, Предисловие, с. 3)**[4], однако зарисовки забайкальских древностей по какой-то причине, к сожалению, "выпали" как из поля зрения исследователя, так и авторского коллектива каталога. После публикации монографии СПбФ АРАН была подготовлена иллюстрированная Опись рисунков, в которую вошли интересующие нас изображения. Некоторое время назад Опись была выложена в открытый доступ на сайте Архива. Оказалось, что Кондуйскому городку принадлежат три листа из Собрания Петровской Кунсткамеры. Так, на листе Описи под номером 325 изображены изваяния каменных драконов, на рисунке 326 – план городка, и на последнем – 327-м – план дворцового здания. Все из них снабжены подписями **(СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Л. 173–174)**. Задачами настоящей статьи является ввод обозначенных визуальных источников в научный оборот, их анализ и атрибуция относительно уже известных изображений, а также уточнение возможного времени их создания.

Источники. Сохранность кондуйских зарисовок в целом удовлетворительная. Рисунок и два рукописных плана выполнены на прямоугольных листах бумаги большого формата приблизительно одинакового размера и подписаны на русском языке от руки: почерк на всех трёх экземплярах одинаковый. Листы загрязнены, помяты, также имеют место потёртости, следы жизнедеятельности насекомых; на них остались вертикальные и горизонтальные заломы, проходящие через центр листов, так как некогда, очевидно, каждый из рисунков был сложен вчетверо: бумага по сгибам имеет следы небольших

[4] Здесь и далее: Карты, планы, чертежи, рисунки, диаграммы и другие графические документы. Опись 4. Рисунки предметов, хранившихся в Кунсткамере XVIII в. (за 1732–1760 гг.). СПб, 2015. 392 л.; URL: http://ranar.spb.ru/srv/imageViewer/img?url=kJ2VmpyLwsvJy8jIxsrGz9mei4uNwsnOxsvZmI2Qio/Cy8jMzdmMmo2WnpPCy8nLx8/GxsbJ2ZqHi8LRj5uZ (дата обращения: 01.11.2023).

утрат; края листов надорваны. В углах листов имеются сквозные отверстия маленького диаметра, являющиеся, очевидно, следствием их крепления к поверхности с помощью иглы *(рис. 1–3)*.

Описания рисунков приводятся в том же порядке, в котором они располагаются в Описи Собрания **(СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Л. 173–174)**.

На листе размером 427×327 мм под номером **325** – рисунок, выполненный пером и тушью, имеет подпись "*Виды оставших от древних изображениев из гранита высеченныя находившийся в кондуевских развалинах аныне употреблены настроение церкви*"[5] *(рис. 1)*. Центральная часть листа загрязнена жирным пятном. На рисунке по вертикали изображены три архитектурные детали из камня – два вида драконообразных существ, некогда украшавших балюстраду дворца Кондуйского городка **[6, рис. 176–178, 180–181; 4, илл. 4, 5]**. Масштаб изображений автором не обозначен, нумерация подрисунков на листе также отсутствует.

Самое верхнее изображение на листе представляет собой рисунок архитектурной детали из гранита – дракона в изометрической проекции. Линии изображения отчасти прочерчены под линейку. Художественно отрисована только передняя часть его тела: морда драконообразного чудовища, плечи, часть спины и лапы. В верхней части спины дракона показан сквозной квадратный паз для установки и удержания его на углу балюстрады. Боковые поверхности изваяния изображены косыми и перекрещивавшимися линиями – штриховкой, шерсть зверя – произвольно. На морде можно различить круглый, очевидно выпуклый, глаз, ухо, хохолок на лбу, нос и два ряда ровных зубов в оскале. Передние лапы дракона согнуты, они обладают четырьмя пальцами и плавником, нарисованными на внутренней части конечности земноводного.

Два дракона другого типа размещены на листе по отношению к верхнему изображению "вверх ногами", друг к другу же они развёрнуты мордами в разные стороны. Здесь также использовалась для рисования линейка. Это два близких по виду каменных изваяния с пазами-выемками в средней части каменных "тел", отличающиеся друг от друга лишь некоторыми особенностями. Например, самое нижнее изображение благодаря зубам с клыками имеет более зловещий вид, чем то, что расположено нижней части листа. Некоторая разница отмечена в передаче носа, ушей, бровей и глаз.

Лист **326** прямоугольной формы размером 315×410 мм (рис. 2). Это чертёж, расположенный по горизонтали и занимающий почти всё пространство листа; выполнен тушью с использованием линейки. В его правой нижней части располагается надпись "*Ситуационной План Строениям древних жителей Приречке Малаго Кондуя изкоих развалин выкапывали кирпич и каменья на строение новой церкви*". На обороте листа имеются надписи чернилами: "*Комарьё жужжит*", ниже – "*Стукнуло, брыкнуло в лесе*" **(СПбФ АРАН. Р.IX. Оп. 4. Л. 173)**.

Чертёж ориентирован по северу, снабжен компасной стрелкой с указанием сторон света большими прописными буквами N–S. Стрелка расположена в центральной части рисунка. Масштаб чертежа графический, поперечный, размещён в нижней правой части листа и подписан по-русски прописью на немецкий манер "*Маасъштабъ*". Масштабная линейка разделена на 3 деления по 10 единиц: 30 делений = 121 мм. Единица измерения неясна.

На листе расположен план археологического комплекса. Рельеф на плане показан штриховкой. В центральной части чертежа – здание в форме большого крестообразного силуэта; северная и центральная части его изображены в виде подовальной возвышенности, ограниченной замкнутой площадью длинными штрих-линиями. Вероятно, таким образом автором показана не только крутизна рельефа, но и уже раскопанная жителями Кондуйской слободы ко времени создания плана часть постройки. Дворец окружают 27 разновеликих возвышенностей – остатков построек, иногда сгруппированных в отдельные комплексы, расположенные в произвольном порядке на разном расстоянии дворца. На некоторых из них показаны дополнительные очертания стен, отображенных прямыми и перпендикулярными линиями.

[5] Здесь и далее: подписи под рисунками приводятся в оригинале.

На листе **327** изображён подробный план Кондуйского дворца, расположенного на предыдущем плане в центральной части листа *(рис. 3)*. Здесь дворец показан в крупном "*маасъштабе*": чертёж ориентирован по востоку. На чертеже два изображения: в верхней части – план дворца, а в нижней – его перспективный план, вид сбоку. Изображения разделяет компасная стрелка с указанием сторон света большими прописными латинскими буквами с обозначением сторон света (N–S). Изображение масштаба аналогично предыдущему листу: масштаб графический, поперечный, очевидно, в саженях. По размеру он кратен масштабу предыдущего чертежа: 40 саженей[6] = 10 единиц.

На прямоугольном листе размером 423×300 мм тушью отрисован план дворца крестообразной формы и его профиль, а также сделана подпись. В верхней левой части рисунка имеются следы в виде произвольных линий, очевидно, начерченные автором рисунка пером при расписывании.

Экспликация, расположенная в центре листа, гласит: "*План, Снятой с развалин при речке Малаго кондуя. Прилитере* А *означены копи исконх добывались кирпичи настроение церкви.* В. *оставшиеся подножие из гранита состоящия таковые также нежеле число употреблено настроение церкви.* С. *Места, на коих оные же лежали*". Большая часть надписи сделана тушью; последняя фраза – поясняющая под литерой "*С*" начертана чернилами, очевидно, поверх надписи, сделанной карандашом (?) и, вероятно, уже после основной надписи.

План дворца расположен на листе по вертикали, по линии север–юг. Периметр его ограничен стенами (*А*), сохранившимися частично: на плане показаны их утраты, очевидно, это выбранные кирпичи для постройки церкви при разрушении дворца местными жителями. На внутренней поверхности постройки отражено схематичное изображение каменных баз, показанных в виде квадратов одинаковых размеров (*В*). Круги, показанные штрихом, судя по подписи под рисунком (*С*), обозначают возможные местонахождение баз, уже утраченных к моменту создания (съёмки) плана.

Обсуждение и выводы. Не вызывает сомнений, что кондуйские зарисовки и по содержанию, и по исполнению коренным образом отличаются от других рисунков "Нарисованного музея". Источник их поступления в Кунсткамеру не определён, автор неизвестен. Согласно сведениям из хранительской документации, зарисовки были приняты в Архив из Кунсткамеры в 1934 г. в составе коллекции графических материалов. Им сразу же были присвоены собственные номера, которые сохранились и по сей день. Кондуйские зарисовки, вероятно, входили в число "изображений археологических".

Не были найдены какие-либо сведения о них в выпусках печатного каталога "Musei Imperialis Petropolitani" **(СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Л. 173–174)**.

Рисунок и рукописные планы Кондуйского городка, происходящие из Кунсткамеры, представляют собой единый корпус источников. Они имеют весьма большое сходство с чертежами и рисунком из альбома "Рисунков различных сибирских древностей" П. К. Фролова **(РНБ. ОР. F. IV. 184. Л. 2 (3), Л. 3 (5), Л. 12 (14)) [2, рис. 3–5]**. Однако при ближайшем рассмотрении можно увидеть и их некоторые отличия. Вот вкратце основные из них. В первую очередь рисунки несколько разнятся в их оформительской части. Например, в технике, в которой выполнены зарисовки. На фроловских рисунках использовалась тушь и акварель, на рисунках из Кунсткамеры – тушь и чернила. Подрисуночные подписи близки друг другу по содержанию, но всё-таки несколько отличаются друг от друга в формулировках. Подписи на рисунках Фролова более лаконичны, зато на рисунках из Кунсткамеры имеет место специфическое явление в виде слитного написания некоторых слов. Отличия состоят и в изображениях масштаба и картуша. Если у Фролова – масштаб линейный, то на рисунках из Кунсткамеры – поперечный. Рисунок с изображениями каменных драконов вообще не имеет масштаба *(рис. 1)*, а у Фролова масштаб определён в вершках[7]. Остальные отличия на этом рисунке друг от друга состоят лишь в разнице компоновки изображений драконов на листе

[6] Согласно русской системе мер 1 сажень = 2,1336 м.

[7] По русской системе мер 1 вершок = 4,45 см.

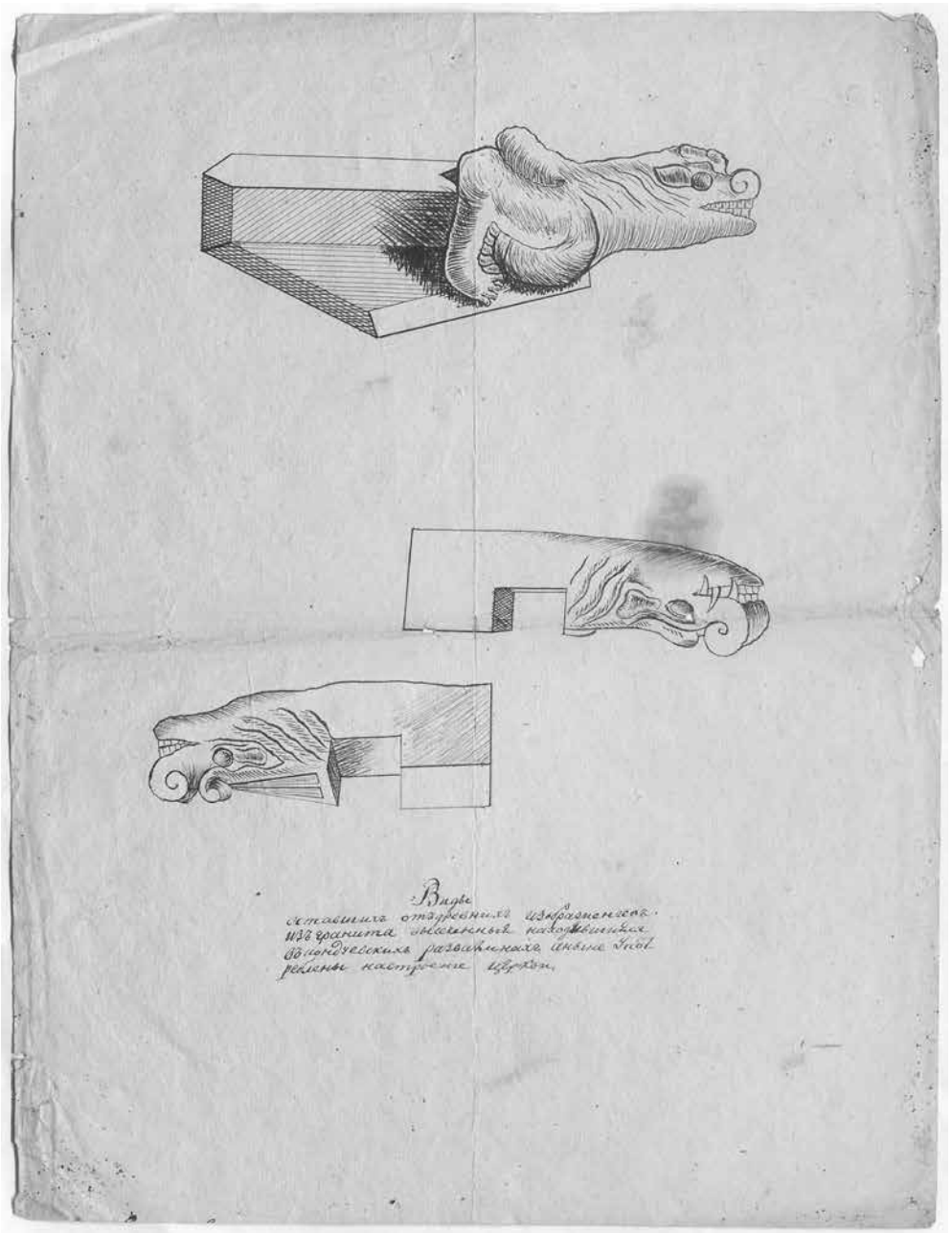


Рис. 1. Гранитные архитектурные детали Кондуйского городка.

"Виды оставших от древних изображениев из гранита высеченныя находившийся в кондуевских развалинах аныне употреблены настроение церкви". Тушь, перо. © СПбФ АРАН. Ф. IX. Оп. 4. Д. 325. Л. 1

Fig. 1. Granite architectural details of the Kondui town.

Источник: **[СПбФ АРАН. Ф. IX. Оп. 4. Д. 325. Л. 1]**.

Source: **[СПбФ АРАН. Ф. IX. Оп. 4. Д. 325. Л. 1]**.

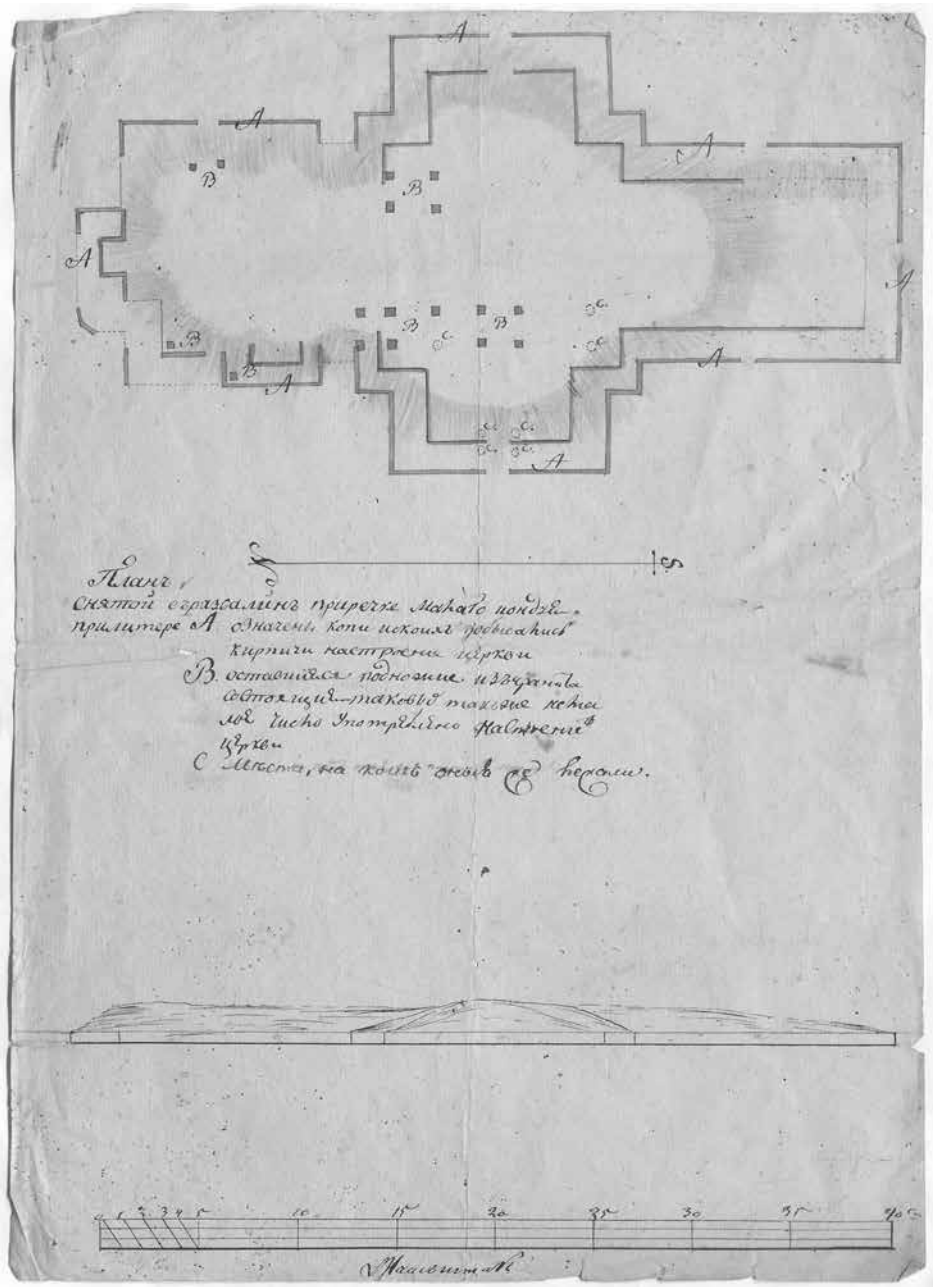


Рис. 2. План Кондуйского городка.

"Ситуационной План Строениям древних жителей Приречке Малаго Кондуя изкоих развалин выкапывали кирпич и каменья на строение новой церкви". Тушь, чернила, перо. © СПбФ АРАН. Ф. IX. Оп. 4. Д. 326. Л. 1

Fig. 2. Scheme of the Kondui town.

Источник: **[СПбФ АРАН. Ф. IX. Оп. 4. Д. 326. Л. 1]**.

Source: **[СПбФ АРАН. Ф. IX. Оп. 4. Д. 326. Л. 1]**.

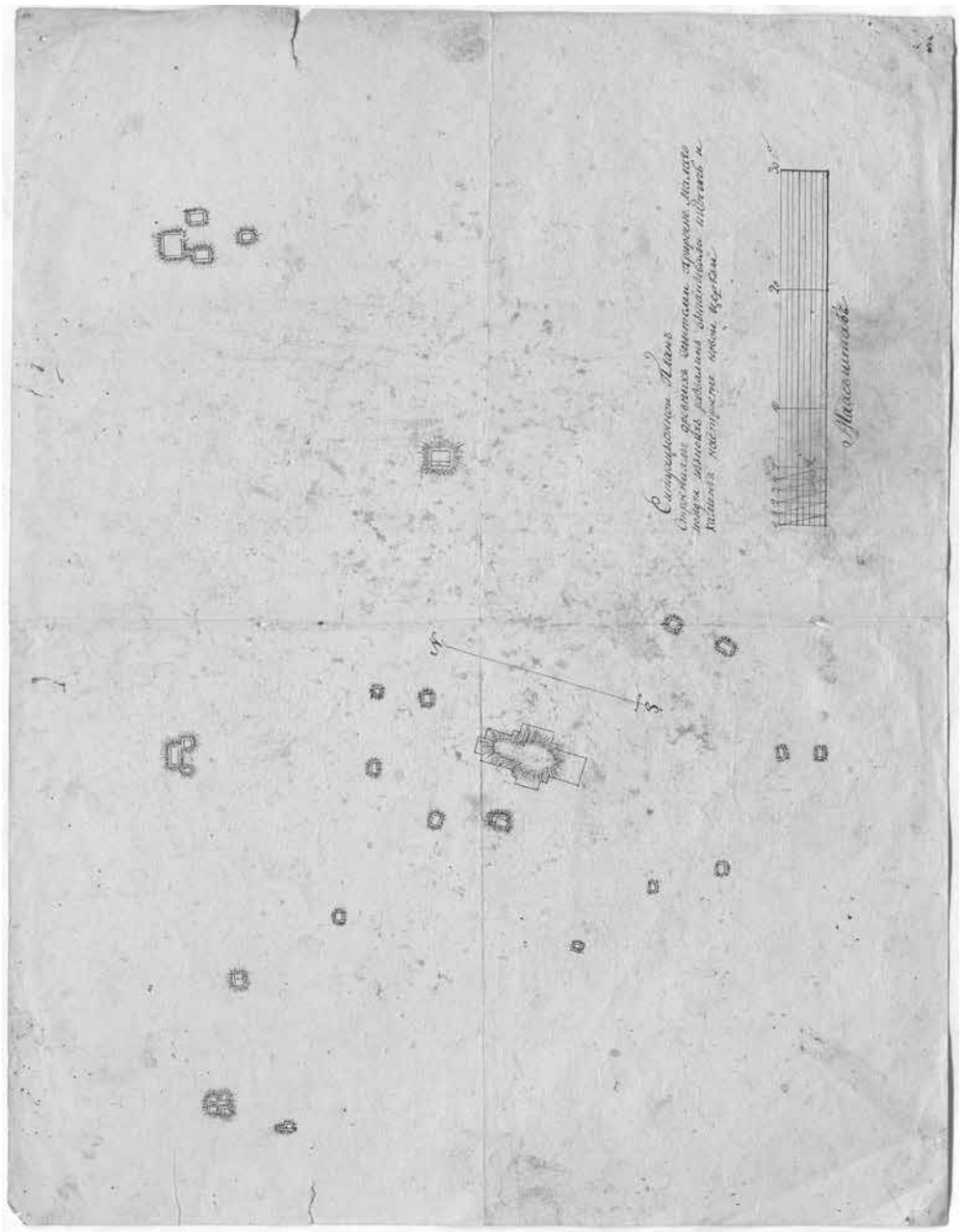


Рис. 3. План центрального дворцового здания Кондуйского городка и его профиль.

"План, Снятой с развалин при речке Малаго кондуя. Прилитере А означены копи искоих добывались кирпичи настроение церкви. В. оставшиеся подножие из гранита состоящия таковые также нежеле число употреблено настроение церкви. С. Места, на коих оные же лежали". Тушь, чернила, перо. © СПбФ АРАН. Ф. IX. Оп. 4. Д. 327. Л. 1

Fig. 3. Scheme of the palace of the Kondui town and its profile.

Источник: **[СПбФ АРАН. Ф. IX. Оп. 4. Д. 327. Л. 1]**.

Source: **[СПбФ АРАН. Ф. IX. Оп. 4. Д. 327. Л. 1]**.

и отсутствии изображения угла паза в архитектурной детали в теле самого верхнего дракона *(рис. 1)*.

Планы памятника обоих собраний имеют большое сходство *(рис. 2)*. Кроме разницы в части оформления чертежа, о которой речь шла выше, обращает на себя внимание наличие или отсутствие отдельных объектов. На каждом из планов в центральной части показано главное здание – дворец в окружении второстепенных строений значительно меньших размеров. В обоих случаях их количество совпадает: всего – 27. Однако, например, на плане из Кунсткамеры отсутствует крайний восточный объект, но он отмечен на чертеже из альбома П.К. Фролова. Аналогичное замечание можно высказать и по поводу самой южной постройки, отображённой на чертеже: в этом случае на плане Фролова строительный объект отсутствует, зато вычерчен на чертеже из Кунсткамеры. Также, на плане из Кунсткамеры, например, не отмечена просёлочная дорога, идущая в направлении Кондуйской слободы, по которой, вероятно, вывозили строительные материалы для постройки церкви. Таким образом, несмотря на то что это не единственные отличия в деталях, в целом чертежи существенной разницы не имеют.

Этот же вывод является актуальным и для плана центрального здания – дворца *(рис. 3)*. Помимо некоторых отличий в компоновке двух чертежей: плана дворца и его профиля на листе и прочих технических особенностей – обращает на себя внимание наличие двух дополнительных каменных баз, а точнее, "мест, на коих оные же лежали" в западной части дворца. В подписи на плане из Кунсткамеры чернилами дописано обозначение литеры "С", на рисунке из альбома Фролова такая помета на плане присутствует, однако в подписи под рисунком оказалась не отражена. Масштаб на обоих планах совпадает.

При наложении отсканированных чертежей и рисунков в полупрозрачном режиме в едином масштабе в одном из графических редакторов было выявлено почти их полное совпадение, что свидетельствует в пользу того, что обе группы визуальных источников – из альбома П. К. Фролова и Собрания рисунков Кунсткамеры – являются копиями. С большой долей уверенности можно предположить, что, несмотря на некоторые отличия, они были скопированы либо один с другого, либо с какого-то ещё источника, до сих пор неизвестного. Технически при копировании, вероятно, часть информации могла оказаться утраченной или изменённой. С практической точки зрения незначительные различия на чертежах в наше время можно трактовать в пользу того, что один рисунок дополняет сведения другого.

Небрежный вид, потёртости, специфические загрязнения, обусловленные, очевидно, особенностями хранения, изображение на одном из рисунков изваяний каменных драконов "вверх ногами", на другом – посторонние надписи на обороте одного из листов с зарисовками – эти и некоторые другие детали свидетельствуют в пользу того, что перед нами черновик, так называемый "брульон" – первый эскиз, набросок, вероятно, являвшийся источником фроловских рисунков.

По аналогии с ними, а также с учётом установленного времени постройки церкви в Кондуйской слободе, возведенной в честь Пресвятой Богородицы и св. мучеников Кирика и Улиты, строительство которой упоминается в подписях под обоими чертежами и рисунком, можно предположить дату их создания значительно более поздним, чем подготовка учениками Рисовальной палаты Академии наук корпуса рисунков "Нарисованного музея", временем, а именно не ранее, чем 1806 г. **[16, с. 505–506]**. Очевидно, кондуйские зарисовки оказались включены в иллюстрированное собрание "Рисунков, хранившихся в Кунсткамере" по какой-то случайности или недоразумению, однако когда и как это произошло, в настоящий момент установить невозможно.

Несмотря на это, планы и зарисовки архитектурных деталей Кондуйского городка из Кунсткамеры, являются уникальными и дополняют круг пока немногочисленных визуальных источников по археологии Забайкалья, а вместе с этим свидетельствуют о существовании давнего интереса к древней истории региона.

Литература

1. Бакшеева С.Е. Забайкальские археологические памятники в трудах Г.И. Спасского (1783–1864 гг.) на страницах журнала "Сибирский Вестник" // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. № 4 (45). С. 71–86. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-71-86

2. Бакшеева С.Е. Первые планы средневековых монгольских городищ Забайкалья по неопубликованным источникам: П.К. Фролов (1775–1839 гг.) // Археология Евразийских степей. 2021. № 4. С. 96–109. https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.4.96.109

3. Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселёв. М.: Наука, 1965. 372 с.

4. Елихина Ю.И. Находки из городища Кондуй в собрании Эрмитажа // Труды Госэрмитажа. Эрмитажные чтения памяти В.Г. Луконина (21.01.1932–10.09.1984). 2013–2017. СПб: Изд-во Госэрмитажа, 2021. Т. 105 [CV]. С. 186–191.

5. Карпеев Э.П., Шафрановская Т.К. Кунсткамера. СПб: ООО Алмаз, 1996. 192 с.

6. Киселёв С.В. Дворец в Кондуе // Древнемонгольские города / Отв. Ред. С.В. Киселёв. М.: Наука, 1965. С. 325–369.

7. Крадин Н.Н., Бакшеева С.Е., Ковычев Е.В., Прокопец С.Д. Новые исследования Кондуйского городка // Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй: III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей / Отв. ред. Крадин Н.Н., Ситдиков А.Г. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 167–171.

8. Крадин Н.Н., Бакшеева С.Е., Бондаренко О.В., Ковычев Е.В., Харинский А.В. Использование дерева в строительстве средневековых городов у монголов в Восточном Забайкалье (XIII–XIV вв.)// Поволжская археология. 2021. №2 (36). С. 65–78. https://doi.org/10.24852/pa2021.2.36.65.78

9. Липман А. Петровская Кунсткамера: Архитектурно-исторический очерк. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1945. 50 с.

10. Летопись Кунсткамеры. 1714–1836 / Авт.-сост. М.Ф. Хартанович, М.В. Хартанович. Отв. ред. Н.П. Копанева, Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 740 с.

11. "Нарисованный музей" Петербургской Академии наук. 1725–1760. Т. I / Сост. и научн. ред. Р.Е. Кистемакера, Н.П. Копаневой, Д.Й. Мейерс, Г.В. Вилинбахова. СПб.: Европейский дом, 2003. 320 с., илл. URL https://ranar.spb.ru/books/466248719 (дата обращения: 01.11.2023).

12. "Нарисованный музей" Петербургской Академии наук. 1725–1760. Т. II / Сост. и науч. ред. Р.Е. Кистемакера, Н.П. Копаневой, Д.Й. Мейерс, Г.В. Вилинбахова. СПб.: Европейский дом, 2004. 188 с., илл. URL https://ranar.spb.ru/books/466250039 (дата обращения: 02.11.2023).

13. Нерчинские горные заводы // Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем оного виде. Сост. Щекатов А.М., Максимович Л.М. [в 7 ч.]. М.: Универс. тип. у Любия, Гария и Попова, 1805. Ч. 4. М–П. Отд. 1, 1805. 1366 стб.

14. Спафарий Н.Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария / с введ. и примеч. Ю. В. Арсеньева. СПб: Тип. В. Киршбаума, 1882. 214 с.

15. Станюкович Т. В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 240 с.

16. Стуков П. Извлечение из церковной летописи кондуевской Богородице-Рождественской церкви и легендарное бурятское сказание о происхождении названий Кондуевского караула и окрестных местностей // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1884. № 45. С. 501–514.

17. Формозов А. А. Археология в Академии наук // Советская археология. 1974. № 2. С. 3–13.

18. Формозов А. А. Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии // Советская археология. 1975. № 4. С. 5–13.

19. Шафрановская Т.К. О сокровищах Петровской Кунсткамеры (по рисункам XVIII в.) // Советская этнография. 1965. № 2. С. 147–156.

References

1. Baksheeva S.E. Transbaikal archaeological sites in the works of G.I. Spassky (1783–1864) on the pages of the Siberian Bulletin magazine // News of the Laboratory of Ancient Technologies. 2022. No. 4 (45). P. 71–86. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-71-86 (In Russ.).

2. Baksheeva S.E. The first plans of medieval Mongol settlements in Transbaikalia according to unpublished sources: P.K. Frolov (1775–1839) // Archeology of the Eurasian steppes. 2021. No. 4. P. 96–109. https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.4.96.109 (In Russ.).

3. Ancient Mongolian cities / Rep. ed. S.V. Kiselev. M.: Nauka, 1965. 372 p. (In Russ.).

4. Elikhina Yu.I. Finds from the Kondui site in the Hermitage collection // Proceedings of the State Hermitage. Hermitage readings in memory of V.G. Lukonin (01.21.1932–09.10.1984). 2013–2017. St. Petersburg: State Hermitage Publishing House, 2021. T. 105 [CV]. P. 186–191. (In Russ.).

5. Karpeev E.P., Shafranovskaya T.K. Kunstkamera. St. Petersburg: Almaz, 1996. 192 p. (In Russ.).

6. Kiselev S.V. Palace in Kondui // Ancient Mongolian cities / Ed. S.V. Kiselev. M.: Nauka, 1965. P. 325–369. (In Russ.).

7. Kradin N.N., Baksheeva S.E., Kovychev E.V., Prokopets S.D. New studies of the Konduisky town // Between East and West: the movement of cultures, technologies and empires: III International Congress of Medieval Archeology of the Eurasian Steppes / Rep. ed. Kradin N.N., Sitdikov A.G. Vladivostok: Dalnauka, 2017. P. 167–171. (In Russ.).

8. Kradin N.N., Baksheeva S.E., Bondarenko O.V., Kovychev E.V., Kharinsky A.V. The use of wood in the construction of medieval cities among the Mongols in Eastern Transbaikalia (XIII–XIV c.) // Povolzhskaya Arkheologiya. 2021. No. 2. Vol. 36. P. 65–78. https://doi.org/10.24852/pa2021.2.36.65.78 (In Russ.).

9. Lipman A. Petrovskaya Kunstkamera: Architectural and historical essay. M.; L.: Publishing house Acad. Sciences of the USSR, 1945. 50 p. (In Russ.).

10. Chronicle of the Kunstkamera. 1714–1836 / M.F. Khartanovich, M.V. Khartanovich. Ed. N.P. Kopaneva, Yu.K. Chistov. St. Petersburg: MAE RAS, 2014. 740 p. (In Russ.).

11. "Painted Museum" of the St. Petersburg Academy of Sciences. 1725–1760. Vol. I / Compiled and scientifically ed. by R.E. Kistemaker, N.P. Kopaneva, D.Y. Meyers, G.W. Vilinbakhova. St. Petersburg: European House, 2003. 320 p. URL https://ranar.spb.ru/books/466248719 (accessed 01.11. 2023). (In Russ.).

12. "Painted Museum" of the St. Petersburg Academy of Sciences. 1725–1760. Vol. II / Compiled and scientifically ed. by R.E. Kistemaker, N.P. Kopaneva, D.Y. Meyers, G.W. Vilinbakhova. St. Petersburg: European House, 2004. 188 p. URL https://ranar.spb.ru/books/466250039 (accessed 02.11. 2023). (In Russ.).

13. Nerchinsk Mining Plants // Geographical Dictionary of the Russian State, compiled in its present form. Comp. Shchekatov A.M., Maksimovich L.M. [at 7 vol.]. M.: Lyubiy, Gariy and Popov, 1805. Vol. 4. M–P. Dept. 1, 1805. 1366 columns. (In Russ.).

14. Spafariy N.G. Travel through Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and the borders of China by the Russian envoy Nikolai Spafari in 1675. Spafaria's travel diary / with introduction and notes. Yu. V. Arsenyev. SPb: Typ. V. Kirshbaum, 1882. 214 p. (In Russ.).

15. Stanyukovich T.V. Kunstkamera of the St. Petersburg Academy of Sciences. M.; L.: Publ. House of the USSR Academy of Sciences, 1953. 240 p. (In Russ.).

16. Stukov P. Extract from the church chronicle of the Konduevskaya Mother of God Church of the Nativity and the legendary Buryat legend about the origin of the names of the Kondui guard and surrounding areas // Irkutsk Diocesan Gazette. Additions. 1884. No. 45. P. 501–514. (In Russ.).

17. Formozov A. A. Archeology in the Academy of Sciences // Soviet Archeology. 1974. No. 2. P. 3–13. (In Russ.).

18. Formozov A. A. Some results and tasks of research in the field of history of archeology // Soviet Archeology. 1975. No. 4. P. 5–13. (In Russ.).

19. Shafranovskaya T.K. About the treasures of the Petrovskaya Kunstkamera (based on drawings of the 18th century) // Soviet ethnography. 1965. No. 2. P. 147–156. (In Russ.).

◆

Информация об авторе

Светлана Евгеньевна Бакшеева, канд. ист. наук, старший научный сотрудник сектора раннесредневековой археологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: sarantceva@mail.ru

Information about the author

Svetlana E. Baksheeva, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Sector of Early Medieval Archeology, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: sarantceva@mail.ru

Поступила в редакцию 06.04.2023 Одобрена после рецензирования 11.05.2024 Принята к публикации 27.05.2024

Received 06.04.2023 Approved 11.05.2024 Accepted 27.05.2024

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 103–113.
Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 103–113.

Научная статья
УДК 947:621.311.25 (571.6)"185"
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/103-113

Вклад дальневосточных учёных в разработку планов строительства АЭС на юге Дальнего Востока СССР в 1960-е–1980-е гг.

Николай Степанович Воронцов
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, nsv91@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется вопрос участия представителей учёного сообщества Дальнего Востока в формировании научных представлений о целесообразности создания на юге Дальневосточного региона ядерной энергетической отрасли. На основе архивных материалов показан генезис идеи строительства атомных станций в Приморском и Хабаровском краях от зарождения до перехода в фазу практической реализации в годы перестройки. Исследована роль специалистов Дальневосточного научного центра АН СССР, в первую очередь – учёных-экономистов, а также представителей отраслевой науки в моделировании топливно-энергетического комплекса региона с учётом возможностей ядерной энергетики. Выявлены причины заинтересованности государственного и регионального политического руководства в результатах исследований и внедрении атомного компонента в Объединённую энергосистему Востока.
Ключевые слова: *Дальневосточный научный центр АН СССР, Дальневосточное отделение РАН, атомная энергетика, Дальневосточная АЭС, Приморская АЭС*
Для цитирования: Воронцов Н. С. Вклад дальневосточных учёных в разработку планов строительства АЭС на юге Дальнего Востока СССР в 1960-е–1980-е гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 103–113. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/103-113

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/103-113

The contribution of Far Eastern scientists to the development of plans for the construction of nuclear power plants in the south of the Soviet Far East in the 1960s–1980s

Nikolay S. Vorontsov
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East,
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russia, nsv91@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the participation of representatives of the scientific community of the Far East in the formation of ideas about the feasibility of creating a nuclear energy industry in the south of the Far Eastern region. Based on archival documents, the genesis of the idea of building nuclear power plants in the Primorsky and Khabarovsk territories is shown from the first initiatives to the beginning of practical implementation during the period of Perestroika. The role of specialists from the Far Eastern Scientific Center of the USSR Academy of Sciences, primarily economists, as well as industry science specialists in modeling the fuel and energy complex of the region, taking into account the capabilities of nuclear energy, has been studied. The reasons for the interest of the highest state and regional political leadership in the results of research and the introduction of the nuclear component into the United Energy System of the East have been identified.
Key words: *Far Eastern Scientific Center of the USSR Academy of Sciences, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Nuclear Energy, Far Eastern Nuclear Power Plant, Primorskaya Nuclear Power Plant*
For citation: Vorontsov N. S. The contribution of Far Eastern scientists to the development of plans for the construction of nuclear power plants in the south of the Soviet Far East in the 1960s–1980s // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 103–113. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/103-113

Введение

Во второй половине XX в. Дальний Восток представлял собой неисчерпаемое пространство для модернизационных проектов, призванных продемонстрировать возможности советской науки и раскрыть потенциал социалистического строительства на периферийных территориях. Одним из ключевых условий успешной модернизации советского Дальнего Востока являлось создание надёжной топливно-энергетической базы, способной поддерживать индустриальный рост, обеспечивать растущие потребности промышленности и населения региона в электрической и тепловой энергии.

Идея размещения на юге Дальнего Востока атомных станций возникла на заре становления атомной промышленности СССР. Зародившись в начале 1960-х гг., она прошла этап концептуального оформления 1970-х–1980-х гг., и в дальнейшем легла в основу правительственного решения о включении в 1987 г. планов строительства двух АЭС в Долговременную программу развития производительных сил Дальневосточного экономического района. Непосредственное участие в исследовании перспектив мирного атома, роли атом-

© Воронцов Н. С., 2024

ной энергии в экономической и социальной модернизации региона приняли дальневосточные учёные – представители Дальневосточного научного центра (с 1987 г. – Дальневосточного отделения) Академии наук СССР, а также специалисты ряда отраслевых научно-исследовательских организаций.

Несмотря на широкую источниковую базу, представленную материалами центральных, региональных и ведомственных архивов, до недавнего времени исторические исследования данной проблемы носили фрагментарный характер. Проекты АЭС для Дальнего Востока упоминались в периодических **[2; 5]** и монографических изданиях **[9]**, посвящённых технико-организационным аспектам развития советской ядерной энергетики, либо в обзорных трудах экономистов по проблемам освоения восточных районов СССР **[30]**. В 2022 г. история проектов АЭС в регионе была исследована дальневосточным историком А.В. Маклюковым **[11; 14]**. Проведённый анализ, базирующийся на архивных источниках, может служить прочным научным заделом для дальнейшего изучения данной проблемы. В этой связи представляется возможным дополнить имеющуюся картину новыми источниками, вводимыми в научный оборот.

Целью данной статьи является изучение генезиса представлений дальневосточного научного сообщества о перспективах формировании на юге региона атомной энергетической отрасли. Подлежат решению задачи: анализ эволюции взглядов представителей дальневосточной науки и политического руководства на внедрение "мирного атома"; раскрытие взаимосвязи ранних инициатив и более поздних проектов; выявление основных носителей идеи размещения в регионе АЭС; исследование обстоятельств, обусловивших включение планов строительства двух атомных станций в Долговременную программу развития Дальнего Востока. Хронологические рамки включают период с 1960 по 1987 гг. Верхней границей служит переход от теоретических разработок к попыткам практического осуществления проектов Дальневосточной (Комсомольской) и Приморской АЭС. Территориальные рамки охватывают Приморской и Хабаровский края, Амурскою область, южную часть Якутской АССР – зону действия сформированной в 1968 г. Объединённой энергосистемы Востока.

Исследуемая тема является не только малоизученным историческим феноменом, но и важным элементом продолжающегося научного поиска инструментов социально-экономической модернизации Дальнего Востока. Звучащие в настоящее время голоса в поддержку строительства АЭС на юге Дальнего Востока **[6; 19; 22]** свидетельствуют о сохраняющемся интересе к исследованию перспектив ядерной энергетики в регионе и придают дополнительную актуальность изучению опыта предшествующих поколений учёных.

Мирный атом идёт на Восток: первые предложения по внедрению ядерной энергетики в регионе

Вопрос о строительстве атомных станций в южной зоне Дальнего Востока возник на заре советской ядерной эры, когда стратегические подходы к оценке энергетического потенциала мирного атома проходили стадию формирования, а введенные в эксплуатацию АЭС либо представляли собой опытно-исследовательские установки, либо служили задачам развития оборонного комплекса страны. В 1960 г., всего через шесть лет после запуска первой в мире Обнинской атомной станции и через два года после введения в строй первой очереди Сибирской АЭС, советские учёные впервые изучили возможность внедрения атомной энергетики в топливно-энергетический комплекс (далее – ТЭК) Дальнего Востока **[11, с. 163]**.

Площадкой для обсуждения проектов стало прошедшее в Москве 19–21 апреля 1960 г. совещание, организованное Советом по изучению производительных сил при Президиуме Академии наук СССР. В разработке возможных вариантов энергетического развития восточных районов страны приняли участие представители Сибирского отделения АН СССР, институтов "Гидроэнергопроект" и "Теплоэлектропроект". Среди вопросов, поднятых на совещании, внедрение мирного атома не являлось приоритетной задачей: внимание учёных было сосредоточено на разработке условий создания единой энергосистемы, возможностях строительства ГЭС в бассейне Амура, анализе топливной базы региона. Несмотря на второстепенность "атомного вопроса", в ходе со-

вещания впервые была изложена концепция размещения двух АЭС на юге Дальнего Востока. Всесоюзный государственный проектный институт "Теплоэлектропроект" в своих предложениях по формированию генеральной схемы электроснабжения региона обосновал возможность строительства атомных станций в Приморском и Хабаровском краях. В связи с неустоявшейся терминологией данные объекты именовались "атомными ГРЭС". В Хабаровском крае предполагалось разместить Нижне-Амурскую атомную станцию мощностью 600 МВт, в Приморском крае – Ново-Приморскую атомную станцию мощностью 800 МВт. Обе атомные ГРЭС предполагалось ввести в эксплуатацию к 1980 г **(Арх. ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 8. Д. 105. Л. 56–58)**[1].

За исключением предполагаемой мощности, характеристики объектов (типы и количество реакторных установок, штаты эксплуатационников, локализация площадок под размещение и затраты на строительство) в предложениях "Теплоэлектропроекта" отсутствовали. Вместе с тем был чётко обозначен общий замысел – размещение АЭС в районах концентрированного потребления электроэнергии, в промышленных узлах с крупными предприятиями металлургии, специализированного машиностроения, авиастроения, судостроения и судоремонта. Ранее проблема энергоснабжения растущих индустриальных центров, равно как и задача теплоснабжения городов южной зоны Дальнего Востока, решались преимущественно путём ввода новых ГРЭС и ТЭЦ на угольном топливе (частично – на мазуте). Возведение промышленных объектов шло опережающими темпами в сравнении с энергетическим строительством **[12, с. 27]**.

Специалисты "Теплоэлектропроекта" прогнозировали в ближайшие десятилетия рост дефицита угольного топлива, предлагая решение проблемы ТЭК посредством строительства атомных станций в сочетании с активным освоением газовых месторождений региона **(Арх. ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 8. Д. 105. Л. 35)**. Впрочем, в отношении перспектив ядерной энергетики единого мнения в Совете по изучению производительных сил не сложилось. Отдел электрификации Госплана РСФСР предлагал ограничиться лишь одной атомной станцией в Приморском крае **(Арх. ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 8. Д. 105. Л. 31)**. Часть докладчиков не представили своих соображений по развитию мирного атома в регионе.

Несмотря на поддержку предложения о строительстве Нижне-Амурской атомной станции Хабаровским совнархозом и управляющим РЭУ "Хабаровскэнерго" Г.Г. Мамаджанянцем, а также привязкой мощностей АЭС к потребностям Амурского целлюлозно-картонного комбината и Дальневосточной железной дороги, идея осталась нереализованной **[11, с. 162]**. В условиях первой половины 1960-х гг. амбициозные планы столкнулись с объективными трудностями начального периода развития советской ядерной энергетики. Возможности советской промышленности и науки, а вместе с ними и слабые стороны атомного энергетического строительства наглядно продемонстрировала постройка Билибинской атомной теплоэлектроцентрали (АТЭЦ) в Чукотском национальном округе Магаданской области. Развернувшиеся в 1966 г. работы по её сооружению сопровождались переносами сроков, увеличением сметы строительства **[11, с. 164]**, завершившись в 1976 г. вводом последнего из четырёх энергоблоков **[23, с. 40]**. Для труднодоступных местностей Северо-Востока, лишённых собственной топливной базы, постройка Билибинской АТЭЦ в представлениях советского правительства выглядела оправданным решением **[18, с. 270]**. Изучались и другие варианты размещения атомных станций в районах Крайнего Севера. К примеру, Центральный научно-исследовательский экономический институт при Госплане РСФСР 1964 г. предлагал построить АЭС мощностью 36 МВт в районе посёлка Депутатский в Якутской АССР (**Арх. ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 8. Д. 135. Л. 328)**.

Однако внедрение аналогичных атомных станций сравнительно небольшой мощности в южной зоне Дальнего Востока в 1960-е гг. при наличии здесь богатых топливно-энергетических ресурсов было признано нецелесообразным. В результате ядерные технологии на юге Дальнего Востока были лишь ограниченно представлены в судостроительном комплексе **[8, с. 76]**. Стратегия развития ТЭК юга Дальнего Востока по-прежнему опиралась на

[1] Арх. ДВО РАН – Архив Дальневосточного отделения Российской академии наук.

разработку буроугольных месторождений Приморского края и Амурской области. Большие надежды также возлагались на освоение гидроэнергетических ресурсов региона: использование энергии рек Амурского бассейна, исследование возможности возведения каскада ГЭС на Амуре совместно с КНР **(Арх. ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1. Л. 3–7)**. Осуществляемая в тот период обширная программа строительства гидроэлектростанций в Восточной Сибири позволяла в ближайшем будущем транслировать накопленный опыт в соседний регион, подкрепить энергостроительные организации техникой и кадрами **[28, с. 114]**.

Дальневосточная наука в этот период также не считала задачу строительства АЭС приоритетной. Экономический отдел (зав. отдела – В.П. Тарасов), организованный при Президиуме Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР (с 1970 г. – Дальневосточного научного центра АН СССР), первоначально располагавший весьма ограниченным штатом сотрудников, в своём подходе к решению проблем ТЭК опирался на традиционные для региона энергоисточники **(Арх. ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 8. Д. 83. Л. 6–10)**. Работа, проделанная в 1960-е гг. специалистами отдела (Ю.П. Тарасова, В.С. Турецкий, Е.Н. Каратыгина, М.И. Краева, Е.В. Витко), строилась вокруг оценки запасов угля, нефти и газа, изучения возможных путей развития гидроэнергетики, анализа энергопотребления и потребностей предприятий в топливе, размещения объектов ТЭК **(Арх. ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 8. Д. 137. Л. 1–3)**.

Развитие представлений о роли атомной энергетики в долгосрочном развитии Дальнего Востока: роль учёных ДВНЦ АН СССР

В условиях интенсивного наращивания промышленного производства на юге Дальнего Востока, модернизация топливно-энергетического комплекса стала залогом успешного достижения плановых показателей индустриального роста. В 1960-е–1970-е гг. экономика региона год от года демонстрировала растущее потребление электрической и тепловой энергии **[15, с. 73]**. Помимо энергоснабжения промышленных предприятий, это также было обусловлено задачей обеспечения более высокого, в сравнении с другими районами, уровня электрификации производственных и бытовых процессов в условиях дефицита трудовых ресурсов **[27, с. 6]**.

Программа развития энергетики предусматривала дальнейшее наращивание мощностей преимущественно за счёт реконструкции действующих и сооружения новых электростанции и теплоэлектроцентралей, использующих в качестве топлива уголь: Приморской ГРЭС, Хабаровской ТЭЦ-3, Комсомольской ТЭЦ-3, Владивостокской ТЭЦ-2 и Благовещенской ТЭЦ **[7, с. 149]**. Несмотря на наличие в южной зоне Дальнего Востока крупных рек, системное изучение гидроэнергетического потенциала Амурского бассейна, проходившее в несколько этапов начиная с 1930-х гг., не вышло за рамки предварительных изысканий. Возведение ГЭС на притоках Амура по разным причинам отменялось и откладывалось вплоть до 1964 г., когда началось сооружение Зейской ГЭС. С 1975 по 1980 гг. были последовательно пущены шесть её гидроагрегатов **[13, с. 165]**, однако для положительного эффекта в масштабах всего региона требовалось соорудить высоковольтные линии электропередач, соединив ГЭС с ключевыми потребителями Объединённой энергосистемы Востока **[7, с. 150]**.

Длительные сроки строительства ГЭС, а также необходимость дальнейшего наращивания производства энергии вновь привлекли внимание учёных и управленцев к внедрению в регионе атомной энергетики. В первой половине 1970-х гг. при активном участии Дальневосточного научного центра АН СССР началась проработка различных путей развития топливно-экономического комплекса Дальнего Востока, с учётом возможного размещения атомных станций в южной зоне Дальневосточного экономического района **(Арх. ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 2. Д. 6. Л. 16–19)**. В разработке сценариев модернизации ТЭК ведущая роль принадлежала лаборатории перспективного планирования подотдела экономико-математических методов планирования и управления при Президиуме ДВНЦ в составе В.С. Турецкого, М.И. Краевой, Л.Н. Староселец и Г.И. Стещенко. Руководитель лаборатории – кандидат экономических наук В.С. Турецкий – с конца 1950-х гг. работал над оценкой потенциальных и возможных к использованию энергоресурсов, модерниза-

ции ТЭК с учётом местной специфики концентрации потребителей энергии, высоких затрат и сроков строительства крупных электростанций и больших расстояний **[25, с. 67]**. Теперь перед учёными стояла задача моделирования оптимальных топливно-энергетических балансов Дальневосточного экономического района на 1976–1980 гг. и в перспективе до 1990 г., а в дальнейшем – создание моделей, рассчитанных на период до 2000 г **(Арх. ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 2. Д. 6. Л. 28)**.

По прогнозам лаборатории, потребность Дальнего Востока во всех видах топливно-энергетических ресурсов к 1990 г. должна была превысить уровень 1970 г. более чем в три раза **[27, с. 6]**. Сопоставив имеющиеся и разведанные на тот момент топливно-энергетические ресурсы с реальными возможностями их освоения в установленные сроки, лаборатория В.С. Турецкого в 1973 г. предложила три модели развития ТЭК. Первая модель отдавала приоритет строительству конденсационных электростанций с использованием в качестве топлива якутского газа, а также развитию гидроэнергетики. В данном варианте сооружение новых атомных станций не предполагалось, допускалось лишь расширение Билибинской АТЭЦ на Чукотке. Вторая модель предусматривала постройку новых АЭС только на севере Дальнего Востока – в Камчатской и Магаданской областях. Третья рассматривала возможность строительства атомных станций как на севере, так и на юге Дальневосточного экономического района **[27, с. 22–23]**.

По оценке В.С. Турецкого и его коллег, наиболее рациональной представлялась схема размещения трёх АЭС (из них двух – в южной зоне Дальнего Востока) непосредственно в местах концентрированного потребления электроэнергии – вблизи Магадана и Хабаровска, а также на юге Приморского края. В случае реализации максимальной программы развития ядерной энергетики по третьей модели доля АЭС в структуре энергетических мощностей Приамурья и Приморья могла составить 10% 1985 г. и 20–25% 1990 г **[27, с. 23]**.

Сконцентрировав внимание преимущественно на экономических перспективах внедрения ядерной энергетики, В.С. Турецкий и его коллеги не обошли стороной сопутствующую задачу социальной модернизации региона. Рост энергообеспечения должен был способствовать достижению высокого уровня электрификации производственных и коммунально-бытовых процессов **(Арх. ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 2. Д. 6. Л. 48–49)**. Последние, в свою очередь, создавали предпосылки для повсеместного развития электроотопления, внедрения систем кондиционирования воздуха, распространения бытовых электроприборов, а следовательно, обеспечивало более благоприятные условия жизни и труда, способствуя привлечению и закреплению населения в регионе **(Арх. ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 2. Д. 6. Л. 21)**.

В своих выводах коллектив лаборатории подчёркивал, что перспективы строительства атомных станций необходимо рассматривать только в контексте общесоюзного прогресса в ядерной отрасли: "Масштабы программ строительства на Дальнем Востоке атомных электростанций, возможность и эффективность развития атомной энергетики не могут быть решены лишь в рамках рассматриваемого региона. Развитие атомной энергетики на Дальнем Востоке зависит от решения этой сложной проблемы в целом по стране" **[27, с. 17]**. Накопленный к этому времени опыт сооружения и эксплуатации АЭС в европейской части СССР и Сибири позволял рассчитывать на скорое внедрение ядерной энергетики в новых промышленных районах страны.

Результаты работы лаборатории перспективного планирования вошли в аналитический доклад члена-корреспондента АН СССР П.Г. Бунича "Основные направления социально-экономического развития Дальнего Востока до 1990 г" **[14, с. 115]**. Материал был направлен комиссии по разработке топливно-энергетического комплекса СССР под председательством академика А.П. Александрова и впоследствии включён в сводный доклад Совета министров СССР о перспективах развития ТЭК Сибири и Дальнего Востока **(ГАХК. Ф. П-35. Оп. 108. Д. 195. с. 67)**[2].

В последующие годы решением энергетических проблем региона занялся открытый в 1976 г. в Хабаровске Институт экономических исследований

[2] ГАХК – Государственный архив Хабаровского края.

ДВНЦ АН СССР (далее – ИЭИ) с отделением во Владивостоке. В состав Владивостокского отделения ИЭИ влился коллектив лаборатории В.С. Турецкого, продолживший разработку моделей развития ТЭК Дальнего Востока **[17, с. 17]**. На рубеже 1970-х–1980-х гг. ИЭИ участвовал в подготовке программ комплексного развития производительных сил региона, включая теоретические и прикладные разработки в области энергетики. Помимо уже упомянутых работ лаборатории В.С. Турецкого, сотрудниками института были подготовлены материалы о перспективах развития угольной промышленности до 1990 г., использовании сахалинского газа и строительстве газопровода Оха – Комсомольск-на-Амуре. Кроме того, ИЭИ направил в Госплан СССР, Минэнерго СССР, Президиум АН СССР и Совет министров РСФСР записку "Соображения о необходимости строительства атомных станций в Приморском и Хабаровском краях" **(ГАХК. Ф. П-35. Оп. 108. Д. 195. Л. 67)**. Идея внедрения ядерной энергетики была поддержана руководством Дальневосточного научного центра. В 1981 г. в поддержку размещения на Дальнем Востоке двух АЭС, одна из которых предназначалась для энергоснабжения Приамурья, другая – Приморья, высказался председатель Президиума ДВНЦ АН СССР академик Н.А. Шило **[14, с. 117]**. Окончательное решение оставалось за государственными органами управления и планирования.

Научное обоснование включения АЭС в Долговременную программу комплексного развития производственных сил Дальнего Востока

Высокие темпы промышленного роста, освоение зоны БАМа, продолжающаяся электрификация Транссиба (на 1980-е гг. была запланированы работы на участке Чита – Хабаровск) неизбежно влекли за собой значительный рост энергопотребления и обусловили поиск дополнительных источников энергии. "Необходимо, – отмечал в 1982 г. начальник Объединённого диспетчерского управления энергосистем Востока В.А. Джангиров, – в неотложном порядке решить вопросы о проектировании и строительстве в ОЭС Востока атомной электростанции и крупной ГРЭС на Уральском месторождении угля" **[7, с. 151]**.

В начале 1980-х гг. идею строительства атомной электростанции либо атомной теплоэлектроцентрали последовательно отстаивало партийное руководство Хабаровского края и лично первый секретарь крайкома КПСС А.К. Чёрный **(ГАХК. Ф. П-35. Оп. 108. Д. 212. Л. 28)**. К этому времени Хабаровская энергосистема являлась слабым звеном Объединённой энергосистемы Востока. Все крупные ГРЭС и ТЭЦ в крае обеспечивались топливом за счёт бурого угля Райчихинского месторождения в Амурской области. К началу 1980-х гг. исчерпание действующих разрезов привело к сокращению его поставок **(ГАХК. Ф. П-35. Оп. 108. Д. 199. Л. 37)**. Первоначально руководство края видело выход в ускоренной разработке Уральского месторождения каменного угля. Однако переход с бурого угля на каменный не мог произойти быстро – изменение вида топлива требовало модернизации действующих электростанций, а также перепроектирования оборудования строящихся ТЭЦ (**ГАХК. Ф. П-35. Оп. 108. Д. 199. Л. 45**).

Аналогичные трудности наблюдались во всей ОЭС Востока, включавшей Амурскую, Дальневосточную (Приморский край) и Хабаровскую энергосистемы, а также Южно-Якутский энергорайон Якутской энергосистемы. На 1982 г. в ОЭС работали Зейская ГЭС и девять крупных тепловых электростанций, строились ещё четыре ТЭЦ, велась подготовка к сооружению Бурейской ГЭС **[7, с. 149]**. Несмотря на положительный эффект от ввода Зейской ГЭС, баланс мощностей объединённой энергосистемы по-прежнему складывался напряжённо. Износ оборудования на действующих электростанциях, исчерпание известных угольных месторождений, отставание в разведке и освоении новых угольных резервов стали общими проблемами. Исключительно остро они ощущалась в Приморском крае, где РЭУ "Дальэнерго" также столкнулось с исчерпанием разведанных угольных месторождений **(ГАХК. Ф. П-35. Оп. 108. Д. 147. Л. 35)**.

Повышенный интерес к строительству АЭС не отменял задачу развития иных видов энергетики. Об этом свидетельствовал обмен мнениями, состоявшийся в 1981–1982 гг. в рамках региональных совещаний и конференций по проблемам энергетики и развитию производительных сил Дальнего Востока.

В этих мероприятиях, а также в подготовке докладов по заданию партийно-государственного руководства участвовали сотрудники ведущих академических и отраслевых институтов Дальнего Востока и руководители предприятий ТЭК.

Выступления, доклады и аналитические записки не демонстрируют в этот период признаков "атомного лобби". Большинство специалистов придерживались комплексного подхода. Значительное внимание по-прежнему уделялось освоению гидроэнергетических ресурсов. В изучении перспектив ГЭС приняли участие как дальневосточники **[29, с. 160]**, так и специалисты из Москвы и Ленинграда. Свои соображения представили Центральный экономический НИИ при Госплане РСФСР **[31, с. 15]** и институт "Ленгидропроект" **[1, с. 157]**. Помимо уже построенной Зейской ГЭС, в качестве первоочередных объектов рассматривались Бурейская и Нижнебурейская ГЭС, Дагмарская ГЭС на р. Селемдже, а также Дальнереченский гидрокомплекс **[1, с. 157–159]**. Развитие гидроэнергетики позволяло сохранить преемственность в работе коллективов энергостроителей, уже имевших за плечами опыт возведения Зейской ГЭС **[24, с. 153]**.

В оценке приоритета атомной энергетики на Дальнем Востоке среди учёных не было единства. Один из ведущих специалистов по экономической географии восточных районов СССР Л.В. Молоденков отводил атомной энергетике лишь вспомогательную роль, считая целесообразным строительство атомных теплоэлектроцентралей только в районах Крайнего Севера. Для южной зоны Дальнего Востока, по его мнению, следовало сосредоточить усилия на постройке крупных ГРЭС и ТЭЦ на угле и газе, сооружении новых ГЭС, а также соединении Дальнего Востока и Сибири с центральными районами страны сверхмощным энергомостом **[21, с. 7]**.

За широкое и ускоренное внедрение АЭС без ущерба для прочих отраслей энергетики выступал управляющий РЭУ "Дальэнерго" Ю.Д. Башаров **[3, с. 103]** и специалисты Дальневосточного отделения института "Энергосетьпроект" И.М. Маркун, Д.А. Файбисович, А.М. Слюдиков, А.Д. Филатова **[16, с. 111]**. Строительство атомной станции поддерживал первый секретарь Приморского крайкома КПСС В.П. Ломакин **[10, с. 95]**.

В ДВНЦ АН СССР к началу 1980-х гг. концепцию внедрения атомной энергетики продолжили развивать специалисты Владивостокского отделения Института экономических исследований В.С. Турецкий, М.И. Краева и Л.Н. Староселец **(Арх. ДВО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 9. Л. 39)**. Как и ранее, они выступали за комплексный подход в достижении оптимального баланса энергетических мощностей. В.С. Турецкий и его коллеги высказались в пользу размещения на юге Дальнего Востока к 1991–2000 гг. двух АЭС – в Приморском и Хабаровском краях **[26, с. 108]**. Атомным станциям предстояло стать частью более широкого замысла по модернизации топливно-энергетического комплекса и формированию долговременной стратегии развития региона.

В июне 1982 г. состоялась серия совещаний "по улучшению энергоснабжения предприятий и населения в районах Восточной Сибири и Дальнего Востока в одиннадцатой пятилетке и на перспективу" с участием представителей министерств, Госплана СССР, секретарей крайкомов и обкомов Дальнего Востока. Идея строительства АЭС в регионе была одобрена на высшем уровне **(ГАХК. Ф. П-35. Оп. 108. Д. 462. Л. 26)**.

В 1984 г. Совет по изучению производительных сил при Госплане СССР включил строительство Комсомольской и Приморской АЭС в планы развития Дальневосточного экономического района до 2000 г. **[11, с. 169]**. В 1984–1985 гг. институт "Атомтеплоэлектропроект" занялся предварительной подготовкой технико-экономического обоснования и поиском площадок для размещения АЭС **(ГАХК. Ф. П-35. Оп. 117. Д. 317. Л. 4)**. В феврале 1985 г. в связи с очередными трудностями в энергосистеме Востока министр энергетики и электрификации СССР П.С. Непорожний дал указание ускорить начало строительства АЭС на Дальнем Востоке **[20, с. 1166]**.

Атомные станции гармонично вписались в "Долговременную государственную программу комплексного развития производственных сил Дальневосточного экономического региона, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года", одобренную 19 августа 1987 г. постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Министерство атомной энергетики СССР

получило задание на проектирование и постройку Комсомольской (Дальневосточной) АЭС мощностью 1320 МВт (3 реактора ВВЭР-440) и Приморской АЭС мощностью 1000 МВт (1 реактор ВВЭР-1000) **(ГАХК. Ф. П-35. Оп. 117. Д. 13. Л. 41)**. Вслед за правительственным решением последовало создание дирекций строящихся атомных станций. С конца 1987 г. развернулись подготовительные работы на местах, начавшиеся с поиска площадок под размещение атомных станций и разработки первого этапа технико-экономического обоснования строительства. В проектно-изыскательские работы, помимо генеральных проектировщиков – организаций Минатомэнерго СССР, были вовлечены Хабаровский и Приморский крайисполкомы, предприятия ТЭК, а также отраслевые и академические институты **[4, с. 87–88]**. Важную роль в них предстояло сыграть подразделениям Дальневосточного научного центра (с 1987 г. – Дальневосточного отделения) АН СССР. "Атомный проект" на Дальнем Востоке перешёл в фазу практического воплощения.

Заключение

Таким образом, исследование генезиса представлений научного сообщества о внедрении ядерной энергетики в ТЭК Дальнего Востока позволило выделить несколько этапов развития мирного атома в регионе. С начала 1960-х гг. в южной зоне Дальнего Востока для реализации планов атомного энергостроительства не сложилось явных предпосылок ввиду отсутствия на данном этапе очевидных преимуществ атомной энергетики перед традиционными для региона источниками энергии. Авторами ранних предложений по размещению в регионе АЭС являлись преимущественно представители "центра" – специалисты отраслевых институтов при министерствах и Госплане.

С 1970-х гг. в исследование проблемы были вовлечены специалисты-дальневосточники. Учёными ДВНЦ АН СССР (В.С. Турецкий, М.И. Краева, Л.Н. Староселец и Г.И. Стещенко) был исследован потенциал атомной энергетики в предстоящей модернизации ТЭК, обеспечении индустриального роста и развития производительных сил Дальнего Востока в ближайшие десятилетия, построены первые модели топливно-энергетического баланса с учётом возможностей мирного атома. Возрастающее потребление энергии, обусловленное как растущими запросами существующих промышленных узлов, так и строительством Байкало-Амурской магистрали и созданием новых территориально-производственных комплексов в зоне БАМа актуализировали вопрос о размещении в регионе АЭС.

На рубеже 1970-х–1980-х гг. сложились условия для внедрения ядерной энергетики на Дальнем Востоке, так как развитие тепловой энергетики и строительство ГЭС уже не могли обеспечить необходимый рост энергетических мощностей. Для выполнения заложенных в программы развития производительных сил планов требовался дополнительный мощный источник энергии. Намерения союзного центра в этот период совпали с интересами представителей Дальнего Востока. Основными носителями "атомной идеи" в регионе являлись партийно-хозяйственный актив Хабаровского и Приморского краёв, руководители энергосистем и учёные научных организаций ДВНЦ, прежде всего Института экономических исследований и его Владивостокского отделения.

В середине 1980-х гг. подготовка строительства АЭС вступила в практическую фазу. При участии экономистов ДВНЦ (затем – ДВО АН СССР) окончательно сложилась концепция размещения двух мощных атомных станций на юге Дальнего Востока. К этому времени накопленный опыт сооружения и эксплуатации АЭС позволял рассчитывать на успешную реализацию проектов. Следует отметить, что на данном этапе в рекомендациях дальневосточных учёных сохранялся многовекторный подход к модернизации ТЭК: строительство АЭС должно была осуществляться без ущерба другим энергетическим отраслям.

Длительный период вызревания идеи и обоснования её целесообразности завершился в 1987 г. включением плана строительства двух атомных станций в Долговременную программу развития производительных сил региона. Произошедшие к этому времени перемены в атомной отрасли, вызванные Чернобыльской аварией, внесли существенные коррективы в грандиозные замыслы. Захлестнувшие СССР в годы перестройки политические процессы,

отягощённые экономическим кризисом, вскоре поставили под угрозу планы создания атомной энергетики на Дальнем Востоке. Проектировщикам АЭС и вовлечённым в проектно-изыскательские работы институтам ДВО АН СССР предстояло встретиться с новыми реалиями: антиядерным экологическим движением, трудностями в выборе пунктов строительства и, наконец, утратой государством финансово-организационных ресурсов и политической воли для реализации амбициозных планов к началу 1990-х гг.

Литература

1. Аполлонов Ю.Е., Боярский В.М. Строительство гидроэлектростанции в Амурской области и их влияние на развитие производительных сил в Дальневосточном регионе // Перспективы комплексного развития производительных сил Амурской области. Благовещенск: Благовещенская типография упорполиграфиздата Амурского облисполкома, 1982. С. 157–159.

2. Баранов Ю.Д., Долгов В.В.. Николенко П.А., Орехов Ю.И., Сергеев Ю.А., Шарапов В.Н. Реакторы малой мощности для удалённых районов Севера: Билибинская АТЭЦ и другие проекты // Атомная энергия. 1997. Т. 83. Вып. 6. С. 420–426.

3. Башаров Ю.Д. Состояние и программа развития энергетики Приморского края // Проблемы и основные направления комплексного развития Приморского края в ближайшей и долгосрочной перспективе. Владивосток: ДВНЦ, 1981. С. 101–103.

4. Воронцов Н.С. Подготовка строительства Приморской АЭС и проблемы "атомной стройки" в контексте политических и научных дискуссий (1987–1993 гг.) // Россия и АТР. 2022. № 4. С. 82–101.

5. Гарбуз И.А. Семинар "Перспективы развития и совершенствования топливно-энергетического хозяйства районов Крайнего Севера и Северо-Востока СССР на базе ядерных энергоисточников" // Атомная энергия. 1978. Т. 45. Вып. 2. С. 157–158.

6. Где в Хабаровском крае могут построить АЭС. URL:https://todaykhv.ru/news/economics-and-business/68547/ (дата обращения: 05.01.2024).

7. Джангиров В.А. Проблемы и основные направления развития Объединённой энергосистемы Востока // Перспективы комплексного развития производительных сил Амурской области. Благовещенск: Благовещенская типография упорполиграфиздата Амурского облисполкома, 1982. С. 149–151.

8. Куличков В.К. История строительства отечественных атомных подводных лодок с крылатыми ракетами (первое поколение) // Научный вестник ОПК России. 2016. № 2. С. 70–87.

9. Кучин С.П. Всё начинается с проекта. Железногорск: Красноярское кн. изд-во, 1996. 316 с.

10. Ломакин В.П. Приморье вчера, сегодня, завтра. М.: Политиздат, 1981. 191 с.

11. Маклюков А.В. Атомная электроэнергетика Дальнего Востока СССР: планы и проблемы создания отрасли // Экономическая история. 2022. Т. 18. № 2. С. 159–172.

12. Маклюков А.В. Государственная политика по развитию электроэнергетики на Дальнем Востоке в 1960-е-1980-е гг.: программы и проблемы их реализации // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2021. № 3. С. 24–36.

13. Маклюков А.В. Зейская ГЭС: от идеи к реализации проекта // Россия и АТР. 2021. № 2. С. 156–169.

14. Маклюков А.В. Проекты атомной энергетики в истории Дальнего Востока СССР (1960–1991 гг.) // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2022. Т. 37. № 4. С. 107–121.

15. Марголин А.Б. Проблемы народного хозяйства Дальнего Востока. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 250 с.

16. Маркун И.М., Файбисович Д.А., Слюдиков А.М., Филатова А.Д. Развитие энергетической системы Приморского края // Проблемы и основные направления комплексного развития Приморского края в ближайшей и долгосрочной перспективе. Владивосток: ДВНЦ, 1981. С. 110–112.

17. Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Рензин О.М., Шейнгауз А.С. Экономические исследования на Дальнем Востоке России (окончание) // Пространственная экономика. 2006. № 4. С. 7–33.

18. Минашин М.Н., Долгов В.В., Веретенников Г.А., Солдатов Г.Е. Опыт эксплуатации Билибинской АТЭЦ // Атомная энергия. 1984. Т. 56. Вып. 6. С. 370–374.

19. Минэнерго РФ подтвердило планы строительства двух 600-мегаваттных энергоблоков Приморской АЭС URL: https://www.atomic-energy.ru/news/2023/11/21/140753 (дата обращения: 05.01.2024).

20. Непорожний П.С. Энергетика страны глазами министра: Дневники 1935-1985 гг. М.: Таврида, 2019. 1200 с.

21. Освоение новых хозяйственных территорий в восточных районах РСФСР. Сборник / отв. ред. Л.В. Молоденков. Новосибирск: Наука, 1987. 102 с.

22. Под Дальний Восток готовят новую АЭС. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6211347 (дата обращения: 05.01.2024).

23. Солдатов Г.Е., Козлова Е.А. Свет и тепло Заполярья. М.: Радуга, 2020. 256 с.

24. Турецкий В.С. Топливно-энергетический баланс Дальнего Востока и освоение ресурсов Амурской области // Перспективы комплексного развития производительных сил Амурской области. Благовещенск: Благовещенская типография упорполиграфиздата Амурского облисполкома, 1982. С. 152–153.

25. Турецкий В.С., Бояринова Л.И. Энергетические ресурсы Дальнего Востока // Проблемы экономики Дальнего Востока. Вып. 1. Владивосток: Типография № 1 Приморского краевого управления по печати, 1966. С. 67–74.

26. Турецкий В.С., Краева М.И., Староселец Л.Н. Топливно-энергетический баланс и направление и развития отраслей топливной промышленности и энергетики // Проблемы и основные направления комплексного развития Приморского края в ближайшей и долгосрочной перспективе. Владивосток: ДВНЦ, 1981. С. 106–108.

27. Турецкий В.С., Краева М.И., Староселец Л.Н., Стащенко Г.И. Основные направления развития топливно-энергетического комплекса Дальнего Востока. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1974. 78 с.

28. Урожаева Т.П. "Братскгэсстрой": от процветания к распаду "Строительной империи" // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2014. Т. 7. С. 114–121.

29. Филатова А.Д. К вопросу развития энергетики Амурской области до 2000 года // Перспективы комплексного развития производительных сил Амурской области. Благовещенск: Благовещенская типография упорполиграфиздата Амурского облисполкома, 1982. С. 160–161.

30. Экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока / под ред. В.П. Можина. М.: Мысль, 1980. 264 с.

31. Юркевич Л.И. Роль Амурской области в территориальном разделении труда // Перспективы комплексного развития производительных сил Амурской области. Благовещенск: Благовещенская типография упорполиграфиздата Амурского облисполкома, 1982. С. 15–17.

References

1. Apollonov Yu.E., Boyarsky V.M. Construction of a hydroelectric power station in the Amur region and their impact on the development of productive forces in the Far Eastern region // Prospects for the integrated development of productive forces in the Amur region. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk printing house of the Amur Regional Executive Committee, 1982. P. 157–159. (In Russ.).

2. Baranov Yu.D., Dolgov V.V., Nikolenko P.A., Orekhov Yu.I., Sergeev Yu.A., Sharapov V.N. Low power reactors for remote areas of the North: Bilibino NPP and other projects // Atomic Energy. 1997. Vol. 83. №. 6. P. 420–426. (In Russ.).

3. Basharov Yu.D. State and program for the development of the energy sector of the Primorsky Territory // Problems and main directions of the integrated development of the Primorsky Territory in the short and long term. Vladivostok: Far Eastern Scientific Center, 1981. P. 101–103. (In Russ.).

4. Vorontsov N.S. Preparation for the construction of the Primorsky NPP and the problems of "nuclear construction" in the context of political and scientific discussions (1987–1993) // Russia and the Asia-Pacific region. 2022. №. 4. P. 82–101. (In Russ.).

5. Garbuz I.A. Seminar "Prospects for the development and improvement of the fuel and energy economy of the regions of the Far North and North-East of the USSR on the basis of nuclear energy sources" // Atomic Energy. 1978. Vol. 45. №. 2. P. 157–158. (In Russ.).

6. Where in the Khabarovsk Territory can a nuclear power plant be built. URL: https://todaykhv.ru/news/economics-and-business/68547/ (accessed 05.01.2024). (In Russ.).

7. Dzhangirov V.A. Problems and main directions of development of the United Energy System of the East // Prospects for the integrated development of productive forces of the Amur region. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk printing house of the Amur Regional Executive Committee, 1982. P. 149–151. (In Russ.).

8. Kulichkov V.K. History of the construction of domestic nuclear submarines with cruise missiles (first generation) // Scientific Bulletin of the Defense Industry of Russia. 2016. №. 2. P. 70–87. (In Russ.).

9. Kuchin S.P. It all starts with a project. Zheleznogorsk: Krasnoyarsk Book Publishing House, 1996. 316 p. (In Russ.).

10. Lomakin V.P. Primorye yesterday, today, tomorrow. Moscow: Politizdat, 1981. 191 p. (In Russ.).

11. Maklyukov A.V. Nuclear power industry of the USSR Far East: plans and problems of creating the industry // Economic history. 2022. Vol. 18. №. 2. P. 159–172. (In Russ.).

12. Maklyukov A.V. State policy for the development of the electric power industry in the Far East in the 1960s–1980s: programs and problems of their implementation // Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East. 2021. №. 3. P. 24–36. (In Russ.).

13. Maklyukov A.V. Zeyskaya HPP: from idea to project implementation // Russia and the Asia-Pacific region. 2021. №. 2. P. 156–169. (In Russ.).

14. Maklyukov A.V. Nuclear energy projects in the history of the USSR Far East (1960–1991) // Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East FEB RAS. 2022. Vol. 37. №. 4. P. 107–121. (In Russ.).
15. Margolin A.B. Problems of the national economy of the Far East. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1963. 250 p. (In Russ.).
16. Markun I.M., Faibisovich D.A., Slyudikov A.M., Filatova A.D. Development of the energy system of the Primorsky Territory // Problems and main directions of integrated development of the Primorsky Territory in the short and long term. Vladivostok: Far Eastern Scientific Center, 1981. P. 110–112. (In Russ.).
17. Minakir P.A., Demyanenko A.N., Renzin O.M., Sheingauz A.S. Economic studies in the Russian Far East (final part) // Spatial Economics. 2006. №. 4. P. 7–33. (In Russ.).
18. Minashin M.N., Dolgov V.V., Veretennikov G.A., Soldatov G.E. Operating experience of the Bilibino nuclear power plant // Atomic energy. 1984. Vol. 56. №. 6. P. 370–374. (In Russ.).
19. The Ministry of Energy of the Russian Federation confirmed plans for the construction of two 600-megawatt power units of the Primorskaya NPP URL: https://www.atomic-energy.ru/news/2023/11/21/140753 (accessed 05. 01. 2024). (In Russ.).
20. Neporozhny P.S. The country's energy through the eyes of a minister: Diaries of 1935–1985. Moscow: Tavrida, 2019. 1200 p. (In Russ.).
21. Development of new economic territories in the eastern regions of the RSFSR. Collection / rep. ed. L.V. Molodenkov. Novosibirsk: Nauka, 1987. 102 p. (In Russ.).
22. A new nuclear power plant is being prepared for the Far East. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6211347 (accessed 05. 01. 2024). (In Russ.).
23. Soldatov G.E., Kozlova E.A. Light and warmth of the Arctic. Moscow: Raduga, 2020. 256 p. (In Russ.).
24. Turetsky V.S. Fuel and energy balance of the Far East and development of resources in the Amur region // Prospects for the integrated development of productive forces in the Amur region. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk printing house of the Amur Regional Executive Committee, 1982. P. 152–153. (In Russ.).
25. Turetsky V.S., Boyarinova L.I. Energy resources of the Far East // Problems of the economy of the Far East. Vol. 1. Vladivostok: Printing house № 1 of the Primorsky Regional Printing Directorate, 1966. P. 67–74. (In Russ.).
26. Turetsky V.S., Kraeva M.I., Staroselets L.N. Fuel and energy balance and the direction and development of the fuel industry and energy industries // Problems and main directions of integrated development of the Primorsky Territory in the short and long term. Vladivostok: Far Eastern Scientific Center, 1981. P. 106–108. (In Russ.).
27. Turetsky V.S., Kraeva M.I., Staroselets L.N., Stashchenko G.I. Main directions of development of the fuel and energy complex of the Far East. Vladivostok: Far Eastern Scientific Center of the USSR Academy of Sciences, 1974. 78 p. (In Russ.).
28. Urozhaeva T.P. "Bratskgesstroy": from prosperity to the collapse of the "Construction Empire" // News of Irkutsk State University. Series: History. 2014. Vol. 7. P. 114–121. (In Russ.).
29. Filatova A.D. On the issue of energy development in the Amur region until 2000 // Prospects for the integrated development of productive forces in the Amur region. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk printing house of the Amur Regional Executive Committee, 1982. P. 160–161. (In Russ.).
30. Economic development of Siberia and the Far East / ed. V.P. Mozhin. Moscow: Mysl, 1980. 264 p. (In Russ.).
31. Yurkevich L.I. The role of the Amur region in the territorial division of labor // Prospects for the integrated development of the productive forces of the Amur region. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk printing house of the Amur Regional Executive Committee, 1982. P. 15–17. (In Russ.).

◆

Информация об авторах

Николай Степанович Воронцов, канд. ист. наук, научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: nsv91@yandex.ru

Information about the authors

Nikolay S. Vorontsov, Researcher, Department of Social and Political Research, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: nsv91@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.03.2024 Одобрена после рецензирования 13.05.2024 Принята к публикации 27.05.2024

Received 28.03.2024 Approved 13.05.2024 Accepted 27.05.2024

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 114–125.
Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 114–125.

Научная статья
УДК 314.72
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/114-125

Молодежь и миграция: особенности дальневосточного кейса

Сергей Михайлович Захаров
Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева,
Москва, Россия, zakharov1201@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются процессы, происходящие в субъектах Дальневосточного федерального округа, которые оказывают влияние на миграционные стратегии молодежи. Автор отмечает, что значительную роль в аспекте устойчивого развития территории и сохранения человеческого капитала играет сбалансированное развитие регионов. Таким образом, для Дальнего Востока важно уделять приоритетное внимание потребностям проживающих там людей, сосредоточившись на повышении качества жизни и обеспечении безопасности, чтобы стимулировать миграционный поток и сделать регион привлекательным. Это имеет первостепенное значение для успеха амбициозных проектов власти и бизнеса в регионе.
Ключевые слова: *Дальний Восток, миграция, молодежь, отток населения, регион*
Для цитирования: Захаров С. М. Молодежь и миграция: особенности дальневосточного кейса // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 114–125. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/114-125

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/114-125

Youth and migration: features of the Far Eastern case

Sergey M. Zakharov
Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia,
zakharov1201@rambler.ru

Abstract. The author explores the dynamics within the regions of the Far Eastern Federal District that impact the migration patterns of the youth, emphasizing the significance of well-balanced regional development for sustainable territorial growth and preserving human capital. The study delves into migration processes among young people in the Far East, using a comparative approach to understand the rationale behind youth migration strategies and a behavioral approach to discern how youth behavior is influenced by the conditions in the individual subjects of the Far East. Therefore, it is imperative for the Far East to prioritize addressing the needs of its inhabitants, focusing on enhancing quality of life and ensuring security to stimulate migration and enhance the attractiveness of the region. This is of paramount importance for the successful implementation of ambitious governmental and business initiatives in the region.
Key words: *Far East, migration, youth, population outflow, region*
For citation: Zakharov S. M. Youth and migration: features of the Far Eastern case // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 114–125. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/114-125

Введение

Каждое пространство, обладая уникальным набором характеристик и параметров, оказывает существенное влияние на поведенческие модели и субъектные возможности всех связанных с ним акторов. Если советская идеологическая и социально-экономическая модель предполагала стремление к равномерному развитию территории, то власть в постсоветской России, опираясь на капиталистические принципы, приняла для себя допустимым вступить на путь оптимизации тех или иных пространств. В результате запущенные трансформационные процессы привели к сосредоточению в федеральном и региональных центрах интеллектуального и социально-экономического потенциала, при этом определив тренд для провинциальных и периферийных пространств в сторону упадка вплоть до полного вымирания.

Проблема исследования заключается в определении причин миграционного оттока молодежи с Дальнего Востока. Основное внимание уделяется влиянию социально-экономических факторов на решение молодых людей о миграции, а также анализу последствий этого оттока для регионального развития и рынка труда. Исследование также включат в себя оценку эффективности путей поддержки молодежи на региональном уровне для смягчения негативных последствий миграционного оттока.

Цель исследования – на основе сравнения регионов Дальневосточного федерального округа понять тренды индивидуальных миграционных стратегий.

© Захаров С. М., 2024

Научная новизна исследования заключается в систематизации и анализе вторичных социологических данных, фиксирующих миграционные процессы на Дальнем Востоке среди молодежи. Такой подход позволит автору внести свою собственную интерпретацию и выявить новые тенденции в этом процессе.

Методологическая основа исследования представлена сравнительным методом, который дает возможность сопоставить положение дел в отдельных регионах, чтобы понять логику миграционных стратегий молодежи. Автор также использует бихевиористический метод, позволяющий определить зависимость поведения молодежи от положения дел в отдельных субъектах Дальнего Востока.

Положение регионов Дальневосточного федерального округа и миграционные настроения молодежи: статистика и авторские оценки

Трансформации в социально-экономической сфере, происходящие в постсоветской России, актуализировали миграционные процессы, разделив, по замечанию ряда исследователей, Российскую Федерацию на две зоны. "В настоящее время с точки зрения миграционного прироста страна разделилось на обширную зону миграционного оттока, которая включает регионы восточной части страны, в том числе Сибири и Дальнего Востока, Европейского и Азиатского Севера, Урала, Поволжья и значительную часть Центральной России (кроме столичных мегаполисов и нескольких регионов). Вторая зона представлена островками относительного миграционного благополучия, которые имеют миграционный прирост (Москва, Краснодарский край, Санкт-Петербург, Ленинградская область, Калининград и некоторые другие)" **[14, с. 16].**

В этой связи особый интерес представляет кейс Дальневосточного федерального округа (ДФО), где несмотря на пристальное внимание со стороны власти среди населения четко прослеживается желание покинуть регион. Это стремление особенно ярко проявляется в молодежной среде, что несет в себе особенные риски в аспекте перспектив развития этих территорий.

Дальневосточный миграционный дискурс подразумевает обращение к исторической ретроспективе формирования состава населения региона. В этой связи Е. Мотрич указывала, что "важной и характерной чертой Дальнего Востока является наиболее поздний период его заселения по сравнению с другими территориями России. Сдерживающими факторами заселения являлись отдаленность территории и сложность ее освоения. Тем не менее к началу 1991 г. в пределах российского Дальнего Востока сформировался довольно значительный населенческий потенциал благодаря экстенсивному характеру его освоения, предусматривающему привлечение в регион миграционных потоков. Помимо миграционных потоков, в формировании населенческого потенциала значительную роль играл и естественный прирост численности населения, который был выше среднесоюзных показателей благодаря более молодой структуре населения. В результате численность населения Дальнего Востока за период 1926–1991 гг. увеличилась в 5,1 раза …<…>... Важно отметить, что ни один экономический район страны (СССР) в советские годы не имел столь высоких темпов роста населения" **[15, с. 134]**.

"Однако все это время, наряду с организованным "притоком" населения, наблюдался и его "отток" на запад, в европейскую часть бывшего СССР. Мало того, лишь незначительная часть переселенцев ехала на Дальний Восток, чтобы остаться там навсегда, – из 1075 опрошенных хабаровчан таковых оказалось лишь 17. Большинство (57%) попало туда "по распоряжению начальства" (распоряжение, приказ, перевод, комсомольская путевка), другие собирались сделать карьеру и вернуться (9%), некоторые хотели решить материальные (14%) или личные и семейные (15%) проблемы, какую-то часть (5%) составляли ссыльные или бывшие заключенные" **[4, с. 46–47]**, – отмечал Л. Бляхер.

Тем самым на Дальнем Востоке сложилась достаточно сложная общественная система, которая формировалась из людей, принужденных к переезду и обеспокоенных стремлением к материальной выгоде. Их изначальные установки, по сути, не подразумевали глубокую интеграцию в сложившееся общество, ограничиваясь необходимостью формирования коммуникационных связей для решения текущих проблем. При этом миграционный дискурс становился неотъемлемым элементом и в среде родившихся на Дальнем Востоке,

корреспондируясь с историей значительного числа семей, ранее реализовавших переезд на эти территории, и подпитываясь взаимодействием с родственниками из других регионов, выходцами из которых были их предки.

Переломным моментом стал процесс разрушения советской государственной системы. Как отмечала З. Сидоркина, "либеральная модель экономики с ее приватизацией и ориентацией на экспорт привела к тому, что Дальний Восток, в советское время обеспечивающий себя практически всем необходимым, превратился в дефицитный регион, требующий инвестиций и в основном живущий экспортом, доходы от которого проходят мимо региона" **[19, с. 665]**.

Перестали работать механизмы распределения кадров, а материальные стимулы, в виде дальневосточных надбавок и получения льготного жилья, выглядели уже не столь привлекательно. "В результате формируется сообщество, состоящее из людей, которые не могут, не желают, но должны жить вместе. Они приехали на время, но "застряли" навсегда. Они хотели "заработать", но обеднели. Они *разные*, и чуть ли не единственное, что их связывает, – это язык и ощущение брошенности" **[4, с. 49]**, – приходил к заключению Л. Бляхер.

Состояние нарастающей депривации корреспондировалось с репрезентацией миграционных настроений, главным образом в молодежной среде. В. Зубков и П. Сидоров в результате опроса, проведенного в сентябре-ноябре 2020 г. в Хабаровском крае (202 жителя региона; 200 обучающихся в образовательных организациях высшего образования), отмечали: "среди опрошенных старше 65 лет, указавших, что не хотят и не собираются переезжать – подавляюще большинство (72%). В то время как среди молодежи таких оказалось только незначительная доля (15%). При этом доли молодых людей, давших ответы, отражающие желание покинуть регион, в среднем в два раза больше, чем соответствующие доли ответов всех опрошенных. О масштабе и устойчивости выявленных миграционных настроений молодежи может свидетельствовать тот факт, что каждый седьмой молодой человек, выразивший желание уехать указал, что ни при каких обстоятельствах не передумает" **[10, с. 217]**.

В свою очередь, многочисленные социологические исследования (Ю. Березутский **[3, с. 114]**, В. Зубков **[9, с. 148]**, Я. Колосова **[12, с. 20]**, А. Шкуркин и Луценко **[25, с. 80–81]**) фиксировали в какой-то степени универсальный набор причин для миграции, свойственных для большинства регионов, испытывающих в той или иной степени депрессивную симптоматику. В их числе ограниченные возможности трудоустройства (трудоустройства по специальности), низкий уровень оплаты труда, отсутствие доступного жилья, скудные возможности для самореализации, неблагоприятный климат / экологическая ситуация и т.д.

Проведенные исследования дают возможность констатировать, что некоторые люди, проживающие на Дальнем Востоке, испытывают чувство обделенности и неудовлетворенности нынешними обстоятельствами, которое выливается в желание искать регионы с лучшими перспективами.

Среди таких регионов, определенных в ходе социологических опросов (В. Зубков, П. Сидоров **[10, с. 219]**; А. Винокурова, А. Ардальянова, Ж. Шаривхан **[6, с. 11]**; Я. Колосова **[12, с. 20]**), респонденты чаще всего называли Санкт-Петербург, Москву и Московскую область, Краснодарский край, Калининград.

Чтобы понять, насколько обоснованы подобные стремления, проведем сравнение субъектов Дальневосточного федерального округа с регионами желаемого переезда на основе данных РИА Рейтинг.

Сравнение регионов "по качеству жизни", включающее в себя оценки уровня инфраструктуры, развития экономики и социальной сферы, показывает, что Москва, Санкт-Петербург и Московская область являются наиболее желанными субъектами для проживания не только для дальневосточников, но и всех жителей России. Более того, эти регионы занимают лидерские позиции уже много лет и вероятно сохранят их в дальнейшем, учитывая гораздо больший потенциал для роста. В свою очередь, субъекты ДФО, находясь в большинстве своем в нижней части рейтинга, уступают "регионам предполагаемого переезда".

Сопоставление регионов "по зарплате" (доля работников с зарплатой выше средней по стране) и "по динамике зарплат" (срок достижения у половины работников зарплаты 100 тыс. руб. в месяц) уже не выглядит так однозначно. Ряд субъектов ДФО представляются вполне конкурентоспособными в сравнении с Москвой, Санкт-Петербургом и Московской областью, при этом существенно опережая по этим показателям Калининградскую область и Краснодарский край. Природа такого положения дел кроется в высоких доходах людей, занятых в добывающих отраслях. В этой связи характерным примером выступает Амурская область, где в последние годы реализуются масштабные инфраструктурные проекты, в числе которых космодром Восточный, Амурский газоперерабатывающий завод и Амурский газохимический комплекс. Это привело к тому, что за последние пять лет средняя зарплата в Амурской области выросла в 1,8 раза, что является лучшим показателем среди регионов России.

Заметим, что ряд регионов ДФО находится в числе лидеров по зарплате выпускников.

Соотнесение регионов "по уровню безработицы" позволяет говорить, что только Хабаровский край и Чукотский автономный округ выделяются на фоне остальных субъектов ДФО, находясь в первой десятке рейтинга вместе с Санкт-Петербургом, Москвой и Московской областью. При этом остальные регионы Дальнего Востока серьезно контрастируют между собой. В частности, Республика Бурятия занимает первое место по среднему времени поиска работы (2,4 месяца), в то время как Магаданская область находится среди худших, с показателем 10,6 месяцев. В свою очередь, Еврейская автономная область является единственным субъектом РФ, показавшим положительное значение в изменении уровня безработицы к аналогичному периоду 2020 г.

Говоря о трудоустройстве молодежи, в контексте сравнения регионов, интерес представляют механизмы поиска работы. Проведенное в апреле 2017 г. в Приморском крае исследование (выборочная совокупность – 517 человек, в возрасте 16–29 лет) показало: "59,3% опрошенных указали, что рассчитывают на собственные силы; 40,3% – помощь родителей; центры занятости – 16,1%; агентства по трудоустройству – 14%. Возможностям средств массовой информации и Интернета отдали предпочтение 23,9%, учебных заведений – 20,6% респондентов. Показательно, что на центры занятости особых надежд не возлагалось" **[13, с. 198]**. Схожие результаты, полученные в ходе опроса в Хабаровском крае, презентовала и С. Халикова, отмечая среди наиболее распространенных личные знакомства (обращение к друзьям, родственникам, знакомым), объявления о вакансиях, обращение к работодателю, возможности Интернет, помощь образовательной организации, подача объявлений, ярмарка вакансий. При том что государственные и коммерческие службы занятости являлись аутсайдерами списка **[21, с. 99]**.

В свою очередь, в Москве можно было наблюдать несколько иную картину. Согласно проведенному в 2017 г. опросу (выборка – 228 человек, в возрасте 14–30 лет), способы поиска работы распределились следующим образом: специальные сайты в Интернете – 79,2%; городская служба занятости населения – 77,9%; родственники, знакомые, коллеги – 63,2%; обращение напрямую к работодателю – 52,8%; объявления в СМИ – 38,5%; ярмарка вакансий – 35,1%; частные агентства занятости – 29,4%; другое – 2,6%. При этом с точки зрения эффективности больше всего отличных оценок получила городская служба занятости населения, наихудшие баллы получили частные агентства занятости и ярмарки вакансий **[18, с. 124–125]**.

Проведенное сравнение дает основание говорить, что созданные властью Москвы механизмы помощи в трудоустройстве находятся на качественно ином уровне. Эти условия особенно актуальны для приезжих, учитывая отсутствие у большинства личных связей, которые компенсируются достаточно эффективными решениями поиска работы, в том числе через государственные центры занятости населения.

Заметим, что работодатели на Дальнем Востоке достаточно снисходительно относятся к ищущей работу молодежи. Это подтверждает расчет индекса удовлетворенности, проведенный Т. Шкариной, Е. Крюковым и О. Павловой. В результате авторы приходят к выводу – в настоящее время очень часто у работодателей нет альтернативы при подборе новых сотрудников, что ведет

Табл. 1. Место региона в рейтинге
Table. 1. The region's place in the rating

Регион	По качеству жизни (2021 г.)	По зарплатам (2022 г.)	По динамике зарплат	По уровню безработицы (2021 г.)	По доступности жилья (2022 г.)	По преступности (2022 г.)
Регионы предполагаемого переезда						
Калининградская область	11	61	83	51	74	32
Краснодарский край	5	64	77	52	73	43
Москва	1	8	6	4	32	16
Московская область	3	18	19	8	21	8
Санкт-Петербург	2	9	5	1	17	18
Дальневосточный федеральный округ						
Амурская область	68	14	4	53	49	85
Еврейская автономная область	83	37	22	64	22	82
Забайкальский край	81	19	33	77	60	81
Камчатский край	33	11	9	16	7	70
Магаданская область	55	5	3	42	1	69
Приморский край	43	27	21	40	71	74
Республика Бурятия	78	33	42	76	65	83
Республика Саха (Якутия)	70	7	15	70	16	38
Сахалинская область	28	6	7	58	10	72
Хабаровский край	29	24	46	6	48	62
Чукотский автономный округ	59	2	2	9	–	65

Источник: составлено автором на основе: **[11]**.
Source: compiled by the author based on: **[11]**.

к размытости критериев оценки молодых специалистов и отсутствию строгих требований. Это происходит на фоне того, что индекс удовлетворенности опрошенных работодателей Дальнего Востока составляет 87,47% и, соответственно, находится в интервале 80,0%–95,0%, что соответствует недостаточной удовлетворенности по важным характеристикам (требуются корректирующие действия) **[24, с. 108]**.

Сравнение регионов "по доступности жилья" определялось соотношением роста зарплаты к динамике цен на недвижимость. В этой связи первое место Магаданской области обеспечивалось главным образом за счет хорошей зарплаты и устойчивой динамики ее роста, при том что цена на жилье являлась далеко не самой доступной в России. Отметим, что по этому параметру практически все регионы ДФО, за исключением Еврейской автономной области, находились в верхней части рейтинга, а Сахалинская область, При-

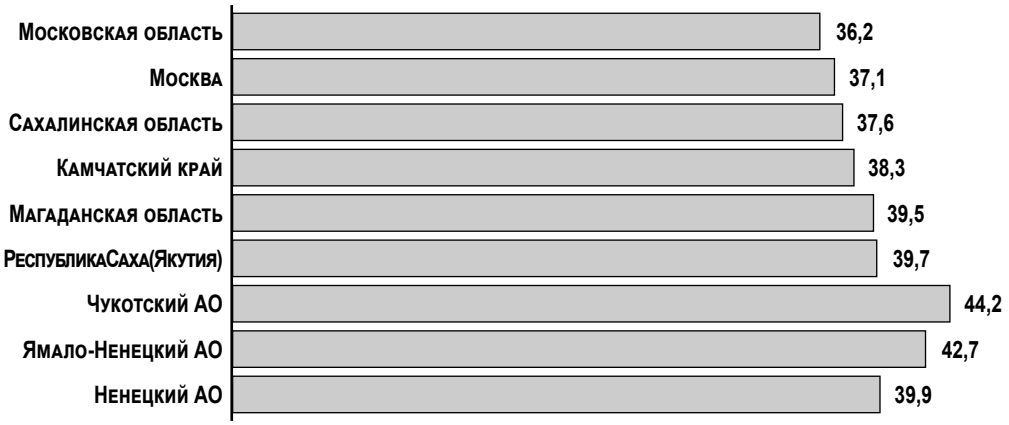


Рис. 1. Регионы – лидеры по уровню заработной платы недавних выпускников, тыс. руб. (2019 г.)
Fig. 1. Regions by salary level of graduates, thousand rubles (2019)
Источник: составлено автором на основе: **[7, с. 31-33]**.
Source: compiled by the author based on: **[7, с. 31-33]**.

морский край и Республика Саха (Якутия) вообще располагались в первой пятерке, уступая лишь Москве и Санкт-Петербургу.

Эта особенность с точки зрения западного миграционного дрейфа выглядела достаточно перспективно, поскольку позволяла в случае выгодной продажи жилья в ряде регионов Дальнего Востока рассматривать эквивалентные варианты в Московской и Калининградской областях, а также Краснодарском крае. Однако молодежь, чаще всего не обладая собственным жильем, не имеет возможности реализовать подобную миграционную стратегию, что вынуждает ее обращаться к ипотечному кредитованию, которое нередко ложится дополнительным бременем на плечи родителей.

Немаловажной особенностью при характеристике регионов является критерий безопасности, о котором можно судить в рамках сопоставления субъектов "по преступности". Проведенный анализ позволяет определить ДФО как наиболее криминализированный, принимая во внимание и то, что Амурская область, Республика Бурятия, Еврейская автономная область и Забайкальский край входят в первую пятерку по количеству преступлений, зарегистрированных в январе – сентябре 2022 г., на 10 тыс. жителей. При этом по количеству тяжких и особо тяжких преступлений Амурская область, Чукотский автономный округ, Магаданская область, Еврейская автономная область и Республика Бурятия вообще формируют топ 5 этого антирейтинга. Справедливости ради заметим, что практически во всех регионах ДФО наблюдается снижение количества преступлений / тяжких и особо тяжких преступлений, зарегистрированных в январе – сентябре 2022 г. по сравнению с январем – сентябрем 2021 г. Исключение составляют Забайкальский край, где фиксируется рост 2,4% по тяжким и особо тяжким преступлениям, а также Республика Саха (Якутия) и Чукотский автономный округ, в которых увеличение числа преступлений / тяжких и особо тяжких преступлений составило 0,3% / 3,5% и 6,0% / 34,6% соответственно. На этом фоне ситуация в регионах предполагаемого переезда в целом выглядит куда более благополучно, несмотря на рост количества преступлений в Краснодарском крае (0,7%), Московской области (1,2%), Санкт-Петербурге (0,8%), а также увеличение количества тяжких и особо тяжких преступлений в Краснодарском крае (5,3%) и Московской области (2,8%).

Проведенное сравнение дает основание говорить, что по совокупности параметров Москва, Санкт-Петербург и Московская область на фоне регионов ДФО выглядят предпочтительнее. При этом лишь некоторые из них могут предложить конкурентоспособную заработную плату, которая не всегда компенсирует невысокое качество жизни, сложную криминогенную обстановку, высокие тарифы ЖКХ, неблагоприятные климатические условия. Выбор в

пользу Краснодарского края и Калининграда как пунктов предполагаемого переезда вызывает вопросы. С точки зрения аргумента в пользу первого выступают климат, близость к морю и курортам, а в пользу второго – располагающаяся неподалеку европейская граница, которая в свете происходящих геополитических процессов, уже не воспринимается как очевидный плюс.

Существенным риском для развития дальневосточных регионов выступает ориентированная на запад страны молодежная образовательная миграция. Этот тренд подтверждался в ходе проведенного Г. Петрук и А. Ким анкетирования (около 1000 респондентов в возрасте от 15 до 30 лет). "Приоритеты старшеклассников Приморского края в выборе учебного заведения после окончания школы распределились следующим образом: в вузах Москвы или Санкт-Петербурга – 34,7%, за пределами Приморского края (кроме Москвы и Санкт-Петербурга) – 13,8%, в университетах за пределами России – 4,9%, в вузах Приморского края – 46,6%. ….<…>... основными причинами для миграции выпускников школ из Приморского края являются: желание получить более престижный диплом (32,2%), желание посмотреть мир (30,3%), убежденность в том, что за пределами Приморского края работу найти легче (26,0%). 22,8% респондентов считают, что вузы за пределами Приморского края обеспечат более комфортные условия для учебы и проживания" **[17, с. 301]**.

Однако современные тенденции развития ДФО демонстрируют, что у региона есть все возможности для обеспечения молодежи качественным образованием. Об этом можно судить, опираясь на "Навигатор востребованных профессий на Дальнем Востоке 2022–2027" составленный Корпорацией развития Дальнего Востока и Арктики.

Предложенный Корпорацией прогноз роста занятости в ключевых отраслях экономики ДФО до 2027 г. (на наш взгляд, может скорректироваться в свете геополитических изменений) предполагает, что темпы по отраслям будут варьироваться от 0–5 % (туризм и сервис) до 20–25% (добыча угля, металлических руд и алмазов; рыболовство и аквакультура). Эти тенденции будут сопровождаться приростом занятости, которая должна обеспечиваться квалифицированными кадрами, способными отвечать запросам цифровизации, информатизации и автоматизации производств. Тем самым уже сейчас, реализуемые или готовящиеся к реализации масштабные инвестиционных проекты в ДФО корреспондируются с образовательной базой макрорегиона, что позволяет молодежи получить востребованную специальность, не покидая пределов Дальнего Востока **[16]**.

Совокупность факторов, к числу которых, согласно терминологии Л. Бляхера, можно отнести "проточную" культуру, а также объективные факторы повседневности, влекли за собой миграционный отток дальневосточной молодежи, который фиксировался Росстатом **[22]** *(Приложение 1)*.

В результате ретроспективного взгляда на субъекты ДФО, охватывающий период с 2017 по 2021 гг., можно было говорить о динамике снижения числа уехавшей молодежи из всех исследуемых регионов. В 2020 г. на эту тенденцию повлияла и пандемия COVID-19, которая в весенний период сопровождалась серьезными ограничениями в аспекте перемещения граждан. В свою очередь, в 2021 г. только у Еврейской автономной области, Республиках Бурятия и Саха (Якутия) произошли изменения нисходящего тренда.

Однако были и те, кто решил пополнить ряды дальневосточников **[23]** *(Приложение 2)*.

Анализ полученных данных не позволяет говорить о существовании единого, характерного для всех регионов ДФО тренда. Так, например, Амурская и Сахалинская области в исследуемый период демонстрировали стабильное снижение числа прибывших, в то время как в Камчатском крае и Чукотской автономной области фиксировались показатели вокруг средних значений. Существенный удар по миграционному потоку нанесли коронавирусные ограничения. В 2020 г. во всех регионах, за исключением Республики Саха (Якутия), наблюдалось резкое снижение числа прибывавшей молодежи. В 2021 г. большинству регионов удалось переломить нисходящий тренд, а Республика Саха (Якутия) вообще достигла лучших показателей за период наших наблюдений.

Сравнение показателей выбывшей и прибывшей молодежи в период с 2017 по 2021 гг. показало, что в большинстве регионов ДФО фиксировалось отрицательное сальдо миграции. Однако отрицательное, но близкое к нуле-

вому отмечалось в Приморском и Хабаровском краях. Положительное сальдо наблюдалось в Камчатском крае, Республике Саха (Якутия), Сахалинской области и Чукотском автономном округе.

Активность власти: попытки изменить миграционные тренды

Развитие Дальнего Востока в целом и его человеческого капитала в частности происходило и происходит при значительном участии власти. На связь поколений обращала внимание Е. Стасюк, сравнивая политику, проводимую в период Российской Империи (РИ), СССР и Российской Федерации (РФ), в отношении Дальнего Востока на основе следующих критериев:

1) организационное управление (Комитет по заселению Дальнего Востока (1909 г.); Дальневосточный революционный комитет (1922 г.), Дальневосточное переселенческое управление (1926–1929 гг.); Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока (2012 г.), в 2019 г. переименовано в Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики – [прим. авт.]);

2) программный подход (РИ – программа мер по переселению и обустройству переселенцев в Приамурском крае; СССР – проект, предусматривавший меры для сельскохозяйственного и промышленного развития региона, а также поддержку переселенцев; РФ – программа "Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона" (2014 г.), программы содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, в 2020 г. утверждена Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года – [*прим. авт.*]);

3) привязка к земле (РИ – возникло единоличное землепользование, упрощен порядок получения земли; РФ – дальневосточный гектар);

4) материальное стимулирование (РИ – домообзаводная ссуда переселенцам; СССР – жилье молодым специалистам, материальное стимулирование, единовременные пособия и ссудная помощь, дополнительные отпуска и районные коэффициенты; РФ – программа субсидирования авиаперелетов льготным категориям граждан, улучшение жилищных условий отдельным категориям граждан, меры поддержки: "Земский доктор", "Земский учитель", "Социальный контракт" – [прим. авт.]);

5) развитие транспортной инфраструктуры (РИ – строительство Транссибирской железной дороги; СССР – строительство Байкало-Амурской магистрали; РФ –развитие международных транспортных коридоров "Приморье-1" и "Приморье-2", развитие Северного морского пути – [прим. авт.]).

В результате исследователь приходила к выводу, "что в некоторой степени в политике имперской, советской и современной России имеется некоторое сходство" **[20, с. 158–160]**.

Эту особенность, с одной стороны, можно расценивать как преемственность, с другой – как отсутствие инновационных подходов в динамично меняющихся условиях. В рамках данной дискуссии безусловно можно сетовать на то, что "в поиске "прорывных" идей развития Дальнего Востока России, мы зачастую забываем об успешном опыте реализации государственной, в том числе молодежной, политики советского периода" **[1, с. 119]**. Однако следует учитывать и то, что современное российское государство имеет дело с новым поколением молодежи, принципиально отличающимся от своих предшественников. Тем самым актуализируется вопрос о готовности самой молодежи идти на свершения, сопоставимые со строительством БАМа.

Трансформировавшийся кейс взглядов, ориентиров, ценностей современной молодежи изменил качество ее запроса к власти. То, что некоторое время назад могло восприниматься как приемлемые условия для жизни и переезда, в современном обществе не всегда удовлетворяют молодежь, создавая повод для упреков в адрес власти на местах.

Эта мысль находила свое подтверждение в ходе ряда социологических исследований, проводимых на Дальнем Востоке. В частности, в рамках опроса (88 человек), проведенного М. Бурдой, И. Герасимовой среди студентов вузов, государственных гражданских служащих, участников двух интернет-сообществ разных возрастных групп, "на вопрос "Считаете ли Вы эффективной деятельность органов государственной власти Российской Федерации по сти-

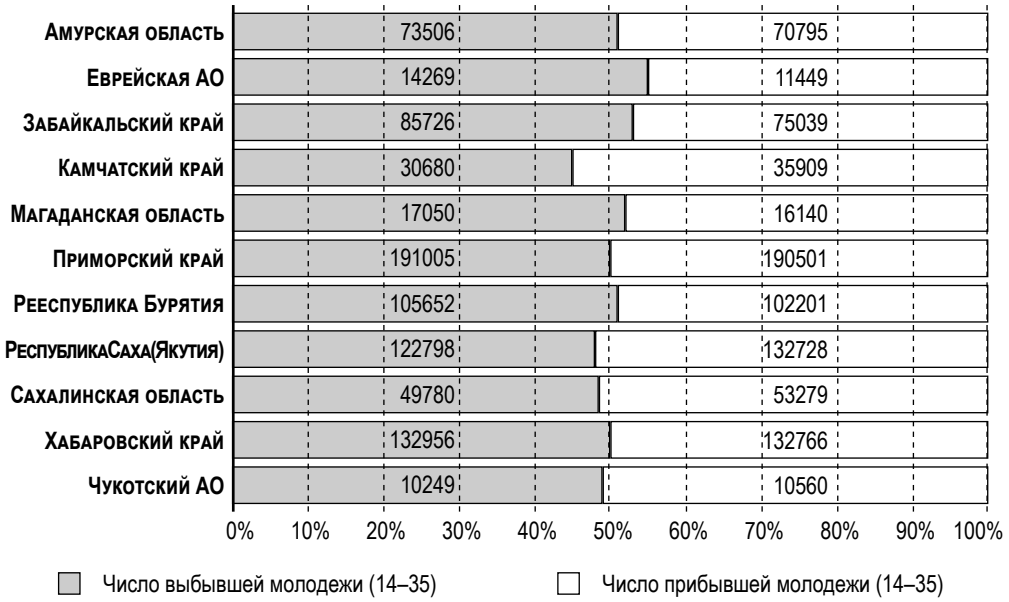


Рис. 2. Баланс выбывшей и прибывшей молодежи (14–35 лет) за период 2017–2021 гг. в регионах Дальневосточного федерального округа.

Fig. 2. The balance of youth who left and arrived (14–35 years old) for the period 2017–2021 in the regions of the Far Eastern Federal District.

Источник: составлено автором на основе: **[22; 23]**.

Source: compiled by the author based on: **[22; 23]**.

мулированию привлечения трудоспособного населения в Дальневосточный регион?" 55,7% ответили в целом неэффективной, 22,7% – неэффективной, в целом эффективной считают 15,9%, эффективной 5,7%" **[5, с. 45]**.

Проведенный опрос корреспондировался с мнением Ю. Березутского: "результаты всех, без исключения, фокус-групп показали, что по всем обследованным субъектам Дальнего Востока России, в разных типах городских поселений высока доля разочаровавшихся, неудовлетворенных существующим подходом федерального Центра к региону, востребованному преимущественно как средству добычи природных ресурсов недр и морей. Сложившиеся особенности в свою очередь отрицательно влияют на формирование общественного мнения местного сообщества, формируют чувство социальной отчужденности и социальной несправедливости, увеличивают отток населения" **[2, с. 391]**.

Анализ социологических источников, проведенных В. Зубковым, также приводил автора к заключению, "что, несмотря на принимаемые органами региональной власти усилия, молодежь слабо ощущает на себе влияние государственной молодежной политики или особого отношения государства в улучшении своей жизни" **[9, с. 154]**.

В свою очередь, мы можем согласиться с мнением В. Ефременко, который отмечал, что "опережающий экономический рост не становится фактором, повышающим привлекательность этих территорий для постоянного проживания" **[8, с. 142]**.

Заключение

Таким образом, анализ особенностей развития Дальневосточного федерального округа позволяет говорить, что принимаемыми властью мерами пока не удалось закрепить положительный миграционный баланс молодежи для большинства регионов. По-прежнему, несмотря на все риски, связанные с переездом, привлекательно выглядят федеральные центы (Москва, Московская область, Санкт-Петербург), жизнь в которых по совокупности факторов серьезно контрастирует не только с провинцией, но и региональными центра-

ми Дальнего Востока. В этих условиях обоснованно выглядит необходимость большего внимания со стороны власти, направленного на улучшение качества жизни и обеспечение безопасности, учитывая особое значение человеческого капитала для развития территории, где задачи по решению проблем "маленького человека" не должны теряться на фоне мегапроектов государства в этом стратегически важном для страны региона.

Литература

1. Березутский Ю.В. Дальневосточная молодежь как субъект и объект государственной политики // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 113–125. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2019-86-1-113-125

2. Березутский Ю.В. Дальневосточная молодежь о влиянии государственной политики развития Дальнего Востока России // Национальные демографические приоритеты: подходы и меры реализации. Серия "Демография. Социология. Экономика". Том 5. № 4 / Под редакцией чл.-корр. РАН Рязанцева С.В., Ростовской Т.К. М.: Изд-во "Экон-Информ", 2019. С. 389–392.

3. Березутский Ю.В. Пятнадцать факторов о современной студенческой молодежи города Хабаровска: социологический анализ // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4 (97). С. 10–117. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-110-117

4. Бляхер Л.Е. Потребность в национализме, или национальное самосознание на Дальнем Востоке России // Полис. Политические исследования. 2004. № 3. С. 44–54.

5. Бурда М.А., Герасимова И.В. Миграционная политика России на Дальнем Востоке: миграционные процессы и китайский аспект // PolitBook. 2018. № 4. С. 39–52.

6. Винокурова А.В., Ардальянова А.Ю., Шаривхан Ж. Уехать "куда" или "откуда": условия жизни и миграционные стратегии жителей дальневосточного российско-китайского приграничья // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4. С. 7-15. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2020-4/7-15

7. Выпускники среднего профессионального и высшего образования на российском рынке труда: информационный бюллетень / М.В. Лопатина, Л.А. Леонова, П.В. Травкин, С.Ю. Рощин, В.Н. Рудаков; под науч. ред. С.Ю. Рощина, В.Н. Рудакова; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики". М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 72 с.

8. Ефременко В.Ф. Реализация права на привлекательный труд, как фактор закрепления молодежи на Дальнем Востоке России // Актуальные вопросы обеспечения прав и свобод человека и гражданина: региональное измерение: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Хабаровск: Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2017. С. 141-145.

9. Зубков В.В. Миграционный потенциал молодежи в системе мер государственной региональной политики // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 147–155. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2019-86-1-147-155

10. Зубков В.В., Сидоров П.Г. Миграционные представления жителей Хабаровского края: опыт пилотного социологического исследования // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 4 (93). С. 215-226. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-93-4-215-226

11. Инфографика // РИА Рейтинг. URL: https://riarating.ru/infografika/?id=630220075&date=20220328T173000 (дата обращения: 26.01.2023).

12. Колосова Я.Ю. Факторы миграции молодежи (на материале г. Комсомольск-на-Амуре) // Амурский научный вестник. 2018. № 4. С. 18–22.

13. Медведева Л.М., Скворчинский М.Д. Трудоустройство молодежи как многофакторный процесс кадрового обеспечения российского Дальнего Востока // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 196–199.

14. Микрюков Н.Ю., Письменная Е.Е., Безвербный В.А., Рязанцев С.В. Современные тенденции межрегиональной миграции в России // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2020. № 3-4. С. 15–30.

15. Мотрич Е.Л. Дальневосточный регион в демографическом пространстве России: пореформенный тренд // Пространственная экономика. 2017. № 3. С. 133–153. https://doi.org/10.14530/se.2017.3.133-153.

16. Навигатор востребованных профессий на Дальнем Востоке 2022-2027 / Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики. 30 с.

17. Петрук Г.В., Ким А.Г. Миграционные настроения молодежи как индикатор социально-экономического положения Дальневосточного региона России // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 300–303.

18. Проблемы трудоустройства слабозащищенных слоев населения в Москве / О.А. Александрова, М.С. Токсанбаева, А.В. Ярашева и др.; под науч. ред. А.В. Ярашевой; АНО "Совет по вопросам управления и развития". М.: Акварель, 2017. 252 с.

19. Сидоркина З.И. Молодежь как стратегический ресурс в социально-экономическом развитии Дальнего Востока // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник.

Вып. 4. Ч. 1 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2021. С. 665–667.

20. Стасюк Е.В. Формирование региональной идентичности молодежи как условие ее сохранения на Дальнем Востоке России // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия экономика. 2018. № 3 (25). С. 157–164.

21. Халикова С.С. Проблемы и перспективы трудоустройства молодежи в Хабаровском крае // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 3 (80). С. 96–104. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2017-80-3-96-104

22. Число выбывших по полу, возрасту и потокам передвижения // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: https://www.fedstat.ru/indicator/58614 (дата обращения: 2.02.2023).

23. Число прибывших по полу, возрасту и потокам передвижения // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: https://www.fedstat.ru/indicator/58613 (дата обращения: 2.02.2023).

24. Шкарина Т.Ю., Крюков Е.Ю., Павлова О.В. Анализ удовлетворенности работодателей компетенциями выпускников вузов Дальнего Востока // Инновационное развитие профессионального образования. 2022. № 2 (34). С. 103–110.

25. Шкуркин А.М., Луценко Е.Л. Миграция российской молодежи в региональном измерении: дальневосточный ракурс // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 2. С. 78–82. https://doi.org/10.12737/article_590084b9754711.46224865

References

1. Berezutskiy Yu. V. The Far Eastern youth as a subject and object of the state policy // Power and Administration in the East of Russia. 2019. No. 1 (86). P. 113–125. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2019-86-1-113-125 (In Russ.).

2. Berezutsky Yu.V. The Far East youth about the impact of state policy of the Far East of Russia // The national demographic priorities: approaches and measures of realization. Series "Demography. Sociology. Economy". Volume 5. No. 2 / Under edition of the Corresponding Member, Russian Academy of Sciences Ryazantsev S.V., Rostovskaya T.K. Moscow: Econ-Inform, 2019. P. 389–392. (In Russ.).

3. Berezutskiy Yu.V. Fifteen facts about modern students in Khabarovsk: sociological analysis // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 4 (97). P. 110–117. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-110-117 (In Russ.).

4. Blyakher L.Ye. Want of Nationalism, or National Self-Consciousness in Russia's Far East // Polis. Political Studies. 2004. No. 3. P. 44–54. https://doi.org/10.17976/jpps/2004.03.05 (In Russ.).

5. Burda M.A., Gerasimova I.V. Migration policy of Russia in the Far East: migration processes and Chinese aspect // PolitBook. 2018. No. 4. P. 39–52. (In Russ.).

6. Vinokurova A.V., Ardal'yanova A.Yu., Sharivkhan Zh. Leaving "where" or "from where": living conditions and migration strategies of residents of the Far Eastern Russian-Chinese borderland // Ojkumena. Regional researches. 2020. No. 4. P. 7–15. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2020-4/7-15 (In Russ.).

7. Graduates of secondary vocational and higher education in the Russian labor market: newsletter / M.V. Lopatina, L.A. Leonova, P.V. Travkin, S.Yu. Roshchin, V.N. Rudakov; edited by S.Yu. Roshchin, V.N. Rudakova; National Research University Higher School of Economics. Moscow: HSE University Publishing House, 2020. 72 p. (In Russ.).

8. Efremenko V.F. Realization of the right to attractive work as a factor in the consolidation of youth in the Russian Far East // Topical issues of ensuring the rights and freedoms of man and citizen: regional dimension: materials of the II All-Russian scientific and practical conference. Khabarovsk: Far Eastern Institute of Management - branch of RANEPA, 2017. P. 141–145. (In Russ.).

9. Zubkov V.V. Migration potential of youth in the system of measures of the state regional policy // Power and Administration in the East of Russia. 2019. No. 1 (86). P. 147–155. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2019-86-1-147-155 (In Russ.).

10. Zubkov V.V. Sidorov P.G. Migration imaginations of residents of the Khabarovsk territory: experience of the pilot sociological research // Power and Administration in the East of Russia. 2020. No. 4 (93). P. 215–226. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-93-4-215-226 (In Russ.).

11. Infographics // RIA Rating. URL: https://riarating.ru/infografika/?id=630220075&date=20220328T173000 (accessed 26.01.2023). (In Russ.).

12. Kolosova Ya.Yu. Subjective reasons for migration of youth // Amur Scientific Bulletin. 2018. No. 4. P. 18–22. (In Russ.).

13. Medvedeva L.M., Skvorchinskiy M.D. Youth employment as a multifactorial process of staffing the Russian Far East // Azimuth of scientific research: economics and administration. 2017. Vol. 6. No. 2(19). P. 196–199. (In Russ.).

14. Mikruykov N., Pismennaya E., Bezverbnyi V., Ryazantsev S.V. Modern trends of interregional migration in Russia // Scientific Review. Series 2. Human Sciences. 2020. No. 3-4. P. 15–30. https://doi.org/10.26653/2076-4685-2020-13-4-02. (In Russ.).

15. Motrich E.L. Far East in Russian Demography: Trends during Reform // Spatial Economics, 2017, No. 3, P. 133–153. https://doi.org/10.14530/se.2017.3.133-153. (In Russ.).

16. Navigator of in-demand professions in the Far East 2022–2027 / Far East and Arctic Development Corporation. 30 p. (In Russ.).

17. Petruk G.V., Kim A.G. Youth migration moods as indicator of socio-economic situation of Russia's Far Eastern region // Azimuth of scientific research: economics and administration. 2019. Vol. 8. No. 4 (29). P. 300–303. (In Russ.).

18. Problems of employment of vulnerable segments of the population in Moscow / O.A. Alexandrova, M.S. Toksanbayeva, A.V. Yarasheva, etc.; under the scientific editorship of A.V. Yarasheva; ANO "Council on Management and Development". Moscow: Akvarel, 2017. 252 p. (In Russ.).

19. Sidorkina Z.I. Youth as a strategic resource in the socio-economic development of the Far East // Greater Eurasia: Development, security, cooperation. Yearbook. Issue 4. Part 1 / INION RAN. Department of scientific cooperation; Ed. V.I. Gerasimov. Moscow, 2021. P. 665–667. (In Russ.).

20. Stasyuk E.V. The creation of a regional identity among young people as a requirement to maintain the youth population in the Far East of Russian Federation // Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series economy. No. 3 (25), 2018. P. 157–164. (In Russ.).

21. Khalikova S. S. Problems and prospects of youth employment in the Khabarovsk territory // Power and Administration in the East of Russia. 2017. No. 3 (80). P. 106–114. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2017-80-3-96-104 (In Russ.).

22. The number of dropouts by gender, age and movement flows // The Unified Statistical Information System (UISIS). URL: https://www.fedstat.ru/indicator/58614 (accessed 2.02.2023). (In Russ.).

23. The number of arrivals by gender, age and movement flows // The Unified Statistical Information System (UISIS). URL: https://www.fedstat.ru/indicator/58614 (accessed 2.02.2023). (In Russ.).

24. Shkarina T.Yu., Kryukov E.Yu., Pavlova O.V. Analysis of employers' satisfaction with competences of graduates from the Far East // Innovative development of vocational education. 2022. No. 2 (34). P. 103–110. (In Russ.).

25. Shkurkin A.M., Lutsenko E.L. Migration of Russian young people in the regional dimension: a Far East View // Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2017. No. 2. P. 78–82. https://doi.org/10.12737/article_590084b9754711.46224865 (In Russ.).

◆

Информация об авторе

Сергей Михайлович Захаров, канд. полит. наук, ассистент кафедры истории Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева, Москва, Россия, e-mail: zakharov1201@rambler.ru

Information about the author

Sergey M. Zakharov, Candidate of Political Science, Assistant, Department of History, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia, e-mail: zakharov1201@rambler.ru

Поступила в редакцию 12.02.2024 Одобрена после рецензирования 15.05.2024 Принята к публикации 27.05.2024

Received 12.02.2024 Approved 15.05.2024 Accepted 27.05.2024

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 126–135.
Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 126–135.

Научная статья
УДК 316.334.52
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/126-135

Городская идентичность молодёжи города Ульяновска: состояние и проблемы

Елена Петровна Галкина
Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия, pyh2000@mail.ru
Марина Ивановна Кадничанская
Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия, m-i-kad@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема городской идентичности в современном обществе, анализируются её основные признаки и структура. Приводятся результаты авторского социологического исследования о состоянии и проблемах формирования городской идентичности молодёжи г. Ульяновска. Отмечено, что пространственная и социально-психологическая идентичности находятся на высоком уровне. Культурная и демографическая составляющие городской идентичности слабо выражены. Важными культурными компонентами являются: история города, традиционные мероприятия, праздники, ценности его жителей. Традиции, известные личности и знаковые события остаются недостаточно знакомыми для значительной части опрошенных.
Ключевые слова: *социальная идентичность, городская идентичность, структура городской идентичности, молодежь, городское пространство, проблемы*
Для цитирования: Галкина Е. П., Кадничанская М. И. Городская идентичность молодёжи города Ульяновска: состояние и проблемы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 126–135. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/126-135

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/126-135

Urban identity of the youth of the city of Ulyanovsk: status and problems

Elena Petrovna Galkina
Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia, pyh2000@mail.ru
Marina I. Kadnichanskaya
Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia, m-i-kad@yandex.ru

Abstract. The article examines the problem of urban identity in modern society, analyzes the main features of urban identity and its structure. The results of a sociological study are presented, in which the authors studied the state and problems of forming the urban identity of the youth of Ulyanovsk at the age of 18-35 years. It is noted that the spatial and socio-psychological identities of young people are at a fairly high level: respondents are satisfied with the geographical location of the city, the proximity of large cities, including megacities, the presence of the Volga River, the climate of the region, the architecture of streets and buildings. In Ulyanovsk they have a large number of friends and relatives. The cultural and demographic components of the urban identity of young people are poorly expressed. Two main symbols of the city are highlighted: V.I. Ulyanov (Lenin) and the Volga River. Important cultural components for the respondents are: the history of the city, traditional events and holidays, the values of its inhabitants. At the same time, traditions, famous personalities and significant events remain insufficiently familiar to a large part of the respondents.
Key words: *social identity, urban identity, urban identity structure, youth, urban space, problems*
For citation: Galkina E. P., Kadnichanskaya M. I. Urban identity of the youth of the city of Ulyanovsk: status and problems // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 126–135. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/126-135

Введение

В современном мире города играют ключевую роль в формировании общественных, культурных и экономических процессов. Понимание и анализ идентичности населения конкретного города помогает в создании стратегий развития, которая способствует благополучию жителей.

Проблема социальной идентичности изучалась в социологии с помощью разных подходов. В рамках функционализма и структурного функционализма Э. Дюркгейм и Т. Парсонс рассматривали структуру и генезис "социальной сущности" личности **[6, с. 73–75; 13]**. Идентичность как результат социального взаимодействия анализировали представители символического интеракционизма Ч. Х. Кули и Дж. Г. Мид **[8; 9, с. 225]**. Феноменологическая социология изучала социальную идентичность как Я-концепцию и самоописание. Ее представители П. Бергер и Т. Лукман основывались на идее конструирования личностью социальной реальности **[1]**. Интегративный подход предложил более многомерное понимание социальной идентичности. В теориях П. Бурдье, Э. Гидденса, С. Хантингтона разбирались взаимосвязи различных аспектов, влияющих на формирование и трансляцию социальной идентичности **[2; 4; 16]**.

© Галкина Е. П., Кадничанская М. И., 2024

Проблема городской идентичности – междисциплинарная проблема, различные ее стороны изучают философия, история, психология, социология, экономика, политология, культурология и другие науки **[5]**.

Городская идентичность как социально-психологический феномен начал исследоваться в отечественной психологии благодаря работам А.В. Микляевой и П.В. Румянцевой. По мнению авторов, "городскую идентичность следует рассматривать как компонент социальной (не личностной) идентичности, результат идентификации с группой людей, составляющих население того или иного города и противопоставления населению других городов" **[10; 11]**. Авторами были выделены её основные признаки:

1. Социальная принадлежность. Принадлежность к территории и конкретной группе людей (населению).

2. Структурированность. Структура городской идентичности проявляется на эмоциональном, когнитивном, поведенческом и мотивационном уровнях. Эмоциональный компонент может быть представлен в виде отношения к городу и к себе как его жителю, удовлетворенности городской жизнью, проявления интереса к истории и культурной жизни города. Когнитивный компонент содержит сформированный образ города и городского пространства, понимание его уникальности. Поведенческий компонент обусловливается содержанием каких-либо действий, определяющих человека как горожанина. Мотивационный компонент отражается в виде миграционной динамики и характере желания (или нежелания) быть жителем этого города.

3. Совместное конструирование. Городская идентичность формируется в процессе межличностного взаимодействия путем сопоставления себя с группой, представляющей жителей этого города.

4. Интегративный характер. Понятие городской идентичности тесно взаимосвязано с такими феноменами, как бренд и имидж города, то есть является внутренним ментальным образом.

5. Функциональность. Городская идентичность прямо и косвенно определяет представление человека о своем психологическом благополучии и качестве жизни, уровень конфликтов на социальной почве, миграционные процессы **[12]**.

Таким образом, городская идентичность – это социально-психологический феномен, отражающий осознание личностью своей принадлежности к городскому сообществу, выраженное в определенном отношении к городу и его жителям и проявляющееся в соответствующем городском поведении.

Для выстраивания структуры городской идентичности можно использовать четырехкомпонентную структуру, в которой выделяют следующие компоненты: когнитивный, аффективный (эмоционально-чувственный), ценностно-смысловой (ценностно-нормативный), практический (поведенческий, деятельностный, инструментальный). В отдельных её модификациях встречается исключение ценностно-смыслового компонента, так как его содержание оказывается включенным в когнитивный и аффективный компоненты, как происходит, к примеру, у М. Китинга **[7, с. 93]**.

В структуре идентичности когнитивный компонент содержит представления об отличительных свойствах и качествах города, объективных факторах, влияющих на жизнь города. К таким объективным факторам можно отнести:

- культурные: архитектура улиц и зданий, памятники, городская символика, исторические события и личности, традиции и праздники, типичные блюда и т.д.;
- демографические: численность населения, пол, возраст, уровень бедности, естественный прирост, уровень миграции и т.д.;
- социальные: наличие друзей и родственников, проживающих в городе, длительность проживания, групповые ценности, наличие собственного жилья, уровень преступности, уровень безопасности и т.д.;
- территориальные: климат, географическое положение и т.д.

Представления о городе, входящие в когнитивный компонент, существуют и на теоретическом, профессиональном уровне и на житейском уровне обыденного сознания, причем именно уровень обыденного сознания подталкивает жителей к поиску ответов на насущные вопросы и к решению этих во-

просов, напрямую касающихся не только их жизни в этом городе, но и жизни в целом.

Аффективный компонент городской идентичности представляет собой субъективное переживание объективных факторов когнитивного компонента, опосредованных условиями жизни человека в городе и влиянием образов, сформированных СМИ и социальными медиа.

Ценностно-смысловой компонент идентичности, очевидно, чуть реже выделяется исследователями в качестве самостоятельного в связи с тем, что он меньше осознается индивидом, так как требует от него определенных рефлексивных усилий для определения и осознания личностных ценностей, смыслов, норм, для постоянного "мониторинга" тех изменений, которые происходят в этом компоненте, когда аксиологические или этические представления меняют свое место в ценностной картине мира субъекта: от периферии значений приближаются к смысловому ядру компонента, становятся более важными или, напротив, представления, ранее занимавшие центральную позицию, сдвигаются на периферию, становятся менее значимыми для человека в силу либо жизненных обстоятельств, либо психологических и духовных кризисов, с ним происходящих.

Ценностно-смысловой компонент городской идентичности складывается как результирующая когнитивного и аффективного компонентов. Личные ценностные представления горожан о городе в ходе его исторического развития концентрируются в экзистенциальной парадигме города в виде объективированных форм городской культуры: городских идеалов, мифов и метафор.

Для практического компонента городской идентичности предельным является выбор между возможностью что-то изменить в том городе, где человек живет, готовностью приложить усилия к этим изменениям, измениться самому, чтобы обрести утраченную гармонию с городом, или возможностью найти свое место в жизни в другом городе, т. е. инструментальное воплощение антиномичности миграционных установок горожан осуществляется практическим компонентом городской идентичности.

Таким образом, городская идентичность – это устойчивое представление человека о себе как о жителе именно этого города, естественное ощущение своей связи с городом, эмоциональное отношение к факту собственной соотнесенности с городом и его жителями, а также чувство общей судьбы.

Методология и методы

В 2023 году в рамках реализации проекта "Первая муниципальная академия личностного роста начинающих политологов и социологов", на базе Ульяновского общественного фонда "Региональная аналитика. Профессиональные исследования. Рейтинги" (РАПИР) авторами была предпринята попытка изучения состояния и проблем формирования городской идентичности молодёжи г. Ульяновска.

В рамках данного исследования в качестве эмпирического объекта исследования выбрана молодёжь г. Ульяновска как социальная общность в возрасте 18–35 лет и её городская идентичность. Целью исследования являлось выявление основных черт городской идентичности молодёжи г.Ульяновска с определением её уровня и проблем формирования.

Эмпирической базой исследования выступили результаты авторских социологических исследований с использованием:

- метода неоконченных предложений (N=100); возраст участников от 18 до 35 лет;
- фокусированных интервью в группах (5; N=41). Участники фокус-групп обладали социально-значимыми характеристиками и представляли разные сферы деятельности.

Результаты

Одной из задач исследования была разработка образа типичного жителя города Ульяновска и образа идеального жителя города Ульяновска в представлениях молодёжи. Для этого исследователями был использован метод неоконченных предложений. Респондентам были даны 12 предложений, которые они должны были продолжить. Предложения были сгруппированы в четыре смысловых блока. Первый блок должен был раскрыть структуру из-

учаемого образа, второй блок – определить контексты, характеризующие его свойства. Третий блок установить расположение изучаемого феномена относительно других социальных стереотипов, четвертый блок должен был определить эмоциональный заряд, который несет в себе образ. У респондентов сохранялась возможность самим выбирать критерии и определять смысловую основу ответа **[14]**.

В процессе анализа результатов, полученных методом неоконченных предложений, было выделено два образа. По мнению респондентов, типичный житель города Ульяновска ничем не отличается от жителей других городов, кроме территориальной принадлежности к городу. Для него характерны как положительные черты: ответственность, трудолюбие, воспитанность, доброта, вежливость, готовность прийти на помощь, – так и отрицательные: невоспитанность, нежелание помогать людям, грубость, хмурость и отсутствие доброжелательности. В целом типичный житель города Ульяновска рассматривается как целеустремлённый человек, который постоянно чем-то занят, спешит по своим делам. Некоторые ассоциируют жителя города Ульяновска с патриотом, добрым человеком, жителем провинции, гопником. В результате образ типичного жителя города Ульяновска в основном носит положительный характер. Респонденты разделили ульяновцев по территориальному признаку, материальному достатку, причастности к криминалу. Именно материальный достаток является главной ценностью для типичного жителя города Ульяновска. Вероятнее всего, это связано с желанием горожан улучшить своё экономическое и материальное положение, что проявляется в их целеустремлённости.

Рассмотрим образ идеального жителя города Ульяновска. Любовь к городу является обязательной составляющей образа идеального жителя города Ульяновска. Были выделены следующие его характеристики: уважение к жителям города, знание истории города, бережное отношение к городу и действия по его совершенствованию. По мнению участников исследования, идеальный житель города Ульяновска должен быть обязательно связан с городом, проживать в нём, быть коренным жителем. Таким образом, для респондентов важным фактором является именно рождение в этом городе. Многие респонденты не смогли назвать ульяновцем того, кто приехал из другого города, то есть ульяновец – это коренной житель города. При этом для небольшой части респондентов это не являлось важным фактором.

По мнению опрашиваемых, для того чтобы идеальный житель города Ульяновска стал реальностью, необходимо решать проблемы, которые присутствуют в городе. Выделенные респондентами проблемы были распределены в пять групп по степени их значимости:

- проблемы с низкой оплатой труда,
- транспортные проблемы (задержки транспорта, плохое состояние дорог),
- проблемы с безопасностью (большое количество группировок и людей в нетрезвом состоянии),
- демографические проблемы (низкий уровень рождаемости, высокая смертность жителей),
- проблемы с благоустройством города (мусор на улицах, плохо чистят дороги от снега и пр.).

Большинство опрошенных противопоставляют себя с жителями Москвы или других крупных городов (мегаполисов), что говорит о противостоянии "провинциальности" и "столичности".

На пространственном уровне идентичности респонденты оценивают себя как граждан города Ульяновска; провинциалов; либо делят себя по районам города, в которых проживают: жители Железнодорожного, Ленинского, Заволжского, Засвияжского районов; либо в зависимости от положения относительно реки Волги: правобережные и левобережные жители города.

На социальном уровне абсолютное большинство опрошенных чувствуют себя своими, ощущают себя в городе комфортно и спокойно. Следует отметить, что незначительная часть респондентов чувствуют себя чужим. Это связано прежде всего с проблемами безопасности.

Что касается культурной идентичности, то существуют два главных символа города, которые имеют определяющее значение для жителей горо-

да Ульяновска: В.И. Ульянов (Ленин) и река Волга. Важными культурными компонентами для респондентов являются история города, городские мероприятия и праздники, ценности жителей.

Для определения основных черт городской идентичности был использован метод фокусированных интервью в группах с представителями молодёжи города Ульяновска. Большинство респондентов высказалось о том, что им комфортно жить в городе и в своём районе.

– Я живу в Засвияжском районе, в Дальнем Засвияжье. Мне комфортно жить в этом районе. Здесь в целом всё необходимое для проживания есть – и магазины продуктовые, и гипермаркеты, и торгово-развлекательные центры. Всё в пешей доступности, меня всё устраивает. (Никита, 19 лет).

При этом мнения респондентов, проживающих в одном и том же районе города, разделились по поводу ряда проблем, например, транспортных.

– Район Дальнего Засвияжья находится достаточно далеко от места моей работы и от места учёбы, и добираться не очень удобно, особенно по морозу. (Наталья, 21 год).

Респонденты удовлетворены внешним видом улиц и архитектурой города, отмечают красоту музея им. Н.А.Гончарова, таких парков, как Александровский, Победы, Дружбы народов, Винновская роща. Среди памятников чаще всего называют памятник букве "Ё". Наибольшее число опрошенных отмечают центр города как самое красивое место, а остальные места указываются реже.

– В целом улицы города мне нравятся, особенно в центре всё красивое. Улица Федерации у нас вот, ну, относительно в новом формате преобразована. Памятники интересные, конечно, Ленину посвящены множество. Необычный есть памятник Буква Ё. Здания тоже красивые. В центре особенно - здание музея Гончарова. Мне очень оно нравится. Честно говоря, я особо в парках не обитаю, но вот этим летом был в парке Победы. Мне понравилось, и зона питания есть, и развлекательная зона для детей с аттракционами, также есть прогулочная зона, где можно погулять, такая аллея длинная там. Мне очень понравился этот парк. (Алексей, 29 лет).

Часть респондентов выделяют негативные стороны внешнего вида города.

– В целом да, мне нравятся, но в некоторых местах всё изрисовано граффити плохими. Больше всего мне нравится дом с рисунком двух девушек около ТЦ "Альянса". (Арина, 19 лет).

Опрошенные отмечают, что их устраивает географическое расположение города, так как Ульяновск расположен в относительной близости к крупным городам, что обеспечивает удобное перемещение.

– Ну, да, нравится. Рядом Волга, красота, природа. Недалеко Москва, Казань, Самара, относительно недалеко Нижний Новгород. Всё, ну, в относительной доступности. (Кирилл, 26 лет).

– Мне нравится географическое расположение Ульяновска, потому что он располагается в Поволжье, мне Поволжье нравится. Плюс Ульяновск недалеко расположен от таких городов, как Самара, Казань, Саранск – Республика Мордовия. Очень удобно путешествовать. (Динара, 18 лет).

Что касается климата, то многим он не нравится из-за сильных ветров и холодов.

– Так как в городе две реки и особенно огромная Волга, то часто бывает ветер. Только из-за ветра не нравится. (Полина, 18 лет).

При этом часть респондентов высказалась, что благодаря климату и ветрам воздух в городе гораздо чище, чем в столице.

– Да, если сравнивать с Москвой, то город гораздо чище, то есть воздух чище, как говориться природа доступнее, так, наверное. Как у меня сказал знакомый - этот город больше подходит пенсионерам. (Вячеслав, 22 года).

Респонденты отмечают, что знают достаточно много людей в своем окружении, уехавших из города по следующим причинам: отсутствие дальнейших перспектив развития в Ульяновске, получение более качественного образования, низкие заработные платы, отсутствие близких родственников и друзей в Ульяновске.

– Да, у меня здесь очень много родственников, вся семья здесь живёт и друзья тоже. Знаете, ну достаточно. Много ребят уезжают из Ульяновска, чтобы учиться, например, в другие города, то есть в основном уезжают после 11 класса, перед поступлением в университеты. Скорее всего только для того, чтобы учиться, из-за того, что в других городах, особенно в больших, образование гораздо лучше, чем здесь. Также инфраструктура лучше, там больше шансов как-то себя раскрыть как профессионала, как человека, больше интересных мероприятий для посещения. (Наталья, 21 год).

– У меня недавно уехал брат в Москву, потому что там лучше работа. (Динара, 18 лет).

Респонденты ассоциируют город Ульяновск в первую очередь с В.И. Ульяновым (Лениным), поскольку город назван в честь него. Эти данные подтверждаются рядом авторских социологических исследований **[3]**. В городе много мест, связанных с его именем: одна из центральных улиц города – улица Ленина, на центральной площади города – памятник им. В.И. Ленину, Ленинский мемориал, дом в котором родился Володя Ульянов и другие. Помимо этого, респонденты ассоциируют город Ульяновск с рекой Волгой, так как он стоит на этой реке, и разделяет город на две части (правобережье и левобережье).

– С Лениным, наверное, всё-таки здесь его родина, вот". (Константин, 29 лет).

– У меня город ассоциируется с Лениным, потому что у него фамилия Ульянов и поэтому город Ульяновск, сразу ассоциируется с Лениным, плюс очень много музеев, посвященных Ленину, и улица Ленина, памятники Ленину. (Ксения, 18 лет).

– Ленин и река Волга. Волгу видно отовсюду. Живя в Ульяновске, ты с ней сталкиваешься, сталкиваешься с переездом через неё, с теми же фейерверками, когда ты ходишь на праздник как житель Заволжского района. (Никита, 18 лет).

По мнению респондентов, они не видят глобальных перемен в городе и осведомлены об изменениях в городе весьма поверхностно. В основном выделяются строительные и реконструкционные работы, облагораживание зелёных зон, однако при этом отмечалось, что город все еще нуждается в улучшениях, особенно в сфере общественного транспорта.

– Если в историческом контексте, то определённо открытие Президентского моста было большим открытием для города. (Никита, 18 лет).

– Особо никаких [изменений]. Ну, жилые комплексы строятся. Круто. Но меня это особо не касается. Льдом и снегом недавно все покрыло. Чистили это долго, неохотно будто. (Дарья, 20 лет).

Участники опроса отмечают, что город Ульяновск предоставляет определенные возможности для развития, однако часть респондентов предпочитает выбирать крупные города для своей личной реализации, поскольку видят там больше перспектив. Большинство опрошенных указывают, что их самореализация в городе актуальна лишь во время обучения в университете. В будущем они планируют покинуть город и реализовываться в другом месте.

– Вообще хотелось бы переехать в другой город. В Казань. Пока реализации в Ульяновске не вижу. (Полина, 18 лет).

– Конечно, не Москва, где возможностей гораздо больше, но в целом, если сильно чего-то хотеть, то в любом городе можно себя реализовать в различной сфере жизни, к тому же в современном мире для этого есть все шансы. По поводу личной жизни, то благодаря учёбе я нашёл вторую половинку, с которой в планах у меня построить будущее. (Вячеслав, 22 года).

Подавляющее большинство опрошенных молодых людей готовы уехать из города для построения своей дальнейшей жизни и карьеры, так как в городе мало перспектив для карьерного роста и низкий уровень зарплат.

– Думаю, да, я бы уехала. Потому что здесь очень мало перспектив. (Оля, 20 лет).

– Да, если бы была такая возможность, я бы переехала в другой город. С целью самореализации. (Ксения,18 лет).

Это связано также с тем, что жители города не чувствуют себя в нем безопасно. Для большинства респондентов самым безопасным местом является их собственный дом, в то время как улицы города, особенно в вечернее или

ночное время, рассматриваются как опасные. Особенно опасными указывались улицы в районе Дальнего Засвияжья, Железнодорожного района, Киндяковка и 19 микрорайона. Это указывает на необходимость усиления мер безопасности на указанных территориях для обеспечения защиты горожан.

– *Дом [безопасное]. Я думаю, что мне, например, некомфортно ходить вечером по своему району, потому что я всегда оглядываюсь, осматриваюсь. У нас тут очень много маргиналов, так скажем, очень много неприятных каких-то людей, ну, кстати, опгшники какие-нибудь, может, это даже не группировщики, но очень похожи на них.* (Наталья, 21 год).

Самым безопасным местом в городе, по мнению респондентов, считается центр города, а именно Ленинский район, поскольку на улицах много людей, камер, охраны.

– *Я считаю, что самый опасный район - это 100% Киндяковка. Самый безопасный это Центр, Ленинский район, там ничего такого плохого не происходит.* (Оля, 20 лет).

– *Самое безопасное место – Центр. Охраняется, много людей.* (Полина, 18 лет).

Респонденты в большинстве своём мало осведомлены о знаковых событиях города Ульяновска. Среди выдающихся личностей отмечают в первую очередь В. И. Ленина.

– *Первое, что приходит на ум – это Ленин, ещё Гончаров. Знаю, что многие блогеры родом из Ульяновска. Знаковые события, честно сказать, не знаю, не могу назвать, хотя, может, открытие Президентского и Императорского мостов сюда можно отнести.* (Алла, 30 лет).

Среди традиционных праздничных мероприятий, проводимых в городе, респондентами были отмечены такие, как 9 мая, День города, День России, День авиации, День защиты детей, Новый год, масленица, национальные праздники (например, Ураза – байрам у мусульман). Опрошенные затруднились выделить традиции именно города Ульяновска и отмечали, что не принимают активного участия в большинстве городских мероприятий.

– *Как таковых особенных традиций я, наверное, не смогу перечислить. Наверное, это больше касается каких-то народов, которые здесь проживают, у них бывают праздники в нашем городе, но и в других городах они тоже бывают. Я знаю, что у нас очень шумно отмечают День города, но и в других городах то же самое. 9 Мая – аналогично, вот, поэтому прям особенных каких-то, касающихся Ульяновска, праздников я не знаю, не слышала ни разу…. Скорее, [к посещению мероприятий] как-то безразлично к этому отношусь. Может на салюты могу съездить, если приезжают артисты какие-нибудь, а так активности не проявляю.* (Наталья, 21 год).

– *Я знаю, что у нас проводятся мероприятия День города, 9 мая, День России, ещё день защиты детей, я участвовала там, я проводила игровые программы с детьми, в парке Победы, в центре, которые дети с ОВЗ. Я много где участвовала.* (Оля, 20 лет).

Респонденты затруднились назвать традиционные блюда города Ульяновска. Большинство высказалось, что блюда в Ульяновске такие же, как и в других городах России. Отмечено, что кухня Ульяновска вобрала в себя блюда других национальностей (грузинская кухня, японская кухня и пр.). К типичным были отнесены традиционные русские блюда.

– *Мне кажется, что в Ульяновске нет каких-то определённых традиционных блюд. Если вообще выделять, то достаточно популярны пельмени, окрошка, борщ, щи, гречка.* (Ксения, 18 лет).

– В *нашем городе нельзя выделить какое-то типичное блюдо. Например, если бы мы жили в Казани, то можно было бы сказать, что Чак-чак, но здесь я ничего не могу выделить. Традиционных тоже нет, ну, это тоже в зависимости от народов, например, не знаю, у нас есть татары, которые едят эчпочмаки.* (Илья, 20 лет).

– *Знаю, что грузинская кухня хорошо прижилась в Ульяновске. (Тоня, 29 лет).*

По мнению респондентов, среди отличительных характеристик жителя города Ульяновска можно выделить чаще спортивный стиль в одежде, чем классический. В основном это связано с местом проживания респондентов (район города) и культурой местности в целом.

– У нас много молодых людей, которые любят носить спортивные вещи, наверное, это как некоторое отличие. Хотя это сейчас модно, но в Ульяновске это особенно заметно (Оля, 20 лет).

– …Будто люди здесь какие-то хмурые, злые, и если им улыбнуться они не ответят улыбкой, а будут смотреть так будто ты им всю жизнь испортил, хотя их даже не знаешь… По одежде если брать, то парни одеваются по-спортивному, у них остался стиль 90-х. (Олеся, 18 лет).

Отмечается наличие большого количества уставших, хмурых людей, что перекликается с типичным образом ульяновца, выявленным методом неоконченных предложений.

– Я заметила, что в нашем городе очень много людей, которые обременены своей жизнью, очень такие уставшие, холодные, так скажем, закаленные морозами. Я очень редко вижу людей, которые выделяются из общей серой массы, и вот основная часть – это просто грустные, уставшие люди. (Наталья, 21 год).

– Всех под одну гребёнку сложно занести, но есть как и добрые, есть как и злые…. Ну, в целом отзывчивые, в основном помогают, когда в чём-то нуждаешься, вот как-то так. Неплохой народ у нас живёт. (Карина, 19 лет).

Относительно материального положения: респонденты способны приобретать продукты питания и одежду без особых трудностей, но для более дорогостоящих покупок требуется длительное накопление средств. Это указывает на то, что благосостояние респондентов может находиться на уровне дохода, позволяющего им удовлетворять базовые потребности, но для более значительных расходов им требуется финансовое планирование.

Заключение

Городское пространство представляет собой основной компонент социальной среды и значимый источник знаний человека о самом себе, основу формирования его идентичности. Интеграция городского сообщества на основании сформированной позитивной городской идентичности позволяет повысить ощущение удовлетворенности жизнью горожан.

Авторское исследование показало, что пространственная и социально-психологическая идентичности являются основными компонентами в структуре городской идентичности молодежи г.Ульяновска.

Пространственная идентичность респондентов находится на достаточно высоком уровне. Участники исследования удовлетворены географическим расположением города, близостью крупных городов, наличием реки Волги как крупного водоема, климатом, архитектурой улиц и зданий города. Они ощущают себя провинциалами, делят жителей по районам проживания: жители Железнодорожного, Ленинского, Заволжского, Засвияжского районов – либо в зависимости от расположения относительно реки Волги: правобережные и левобережные. Респонденты отмечают существование возможности разделять с окружающими людьми ценности и нормы городского поведения, отношение к городу, его истории и жителям, что обуславливает осознание себя как части городского пространства.

Социально-психологическая идентичность также на высоком уровне: в городе Ульяновске у респондентов большое количество друзей, родственников, что важно для жителя города. Прослеживаются крепкие социальные связи опрошенных, возможность реализации своих ценностей в этом городе. Часть респондентов высказалась, что чувствуют себя незащищенными, что связано с проблемами безопасности в городе, в том числе и психологической безопасности.

Культурная идентичность: существуют два главных символа города, которые имеют большое значение для жителей: река Волга и В.И. Ульянов (Ленин). Отмечались следующие культурные компоненты: история города, традиционные мероприятия и праздники, ценности его жителей. Опрошенные считают, что необходимо следить за благоустройством города и его развитием. Однако традиции, известные личности и знаковые события остаются недостаточно известными для большой части опрошенных.

Культурная и демографическая составляющие городской идентичности слабо выражены и, вероятнее всего, являются основными причинами миграционных намерений молодежи г. Ульяновска **[15]**. Молодежь планирует

переезд с последующим решением на временное или постоянное место жительства. Чаще всего респонденты называют такие города для переезда, как Москва, Санкт-Петербург, Самара, Нижний Новгород и Казань. Причинами желания переехать являются низкие зарплаты и отсутствие возможности хорошо зарабатывать, в крупном городе больше возможностей найти достойную работу, хочется перемен, а также желание жить в другом городе. Больше всего желающих уехать среди тех, кто не удовлетворен местом своего трудоустройства и заработной платой. Поэтому активное привлечение молодежи к участию в общественной жизни города может способствовать росту их уровня городской идентичности.

Выделяются пять групп проблем, решение которых очень важно для горожан и формирования их городской идентичности: проблемы с безопасностью в некоторых районах города (большое количество группировок и людей в нетрезвом состоянии), низкий уровень оплаты труда, проблемы с благоустройством города (мусор на улицах, не чистят дороги от снега, пыли и пр.), транспортные проблемы (задержки транспорта, плохое состояние дорог), Для большинства опрошенных противоположностью жителя города Ульяновска является житель Москвы или других крупных городов-мегаполисов, что говорит о противостоянии провинции и центра.

Таким образом, в современных условиях необходима продуманная региональная политика по усилению культурной и демографической составляющих городской идентичности. Требуется грамотная реклама городских традиций и знаковых событий, связанных с городом Ульяновском для формирования городской среды и построении региональных брендов. Это позволит повысить уровень городской идентичности, задействуя все её составляющие..

Литература

1. Бергер П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

2. Бурдье П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.

3. Галкина Е.П., Кадничанская М.И., Климович Л.В. Факторы формирования взглядов студентов вузов на российскую государственность. // Гуманитарные исследования центральной России. 2023. №3 (28). С. 88–98.

4. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. М.: Академический проект, 2005. 528 с.

5. Горнова Г.В. Городская идентичность: философско-антропологические основания: монография. Омск: Изд-во "Амфора", 2019. 167 с.

6. Дюркгейм Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 342 с.

7. Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // ЛОГОС. 2003. № 6 (40). С. 67–116.

8. Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс, 2000. 320 с.

9. Мид Дж. Интернализованные другие и самость // Американская социологическая мысль / Р. Мертон и др.; сост. Е. И. Кравченко; под общ.ред. В.И. Добренькова. М., 1996. С. 222–224.

10. Микляева А. В. Городская идентичность жителя современного мегаполиса. Ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска? СПб: Речь, 2011. 160 с.

11. Микляева А.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. СПб: Изд-во РГПУ, 2008. 118 с.

12. Озерина А. А. Городская идентичность как социально-психологический феномен. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. 2016. № 4 (34). С. 135–139.

13. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1998. 270 с.

14. Татарова Г. Г., Бурлов А. В. Логическая организация анализа данных, полученных методом неоконченных предложений // Социологические исследования. 1999. № 8. С. 123–133.

15. Токарева А.О., Кадничанская М.И. Трудовая миграция и миграционные намерения молодёжи (на примере Ульяновского региона) / Государство и гражданское общество: уровень доверия, направления и эффекты коммуникаций в новых условиях. Всероссийская научно-практическая конференция (г. Ульяновск, 30 ноября – 1 декабря 2023 г.): сборник научных трудов / отв. ред. О.В. Шиняева. Ульяновск: УлГТУ, 2023. С. 130–133.

16. Хантигтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. 635 с.

References

1. Berger P. The social construction of reality: a treatise on the sociology of knowledge. M.: Medium, 1995. 323 p. (In Russ.).
2. Bourdieu P. N. M.: Socio-Logos, 1994. 288 p. (In Russ.).
3. Galkina E.P., Kadnichanskaya M.I., Klimovich L.V. Factors of formation of university students' views on Russian statehood. // Humanitarian studies of Central Russia. 2023. No. 3 (28). P. 88–98. (In Russ.).
4. Giddens E. The organization of society: An essay on the theory of structuration. M.: Academic project, 2005. 528 p. (In Russ.).
5. Gornova G.V. Urban identity: philosophical and anthropological foundations: monograph. Omsk: Publishing house "Amphora", 2019. 167 p. (In Russ.).
6. Durkheim E. Identity: youth and crisis. M.: Progress, 1996. 342 p. (In Russ.).
7. Keating M. New regionalism in Western Europe // LOGOS. 2003. No. 6 (40). P. 67–116. (In Russ.).
8. Cooley Ch. Human nature and social order. M.: Idea-Press, 2000. 320 p. (In Russ.).
9. The Ministry of Foreign Affairs of J. Internalized others and the self // American sociological thought / R. Merton et al.; comp. E. I. Kravchenko; under the general editorship of V.I. Dobrenkov. M., 1996. P. 222–224. (In Russ.).
10. Miklyaeva A.V. Urban identity of a resident of a modern metropolis. A resource for personal well-being or a high-risk area? St. Petersburg: Speech, 2011. 160 p. (In Russ.).
11. Miklyaeva A.V. Social identity of a person: content, structure, mechanisms of formation. St. Petersburg: Publishing house of RSPU, 2008. 118 p. (In Russ.).
12. Ozerina A. A. Urban identity as a socio-psychological phenomenon. // Bulletin of Volgograd State University. Series 7, Philosophy. 2016. No. 4 (34). P. 135–139. (In Russ.).
13. Parsons T. The system of modern societies. M.: Aspect Press, 1998. 270 p. (In Russ.).
14. Tatarova G. G., Burlov A.V. The logical organization of the analysis of data obtained by the method of unfinished sentences // Sociological research. 1999. No. 8. P. 123–133. (In Russ.).
15. Tokareva A.O., Kadnichanskaya M.I. Labor migration and migration intentions of youth (on the example of the Ulyanovsk region) / The state and civil society: the level of trust, directions and effects of communications in new conditions. All-Russian Scientific and Practical Conference (Ulyanovsk, November 30 – December 1, 2023): collection of scientific papers / ed. by O.V. Shinyaev. Ulyanovsk: UlSTU, 2023. P. 130–133. (In Russ.).
16. Huntington S. Who are we? Challenges of American national identity. M.: AST, Transit Book, 2004. 635 p. (In Russ.).

◆

Информация об авторах

Елена Петровна Галкина, канд. соц. наук, доцент кафедры психологии и педагогики Ульяновского государственного университета, Ульяновск, Россия, e-mail: pyh2000@mail.ru

Марина Ивановна Кадничанская, канд. соц. наук, доцент кафедры психологии и педагогики Ульяновского государственного университета, Ульяновск, Россия, e-mail: m-i-kad@yandex.ru

Information about the authors

Elena P. Galkina, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogy, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia, e-mail: pyh2000@mail.ru

Marina I. Kadnichanskaya, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogy, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia, e-mail: m-i-kad@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.05.2023 Одобрена после рецензирования 19.05.2024 Принята к публикации 27.05.2024

Received 02.05.2023 Approved 19.05.2024 Accepted 27.05.2024

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 136–146.
Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 136–146.

Научная статья
УДК 314.7
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/136-146

Гуаньси как базовый конструкт идентичности китайских мигрантов

Эльвира Октавьевна Леонтьева
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, 000645@pnu.edu.ru
Екатерина Александровна Цыбульник
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, 2020105170@pnu.edu.ru

Аннотация: В данной статье представлен лингво-культурологический и социологический анализ концепта "гуаньси" как базового конструкта идентичности китайских мигрантов, определяющего стратегию их поведения в принимающей среде, а также позволяющего сохранять в новом социальном пространстве традиционные стандарты социальной коммуникации, свойственные носителям китайской культуры. Авторами осуществлена характеристика понятий "друг" и "лицо", являющихся ключевыми компонентами системы межличностных взаимоотношений и определяющими формирование социальной идентичности выходцев из Китайской Народной Республики в условиях российской социальной действительности.
Ключевые слова: *"гуаньси", друг, "лицо" ("мяньцзы", "лянь"), социальная идентичность, национальная идентичность, культурная идентичность*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-20038, https://rscf.ru/project/24-18-20038/

Для цитирования: Леонтьева Э. О., Цыбульник Е. А. Гуаньси как базовый конструкт идентичности китайских мигрантов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 136–146. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/136-146

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/136-146

Guanxi as the basic costruction of chinese migrants' identity

Elvira O. Leonteva
Pacific National University, Khabarovsk, Russia, 000645@pnu.edu.ru
Ekaterina A. Tcybulnik
Pacific National University, Khabarovsk, Russia, 2020105170@pnu.edu.ru

Abstract: This article presents a linguo-culturological and sociological analysis of the concept of "guanxi" as a basic construct of the identity of Chinese migrants, which determines the strategy of their behavior in the host society, and also allows them to preserve in the new social space the traditional standards of social communication inherent to the bearers of Chinese culture. The authors characterize the concepts of "friend" and "face", which are key components of the system of interpersonal relationships and determine the formation of the social identity of people from the People's Republic of China in the conditions of Russian social reality.
Key words: *"guanxi", friend, "face" ("mianzi", "lian"), social identity, national identity, cultural identity*

The research was supported by a grant from the Russian Scientific Foundation No 24-18-20038, https://rscf.ru/project/24-18-20038/

For citation: Leonteva E. O., Tcybulnik E. A. Guanxi as the basic costruction of chinese migrants' identity // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 136–146. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/136-146

Введение

Вопрос определения механизмов и факторов, оказывающих влияние на самоопределение индивида в непрерывно трансформирующемся обществе, является одним из наиболее значимых для современной социологической науки. В условиях интенсификации взаимодействий представителей китайского и российского социумов как на государственном, так и межличностном уровнях, исследование различных аспектов специфики формирования социальной идентичности мигрантов из КНР, а также способов трансляции ими традиционных для китайской культуры коммуникативных паттернов (таких как "гуаньси") в принимающем российском социальном пространстве приобретает особую актуальность.

В этой статье мы исходим из того, что существуют базовые ментальные структуры, определяющие этническую идентичность китайцев, которые при миграции сохраняются и в инокультурной среде. Это позволяет китайским мигрантам легче адаптироваться в принимающем сообществе и, самое главное, сохранять и поддерживать свою идентичность. Этот феномен воспроизводящейся этноцентричности и стал предметом нашего исследования. Тот факт, что многие мигрантские группы не ориентированы на аккультурацию,

© Леонтьева Э. О., Цыбульник Е. А., 2024

а склонны сохранять свою этноцентричность, давно известен социальным исследователям и описан как отдельная стратегия (Дж. Берри, М. Беннет) **[6; 7]**. Вместе с тем сам механизм сохранения и воспроизводства этноцентричности у мигрантов не так часто становится предметом исследовательского внимания. Самой популярной в миграционных исследованиях является тематика адаптации и аккультурации – по этому направлению написано огромное количество литературы. Однако нас интересует противоположный вектор – на изоляцию и сохранение своей самобытности, который не так часто привлекает внимание исследователей. В качестве таких механизмов, которые работают на воспроизводство китайской этноцентричности, мы предлагаем рассмотреть особые коммуникативные паттерны, такие как "гуанси", "лянь" и "мяньцзы" (в значении "сохранения лица").

В отечественной и иностранной социологической литературе уже в определённой мере сформировалось проблемное поле изучения конструкта "гуаньси". Так, в исследованиях Графова Д.Б., Леонтьева С.В., Луцькой Е.Е., Шогеновой Л.А., Ло Я. Д., Лю Вэй, Чэн М., Чэн С.П., Чен С.С. и др. упомянутый концепт рассматривается с позиции его влияния на деловую этику, а также на формирование отношений между бизнес партнерами, начальником и подчинённым. Однако в своей работе мы осуществляем попытку осмысления гуаньси как базовой ментальной структуры, связывающей все коммуникации с участием китайских мигрантов в системные связи, определяемые спецификой их социальной идентичности.

Эмпирической базой исследования стали:

1) Данные включённого наблюдения, полученные одним из авторов за десятилетний период работы в китайской компании. Результаты наблюдения были систематизированы в серию дневниковых нарративов общим объёмом более 8 а.л., включающих беседы с клиентами компании, описание бытовых ситуаций и фиксацию содержания повседневных коммуникаций с китайскими коллегами.

2) Данные 25 глубинных неформализованных интервью с китайскими мигрантами, собранные в период с 2014 по 2022 г. Информантами стали выходцы из КНР возрастом от 25 до 56 лет, проживающие в Хабаровске, Владивостоке и Благовещенске не менее 3 лет на постоянной основе. В силу закрытости мигрантской группы и отсутствия данных о генеральной совокупности для отбора респондентов применялась методология снежного кома.

При анализе и интерпретации полученных данных использовалось сочетание стратегий восходящего и нисходящего нарративного анализа **[3, с. 39–49]**. Триангуляция полученных результатов проводилась с использованием материалов авторов, работающих по сходной тематике: Галло Ф.Т., Гуриевой С.Д., Джимиева П.Р., Ли Ю., Островски П., Пеннер Г., Хуан Т. и др.

Исследуя различные аспекты вопроса миграции представителей китайской культуры в дальневосточный регион РФ, такие как социальная идентичность, методы социализации, а также способы сохранения своей национальной культуры в принимающей среде, необходимо учитывать тот факт, что современное китайское общество характеризуется высоким уровнем миграции (как в пределах границ КНР, так и за рубеж). Данная тенденция свойственна молодому поколению, обусловлена их желанием обучаться в более престижных (в том числе зарубежных) ВУЗах, а также представителям средней возрастной группы по причине стремления получить более высокооплачиваемую и престижную работу, расширить перспективы для развития бизнеса. Следует отметить, что переезд одного из членов семьи воспринимается остальными достаточно спокойно, обыденно, не ставит под угрозу сохранение семейных связей или брака, а также напрямую не влечёт за собой переезд остальных родственников, супругов, детей.

Стратегию поведения китайских мигрантов в новой социальной и культурной (если речь идет о переезде за границу) среде можно описать распространённой китайской поговоркой, которая часто используется не только в обыденной речи, но и учебных текстах для преподавания иностранным студентам китайского языка и культуры в рамках образовательных программ ВУЗов КНР: "在家靠父母，出门/出外靠朋友" – "Дома полагайся на родителей, вне дома – опирайся на ***друзей***".

Это высказывание фиксирует важную максиму, согласно которой принципы построения социальных связей в собственной (дома) и иной (вне дома) культурной среде отличаются. Ссылаясь на известную в социальной науке дихотомию "сильных-слабых" связей, здесь можно увидеть две разные жизненные стратегии. Полагаться на родителей – значит опираться на уже готовые, близкие, т.е. "сильные" связи, что не приведёт к успеху если надо осваивать другую культуру. "Вне дома" полагаться на друзей – значит искать, создавать и поддерживать новые связи – "слабые", дальние. Таким образом, это правило формирует определённую модель поведения, в которой установление новых социальных связей в принимающем сообществе является необходимым и обязательным для достижения целей. Со временем эти связи образуют социальный капитал, который при их сознательном, целесообразном использовании и восприятии приведёт к реализации определенной цели – феномен, известный в социальной науке как "сила слабых связей" **[1; 8; 12]**.

Таким образом, сама по себе ориентация на построение и создание дружеских сетей является важным элементом воспитания у китайцев. И в подтверждение того, что эти сети объединяют "слабые" связи, далее обратим внимание на некоторые особенности понимания того, что значит "друг" в китайской культуре.

Лингво-культурологические предпосылки: понятие "друг" как базовый компонент системы построения взаимоотношений китайских мигрантов в принимающем социуме

Для более детального понимания упомянутой ранее стратегии поведения китайских мигрантов в новой социальной среде обратимся к лингво-культурологическому анализу самого термина "друг" 朋友 (péngyǒu), восприятие которого обусловлено этнокультурными, национальными, ментальными особенностями носителей китайского языка и проявляется в ходе практического взаимодействия с другими членами принимающего социального сообщества.

Пиктограмма 朋(péng) первоначально в китайском языке имела основное значение – денежная единица, валюта (в древности люди, жившие в долине реки Хуанхэ, выбирали раковины, являвшиеся большой редкостью, в качестве валюты, протыкали их, нанизывая на верёвку, два ряда раковин по пять штук и получили название 朋(péng)). Идеограмма 友(yǒu) исторически представляла собой изображение двух рук, вытянутых в одном направлении, и использовалась для обозначения идеи взаимопомощи **[5]**. Комбинация указанных графических единиц 朋友(péngyǒu) – "друг", семантически связана с типовой традиционно-культурной ситуацией: "старые приятели несут два ряда раковин, чтобы вместе пить пиво". В современном китайском языке термин朋友 кроме основного значения "друг", может также применяться для обозначения объекта романтических отношений, помощника, консультанта или персоны, выполняющей подобные функции, а также соперника или врага, который знает тебя лучше, чем ты сам (эти своеобразные друзья-соперники, также оказывают положительное влияние друг на друга) **[4]**.

В основном письменном памятнике конфуцианства книге "Лун юй", составленной учениками Конфуция, упоминаются слова Конфуция: "有朋自远方来，不亦乐乎?" – "Встретить друга, прибывшего издалека, разве это не радостно?". Таким образом, ещё в конфуцианской традиции дружба признаётся одной из самых больших радостей в жизни человека **[2]**. Вместе с тем в современном китайском языке наряду с лексемой 交朋友 "подружиться" в аналогичном контексте используется сочетание 认识朋友 "познакомится с другом / завести знакомство". И если для россиянина "друзья" всегда ограничены относительно небольшим количеством лиц, отличающихся от более широкого и многочисленного круга "приятелей" и "знакомых" именно силой связей, то для китайцев эти различия несущественны. Так, называя кого-либо из представителей иной социальной среды другом, они зачастую могут вкладывать значение "приятель", "знакомый", т.е. некая персона, каким-либо образом знакомая автору высказывания (с которой нет явного открытого конфликта).

Особенности восприятия представителей принимающей социальной среды мигрантами из Китая

В процессе установления связей и взаимодействия с представителями принимающего сообщества значительную роль играет само восприятие "иностранца", свойственное для китайской культуры, которое в существенной мере переносится китайскими мигрантами в рамки новой социальной среды. Данное обстоятельство имеет глубокий исторический базис, основанный на непростых взаимоотношениях с представителями других цивилизаций в ходе войн и конфликтов. Этот феномен хорошо известен историкам и китаеведам и описан в многочисленных примерах взаимодействия жителей Поднебесной с окружающими их варварами. Кроме того, в соответствии с древней конфуцианской традицией деления общества, первые иностранцы-купцы, появившиеся в Китае, находились на самом низшем уровне социальной лестницы (так как разного рода торговцы, в том числе и прибывшие из-за рубежа, в традиционно аграрном обществе древнего Китая находились ниже чиновников, крестьян и военных). Все эти исторически сложившиеся стереотипы отношения к иностранцам не только сохранились до наших дней, но и находят своё подтверждение в том числе и в практиках взаимодействия китайских мигрантов с представителями принимающего сообщества.

Иностранец по-прежнему, как и сотни лет назад, в глазах обычного современного китайца – это "абсолютный аутсайдер", чужой, с которым у них нет ничего общего. Это проявляется в многочисленных фактах наблюдения, собранных в ходе нашей работы. Приведём несколько примеров.

В первом кейсе, связанном с наблюдением в китайской компании, это проявляется в сложившей модели коммуникации мигрантов с представителями компании. В компании работают как китайские, так и российские сотрудники, все из которых хорошо владеют китайским языком. Однако для китайских мигрантов – клиентов компании сложился определённый алгоритм коммуникации, показывающий разное отношение к российским и китайским специалистам. Отметим некоторые детали. Во-первых, это первоначальный отказ от контактов с российским служащим. Так, визит в компанию (в 100% случаев) начинается с вопроса: "Есть ли здесь китайские сотрудники?", именно китайские, а не русские, владеющие китайским языком, (хотя обратившиеся в компанию китайские граждане в основном владеют русским языком или находятся в сопровождении переводчика). Во-вторых, при выборе переводчика для контактов, с российскими сотрудниками предпочтение отдаётся этническим китайцам. В-третьих, в случае вынужденного взаимодействия с российским специалистом, вся информация, полученная от них, вызывает сомнения, в дальнейшем перепроверяется и уточняется у соотечественников и только после этого принимается. Кроме того, даже ведя диалог на китайском языке с российскими специалистами компании (потенциального бизнес-партнера), китайские клиенты смотрят только на сопровождающего их переводчика и внешне проявляют понимание только сказанного ими (хотя передаваемая информация не отличается от ранее произнесённого российским специалистом).

Подобные примеры проявления высокомерия к иностранцам часто встречаются и в текстах интервью.

"*Я учился в Хабаровске и во Владивостоке 5 лет, хотел общаться с русскими девушками, но мой отец был против, он говорит, что "русские женщины грязные, не заслуживают доверия", поэтому я стараюсь держаться подальше от них, поддерживаю только официальные отношения".* Студент (24 года).

Подавляющее большинство опрошенных в рамках данного исследования китайских мигрантов, проживающих в дальневосточном регионе России, независимо от цели своего пребывания (рабочая командировка, обучение по обмену, учёба в ВУЗе, частый бизнес) и уровня знания русского языка, отмечают, что на начальном этапе (зачастую довольно длительном – до года) строили своё общение только с соотечественниками, имеющими более длительный опыт пребывания в местной среде. Первые россияне, с которыми они пошли на осознанный контакт, не только могли изъясняться на китайском языке, но и имели опыт длительного проживания (учёба, работа) в Китае. Они, по мнению опрошенных, заслуживают большего доверия и способны понимать их лучше остальных представителей принимающего сообщества, так

как имеют знания в области культуры и повседневного этикета, свойственных для китайского общества.

Таким образом, стремление к совместному изолированному проживанию у китайских мигрантов, в отличие от других диаспор, является результатом их сознательного выбора, основанного на ощущении собственной исключительности, требующей отдельного существования. Вместе с тем такая интенция на изолированность и сознательное сохранение этноцентричности сочетаются с осознанием необходимости внешних контактов, без формирования и поддержки которых невозможна реализация целей приезда. В строгом смысле слова, мы не можем говорить об абсолютно закрытых мигранских группах – все они так или иначе выстраивают коммуникацию с внешней (принимающей) средой, другое дело, что в этих коммуникациях для каждого конкретного сообщества работают разные механизмы. В случае с китайскими мигрантами мы имеем дело с уникальной ситуацией, когда функцию таких "каналов" выполняют ментально укоренённые структуры, позволяющие достаточно успешно вписать в изоляционизм ровно ту степень открытости, которая необходима для реализации целей миграции. Об этих структурах речь и пойдёт в следующем параграфе.

Гуаньси как основной компонент социального взаимодействия мигрантов из КНР в принимающей среде

Ключевым концептом, на основе которого китайские мигранты строят общение, осуществляют социальные практики, является особая форма взаимоотношений "гуаньси". Термин "гуаньси" 关系 часто переводится как "связь" или "отношения", однако этих понятий недостаточно, чтобы полностью описать важность данного явления в жизни китайцев. "Гуаньси" проявляются во влиянии, которое человек может оказывать на свои социальные связи, с одной стороны, а также собственные социальные обязательства, которые индивид имеет в сети своих контактов в обществе – с другой. В западноевропейской терминологии это понятие можно соотнести с понятием "социального капитала".

Зачастую под "кругами гуаньси" китайцы подразумевают сеть родственников, друзей, знакомых, единомышленников, хотя правильнее их представлять в форме замысловатой паутины, простирающейся в бесконечном количестве направлений. Для китайца сеть гуаньси обычно включает в себя членов семьи, родственников, бывших одноклассников, коллег по работе, участников различных клубов по интересам или организаций, а также всех тех, кто входит в круг инсайдеров **[13; 14; 15]**.

"Гуаньси" существуют в различных формах, зависящих от степени социальной близости участников:

家人"цзяжэнь" – самые близкие в понимании китайцев отношения между родственниками. Поскольку кровные связи являются самыми крепкими узами с наибольшей степенью ответственности, представители китайской культуры будут считать членами своей семьи тех, кто, не являясь их кровными родственниками, заслуживает наивысшей степени доверия, и тем самым приобретает статус настоящего инсайдера;

熟人"шужэнь" – отношения, возникающие между людьми, которые, не являясь членами семьи, имеют много общего (земляки, бывшие одноклассники, коллеги, члены иных сообществ);

生人"шэнжэнь" – незнакомцы, люди, с которыми происходит контакт впервые, о которых ничего не известно, следовательно, отсутствуют причины доверять им. Это не значит, что носители китайской культуры будут думать о незнакомце только самое плохое, однако, с большой степенью вероятности, отнесутся к нему с подозрением и определенной долей недоверия. Наиболее распространенный подход "выждать и присмотреться" используется китайцами, когда они имеют дело с незнакомыми им людьми, что часто вызывает чувство раздражения со стороны тех, кто был отнесен к категории "шэнжэнь". Несмотря на особый статус отношений "гуаньси" в бизнесе, для аутсайдеров вполне возможно иметь деловые отношения с китайскими партнерами. Но по причине отсутствия более личных и эмоциональных связей, отношения между китайцами и "шэнжэнь" окажутся скорее всего краткосрочными. Как

правило, если деловые контакты не переходят в отношения с "шужэнь", они не будут длительными и успешными **[1; 9]**.

Взаимоотношения, сформированные в рамках разного рода ассоциаций за счёт практики взаимности, обычно считаются долгосрочными, даже если люди теряют связь друг с другом на годы или десятилетия. Это своего рода система взаимных обязательств, которую можно описать фразой: "Я почёсываю твою спину, а ты – мою" **[10; 15, с. 50]**. Возврат некогда оказанной услуги имеет первостепенное значение для поддержания целостности сети, отказ от взаимности равносилен совершению крупного морального проступка. Одолжение может быть запрошено в любое время – через недели, годы, десятилетия после оказания первоначальной услуги. Поэтому, принимая какого-либо рода помощь от представителя китайской культуры, необходимо осознавать последствия своего поступка: давая согласие, вы попадаете в бесконечный цикл предоставления и возврата услуг. Например, подарки китайских студентов, преподнесенные по поводу местных или национальных праздников, а также по возвращении с Родины после длительных каникул преподавателям или сотрудникам административных подразделений российских ВУЗов, зачастую воспринимаются последними как не к чему не обязывающие сувениры. Однако для носителей китайского менталитета они являются начальным этапом установления длительных "гуаньси". Так, по прошествии многих лет уже после окончания российского учебного заведения бывшие студенты могут (совершенно неожиданно) обратиться (иногда в достаточно навязчивой форме) к своим преподавателям с различного рода просьбами о помощи в своем нынешнем бизнесе, связанном с Россией, невзирая на тот факт, что профессиональная деятельность сотрудников университета очень далека от интересующей их сферы. Полученный отказ будет означать обрыв данной связи.

Важность концепта "гуаньси" для китайцев основана на этике межличностных отношений, берущей корни в конфуцианской теории, предполагающей наличие определенного кодекса поведения: люди должны проявлять семейную привязанность к родственникам, а также быть готовыми к оказанию взаимных услуг своим друзьям и близким. Однако не стоит ожидать подобного проявления со стороны представителей китайской культуры в отношении незнакомых людей. В условиях дихотомии "инсайдер – аутсайдер", пронизывающей китайское общество, гуаньси, по мнению китайцев, имеет первостепенное значение, для того чтобы достичь в жизни. Гуаньси – это "смазка, которая поддерживает вращение колес" **[10, с. 12]**. И если в рамках европейской исследовательской традиции в социальных науках не утихают дискуссии о том, насколько этично использовать личные связи для построения карьеры и достижения профессиональных целей, то для китайцев эта не проблема: гуаньси – это неотъемлемая часть их "культурного кода", воспитанного тысячелетиями. Именно этот принцип самоценности дружбы и связей позволяет мигрантам, ориентированным на долгосрочное пребывание в инокультурной среде, выстроить коммуникацию с принимающим сообществом и найти компромисс, в котором собственная исключительность могла бы сосуществовать с успешной самореализацией на новом месте.

На основе наблюдения за практикой построения гуаньси у наших респондентов отметим основные шаги. Первым шагом к успешному установлению "гуаньси" является поиск и создание возможности для контакта с потенциальным "другом". Если человек с вами не знаком, то ваша прямая саморекомендация, скорее всего, будет отклонена, т.к. китайцам довольно непросто принять кого-либо, кто резко приближается к ним без ранее сформированной основы доверия. Следовательно, договориться о встрече будет возможно только с помощью других людей, входящих в круг гуаньси интересующей вас персоны. Затем, после первоначального контакта инициатору общения необходимо как можно скорее вызвать у оппонента чувство резонанса, сократить дистанцию, укрепить основу для взаимного доверия. С этой целью представителями китайской культуры чаще всего используется совместная трапеза или чаепитие как наиболее традиционные способы социального взаимодействия (кроме того, приемлемы совместные посещения спортивных тренировок, разных увеселительных мероприятий). Большое значение здесь также играют такие аспекты, как цена, качество, масштаб.

Приведём некоторые примеры того, как наши респонденты работали над построением своих сетей с представителями принимающего сообщества.

1. *"Для налаживания контакта и создания более доверительных отношений с российскими коллегами я обычно приглашаю их пообедать вместе или выпить чай или кофе на обеденном перерыве, так, за непринуждённой беседой можно лучше узнать об их интересах, хобби, семье, круге общения"*. Однако, следует отметить, что запрошенная взамен услуга не всегда является симметричной: *"За разговором моя коллега, которой я несколько раз помогал с выбором и заказом товаров на китайских сайтах, однажды обмолвилась, что её супруг занимается машинами, заядлый автолюбитель, поэтому я попросил её помочь мне с регистрацией транспортного средства и оформлением водительских прав"*. (Сотрудник транснациональной компании, 42 года).

2. *"Когда я был студентом, я приглашал своих русских* ***друзей*** *вместе поужинать в общежитии или кафе, выпить в баре или клубе. Мне очень хотелось стать для них своим. Иметь в друзьях иностранцев было тогда престижно, такая компания могла "сделать тебе лицо" в глазах других китайцев. Я в основном за всех сам платил, даже если завтра мне самому не на что было поесть и приходилось опять звонить просить деньги у родителей"*. По словам данного респондента (крупного бизнесмена, биржевого брокера, выходца из очень состоятельной семьи (40 лет), ему хотелось вызвать положительную реакцию, чувство доверия у новых знакомых, показать, что он "*не хуже русских*", хотя в те времена существовало довольно предвзятое отношение, основанное на крепко установившемся в российском обществе стереотипе о том, "*что все китайцы малообразованные торговцы, которые приехали из деревни, и торгуют носками на рынке"*.

Однако приглашение со стороны китайских мигрантов не всегда обозначает первый шаг к установлению желательных для них отношений. Так, ещё один наш респондент-мужчина (48 лет, государственный служащий) в юные годы (27–28 лет) во время длительного пребывания в России влюбился в русскую девушку, которая, однако, стеснялась представить его своим друзьям и родственникам, по причине негативного отношения к китайским мигрантам в начале 2000-х, боясь осуждения со стороны своих знакомых. *"Она объяснила мне, что потом все будут говорить: "Фу, китаец! Русский жених уж явно лучше китайского", – шушукаться за спиной, родители не поймут её выбора. Мне вообще было без разницы, что её друзья обо мне думают, у меня всё в порядке, мне ничего не было нужно от них, просто хотелось, чтобы она была спокойна и не стеснялась"*. По словам респондента, он приглашал и угощал с большим размахом её друзей не для поддержания каких-либо контактов или осуществления далеко идущих планов на общение с представителями принимающей среды, а для того чтобы дать понять окружению своей подруги, что быть китайцем и строить близкие отношения с китайцами – это нормально, нет ничего уничижительного, пренебрежительного или осудительного, *"не нужно соревноваться с подругами, чей жених лучше, она уже и так выиграла"*.

Следует отметить, что за последние 20 лет (в связи с глобальным экономическим ростом и усилением влияния КНР в мировой политике) восприятие самих себя в российском обществе китайскими мигрантами изменилось кардинальным образом: установление тесных связей с представителями принимающего сообщества скорее является вложением в потенциальный социальный и экономический капитал, а не способом доказать отсутствие некой *"неполноценности"* или *"ущербности"* в глазах представителей местной среды. По словам некоторых респондентов (среди которых студенты, бизнесмены, государственные служащие), Россия в нынешние времена воспринимается ими пусть как *"сестра Китая, но все-таки младшая, столкнувшаяся с трудностями, нуждающаяся в помощи"* (в отличие от СССР, который несколько десятилетий назад для представителей развивающегося Китая, преемника коммунистической традиции, являлся "старшим братом").

Второй важный концепт, определяющий идентичность китайских мигрантов – "лицо", также очень значим в китайской культуре и должен учитываться при оценке способов социализации и построения отношений в социуме представителей исследуемой этнической группы. Термин "лицо" принято

разделять на два типа "Лянь" 脸 – олицетворение уверенности общества в моральных качествах человека – и "Мяньцзы" 面子 – восприятие социумом престижа, статуса индивида. Утрата "Лянь" ведет к лишению доверия в социальной сети, потеря "Мяньцзы" – к утрате авторитета. С целью сохранения "лица" представители китайской культуры, в особенности занимающие руководящие посты, используют посредников (中间人, "чжун цзянь жэнь") гораздо чаще, чем их западные визави, прежде всего для участия в мероприятиях, которые потенциально могут угрожать "лицу" лидера/ начальника **[11; 15]**. Вот несколько примеров того, как это работает, взятых из наших наблюдений.

1. Так, китайский начальник постарается донести негативную информацию до русского подчиненного не лично, а через других подчиненных: *"Сказанная в лицо критика, особенно в присутствии других, может навсегда испортить отношения с сотрудником, привести к конфликту, увольнению, полному обрыву контакта. Это уже крайняя мера".* (Топ менеджер, 56 лет). Наличие третьего лица, по мнению респондентов, оставляет отступные пути – в случае конфликта можно сослаться на неверное толкование посредником слов и закладываемых смыслов, тем самым сгладить негативную ситуацию;

2. Мигрант (37 лет, частный бизнес, торговля одеждой): некогда одолжив небольшую сумму денег российскому "другу" с целью поддержания приятельских отношений и не получив через длительное время возврата, обратился к третьему лицу (такому же русскому "другу"), не знакомому с должником, с просьбой позвонить, ссылаясь на проблемы с телефоном, и напомнить первому о долге, таким образом, по его мнению, он мог добиться необходимого результата, не ставя под угрозу потери отношений и "лица" ни перед одним, ни перед вторым русским "другом": *"Они русские, быстрее договорятся друг с другом".*

Кроме того, как отмечают сами мигранты, угроза потери лица перед родственником или соотечественником, значительно страшнее, утраты лица перед представителями принимающей среды. Двое из респондентов (мужчины, крупный частный бизнес): в юные годы (27–29 лет), имели искренние романтические отношения с русскими девушками, планировали создание семьи, познакомились с родителями невест, огласив им свои серьёзные намерения, однако, не получив согласие на брак от своих родителей и родственников, проживающих в КНР, были вынуждены прервать общение со своими подругами, их семьями и знакомыми. Следует отметить, что один из указанных респондентов также прибег к помощи "посредника" для сообщения негативной информации своей бывшей невесте: *"Родители мне уже выбрали будущую жену на Родине. Мне было не удобно перед русской подругой и её семьёй, поэтому я попросил своего друга позвонить и сказать ей, что я скоро женюсь".* В понимании респондентов данный поступок в отношении девушки и её семьи является недостойным, однако "потерять лицо" перед своими родственниками было бы еще хуже. Через несколько лет упомянутый респондент уже напрямую обратится к своей бывшей русской невесте с просьбой помочь его китайской супруге в изучении русского языка, по его словам, *"это ничего, перед ней лично я лицо не потерял, о расставании ей сообщил наш общий знакомый, а не я сам, просто так получилось, решение семьи".*

Еще один из опрошенных респондентов (мужчина, 42 года; средний бизнес) получил согласие родителей на создание семьи с русской невестой, однако, как он сам вскользь отметил: *"причина была не только в искреннем желании родителей обеспечить моё счастье, я их единственный сын (конечно, они были бы больше рады, если бы я на китаянке женился), но и в том, что это было очень выгодно для развития семейного предприятия в России"* (регистрация компании на супругу-гражданку РФ предоставляла определённые преференции в виде значительного снижения налоговой ставки на доходы от коммерческой деятельности в России).

Согласно китайской традиции, публичная "потеря лица" другим человеком по причине твоих слов или действий влечёт к "утрате твоего собственного лица". В связи с этим в коллективах, состоящих как из российских, так и китайских сотрудников, руководители-носители китайской культуры не позволят себе порицание подчиненного-соотечественника в присутствии других коллег, в особенности россиян (хотя в отношении допустивших ошибки российских сотрудников данное правило работает редко): *"В Китае так не*

принято, тем более вдали от Родины мы-коллеги должны поддерживать друг друга. Русские по-другому воспринимают критику, по-другому к ней относятся, конструктивная критика может мотивировать к улучшению работы не только одного русского сотрудника, но и остальной коллектив". (Топ менеджер, 56 лет).

Заключение

Таким образом, обращаясь к особенностям социальной идентичности китайских мигрантов, проживающих в дальневосточном регионе России, необходимо учитывать специфические для их культуры устойчивые паттерны. Мигранты, проживающие даже достаточно много лет на территории России, поддерживают относительно изолированный образ жизни, сохраняя собственный уклад и традиции. Мы полагаем, что такой этноцентризм имеет в своей основе амбивалентные культурные коды, идущие ещё от конфуцианства и связанные с двумя базовыми концептами – "гуаньси", расширяющим связи с принимающим сообществом, и "сохранение лица", ограничивающим их.

Эти принципы, последовательно реализуясь в практике коммуникаций с принимающим сообществом, работают как противоположные векторы, при этом, однако, не уравновешивая друг друга, а скорее дополняя. Это и даёт нам возможность интерпретировать их в динамике как тот механизм, который, с одной стороны, поддерживает китайский этноцентризм и сохраняет традиционные для носителей китайской культуры стандарты социальной коммуникации ("сохранение лица"), а с другой – за счёт гуаньси позволяет соблюдать необходимый минимум открытости. Наши наблюдения показывают, что внешние коммуникации, которые выстраивают мигранты, имеют совершенно чётко выраженный градус прагматичности и утилитарности, что позволяет относить контакты, выстраиваемые в такой – целерациональной – логике к минимально необходимым.

В предложенном нами фокусе весьма интересными были бы сравнительные кейсы на китайских диаспорах других регионов и стран. Поскольку наши наблюдения были основаны только на дальневосточных представителях Поднебесной, то и полученные результаты мы интерпретируем с поправкой на это ограничение. В дальнейших исследованиях мы планируем развивать именно этот контекст, т.к. уверены, что в связи с постоянным ростом влияния КНР в мире и высокой миграционной активностью населения этой страны актуальность поднятой нами темы будет только возрастать.

Литература

1. Гуриева С.Д., Джимиев П.Р. Социально-психологический феномен "гуаньси" как регуляторная функция поддержания социального капитала группы современного китайского общества // Современные технологии управления. 2021. №4 (96/1). URL: https://sovman.ru/article/96106 (дата обращения 10.05.2022).

2. Переломов Л.С. Конфуций. Лунь юй. М.: Восточная литература, 2001. 168 с.

3. Практики анализа качественных данных в социальных науках: учеб. пособие / отв. ред. Е.В. Полухина; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики". М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 383 с.

4. Хуан Тяньдэ. Концепты "Pengyou" и "друг" в китайской и русской лингвокультурах // Политическая лингвистика. 2018. № 5 (71). С. 160–165.

5. Энциклопедия Baidu = 百度百科. URL: http://baike.baidu.com (дата обращения:10.02.2023).

6. Bennett M. A developmental approach to training intercultural sensitivity. Special Issue on Intercultural Training // International Journal of Intercultural Relations. Ed. by J. Martin. 1986. Vol. 10. № 2. P. 179–186. https://doi.org/10.1016/0147-1767(86)90005-2

7. Berry J. Mutual Intercultural Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 406 p. https://doi.org/10.1017/9781316875032

8. Chen Ming-Jer. Inside Chinese Business: A Guide for Managers Worldwide Paperback. Harvard Business School Press, 2001. 234 p. https://doi.org/10.1016/S0969-5931(02)00092-6

9. Chen, X.P., Chen, C.C. On the intricacies of the Chinese guanxi: A process model of guanxi development // Asia Pacific Journal of Management. 2004. № 21 (3). P. 305–324. https://doi.org/10.1023/B:APJM.0000036465.19102.d5

10. Commercial Culture in China: Commercial Socializing. Beijing Language and Culture University Press & Multimedia Press of Open University of China, 2014. 69 p.

11. Frank T. Gallo. Business Leadership in China: How to Blend Best Western Practices with Chinese Wisdom. John Wiley & Sons (Asia) Pte. Ltd, 2011. 256 p.
12. Granovetter M. The Strength of Weak Ties // The American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. № 6. P. 1360–1382.
13. Li Yue. Cross-Cultural Communication within American and Chinese Colleagues in Multinational Organizations // Proceedings of the New York State Communication Association. 2011. Vol. 2010. № 7. P. 113–131.
14. Luo Yadong. Guanxi and Business. 3rd addition. Asia-Pacific Business Series: Volume 10. 2020. 400 p. https://doi.org/10.1142/11558
15. Pierre Ostrowski, Gwen Penner. It's All Chinese to Me: An Overview of Culture & Etiquette in China. Tuttle Publishing, HK, 2009. 192 p.

References

1. Gurieva S.D., Dzhimiev P.R. The Socio-psychological Phenomenon of "Guanxi" as a Regulatory Function of Maintaining the Social Capital of a Group of Modern Chinese Society. // Sovremennye tekhnologii upravleniya = Modern Management Technology. 2021. No. 4 (96/1). URL: https://sovman.ru/article/96106 (accessed 10.05.2022). (In Russ.).
2. Perelomov L.S. Confucius. Long Yu. Moscow, 2001. 168 p. (In Russ.).
3. Practices of Qualitative Data Analysis in Social Science: textbook. Ed. E.V. Polukhina. National Research University "Higher School of Economics", Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics, 2023. 383 p. (In Russ.).
4. Huang Tiande. The Concept "Friend" in Chinese and Russian Cultural Linguistics. // Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics. 2018. No. 5 (71). P. 160–165. (In Russ.).
5. Baidu Baike = 百度百科. URL: http://baike.baidu.com (accessed 10.02.2023). (In Chin.).
6. Bennett M. A developmental approach to training intercultural sensitivity. Special Issue on Intercultural Training. // International Journal of Intercultural Relations. Ed. by J. Martin. 1986. Vol. 10. No .2. P. 179–186. https://doi.org/10.1016/0147-1767(86)90005-2
7. Berry J. Mutual Intercultural Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 406 p. https://doi.org/10.1017/9781316875032
8. Chen Ming-Jer. Inside Chinese Business: A Guide for Managers Worldwide Paperback. Harvard Business School Press, 2001. 234 p. https://doi.org/10.1016/S0969-5931(02)00092-6
9. Chen, X.P., Chen, C.C. On the intricacies of the Chinese guanxi: A process model of guanxi development. // Asia Pacific Journal of Management. 2004. No. 21 (3). P. 305–324. https://doi.org/10.1023/B:APJM.0000036465.19102.d5
10. Commercial Culture in China: Commercial Socializing. Beijing Language and Culture University Press & Multimedia Press of Open University of China, 2014. 69 p.
11. Frank T. Gallo. Business Leadership in China: How to Blend Best Western Practices with Chinese Wisdom. John Wiley & Sons (Asia) Pte. Ltd, 2011. 256 p.
12. Granovetter M. The Strength of Weak Ties. // The American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. No. 6. P. 1360–1382.
13. Li Yue. Cross-Cultural Communication within American and Chinese Colleagues in Multinational Organizations. // Proceedings of the New York State Communication Association. 2011. Vol. 2010. No. 7. P. 113–131.
14. Luo Yadong. Guanxi and Business. 3rd addition. Asia-Pacific Business Series: Volume 10. 2020. 400 p. https://doi.org/10.1142/11558
15. Pierre Ostrowski, Gwen Penner. It's All Chinese to Me: An Overview of Culture & Etiquette in China. Tuttle Publishing, HK, 2009. 192 p.

◆

Информация об авторах

Эльвира Октавьевна Леонтьева, д-р соц. наук, профессор Высшей школы социальных и политических наук Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: 000645@pnu.edu.ru

Екатерина Александровна Цыбульник, аспирант Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: 2020105170@pnu.edu.ru

Information about the authors

Elvira O. Leonteva, Doctor of Sociology, Professor, Higher School of Social and Political Science, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: 000645@pnu.edu.ru

Ekaterina A. Tcybulnik, Postgraduate Student, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: 2020105170@pnu.edu.ru

Поступила в редакцию 13.03.2023 Одобрена после рецензирования 09.05.2024 Принята к публикации 27.05.2024

Received 13.03.2023 Approved 09.05.2024 Accepted 27.05.2024

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 147–153.
Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 147–153.

Научная статья
УДК 327:33(519.3+510)
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/147-153

Сотрудничество КНДР и КНР в реализации задач проекта "Туманган"

Лариса Вячеславовна Забровская
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, larisa_zabrovska@mail.ru

Аннотация. Изучен вопрос о китайско-северокорейском сотрудничестве в рамках проекта "Туманган", а также выявлена возможность присоединения России к этому проекту. Прослежена эволюция китайской инициативы по предоставлению материковым регионам Северо-Восточной Азии выхода к морю. Планировалось превратить морские порты пров. Сев. Хамгён и Приморья в транзитную зону по организации торгово-экономических связей между китайскими провинциями Цзилинь и Хэйлунцзян с Японией и Республикой Корея. Определены новые механизмы по расширению контактов между приграничными районами и сделан вывод о взаимовыгодной кооперации КНДР и КНР в целях продолжения сотрудничества в рамках проекта "Туманган".
Ключевые слова: *проект "Туманган", туризм, КНДР, КНР, Россия, порт Раджин, Японское море*
Для цитирования: Забровская Л. В. Сотрудничество КНДР и КНР в реализации задач проекта "Туманган""""" // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 147–153. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/147-153

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/147-153

Cooperation between the DPRK and the PRC in Implementing the Tasks of the Tumangan Project

Larisa V. Zabrovskaya
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences Vladivostok, Russian, larisa_zabrovska@mail.ru

Abstract. The issue of Chinese-North Korean cooperation within the framework of the Tumangan project was studied, and the possibility of Russia joining this project was identified. The evolution of the development of the Chinese initiative to provide the mainland regions of Northeast Asia with access to the sea is traced. It was planned to turn the seaports of the prov. North Hamgyong and Primorye into a transit zone for organizing trade and economic relations between the Chinese provinces of Jilin and Heilongjiang with Japan and the Republic of Korea. New mechanisms have been identified to expand contacts between border areas and a conclusion has been made about mutually beneficial cooperation between the DPRK and the PRC in order to continue cooperation within the framework of the Tumangan project.
Key words: *Tumangan project, tourism, North Korea, People's Republic of China, Russia, port of Rajing, Sea of Japan*
For citation: Zabrovskaya L. V. Cooperation between the DPRK and the PRC in Implementing the Tasks of the Tumangan Project // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 147–153. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/147-153

На протяжении всей своей истории КНДР, являясь соседней Китаю страной, поддерживала тесные экономические связи с китайскими северо-восточными провинциями, прежде всего с пров. Цзилинь, в состав которой входит Корейский автономный национальный район, населённый этническими корейцами – гражданами КНР. Проживание по обеим берегам пограничной р. Туманной (Туманган) корейского населения всегда являлось стимулирующим фактором для поддержания разносторонних связей. Поэтому, когда в 1990 г. китайские эксперты предложили план дальнейшего развития удалённых от моря материковых регионов Китая и Монголии, то власти КНДР согласились рассмотреть вопрос о своём участии в таком проекте. К этому их подталкивало стремление развивать собственные приграничные районы. Этот проект предлагал весомые для КНДР выгоды: развитие транспортных путей в отдаленных районах пров. Сев. Хамгён, строительство туристических и спортивных объектов, привлекающих иностранных туристов, создание зоны транзитной торговли и, как следствие, поступление иностранной валюты.

Китайские эксперты предложили назвать данную инициативу проектом "Туманган" (позднее он был переименован в "Великую Туманганскую инициативу"), поскольку его главная цель состояла в экономическом развитии обширной дельты р. Туманной (кор. Туманган), расположенной на территории в 10 тыс. кв. км. По мнению китайских специалистов, экономико-географическое положение этого региона имеет важное геополитическое преимущество

© Забровская Л. В., 2024

и обладает резервом для экономического роста, так как находится вблизи точки схождения границ трёх государств: России, КНДР и Китая. Они также утверждали, что наличие взаимных геополитических интересов у этих трёх приграничных государств, которые к тому же заинтересованы в развитии своих отдалённых территорий, способно обеспечить долгосрочное региональное развитие этого региона.

Ожидалось, что в проекте примут участие шесть стран Северо-Восточной Азии: Китай, Россия, Япония, КНДР, Республика Корея и Монголия, – сотрудничество между которыми способно подключить отдалённые материковые регионы к международному товарообороту и расширить транспортную логистику. Экономический план проекта "Туманган" включал сооружение объектов морского порта в устье пограничной р. Туманной, строительство аэропорта, которые планировалось соединить железнодорожными линиями с Транссибом и китайскими скоростными магистралями. Предполагалось также, что КНДР и Россия выделят участки своей территории, где будут размещены инфраструктурные объекты морского порта и аэропорта. Обширная территория дельты р. Туманной должна была быть объявлена свободной экономической зоной, подобной Гонконгу **[2, с. 63].**

Данное исследование базируется на материалах конференций, посвященных проблемам осуществления проекта "Туманган", которые проходили в разных китайских городах, находящихся на территории китайского сектора этого проекта. Цель исследования состоит в выявлении китайских методов и приёмов по привлечению КНДР к выполнению задач проекта "Туманган". Для этого были проанализированы материалы выступлений участников конференций, проведён сравнительный анализ китайских и северокорейских планов и ожидаемых результатов в ходе реализации данного проекта **[6; 7; 9].**

Проблемы с выбором пути к морю

Первоначально власти КНДР не были уверены в необходимости своего участия в этом проекте. Они считали опасным открыть свои северо-восточные регионы для широкого иностранного присутствия. Однако в ходе переговоров с другими участниками проекта и в условиях усиления международных санкций в связи с северокорейскими ядерными испытаниями Пхеньян изменил своё мнение о программе проекта "Туманган" и позволил иностранному капиталу (главным образом китайскому и в меньшей степени южнокорейскому) инвестировать в производственные объекты порта Раджин. В то же время северокорейская сторона, как, впрочем, и российская, отказалась выделить часть своей территории для сооружения объектов международного морского порта в низовьях р. Туманной. Поэтому Китаю пришлось искать другое решение относительно выхода к уже действующим портам Японского моря. Одним из таких вариантов явился выход к морю непосредственно через северокорейский порт Раджин. При этом исключалась необходимость отчуждать северокорейскую территорию.

В 2005 г. власти КНДР позволили китайскому частному капиталу взять в аренду на 49 лет порт Раджин, который затем был соединён железнодорожной линией с китайским пограничным городом Тумень. Таким путём китайская пров. Цзилинь получила выход к северокорейскому морскому порту. Однако этот путь является слишком протяжённым и затратным для перевалки китайских грузов. Бизнесмены из китайских провинций Цзилинь и Хэйлунцзян продолжили поиски других вариантов для транспортировки своих грузов к морским портам Японского моря. Тем не менее экономика северокорейской пров. Сев. Хамгён выиграла от китайского присутствия, связанного со строительством скоростной железной дороги по маршруту Тумень–Раджин, а также модернизацией инфраструктуры порта Раджин.

Корейский автономный национальный район пров. Цзилинь оказывает значительное влияние на географически близкие северо-восточные провинции КНДР, что сказывается на формировании между ними тесных экономических связей. Трансграничное сотрудничество этих приграничных районов заключается в совместном использовании водных и природных ресурсов, привлечении иностранных туристов для посещения исторических мест и достопримечательностей, организации туристических маршрутов для восхождения на священную для корейцев гору Пэктусан.

Тесные региональные контакты и международный туризм в дельте р. Туманной непосредственно влияют на расширение торгово-экономических связей по обе стороны китайско-северокорейской границы и, как полагают зарубежные эксперты, превращают этот район в "привлекательную зону для южнокорейского инвестирования" **[6, p. 203].** Северокорейская СЭЗ "Раджин–Сонбон" также стала привлекательным туристическим объектом для посещения китайскими туристами, которые добираются туда скоростным поездом из г. Тумень. Привлечение иностранных туристов преследует не только познавательно-развлекательный интерес, но и заключают в себе цель в перспективе получить зарубежные инвестиции, так как считается, что туристы – это потенциальные инвесторы.

Внимание китайских властных структур к развитию экологического туризма в низовьях р. Туманной было вызвано необходимостью осуществить китайские планы по "созданию экологической цивилизации", о которой шла речь во время визита председателя КНР Си Цзиньпина в северо-восточные провинции в сентябре 2018 г. В то время Си Цзиньпин выдвинул идею о необходимости углубления интеграции проекта "Туманган" с китайской инициативой "Один пояс и один путь" **[11].** Такой план логичен, так как оба проекта объединяет сходная идея – "идти во вне". Предполагалось также, что в результате объединения этих двух проектов должен быть создан экологически привлекательный и экономически развитый район в дельте р. Туманной **[2, с. 65].** Выполняя указания Си Цзиньпина, местные власти г. Хуньчунь согласовали с представителями пров. Сев. Хамгён план по сохранению экологии, развитию трансграничного туризма и привлечению внимания зарубежных туристов к достопримечательностям этого региона. Региональные власти обеих приграничных провинций также полагали, что развитие туризма способно придать импульс другим отраслям экономики, таким как торгово-экономические и культурные связи.

Создание китайско-северокорейского турбизнеса

Региональный китайский бизнес активно вовлекает КНДР в участие в расширении речного туризма, превращая пограничную р. Туманную в международный туристический объект. Так, китайские бизнесмены инвестировали 3 млн юаней в создание китайско-северокорейской туристической зоны. Эти средства пошли на строительство двухуровневого (пешеходного и транспортного) моста между китайским поселком Фанчуань и северокорейским берегом реки, организацию таможенных пунктов для перехода границы, а также строительство пристани для маломерных судов. По обеим сторонам моста были организованы рынки, где местные жители торгуют товарами, произведёнными в их странах.

Китайские региональные власти договорились с руководством пров. Сев. Хамгён о создании туристического комплекса вдоль северокорейского берега низовий р. Туманной. В результате с 15 мая 2019 г. китайская компания международного туризма "Хуньчунь–Фанчуань" и северокорейское агентство путешествий "Туманган" приступили к организации туристических поездок китайских граждан в северокорейскую пров. Сев. Хамгён **[2, с. 66].** Иностранные туристы, заплатив за каждую путевку около 500 юаней, путешествуют с китайского берега реки на корейский, посещают легендарный российско-северокорейский железнодорожный мост, потом едут на озеро Пампу, где растут лотосы, а затем отдыхают на морском курорте Хупу (КНДР). Протяженность туристического маршрута составляет 20 км. Программа этого маршрута преследует цель прорекламировать заповедные природные места и проходит под лозунгом "Чистая вода и зелёные горы – это неоценимый ресурс" **[6, p. 204–205].** Привлекательности тура способствует и упрощённое прохождение пограничных формальностей двух стран.

Другой туристический маршрут предоставляет туристам возможность совершить прогулку на катере и порыбачить на китайском берегу р. Туманной, посетить место схождения границ трёх государств и осмотреть с семиэтажного павильона "Дракон и Тигр" приграничные территории России и КНДР. Ежегодно 30 тыс. китайских туристов посещают эту туристическую зону **[7, p. 203].** Пока данный маршрут не стал популярным среди европейцев, воз-

можно, в связи со сложностью оформления для них допуска в пограничные районы Китая и КНДР.

Китайская территория, примыкающая к точке схождения границ трёх государств, также является местом беспошлинной торговли, которую в Китае расценивают как средство по "модернизации потребления" и как возможность для использования "скрытых резервов потребительского рынка КНР" **[5, с. 41].** Поэтому китайские власти поощряют туристические поездки своих граждан в район схождения границ трёх государств не только в целях расширения их кругозора, но и как возможность опосредованной финансовой помощи отдалённому пограничному району.

Китайская компания международного туризма "Хуньчунь–Фанчуань" намерена расширить туристический маршрут до северокорейского порта Вонсан и включить в него посещение гор Кымгансан. Возможно, в будущем этот туристический маршрут распространится и на юг Приморского края. Китайская сторона предложила проинспектировать весь путь в целях улучшения обслуживания туристов и совершенствования инфраструктуры. В перспективе китайские власти пров. Цзилинь намерены создать "Зону туристического сотрудничества дельты р. Туманной" (Tumen River Delta International Tourism Cooperation Zone), которая способна стать составной частью другой китайской экономической инициативы "Один пояс и один путь" **[7, p. 207].** Для этого им придётся установить тесные контакты между турфирмами трёх приграничных стран.

Как видно, руководство пров. Цзилинь эффективно использует в развитии туриндустрии преимущества благоприятной экологической среды, этнического своеобразия и уникального географического положения низовий р. Туманной. Китайские региональные власти прибегли к новому подходу, рассматривающему проблему с точки зрения китайского пограничного региона, населённого этническими корейцами. Иными словами, местные китайские власти активно проводят мобилизацию транснациональных связей китайских корейцев в целях экономического процветания Корейского автономного национального района пров. Цзилинь, расположенного на границе с КНДР. Эти стремления концептуализируются как "транснационализм сверху" **[8, p. 427],** в соответствии с которым местные органы власти сосредоточены на привлечении, институционализации, управлении и контроле за транснациональной деятельностью китайских корейцев на благо своих конкретных целей. Поощряя развитие связей между китайскими корейцами и их сородичами в КНДР и Республике Корея, они активизируют интерес этих стран к Китаю, привлекают южнокорейский капитал и используют инфраструктуру северокорейского порта Раджин в решении собственных экономических задач.

Необходимо отметить, что власти КНДР с пониманием относятся к китайским усилиям по получению выхода к портам Японского моря и строительству туристического комплекса в низовьях р. Туманной. Участие в этом проекте приносит КНДР китайские инвестиции и доход в иностранной валюте. В перспективе можно ожидать, что власти КНДР ради получения дополнительных китайских инвестиций согласятся расширить туристическую зону до порта Вонсан **[2, с. 67].** В дальнейшем это может привести к созданию китайского анклава на северо-востоке КНДР, чего ранее опасался Пхеньян. Однако в условиях усиления международных антисеверокорейских экономических санкций и необходимости получения иностранной валюты власти КНДР перестали вспоминать о былых опасениях. Как видно, китайская региональная администрация воспользовалась сложившейся ситуацией и стала рассматривать северо-восточные районы КНДР как объект для реализации своих торгово-экономических планов. Интерес КНДР к участию в этом проекте заключается в развитии приграничной торговли, получении иностранных инвестиций, не ограниченных международными санкциями, и строительством инфраструктуры в отдалённом регионе.

Попытка России присоединиться к проекту "Туманган"

Российские власти пока только задумываются о возможности предоставления китайскому бизнесу выхода к приморским морским портам, которые находятся в Хасанском районе Приморского края. Тем не менее уже подсчитано, что через порты Славянка и Зарубино можно ежегодно переваливать

до 30 млн т грузов. Для этого необходимо модернизировать причалы портов и реконструировать дорожную сеть к Транссибирской магистрали **[4, с. 4]**.

Вопрос об образовании в Хасанском районе Приморского края транзитно-транспортного узла рассматривался с начала 1990-х годов. Однако в то время в Москве воспринимали такой план весьма критически и приводили аргументы в пользу обоснования экономической ущербности для России подобных намерений, среди которых прогнозировалось "… снижение нагрузки на наши порты", уменьшение доходности от транзита зарубежных грузов по Транссибу **[3, с. 54–55].** Возможно, в настоящее время с учётом развития китайско-северокорейского сотрудничества в дельте р. Туманной российские планы будут пересмотрены и центральные власти проявят инициативу по участию в транспортной кооперации с нашими приграничными соседями.

После окончания пандемии COVID-19 приморские туроператоры стали задумываться о целесообразности присоединиться к китайско-северокорейскому турбизнесу, а также принять участие в организации туристических маршрутов. Так, в апреле 2024 г. приморское Агентство по туризму презентовало программу туристического маршрута под названием "Туманганский путь". Предполагалось, что маршрут будет носить международный характер, так как пройдет по территориальным китайско-российским водам р. Туманной. Планировалось, что группы туристов будут путешествовать на специальном маломерном судне класса "река–море", способном проплыть под российско-северокорейским мостом. Маршрут будет начинаться у китайского города Фанчуань, далее пройдёт вдоль китайского берега, затем вдоль российского берега реки до выхода в Японское море и вернётся тем же путём к городу Фанчуань **[1, с. 9].**

Данный маршрут интересен посещением малодоступных мест, наблюдением за дикими животными и птицами, а также прохождением под легендарным российско-северокорейским мостом, обзором пограничной местности в низовьях р. Туманной и другими достопримечательностями.

Для практического осуществления этого турпроекта необходимо подобрать специальное судно, способное проходить по изменчивому руслу р. Туманной. Служба лоцманов из России и Китая должна детально обследовать русло реки и выбрать наиболее оптимальный маршрут, который может быть изменён в связи с наводнением или сезонным обмелением низовий р. Туманной. Однако до этих практических шагов необходимо заключить межгосударственное соглашение о порядке допущения в приграничные районы России, Китая и КНДР иностранцев, что потребует определённого времени. Поэтому осуществление интересной идеи о туристическом маршруте вдоль российско-китайского берега р. Туманной сложно воплотить в жизнь, поскольку необходимо будет проанализировать различные юридические, дипломатические и экономические аспекты и добиться, чтобы приграничные власти трёх стран пришли к единой точке зрения. В данном случае можно спрогнозировать, что северокорейская сторона может потребовать, чтобы туристы также посещали и северокорейский берег реки. Во всяком случае реализация подобного туристического плана потребует много усилий по согласованию взаимодействия пограничных властей трёх стран и займёт длительное время.

Тем временем администрации пров. Цзилинь и г. Хуньчунь совместно с северокорейскими властями активно работают над стратегией экономического развития своей территории и стремятся расширить использование транспортных и туристических объектов соседних стран. Это позволяет северо-восточным провинциям Китая (Цзилинь и Хэйлунцзян), не имеющих прямого выхода к морю, активно использовать инфраструктуру северокорейского морского порта Раджин и расширять гуманитарные и торгово-экономические связи с КНДР.

Заключение

В настоящее время китайские власти рассматривают проект "Туманган" как инструмент для продвижения собственных интересов, прежде всего для налаживания трансграничных социально-экономических связей с КНДР. Региональная экономическая интеграция позволит осваивать приграничные районы обеих стран. В перспективе Китай, укрепив своё присутствие в северо-

корейском порту Раджин, способен расширить экономические связи с другими странами Северо-Восточной Азии.

Отсутствие авиа- и железнодорожного сообщения между приморским Артёмом, китайским Хуньчунем и северокорейским Раджином не позволяет российскому бизнесу активно участвовать в региональных торгово-экономических связях и турбизнесе. К тому же географически низовья р. Туманной находятся далеко от российских экономических центров. Поэтому российские центральные власти пока не видят необходимости принимать участие в развитии инфраструктуры отдалённого района в целях расширения экономических связей с Китаем и КНДР. Предлагаемый приморским турбизнесом туристический маршрут по р. Туманной потребует длительной проработки всех деталей с китайскими и северокорейскими властями.

Следует признать, что в Северо-Восточной Азии наиболее реалистичной и практически оправданной формой взаимодействия остаются двусторонние контакты, что и проявилось в китайско-северокорейском сотрудничестве в области развития туризма в дельте р. Туманной. По всей видимости, региональным китайским властям, заинтересованным в продолжении экономического развития низовий этой реки, придётся вовлекать КНДР и в другие региональные проекты.

Литература

1. Александрова Т. Три страны, одна река и один путь – Туманганский // Конкурент. 09-15.04.2024. С. 9.

2. Забровская Л. В. Региональный проект "Туманган" как часть инициативы "Один пояс и один путь" // Информационные войны. 2023. № 3. С. 61–69.

3. Савченко А.Е. Вызов пространства: абстрактная геополитика, потенциал территории и историческая колея дальневосточного приграничья в 1990-х гг. (на примере Хасанского района) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 2. С.48–56. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/48-56.

4. Стенограмма встречи президента В.В. Путина с губернатором Приморского края О.Н. Кожемяко в сентябре 2023 г. // Конкурент. 19-25.09.2023. С. 4.

5. Чень Чень. Когда шопоголик сталкивается с беспошлинной экономикой // Китай. 2020. № 11. С. 40-41.

6. China. Tumen River Basin Border Area Regional Cooperation and Modern Logistics Forum. Compilation of Speeches. Changchun: Economic and Technological Cooperation Department of Jilin province. 2011. 124 p.

7. Introduction of Cross-River Tour of Tumen River // The 8th Great Tumen Initiative NEA Tourism Forum. Conference Materials. Hunchun, 2019. P. 203–208.

8. Luova, Outi. Transnational Linkages and Development Initiatives in Ethnic Korean Yanbian, Northeast China: "Sweet and Sour" Capital Transfers // Pacific Affairs. 2009. Vol. 82, no. 3. P. 427–446.

9. The 7th Summit Forum on the Northeast Asian Cooperation. Changchun: International Conference Center of the prov. Jilin, 2013. 126 p.

10. The 8th Great Tumen Initiative NEA Tourism Forum. Conference Materials. Hunchun: UNDP, 2019. 208 p.

11. 张雪楠. 发展海洋旅游 构建环海旅游经济带. "大图们倡议"第八届东北亚旅游论坛在珲举行 = Чжан Сюенань. Развитие морского туризма. Создание морского туристического пояса. 8-й Туристический форум стран СВА, прошедший в г. Хуньчунь. // Тумэньцзянь синьхуа [Новости Тумэньцзянь]. URL: http://www.tmjnews.net/List.asp?ID=42339 (дата обращения: 05.09.2019).

References

1. Alexandrova T. Three Countries, One River and One Way – Tumanganskiy // Konkurent [Competitor]. 09-15.04.2024. P. 9. (In Russ.).

2. Zabrovskaya L.V. Regional Project "Tumangan" as a Part of the "One Belt and One Road" Initiative // Information Wars. 2023. No. 3. P. 61–69. (In Russ.).

3. Savchenko A.E. Challenge of the Space: Abstract Geopolitics, Territory Potential, and the Historical Track of the Far Eastern Borderland in the 1990s. (On the example of the Khasansky district) // Ojkumena. Regional Researches. 2023. No. 2. P. 48–56. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/48-56. (In Russ.).

4. Transcript of the Meeting of the President of V.V. Putin with the Governor of the Primorsky Territory O.N. Kozhemyako // Konkurent [Competitor]. 19-25.09.2023. P. 4. (In Russ.).

5. Chen Chen. When a Shopaholic Encounters a Duty-Fee Economy // China. 2020. No. 11. P. 40–41. (In Russ.).
6. China. Tumen River Basin Border Area Regional Cooperation and Modern Logistics Forum. Compilation of Speeches. Changchun: Economic and Technological Cooperation Department of Jilin province, 2011. 124 p.
7. Introduction of Cross-River Tour of Tumen River // The 8th Great Tumen Initiative NEA Tourism Forum. Conference Materials. Hunchun. 2019. P. 203–208.
8. Luova, Outi. Transnational Linkages and Development Initiatives in Ethnic Korean Yanbian, Northeast China: "Sweet and Sour" Capital Transfers // Pacific Affairs. 2009. Vol. 82, no. 3. P. 427–446.
9. The 7th Summit Forum on the Northeast Asian Cooperation. Changchun: International Conference Center of the prov. Jilin, 2013. 126 p.
10. The 8th Great Tumen Initiative NEA Tourism Forum. Conference Materials. Hunchun: UNDP, 2019. 208 p.
11. Zhang Xuenan. Development of the Sea Tourism. Creation of a Sea Tourist Belt. The 8th NEA Tourism Forum held in Hunchun. // Tumenjian news. URL: http://www.tmjnews.net/List.asp?ID=42339 (accessed 05.09.2019). (In Chin.).

◆

Информация об авторе

Лариса Вячеславовна Забровская, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: larisa_zabrovska@mail.ru

Information about the author

Larisa V. Zabrovskaya, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: larisa_zabrovska@mail.ru

Поступила в редакцию 23.04.2023 Одобрена после рецензирования 12.05.2024 Принята к публикации 27.05.2024

Received 23.04.2023 Approved 12.05.2024 Accepted 27.05.2024

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 154–157.
Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 154–157.

Рецензия
УДК 316.444
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/154-157

Монголия на перекрёстке глобализации: миграционные стратегии и практики адаптации трудовых мигрантов из Монголии в Центрально-Азиатском и Азиатско-Тихоокеанском регионах

Елена Анатольевна Ерохина
Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия, leroh@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются результаты исследования трудовой миграции, характеризующие динамику внутренних и международных процессов в Монголии. Авторами монографии "Миграционные процессы в современной Монголии" (Владивосток: Издательство ДВФУ, 2024. 130 с.) были освещены вопросы, связанные с внутренней миграцией, вызванной текущей социально-экономической и демографической ситуацией в стране, а также рассмотрена динамика внешней трудовой миграции. Эмпирическую базу исследования составили данные национальной статистики, результаты количественных и качественных исследований авторского коллектива. Было установлено, что процесс формирования и реализации жизненных стратегий трудовых мигрантов из Монголии в страны АТР обусловлен широтой и интенсивностью социальных связей, которые они выстраивают в принимающем обществе. Выявлено, что трудовые мигранты из Монголии ориентированы в основном на краткосрочную миграцию. Причина этого заключается в высоких административных и культурных барьерах, выдвигаемых странами, принимающими мигрантов. В то же время для многих молодых мигрантов выезд в другую страну на заработки является личным вызовом, позволяющим улучшить материальное положение и расширить горизонты социализации.
Ключевые слова: *демографические процессы, трудовая миграция, иностранные мигранты, принимающее сообщество, уровень и качество жизни, Монголия, Центральная Азия, Азиатско-Тихоокеанский регион*
Для цитирования: Ерохина Е. А. Монголия на перекрёстке глобализации: миграционные стратегии и практики адаптации трудовых мигрантов из Монголии в Центрально-Азиатском и Азиатско-Тихоокеанском регионах // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 154–157. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/154-157

Review
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/154-157

Mongolia at the Crossroads of Globalization: Migration Strategies and Practices of Adaptation of Labor Migrants from Mongolia in the Central Asian and Asia-Pacific Regions

Elena A. Erokhina
Institute of Philosophy and Law, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia, leroh@mail.ru

Abstract. The article discusses the results of a study of labor migration, characterizing the dynamics of internal and international processes in Mongolia. The authors of the monograph "Migration Processes in Modern Mongolia" (Vladivostok: FEFU Publishing House, 2024. 130 p.) highlighted issues related to internal migration caused by the current socio-economic and demographic situation in the country, and also examined the dynamics of external labor migration. The empirical base of the study was made up of national statistics data and the results of quantitative and qualitative research by the author's team. It was found that the process of formation and implementation of life strategies of labor migrants from Mongolia in the APR countries is conditioned by the breadth and intensity of social ties they build in the host society. It has been revealed that labor migrants from Mongolia are mainly oriented towards short-term migration. The reason for this is the high administrative and cultural barriers imposed by the countries receiving migrants. At the same time, for many young migrants, going to another country to earn money is a personal challenge that allows them to improve their financial situation and expand the horizons of socialization.
Key words: *demographic processes, labor migration, foreign migrants, host community, standard of living and quality of life, Mongolia, Central Asia, Asia-Pacific region*
For citation: Erokhina E. A. Mongolia at the Crossroads of Globalization: Migration Strategies and Practices of Adaptation of Labor Migrants from Mongolia in the Central Asian and Asia-Pacific Regions // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 154–157. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/154-157

Монголия имеет одну из наиболее протяженных границ с РФ. В XX-XXI вв. она оставалась и продолжает оставаться одним из самых дружественных государств по отношению к СССР и постсоветской России. Множество социокультурных связей, как прямых, так и опосредованных сотрудничеством с другими государствами Центральной Азии, связывают Российскую Федерацию и современную Монголию. Под воздействием динамики социально-экономического развития страны трансформируются демографические и социально-про-

© Ерохина Е. А., 2024

фессиональные характеристики его населения, что вызывает серьезный интерес со стороны исследователей.

С 2020 г. по настоящее время сотрудниками Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия) совместно с коллегами из Монгольского государственного университета (Улан-Батор, Монголия) была осуществлена серия исследований в рамках проекта "Российские и монгольские трудовые мигранты в странах АТР". Комплексное изучение миграционных процессов в современной Монголии позволило подготовить к изданию уникальный результат совместной работы российских и монгольских исследователей: монографию "Миграционные процессы в современной Монголии" (Владивосток: Издательство ДВФУ, 2024. 130 с.).

Раскрывая во введении актуальность, цели и задачи работы, ответственный редактор монографии А.В. Винокурова акцентирует внимание на текущих социально-экономических тенденциях, которые позволяют использовать высокий демографический потенциал страны весьма ограниченно **[1, с. 3–4]**. Эти тенденции имеют как положительные, так и отрицательные эффекты, в том числе социальную поляризацию, высокую степень аномии, теневые процессы. Ситуация ценностно-нормативного плюрализма обусловливает умножение разнообразных жизненных стратегий, в том числе включающих реализацию миграционных намерений.

Первый раздел (главы 1 и 2) монографии, посвященный теоретико-методологическим подходам в исследовании миграций, подготовлен К. Н. Сердюковым. К его безусловным достоинствам следует отнести аналитический обзор как традиционных, так и новых публикаций по теме **[1, с. 13–15]**. Отталкиваясь от возможностей существующих подходов, автору удалось инкорпорировать элементы сетевого подхода к изучению факторов миграции. Вскрытая взаимосвязь между факторами-условиями и факторами-структурами позволила выявить взаимную обусловленность миграционных намерений и формирования потоков групп населения с высокой миграционной активностью **[1, с. 17–19]**.

На этой основе авторами монографии была разработана общая классификационная система трудовой миграции, выявлены и описаны положительные и отрицательные стороны трудовой миграции для стран экспортеров и стран импортеров рабочей силы **[1, с. 22–23, 24–25]**.

Одной из острых социальных проблем, связанных с перемещением рабочей силы, остается проблема нелегальной миграции. Раздел I монографии раскрывает аспекты, которые в совокупности определяют содержание этого понятия: нелегальный въезд, нелегальное проживание, нелегальная деятельность. На этой основе строится классификация стратегий нелегальной миграции **[**см. подробнее: **1, с. 26]**.

Таким образом, правовая вариативность въезда и проживания в совокупности с неизменностью нелегальной деятельности составляет суть нелегальной миграции. Смысловым антиподом этого явления в работе оказывается международная трудовая интеллектуальная миграция **[1, с. 26, 28]**. Данное явление характеризуется как сегмент международного рынка труда, субъектами которого выступают носители высокого уровня образования, высоких адаптивных способностей, обладающие знанием множества языков, законопослушанием **[1, с. 27]**.

В числе значимых выводов из этой главы стоит отметить следующие. Во-первых, условность разделения стран на "отдающие" и "принимающие" рабочую силу. Миграционные процессы все большего количества стран характеризуются одновременными разнонаправленными процессами эмиграции и иммиграции населения. В дальнейшем данный тезис в полной мере раскроется в монографии. Во-вторых, выявлена связь между успехом адаптационно-интеграционных процессов и уровнем социально-культурной дифференциации диаспоры с принимающей средой **[1, с. 29]**.

С учетом этих наблюдений закономерным представляется вывод о необходимости разработки адаптационно-интеграционных программ на основе дифференцированного подхода к различным категориям мигрантов. Особый подход и механизмы их реализации должны учитывать специфику трудовых мигрантов **[1, с. 31]**.

Второй раздел "Трудовая миграция в Монголии: основные тренды и динамика развития" был подготовлен Б. Батболдом, С. Мунхбаатаром и Ю.Г. Григорьевой. Он начинается с описания демографической и социально-экономической ситуации в современной Монголии, определяющей миграционную динамику. Представленные здесь статистические материалы и анализ их результатов, показывающих высокий уровень безработицы, избыток трудоспособного населения, переход к модели малодетной семьи у монголов, раскрывают объективные характеристики макросреды, иллюстрируя предпосылки формирования миграционной мотивации. Описанию современной ситуации на рынке труда предшествует обзор истории становления и развития народного хозяйства страны в XX–XXI вв.

Авторы фиксируют следующие ключевые проблемы современного развития: увеличивающийся разрыв между городским и сельским населением, сокращение последнего и усиление демографической нагрузки на города. Перенаселенность, деградация окружающей среды, большое количество автомобилей и неразвитость транспортной инфраструктуры, загрязнение воздуха вследствие использования некачественного материала для отопления "юрточных районов" (гэр хороолол) столицы вызывают озабоченность властей **[1, с. 37–38]**. С 1994 г. власти страны проводят меры по ограничению переселения в Улан-Батор. Наиболее решительные из них были проведены накануне пандемии COVID-19. Действующие с 2017 г. ограничения на регистрацию по месту жительства в столице представляют собой попытку обеспечить право уланбаторцев на проживание в комфортной среде, вместе с тем ограничивая право жителей других регионов на улучшение качества жизни **[1, с. 40]**.

Внутренняя миграция обусловлена выталкивающими из сельской местности факторами: низкими доходами, бедностью, социальной незащищенностью. Большинство мигрантов связывают переезд в город с трудоустройством и высокими доходами. Причины сложившейся ситуации коренятся в разрыве между уровнем развития столицы и аймаков.

Ярким феноменом монгольской столицы являются быстрорастущие, перенаселенные трущобы с хижинами и юртами без отопления, водоотведения и канализации. Хотя статистика показывает, что с 2018 по 2020 гг. в Улан-Баторе произошло сокращение числа домохозяйств, проживающих в юртах, на 15%. Люди, переехавшие в столицу после 2017 года, должны были приобрести квартиру, чтобы зарегистрироваться. Однако многие не могут себе этого позволить, проживая в пригородах без элементарных гигиенических условий и транспортной инфраструктуры.

Таким образом, делают вывод авторы раздела, урбанизация в городе обращается депопуляцией села. Маршрут движения населения выглядит следующим образом: из села – в районный центр, оттуда – в столицу. Невозможность удержать мигрантов на промежуточных этапах в сомонах и аймачных центрах оказывается проблемой для управления. Рост численности населения превращается из положительного фактора в проблемный, так как избыток трудовых ресурсов приводит к безработице **[1, с. 50]**.

Высокий уровень безработицы и низкий уровень оплаты труда стимулирует население к внешней миграции. Открывшиеся условия и возможности, которые предлагают страны с развитой экономической инфраструктурой, позволяют повысить качество жизни в относительно короткий срок **[1, с. 54]**. Однако, как отмечают авторы, это обстоятельство порождает новые проблемы.

Раздел III "Монгольские мигранты в странах АТР и их жизненные стратегии в условиях принимающего сообщества" был подготовлен А.В. Винокуровой, О. Мунхбатом, И.Г. Актамовым, А.Ю. Ардальяновой с использованием комплексной междисциплинарной методики, включающей количественные (анализ статистических данных в стране исхода и странах приема, анкетирование) и качественные (интервьюирование, контент- и дискурс-анализ) методы исследования.

Исследование выявило, что одной из распространенных практик миграции за рубеж является совместный выезд брачной пары на заработки. При этом дети на родине остаются на попечении родителей. Феномен "разделенной семьи" является, таким образом, одним из эффектов миграции в страны АТР **[1, с. 56]**. Странами, принимающими наибольшее количество трудовых

мигрантов из Монголии, оказались, в соответствии с данными статистики, Республика Корея, США, Австралия.

Раскрывая стратегии трудовой миграции в Республике Корея, авторы отмечают ее положительный образ в глазах респондентов, сформированный массовой культурой. Однако решающим фактором трудовой миграции остается возможность быстрого заработка. Так как получение легального трудового статуса в этой стране остается серьезной проблемой, стратегия трудовой миграции для выходцев из Монголии остается краткосрочной **[1, с. 72]**.

В сравнении с этой стратегией, миграция в США, как показали результаты исследований авторского коллектива, ориентирована на среднесрочную и даже долгосрочную стратегию с перспективой интеграции. На это указывают и социально-структурные параметры миграции из Монголии в сравнении с другими азиатскими странами: высокая доля лиц с высшим образованием, относительно молодой возраст, одно-, максимум двух-поколенные семьи (81%). Однако высокий уровень образования не дает особых преимуществ жизни в США с точки зрения получения более высокого дохода. У монголов остается самый высокий уровень бедности в Америке среди других выходцев из Азии (около 25%) **[1, с. 81–82]**.

Миграция монголов в Австралию имеет ряд специфических черт, отличных от предыдущих кейсов. Авторы отмечают высокий уровень сотрудничества между странами, что открывает перед студентами и молодыми учеными возможность делать академическую карьеру. Наличие специальных программ, стимулирующих образовательную и трудовую миграцию, облегчают этот процесс. Кроме того, как выяснилось, низкая плотность населения и ландшафт Австралии, схожий с монгольским, делают эту страну привлекательной для жизни монгольских мигрантов **[1, с. 96]**.

Предпринятое исследование позволило описать весьма специфическую группу, изучение которой является весьма затрудненным в силу высоких затрат времени и усилий, которое оно требует со стороны исследователей. Корректная методология, адекватный поставленным задачам инструментарий и интересные результаты позволяют высоко оценить рецензируемую монографию. Отдельно хочется отметить главу, посвященную отражению российско-монгольских отношений в СМИ. Содержащийся в ней материал требует дальнейшего анализа, так как в работе была представлена преимущественно российская миграция в Монголию. Между тем, монгольская миграция в РФ, в том числе академическая и образовательная мобильность на современном этапе ждет своего исследования.

Литература

1. Миграционные процессы в современной Монголии / отв. ред. А.В. Винокурова, О. Мунхбат. Владивосток: Издательство ДВФУ, 2024. 130 с.

References

1. Migration processes in modern Mongolia / ed. by A.V. Vinokurova, O. Munkhbat. Vladivostok: FEFU Publishing House, 2024. 130 p.

◆

Информация об авторе

Елена Анатольевна Ерохина, д-р филос. наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: leroh@mail.ru

Information about the author

Elena A. Erokhina, Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: leroh@mail.ru

Поступила в редакцию 26.05.2024 Принята к публикации 27.05.2024

Received 26.05.2024 Accepted 27.05.2024

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 158–167.
Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 158–167.

Сообщение
УДК 947: 001 (571.65)
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/158-167

Ведущие ученые Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института (СВКНИИ) имени Н.А. Шило ДВО РАН. Часть 1

Светлана Михайловна Дударёнок
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, dudarenoksv@gmail.com

Аннотация. В статье характеризуются научные достижения ведущих ученых Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института имени А.Н. Шило Дальневосточного отделения Российской академии наук. Основное внимание сосредоточено на достижениях ведущих магаданских ученых в изучении геологии и геофизики зон перехода континент-океан Северной Пацифики, истории, экономики и социальных проблем Северо-Востока России; отмечено, что благодаря работам ведущих ученых, Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт имени А.Н. Шило стал значимым академическим исследовательским центром на Северо-Востоке страны.
Ключевые слова: *Магадан, Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт, Дальневосточное отделение Российской академии наук, доктора наук, научные достижения, направления научной деятельности, научные труды*
Для цитирования: Дударёнок С. М. Ведущие ученые Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института (СВКНИИ) имени Н.А. Шило ДВО РАН. Часть 1 // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 158–167. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/158-167

Message
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/158-167

Leading scientists of the North-Eastern Complex Research Institute (SVKNII) named after N.A. Shilo of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Part 1

Svetlana M. Dudarenok
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East,
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russia, dudarenoksv@gmail.com

Abstract. The article characterizes the scientific achievements of the leading scientists of the North-Eastern Complex Research Institute named after A.N. Shilo of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. The main attention is focused on the achievements of leading Magadan scientists in the study of geology and geophysics of the continent-ocean transition zones of the North Pacific, the history, economy and social problems of the North-East of Russia; It was noted that thanks to the work of leading scientists, the North-Eastern Complex Research Institute named after A.N. Shilo has become a significant academic research center in the North-East of the country.
Key words: *Magadan, North-Eastern Complex Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Doctors of Sciences, scientific achievements, areas of scientific activity, scientific works*
For citation: Dudarenok S. M. Leading scientists of the North-Eastern Complex Research Institute (SVKNII) named after N.A. Shilo of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Part 1 // Ojkumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 158–167. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/158-167

В год 300-летия Российской академии наук естественно подвести некоторые итоги деятельности научных учреждений, обязанных своим появлением государственному замыслу. Одним из таких учреждений является Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт (СВКНИИ) имени Н.А. Шило ДВО РАН.

Осмысление истории Института, достижений его ведущих ученых – совершено правильная реакция на юбилей Российской академии наук, в рамках которой он создавался, развивался и стал значимым академическим исследовательским центром на Северо-Востоке страны.

СВКНИИ был создан по решению Президиума АН СССР в составе Сибирского отделения АН СССР для решения фундаментальных и региональных научных проблем в области геологии и геофизики, экономики, истории и археологии 4 марта 1960 г.

Директором-организатором и первым директором Института являлся акад. РАН д.г.-м.н., проф. Н.А. Шило (1960–1985). В дальнейшем СВКНИИ руководили: чл.-корр. РАН, д.г.-м.н., проф. А.А. Сидоров (1985–1994); акад. РАН, д.г.-м.н., проф. В.И. Гончаров (1994–2003); акад. РАН, д.г.-м.н., проф.

© Дударёнок С. М., 2024

Н.А. Горячев (2003–2017). С 2017 г. Институт возглавляет чл.-корр. РАН, д.г.-м.н. В.В. Акинин. В 2023 г. в СВКНИИ ДВО РАН работали 50 научных сотрудников, из них 1 – академик РАН, 1 – член-корреспондент РАН, 6 докторов наук и 26 кандидатов наук.

Научные исследования в СВКНИИ развивались и развиваются по следующим основным направлениям: геология и геофизика зон перехода континент-океан Северной Пацифики и Арктики; закономерности размещения, геология и генезис месторождений полезных ископаемых Тихоокеанского подвижного пояса; эволюция природной среды в кайнозое, современная геодинамика, геоэкология; история Северо-Востока России с древнейших времен до наших дней; экономические и социальные проблемы северных территорий.

Роль академика Н.А. Шило и его учеников в изучении геологии и геофизики советского (российского) Северо-Востока и Арктики

Длительное время научные исследования в СВКНИИ развивались в рамках научной школы академика РАН **Николая Алексеевича Шило** (1913–2008) – одного из первых ученых, который сформулировал вывод о золото- и сереброносности Охотско-Чукотского вулканогенного пояса и дал геолого-экономическую оценку перспектив развития золотодобывающей промышленности на севере Дальнего Востока СССР/России.

Н.А. Шило
N.A. Shilo

Главным направлением научной деятельности Н.А. Шило были геология месторождений полезных ископаемых (коренных и рассыпных), вулканогенные пояса, их металлогения и происхождение Солнечной системы.

Н.А. Шило создал учение о россыпях ("*Основы учения о россыпях". М.: Наука, 1981*), являющихся самостоятельным разделом учения о полезных ископаемых; дал объяснение условий образования россыпных месторождений золота в субполярных физико-географических обстановках; выделил перигляциальный и астрональный типы литогенеза, а также техногенные месторождения полезных ископаемых; раскрыл механизм континентального породообразования в перигляциальных зонах; дал физическое объяснение образования подземных сегрегационных льдов и ледяных жил в субарктическом поясе Земли, сопровождающееся выжиманием растущими жилами вмещающих их отложений, – процесс который не находил удовлетворительного объяснения более ста лет.

Н.А. Шило сделана количественная оценка перспектив открытия золотых и серебряных месторождений в пределах Охотско-Чукотского вулканогенного пояса; предложена модель трехстадийного ликвационно-кристаллизационного образования расслоенных ультрабазит-базитовых плутонов, которая впоследствии получила математическое обоснование. Он объяснил связь с этим процессом магматогенной рудной минерализации; объяснил высокую биологическую продуктивность "Мамонтовых степей"; установил причину исчезновения мамонтовой фауны; предложил модель состояния внутрипланетарного вещества, на основе чего показал энергетический эффект перехода кристаллических решеток от одной сингонии к другой.

За период своей многолетней научной деятельности академик Н.А. Шило стал крупнейшим специалистом в области геологии золота россыпей и эндогенных месторождений Сибири и Дальнего Востока. В результате его геологических исследований в области строения россыпей золота и олова были открыты крупные месторождения, в частности на Чукотке и в Восточной Якутии, сыгравшие важнейшую роль в выполнении государственных планов по золото- и оловодобыче. Н.А. Шило также провел целый ряд фундаментальных работ по теории образования вулканогенных поясов и их оруденения.

Н.А. Шило – автор многочисленных научных трудов. Им опубликовано 12 монографий и около 600 научный статей. Его работы внесли существенный вклад в развитие фундаментальных основ теории рудообразования и формирования россыпей различных полезных ископаемых и имели большое значение для переоценки многих золотоносных районов мира, а открытое им в субарктическом поясе Земли явление выдавливания тонкодисперсных грунтов растущими льдами получило название "эффект Шило" **[**см.: **11; 12; 17]**.

Последние годы жизни Н.А. Шило посвятил написанию мемуаров "Записки геолога" (*Т. 1. "Формирование дальневосточной науки"; Т. 2. "Моя научная деятельность расширяется". М.: Наука, 2007*), описывающих в том числе становление науки на Дальнем Востоке России, Колыме, историю открытий золотых месторождений. Книга была признана Академией наук лучшей книгой 2008 г. в области популяризации науки.

А.А. Сидоров

A.A. Sidorov

Ученик академика А.Н. Шило член-корреспондент РАН, доктор геолого-минералогических наук, профессор **Анатолий Алексеевич Сидоров** (1932–2021) внес большой вклад в развитие рудноформационного анализа, создав новую концепцию базовых рудных формаций.

После окончания геологоразведочного факультета Иркутского горнометаллургического (ныне политехнического) института (1953) он в течение пяти лет работал начальником поисковой партии Чаунского РайГРУ (Певек, Чукотка). В 1955–1959 годах открыл ряд вулканогенных золотосеребряных месторождений и рудопроявлений. Оруденение этого типа не было изучено и оценено в пределах Северо-Востока России. Поэтому все работы периода 1955–1978 годов – производственные отчеты, публикации, в том числе две монографии "Золото-серебряное оруденение Центральной Чукотки" (1966) и "Золото-серебряная формация Восточно-Азиатских вулканогенных поясов" (1978) – были пионерными.

На основе изучения металлоносности вулканогенных поясов и их оснований А.А. Сидоровым создана новая концепция рудноформационного анализа, имеющая большое теоретическое и практическое значение. Вслед за В.В. Аверьевым[1] (1966) гидротермальная деятельность в ряде работ рассмотрена им как особая форма вулканизма, завершающаяся базальтоидным магматизмом. Совместно с В.Ф. Белым (2002) показаны также возможности применения методов актуализма в палеовулканологии.

В 1971 г. А.А. Сидоров принимал участие в организации лаборатории геологии благородных металлов СВКНИИ ДВНЦ АН СССР в г. Магадане, заведующим которой проработал восемь лет. В этот период он руководил исследованиями основных золотосеребряных месторождений Карамкен и Дукат в Магаданской области.

При активном участии А.А. Сидорова были созданы новые концепции "докембрийских праформаций", "полных и редуцированных рудноформационных рядов"; показано родство и особенности источников минерального вещества месторождений разных минеральных типов в пределах каждого рудноформационного ряда; выявлены закономерности прогрессивной реювенации оруденения регионального масштаба.

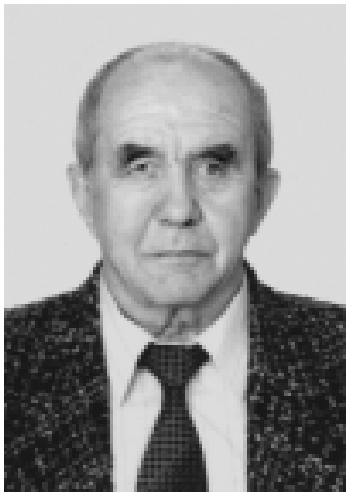
А.А. Сидоров участвовал в составлении ряда методических руководств, прогнозных карт, руководил научно-производственными группами по подготовке к передаче в промышленное освоение крупных месторождений золота (Майское, Олимпиада, Покровское, Кубака); принимал участие в разработке направлений геолого-разведочных работ в министерстве; преподавал на курсах повышения квалификации в Мингео **[**см.: **7; 8]**.

---

[1] Валерий Викторович Аверьев – талантливый ученый-геотермик, стоявший у истоков российской геотермальной энергетики.

Общее количество публикаций А.А. Сидорова в различных изданиях более 400, в том числе 17 монографий (13 из них в соавторстве) и 15 статей в различных зарубежных изданиях.

Заметную роль в научных достижениях СВКНИИ ДВО РАН сыграл заслуженный деятель науки, доктор геолого-минералогических наук, профессор **Василий Феофанович Белый** (1929–2009), проработавший в институте более 38 лет (1966–2004). Областью исследований В.Ф. Белого являлись палеовулканология, вулканизм и тектоника зон перехода континент–океан Тихоокеанского сегмента Земли. Наиболее последовательно он занимался изучением Охотско-Чукотского вулканогенного пояса (ОЧВП) *("Стратиграфия и структуры Охотско-Чукотского вулканогенного пояса". М.: Наука, 1977; "Формации и тектоника Охотско-Чукотского вулканогенного пояса". М.: Наука, 1978 и др.*).



В.Ф. Белый
V.F. Belyj

При составлении геологической карты м-ба 1 : 500000 он первым подробно описал стратиграфический разрез вулканогенных накоплений в Пегтымельском прогибе – важнейшем элементе ОЧВП на Чукотке. Химическая и петрографическая характеристика последовательности вулканизма в чукотской части ОЧВП позволила В.Ф. Белому охарактеризовать ее как антидромную. Он обнаружил ассиметрию в строении чукотской части ОЧВП – различие структур вулканических полей близ границы ОЧВП с Корякско-Камчатской областью и с чукотскими складчатыми мезозоидами. При сопоставлении с материалами по северному побережью Охотского моря это дало основание различить в ОЧВП внутреннюю (приокеаническую) и внешнюю (приконтинентальную) зоны. Полученный результат подтвердил представления о пограничном положении ОЧВП и послужил основанием для его сопоставлений с другими вулканическими поясами и для его металлогенического районирования.

Разработанная им новейшая стратиграфическая схема континентальных стратонов ОЧВП вошла в качестве рабочей в Стратиграфическую схему меловых отложений Верхояно-Охотско-Чукоткского региона. Созданная им общая картина строения и закономерностей формирования ОЧВП стала важнейшим вкладом в палеовулканологию Северо-Востока России.

В.Ф. Белый – автор основополагающих трудов по стратиграфии и структурам вулканических полей, формациям и тектонике Охотско-Чукотского вулканогенного пояса. Ему принадлежит более 300 научных статей и 10 крупных монографий **[**см.: **2; 14]**.

Ведущие ученые СВКНИИ ДВО РАН и их достижения в изучении геологии и геофизики Северо-Востока Азии

В последние десятилетия ведущие ученые СВКНИИ ДВО РАН вышли на уровень обобщающих парадигм в закономерностях размещения, геологическом строении и генезиса месторождений полезных ископаемых Тихоокеанского подвижного пояса; существенно уточнили сведения по фанерозойской металлогении благородных и цветных металлов Северо-Востока РФ, по минералогии руд и физико-химическим условиям их образования; ими были получены принципиально новые данные о составе, возрасте и эволюции земной коры и главных магматических поясов континентальных окраин Северо-Востока Азии, в том числе о возрасте и масштабах распространения древней континентальной коры в восточном секторе Арктики; получены новые уникальные данные по палеоклимату, мерзлотным процессам, палеогеографии, седиментологии и гидрогеологии кайнозоя Северной Пацифики и континентальной Арктики.

Научные достижения СВКНИИ в этой области исследований связаны с работами Н.А. Горячева, В.И. Гончарова, Н.Е. Саввы, В.Е. Глотова, В.В. Акинина, И.Л. Жулановой, А.С. Бякова, В.Н. Смирнова и др.

Н.А. Горячев
N.A. Goryachev

Академик РАН, доктор геолого-минералогических наук, профессор **Николай Анатольевич Горячев** (род. 1953) – крупнейший специалист в области геологии золоторудных и орогенных поясов Востока Азии и металлогении золота. Основные направления научной деятельности – типоморфизм минералов рудных месторождений, металлогения золота, геология рудных месторождений, геохимия гранитоидов, общая металлогения Северо-Востока России **[**см.: **1; 13]**.

Исследования Н.А. Горячева направлены на решение проблем геологии золоторудных поясов орогенных складчатых систем Северо-Востока Азии, геологии и эволюции орогенных золоторудных систем в истории Земли. Полученные им результаты имеют первостепенное значение в понимании проблем геологии и металлогении золота Земли, вопросам строения и геолого-металлогенической эволюции мезозойских складчатых поясов Востока Азии. В их числе: выявление геологических и минералого-геохимических индикаторов геодинамических условий формирования орогенного золотого оруденения складчатых поясов Северо-Востока Азии; разработка плутоно-метаморфической модели формирования орогенного золотого оруденения складчатых поясов Земли; разработка концепции эволюции оруденения в истории Земли *("Жильный кварц золоторудных месторождений Яно-Колымского пояса". Владивосток, 1992; "Геология мезозойских золото-кварцевых жильных поясов Северо-Востока Азии. Магадан, 1998; "Происхождение золото-кварцевых жильных поясов Северной Пацифики". Магадан, 2003; "Рудные месторождения в истории Земли. Тектоно-металлогенический очерк". Владивосток, 2021* и др.). Н.А. Горячев автор более 450 научных работ, из них 12 монографий.

В.И. Гончаров
V.I. Goncharov

Академик РАН, доктор геолого-минералогических наук, профессор **Владислав Иванович Гончаров** (1939–2006) был специалистом в области геологии полезных ископаемых **[**см.: **5]**. Им получены принципиально новые качественные и количественные сведения об особенностях динамики структурообразующих и гидротермальных процессов по включениям в минералах для малых и средних глубин и тем самым внесен весомый вклад в развитие теории рудообразования; обоснована и доказана самостоятельность и вместе с тем генетическая соподчиненность вулканогенных, вулканогенно-плутоногенных и плутоногенных групп месторождений вулканогенных поясов и перивулканических зон; обобщены и пересмотрены считавшиеся ранее классическими представления по динамике формирования, геологии и генезису близповерхностных месторождений в вулканических областях и перивулканическом обрамлении; сформулированы оригинальные критерии их прогнозирования, поисков и оценки; изучены геодинамические обстановки локализации, вещественный состав и термобарогеохимические условия формирования стратиформных метаморфогенно-гидротермальных золоторудных месторождений в черносланцевых толщах Чукотки и Колымы; выдвинуто оригинальное положение о возникновении специфической геодинамической обстановки, вызывающей прогрессирующее развитие гидротермальных процессов вследствие тектономагматической активизации активной континентальной окраины как главной причине реювенации и регенерации оруденения и образования месторождений с большими запасами руд *("Гидротермальное рудообразование в краевых вулкано-*

генных поясах". М. Наука, 1983; "Наталкинское золоторудное месторождение". Магадан, 2002 (в соавт.) и др.). В.И. Гончаров – автор более 300 научных публикаций, в том числе 7 монографий.

Доктор геолого-минералогических наук **Наталья Евгеньевна Савва** (род. 1941) – крупнейший специалист по минералогии рудных месторождений. Круг её научных интересов всегда был широк. В списке научных трудов Н.Е. Саввы есть работы, посвященные уникальным объектам: метеоритам, современным вулканическим пеплам, археологическим находкам геологической природы, халцедонам Северо-Востока СССР и т.д. (*"Минералогия серебра Северо-Востока России". М.: Триумф, 2019; "Топоминералогия конституционных особенностей самородного золота Нижне-Амурского россыпного района". Магадан, 2004 (в соавт.); "Атлас самородного золота Северо-Востока СССР". М.: Наука, 1990 (в соавт.) и др.*).

Н.Е. Савва
N.E. Savva

На основании собственных материалов Н.Е. Савва разработала принципы систематики минералов серебра по уровням его концентрации, зависящим от различных факторов рудообразовании; ею с коллегами была составлена топоминералогическая карта серебра Северо-Востока России масштаба 1: 5 000 000 и пояснительная записка к ней; проведены минералогические исследования на более чем 150 месторождениях; выявлены особенности самородного золота не только коренных, но и россыпных месторождений. Она принимала участие в более чем 30 полевых сезонов и изучение минералогии на 110 месторождениях и рудопроявлениях Северо-Востока России, создала для лаборатории шлифотеку по этим объектам **[**см.: **9; 15]**. Н.Е. Савва – автор более 140 научных трудов, в том числе 11 монографий.

Доктор геолого-минералогических наук **Владимир Егорович Глотов** (род. 1938) – главный научный сотрудник сектора геофизики, гидрогеологии и геоэкологии лаборатории региональной геологии и геофизики СВКНИИ ДВО РАН. Сфера его научных интересов – проблема формирования и распространения подземных вод в блоках земной коры разной геодинамической природы в условиях происходящих природных и техногенных изменений на Северо-Востоке России; комплексное использование восполнимых природных ресурсов региона, в том числе холода зимней атмосферы *("Гидрология осадочных бассейнов Северо-Востока России". Магадан, 2009; "Торф Северо-Востока". Магадан, 2003 и др.*). Он научный руководитель работ по обоснованию перспектив нефтегазоносности шельфа морей Севера Дальнего Востока. В.Е. Глотов – автор более 435 научных работ, в том числе 13 монографий и 10 изобретений **[**см.: **3; 16, с. 33–34]**.

В.Е. Глотов
V.E. Glotov

Член-корреспондент РАН, доктор геолого-минералогических наук, профессор **Вячеслав Васильевич Акинин** (род. 1959) – крупнейший специалист в области петрологии, изотопной геохронологии и геодинамики.

Исследования В.В. Акинина посвящены проблемам геологии, геохимии и петрологии мелового и новейшего вулканизма Арктической части Северо-Востока России и Аляски; реконструкциям условий образования мантийных и коровых ксенолитов в щелочных базальтах; разработке моделей происхождения геологических структур и эволюции восточной Арктики на основе синтеза геолого-геофизических, петрологических и тектонических данных. Им разработана научная концепция о ведущей роли магматизма в процессах

В.В. Акинин
V.V. Akinin

роста и модификации земной коры в зонах перехода континент-океан на основе новых данных о возрасте и геохимии магматических комплексов и нижнекоровых ксенолитов с привлечением данных по сейсмотомографии; доказана сопряженность процессов магматизма на поверхности и преобразование земной коры на глубине; инициированы и впервые выполнены масштабные изотопно-геохронологические исследования крупнейших магматических поясов и метаморфических куполов севера Палеопацифики и восточной Арктики с применением современных локальных аналитических методов, на этой основе существенно уточнены и пересмотрены возрастные рубежи и геодинамические условия их формирования, предложена новая модель происхождения Амеразийского бассейна; расшифрованы особенности мантийного петрогенезиса и внутриплитного кайнозойского вулканизма Северо-Востока Азии и Аляски; существенно уточнены и пересмотрены возрастные рубежи магматизма в Охотско-Чукотском вулканогенном поясе и Яно-Колымской золотоносной провинции *("Позднемезозойский и кайнозойский магматизм и преобразование нижней коры в северном обрамлении Пацифики" : диссертация ... доктора геолого-минералогических наук. Магадан, 2012; "Энмеленские вулканы (Чукотский п-ов): петрология щелочных лав и глубинных включений". Магадан, 1994 (в соавт.); "Вариации изотопного состава кислорода в магмах Охотско-Чукотского вулканогенного пояса. Доклады Российской академии наук. Науки о Земле. 2021. Т.499. № 1 (в соавт.) и др.*).

В.В. Акинин длительное время успешно сотрудничал с учеными из Стэнфордского университета США, он автор 252 научных работ, в том числе 3 монографий.

И.Л. Жуланова
I.L. Zhulanova

Доктор геолого-минералогических наук **Ирина Львовна Жуланова** (род. 1943) – ведущий научный сотрудник лаборатории региональной геологии и геофизики СВКНИИ ДВО РАН. Сфера её научных интересов: комплексное геолого-петрологическое и геохронологическое изучение метаморфических образований, раннедокембрийская предыстория складчатых поясов Северо-Востока Азии, вопросы становления и эволюции континентальной земной коры. Она автор листа Государственной геологической карты СССР масштаба 1 : 200 000 (территория п-ова Тайгонос) (*"Земная кора Северо-Востока Азии в докембрии и фанерозое". М.: Наука, 1990; "Геохронология и геохронометрия эндогенных событий в мезозойской истории Северо-Востока Азии". М.: Наука, 2007 (в соавт.) и др.*).

И.Л. Жуланова – автор более 120 научных работ, в том числе 1 индивидуальной и 2 коллективных монографий **[**см.: **6; 10]**.

Доктор геолого-минералогических наук **Александр Сергеевич Бяков** (род. 1958) – заведующий лабораторией региональной геологии и геофизики СВКНИИ ДВО РАН. Сфера его научных интересов: региональная геология Северо-Востока России; стратиграфия и палеонтология верхнего палеозоя и нижнего триаса мира *("Зональная стратиграфия, событийная корреляция, палеобиогеография перми Северо-Востока Азии (по двустворчатым моллюскам)". Магадан, 2010; "Пермские отложения Балыгычанского поднятия". Магадан, 2004 и др.*).

А.С. Бяков – исполнитель и руководитель ряда крупных проектов, в том числе международных, по палеонтологии и стратиграфии перми Северо-Востока Азии и других регионов России и мира; проводил многочислен-

ные экспедиционные исследования, в том числе в центральной и восточной Европе, Восточной и Западной Австралии, Новой Зеландии, Аргентине, западе США; высокоточными методами датирования обосновал ревизию нижней границы среднего отдела перми Охотского бассейна; являлся руководителем 12 проектов Российского фонда фундаментальных исследований. Он автор более 300 научных работ, в том числе 2 индивидуальных и 8 коллективных монографий.

А.С. Бяков
A.S. Byakov

Доктор геолого-минералогических наук **Владимир Николаевич Смирнов** (род. 1938) – признанный специалист в области неотектоники и современной геодинамики. Сфера его научных интересов: геология кайнозоя; неотектоника; современная геодинамика; проблемы новейшей тектоники Северо-Востока Азии; проблемы сейсмологии, экзогенной морфолитодинамики, палеогеографии четвертичного периода.

В.Н. Смирнов
V.N. Smirnov

В.Н. Смирновым исследовано развитие в кайнозое Верхоянско-Чукотской области горообразования; определены соотношения орогенических движений и структур с тектоническими структурами основания; установлена мегасводовая структура Охотско-Чукотского орогена, в котором объединены одноименный вулканогенный пояс и сопряженные с ним активизированные складчатые структуры Яно-Колымской системы мезозоид; исследована сейсмотектоника юго-восточного (Индигиро-Колымского) сегмента сейсмического пояса Черского; установлены крупные сдвиговые системы активных разломов широтной, северо-западной и северо-восточной ориентировки; установлено, что Ланково-Омолонская активная зона разломов северо-восточного простирания правосдвиговой кинематики, дискордантная по отношению к сеймическому поясу, имеет определяющее значение для геодинамики области сочленения Евро-Азиатской и Северо-Американской литосферных плит *("Ледниковые кары и псевдосейсмодислокацпи в горах Примагаданья" // Берингия в четвертичный период. Магадан, 2000. С. 99–117 (в соавт.); "Псевдосейсмодислокации в горах Примагаданья // Геоморфология. 2001. № 2. С. 81–92 (в соавт.) и др.*)

В.Н. Смирнов – автор более 218 научных публикаций, в том числе 8 монографий и 3 изданных карт масштаба 1:5000000 на территорию Российской Федерации; научный редактор 4 листов Государственной геологической карты РФ масштаба 1:200000 и объяснительных записок ним. Принимает участие в российско-американских исследованиях природы впадины чукотского озера Эльгыгытгын **[**см.: **4; 16, с. 74–75]**.

(окончание следует).

Литература

1. Академику РАН Н.А. Горячеву – 70 лет! // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2023. № 3. С. 121–122.

2. Белый Василий Феофанович // Тихоокеанская геология. 2004. Т. 23. № 2. С. 123-126.

3. Владимиру Егоровичу Глотову – 80 лет // Вестник Северо-Восточного центра ДВО РАН. 2018. № 4. С. 119–120.

4. Владимиру Николаевичу Смирнову – 60 лет // Колымские вести. Магадан. 1998. № 1. С. 37.

5. Гончаров Владислав Иванович (1939–2006 гг.) // Тихоокеанская геология. 2006. Т. 25. № 6. С. 126–127.

6. Живите с ощущением весны / [подгот. М. Праскова] // Магаданская правда. 2018. 16 февр. С. 15.

7. Жизнь во благо Крайнему Северу и науке (К 90-летию со дня рождения выдающегося геолога-рудника, члена-корреспондента РАН А.А. Сидорова) // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2022. № 3. С. 127.

8. К 85-летию со дня рождения Анатолия Алексеевича Сидорова // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2017. № 3. С. 122–123.

9. К юбилею Н.Е. Саввы // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2016. № 1. С. 123–124.

10. Котляр И. Другу по поводу юбилея // Колымские вести. Магадан. 2003. № 20. С. 39.

11. Кузьменко Ю.А., Семёнова С.В. Николай Алексеевич Шило. М.: Наука, 1983. 105 с. порт. (Материалы к библиографии учёных СССР. Сер. геол. наук; Вып. 31).

12. Лаломов А.В., Чефранов Р.М., Бочнева А.А., Чефранова А.В. К 110-летию со дня рождения академика Николая Алексеевича Шило // Отечественная геология. 2023. № 6. С. 85-94.

13. Николай Анатольевич Горячев (К 65-летию со дня рождения) // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2018. № 3. С. 124–125.

14. Памяти Василия Феофановича Белого (19.02.1929-31.05.2009 гг.) // Вулканология и сейсмология. 2009. № 6. С. 78–80.

15. Поздравляем! // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2021. № 2. С. 124–126.

16. СВКНИИ ДВО РАН – 50 лет академической науке на Северо-Востоке России / [отв. ред. А.Ю. Пахомов]. Магадан, 2010.

17. Симаков К.В. Российский ученый и организатор науки академик Н.А. Шило: Речь академика К. В. Симакова на торжественном собрании 7 апреля 2003 г., посвященном 90-летию академика Н.А. Шило // Геодинамика, магматизм и минерагения континентальных окраин севера Пацифики. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2003. Т. 1. С. 9–12.

References

1. Academician of the Russian Academy of Sciences N.A. Goryachev is 70 years old! // Vestnik Severo-Vostochnogo nauchnogo centra DVO RAN. 2023. № 3. P. 121–122.

2. Bely Vasiliy Feofanovich // Tihookeanskaya geologiya. 2004. T. 23. № 2. S. 123–126.

3. Vladimir Egorovich Glotov is 80 years old // Vestnik Severo-Vostochnogo centra DVO RAN. 2018. № 4. P. 119–120.

4. Vladimir Nikolaevich Smirnov is 60 years old // Kolymskie vesti. Magadan. 1998. № 1. P. 37.

5. Goncharov Vladislav Ivanovich (1939–2006) // Tihookeanskaya geologiya. 2006. T. 25. № 6. P. 126–127.

6. Live with the Feeling of Spring // Magadanskaya pravda. 2018. 16 fevr. P. 15.

7. Life for the Good of the Far North and Science (To the 90th Anniversary of the Birth of the Outstanding Geologist-Mine, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences A.A. Sidorov) // Vestnik Severo-Vostochnogo nauchnogo centra DVO RAN. 2022. № 3. P. 127.

8. To the 85th Anniversary of the Birth of Anatoly Alekseevich Sidorov // Vestnik Severo-Vostochnogo nauchnogo centra DVO RAN. 2017. № 3. P. 122–123.

9. On the anniversary of N.E. Savva // Vestnik Severo-Vostochnogo nauchnogo centra DVO RAN. 2016. № 1. P. 123–124.

10. Kotlyar I. To a friend on the occasion of the anniversary // Kolymskie vesti. Magadan. 2003. № 20. P. 39.

11. Kuzmenko Yu.A., Semyonova S.V. Nikolai Alekseevich Shilo. M.: Nauka, 1983. 105 s. port. (Materials for the bibliography of scientists of the USSR. Ser. geol. sciences; Vol. 31).

12. Lalomov A.V., Chefranov R.M., Bochneva A.A., Chefranova A.V. To the 110th Anniversary of the Birth of Academician Nikolai Alekseevich Shilo // Otechestvennaya geologiya. 2023. № 6. P. 85–94.

13. Nikolaj Anatolevich Goryachev (K 65-letiyu so dnya rozhdeniya) // Vestnik Severo-Vostochnogo nauchnogo centra DVO RAN. 2018. № 3. P. 124–125.

14. In memory of Vasily Feofanovich Bely (19.02.1929–31.05.2009) // Vulkanologiya i sejsmologiya. 2009. № 6. P. 78–80.

15. Congratulations! // Vestnik Severo-Vostochnogo nauchnogo centra DVO RAN, 2021. № 2. P. 124–126.

16. SVKNII FEB RAS – 50 years of academic science in the North-East of Russia / ed. by A.Yu. Pahomov. Magadan, 2010.

17. Simakov K.V. Russian scientist and organizer of science Academician N.A. Shilo: Speech of Academician K.V. Simakov at the solemn meeting of April 7, 2003, dedicated to the 90th anniversary of

Academician N.A. Shilo // Geodinamika, magmatizm i minerageniya kontinentalnyh okrain severa Pacifiki. Magadan: SVKNII DVO RAN, 2003. T. 1. P. 9–12.

◆

Информация об авторе

Светлана Михайловна Дударенок, д-р ист. наук, профессор, канд. филос. наук, ведущий научный сотрудник Отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, e-mail: dudarenoksv@gmail.com

Information about the author

Svetlana M. Dudarenok, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophy, Leading Researcher, Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok. Russia, e-mail: dudarenoksv@gmail.com

Поступила в редакцию 28.03.2024 Принята к публикации 27.05.2024

Received 28.03.2024 Accepted 27.05.2024

Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 168–170.
Oikumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 168–170.

Сообщение
УДК 316.334.56
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/168-170

"Преобразование городской среды: новые тенденции и старые проблемы": о всероссийской научной конференции в Калуге

Анна Викторовна Винокурова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, vinokurova77@mail.ru

Аннотация. В сообщении представлен обзор основных мероприятий всероссийской научной конференции "Преобразование городской среды: новые тенденции и старые проблемы". В работе научного форума приняли участие более восьмидесяти исследователей из двадцати шести городов России. В рамках конференции обсуждались концепции городского развития, использования медиатехнологий в цифровом городском пространстве, а также городские сообщества и качество жизни в современном городе, значение урбанистики в социологическом образовании и др.
Ключевые слова: *город, городское пространство, комфортная городская среда, качество жизни, урбанистика, социология города, городские исследования*

Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01113, https://rscf.ru/project/23-28-01113/

Для цитирования: Винокурова А. В. "Преобразование городской среды: новые тенденции и старые проблемы": о всероссийской научной конференции в Калуге // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 168–170. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/168-170

Message
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/168-170

"Transformation of the urban environment: new trends and old problems": about the All-Russian scientific conference in Kaluga

Anna V. Vinokurova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, vinokurova77@mail.ru

Abstract. The report presents an overview of the main events of the All-Russian scientific conference "Transformation of the urban environment: new trends and old problems". More than eighty researchers from twenty-six cities of Russia took part in the scientific forum. The conference discussed issues of urban development, the emotional background of urban life, the use of media technologies in the smart urban space, urban communities and quality of life, the importance of urban studies in modern sociological education, etc. urban studies in modern sociological education, etc.
Key words: *city, urban space, comfortable urban environment, quality of life, urban studies, urban sociology, urban studies*

The reported study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-01113, https://rscf.ru/ project/23-28-01113/

For citation: Vinokurova A. V. "Transformation of the urban environment: new trends and old problems": about the All-Russian scientific conference in Kaluga // Oikumena. Regional researches. 2024. No. 2. P. 168–170. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/168-170

23–24 мая 2024 года в Калуге состоялась всероссийская научная конференция "Преобразование городской среды: новые тенденции и старые проблемы". Организаторами мероприятия выступили Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского (КГУ им. К.Э. Циолковского) и Институт информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН). В работе конференции приняли участие более восьмидесяти российских учёных из Калуги, Москвы, Екатеринбурга, Ставрополя, Улан-Удэ, Уфы, Новгорода, Санкт-Петербурга, Иркутска, Смоленска, Воронежа, Тулы, Нижнего Новгорода, Перми, Самары, Челябинска, Новосибирска, Владивостока, Краснодара, Омска, Нижневартовска, Великого Новгорода, Петрозаводска, Элисты, Казани.

Основная тема мероприятия – проблемы и перспективы современного городского развития. В русле обозначенной проблематики на полях конференции обсуждались актуальные вопросы урбанистики, её место и роль в современном социологическом образовании, концепции городского развития и технологии их воплощения, городские сообщества, медиатехнологии в цифровом пространстве современного города, междисциплинарные связи городских исследований с различными отраслями научного знания и управленческой практикой.

С приветственными словами к участникам обратились представители руководства Калужского государственного университета имени К. Э. Циол-

© Винокурова А. В., 2024

ковского и городского самоуправления Калуги. В своём выступлении ректор КГУ Максим Анатольевич Казак особо подчеркнул актуальность заявленной на мероприятии научной тематики, поскольку в рамках конференции затрагиваются вопросы, касающиеся того, каким должен быть современный город, каковы перспективы городского развития, в том числе с точки зрения привлечения потенциальных абитуриентов, которые рассматривают не только вуз, в котором они хотели бы получать образование, но и город, в котором будут жить.

Глава городского самоуправления Калуги Юрий Евгеньевич Моисеев отметил, что важно идти в ногу со временем, создавать новые пространства и привлекать туристов, но в первую очередь всё зависит от самих горожан, которые должны любить и ценить свой родной край, предлагая варианты по модернизации города, но при этом сохраняя его культурную и историческую самобытность.

Проректор по образовательной политике Калужского госуниверситета Сергей Михайлович Заикин обратил внимание на то, что, несмотря на научную составляющую конференции, в будущем в отношении города будет доминировать практико-ориентированный подход, поскольку со стороны населения есть заинтересованность и потребность в создании и реализации проектов по развитию и формированию комфортной городской среды.

Далее работа конференции была продолжена по следующим основным секциям:

секция 1 "Проблемы города и урбанистики в современном социологическом образовании";

секция 2 "Медиатехнологии в городской жизни";

секция 3 "Концепции городского развития и технологии их воплощения";

секция 4 "Сообщества и качество жизни";

секция 5 "Мы и город: идентичность, любовь, ностальгия";

секция 6 "Традиции и новации: наследие и креатив".

В заключительный день конференции была представлена обширная культурная программа с посещением Ботанического сада КГУ им. К. Э. Циолковского, Дома А. Л. Чижевского, Центрального парка культуры и отдыха, смотровых площадок города Калуги.

Подробнее остановлюсь на работе секции 4 "Сообщества и качество жизни", в которой я принимала непосредственное участие. В общей сложности на данном секционном заседании было представлено тринадцать докладов по самым разнообразным аспектам, касающимся жизни, повседневных практик представителей различных городских сообществ. В частности, были рассмотрены трансформации общественных городских пространств, взаимосвязь между психологическим благополучием и удовлетворенностью городской средой. Отдельное внимание было уделено повседневным городским практикам молодёжи и пожилых людей, в том числе и в период пандемии. Также в ряде сообщений были представлены различные направления деятельности общественных движений, городских активистов в отношении сохранения историко-культурного наследия. Часть докладов была посвящена прекаризации жилья, маргинальным городским сообществам.

Что касается непосредственно моего выступления, то в своём докладе я представила некоторые результаты грантового исследования по проекту "Иностранные трудовые мигранты на Дальнем Востоке России: ценностные ориентации и поведенческие стратегии работающей молодёжи", иллюстрирующие повседневные досуговые практики молодых мигрантов из стран Центральной Азии, "мигрантские места" в социокультурном ландшафте дальневосточных городов. Доклад был выполнен с опорой на экспедиционные материалы, собранные нами в Якутске, Улан-Удэ, Хабаровске и Владивостоке. Основной вывод, который мы сделали, заключается в том, что для удовлетворения своих досуговых интересов и потребностей мигранты используют уже имеющуюся городскую инфраструктуру, их досуговые практики мало чем отличаются от тех, которые характерны для местной молодёжи, проживающей в дальневосточных городах.

В целом, хотелось бы отметить высокий научный и профессиональный уровень представленных и обсуждённых докладов. Выражаем свою благодар-

ность организаторам, рабочей группе всероссийской научной конференции "Преобразование городской среды: новые тенденции и старые проблемы" в лице сотрудников Института искусств и социокультурного проектирования КГУ им. К. Э. Циолковского. Отдельное спасибо хотелось сказать Казаковой Анне Юрьевне, доктору социологических наук, профессору кафедры философии, культурологии и социологии Калужского госуниверситета, ведущему научному сотруднику ИНИОН РАН за приглашение и возможность выступить на столь представительном мероприятии. Также благодарим Российский научный фонд за грантовую поддержку. Проведённое мероприятие позволило нам представить некоторые результаты гранта РНФ № 23-28-01113 "Иностранные трудовые мигранты на Дальнем Востоке России: ценностные ориентации и поведенческие стратегии работающей молодёжи", укрепить имеющиеся и наладить новые научные контакты.

◆

Информация об авторе

Анна Викторовна Винокурова, канд. соц. наук, доцент, научный сотрудник Департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Information about the author

Anna V. Vinokurova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Researcher, Department of Social Sciences, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Поступила в редакцию 25.05.2024 Принята к публикации 27.05.2024

Received 25.05.2024 Accepted 27.05.2024

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, переносов, неразрывных пробелов. В заголовках **не применять** ПРОПИСНЫЕ символы. Простановка буквы **ё** обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), текст статьи, список литературы, аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10). Название, аннотация и ключевые слова, а также сведения об авторе (авторах) предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками **жирным шрифтом**. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: **[2, с. 5]**. Если страница не указывается, а дается ссылка на работы целиком, то их нумерация даётся через точку с запятой. Например: **[2; 5; 7]**.
7. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках, также **жирным шрифтом**. Например: **(ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5)**; **(Рукопись Иванова А. К. Из архива автора)**.
8. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна (даётся в конце текста статьи или сноской). Например: **ГАПК – Государственный архив Приморского края**. Слова "годы" и "века" должны даваться в сокращении, а для обозначения веков следует использовать римские цифры в латинской раскладке. Например: 1990 г.; 1990-х; 1990-е гг.; 1980-х – 1990-х гг.; 1980-е – 1990-е гг.; XIX в.; XX–XXI вв. и т.д.
9. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии.
10. В списке сначала указывается литература на кириллице (начиная с литературы на русском языке), далее на латинице, и после в других системах письма.
11. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена).
12. Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: **Автор. Название материала // Название сайта. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2022).**
13. В англоязычной версии списка литературы ("References") описания всех неанглоязычных публикаций должны быть переведены на английский язык. При этом в скобках после описания публикации должен быть указан ее оригинальный язык. Например: (In Russ.).
14. Порядок расположения публикаций в списке литературы и "References" идентичен.
15. Транслитерация неанглоязычных имен и фамилий выполняется по стандарту BSI (British Standards Institution). Образец оформления рукописи, включая список литературы и "References", доступен на сайте журнала.
16. При наличии у цитируемой публикации идентификатора цифрового объекта (DOI), его необходимо указывать. Например: **https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2017.05.009.**
17. Объем статьи – от 0,5 до 1,0 п.л. (от 20 до 40 тыс. зн. с пробелами). Объём других материалов – до 0,3 п.л.
18. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (jpeg, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Для всех подписей в графиках использовать только шрифт Arial Narrow.
19. Указание источника иллюстраций – обязательно.
20. Русскоязычные заголовки иллюстраций обязательно сопровождаются переводом на английский язык.
21. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
22. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: **ojkum@rambler.ru**).

Статьи проходят обязательное рецензирование.
Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.
Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.
Плата за публикацию не взимается.

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2024 № 2 (69)

Подписано к печати 03. 06. 2024 г. Вышло в свет 21. 06. 2024 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 15,40. Уч. -изд. л. 17,05. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВВГУ
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Индекс 79089

